

801-15
922
Джонъ Ингрэмъ.

ИСТОРІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. И. Янжула,

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Издание К. М. Солдатенкова.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

МОСКВА.

Типографія М. П. Щепкина, Арбатъ, домъ Каринской.
1891.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

(ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ.)

- Брайса, Дж. Американская республика. 3 части, Пер. В. Н. Невьдомскаго. М. 1890. Ц. 10 р. 50 к.
- Буасье, Газтона. Римская религія. Пер. М. Корсакъ. М. 1878 г. Ц. 5 р.
- — Цицеронъ и его друзья — — М. 1880 г. Ц. 2 р.
- Бэна, А. Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. А. Грузинскаго. М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бэра. Исторія всемірной торговли. 3 части. Переводъ Э. Диммермана. М. 1876 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Вебера, Г. Всеобщая исторія. Т. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII. М. 1890 г. Ц. за 12 т. 57 р. 50 к.
- Вегеле, Франца. Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Пер. А. Н. Весселовскаго. М. 1881 г. Ц. 3 р.
- Вейса. Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ. 5 частей (съ 1945-ю рисунками въ текстъ) въ пер. В. Часва и И. Васильева. М. 1879 г. Ц. 20 р.
- Винторова, П. Ученіе о личности, вып. 1-й, М. 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гайма, Р. Гердеръ, его жизнь и сочиненія. Пер. В. Невьдомскаго. М. 1888. Т. I и II. Ц. 10 руб.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невьдомскаго. М. 1891 г. Цѣна 5 руб.
- Гартмана. Сущность мірового процесса или философія бессознательнаго. А. Козлова. т. II. М. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Геттнера. Исторія всеобщей литературы XIII вѣка. Т. III, кн. I и III. М. 1872 г. Ц. 4 р. 75 к.
- Гиббона, Э. Исторія упадка и разруш. Римской имперіи, съ портретомъ автора. Пер. В. Невьдомскаго. Т. I, II, III, IV, V, VI и VII. М. 1885 г. Цѣна 26 руб.
- Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. П. Г. Виноградова. М. 1877 г. Ц. 4 р.
- Гнейста, Руд. Исторія государств. учреждений Англій. Пер. съ нѣмецкаго, С. Ветерова. М. 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Давидъ-Совано, А. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и въ искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. М. 1891. Ц. 2 р.
- Дройзена. Исторія эллинизма, Т. I. Пер. М. Шемурова. М. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Забѣлина, И. Е. Кунцево и древній Сѣтунскій ставъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
- Зибера, Н. И. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883 года. Ц. 4 р. 50 к.
- Игеринга. Борьба за право. Пер. П. Волкова. М. 1872 г. Ц. 75 к.
- Инграмъ, Дж. Исторія политической экономіи. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей проф. П. И. Янжула. Ц. 1 р. 50 к.

(См. 3-ю страницу обложки.)

Джонъ Инграмъ.

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

И. И. ЯНЖУЛА,

ПРОФЕССОРА МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

26092-0

МОСКВА.

Типографія М. П. Щепкина, Арбатъ, домъ Каринской.
1891.

ДЛЯ ПЕЧАТИ И ПРОДАЖИ

РИЧТОН

ИМПЕРАТОРСКОГО МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

По определению юридического факультета Императорского Московского
Университета, состоявшемуся 7-го марта 1891 года, печатать разрешается.

Декан В. Леонович.

ПОДПИСАТЕЛЬ

И. И. РИЧТОН

ПРОФЕССОР МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

0-28022

2014141975

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стран.
Отъ Редактора русскаго перевода.	V
Отъ Автора.	1
Глава I Введение.	5
" II Древнее время	11
" III Средние вѣка.	32
" IV Новое время: первый и второй периодъ.	42
" V Третій периодъ новой исторіи: система естественной свободы.	71
" VI Историческая школа.	254
" VII Заключение.	313
Указатель именъ.	323

The present position and prospects of Political Economy, being the introductory address delivered in the section of Economic Science and Statistics of the British Association for the Advancement of Science at Birmingham at Dublin in 1878 by the President of the Section John A. Burgin, President of the Statistical and Social Inquiry Society of Ireland, London, 1878.

СОДЕРЖАНИЕ

7	Предисловіе переводчика
1	Отечественная война 1812 года
5	Восстание декабристов
11	Восстание в Польше
17	Восстание в Венгрии
21	Восстание в Италии
25	Восстание в Испании
29	Восстание в Греции
33	Восстание в Бразилии
37	Восстание в Мексике
41	Восстание в Перу
45	Восстание в Чили
49	Восстание в Аргентине
53	Восстание в Венесуэле
57	Восстание в Колумбии
61	Восстание в Эквадоре
65	Восстание в Перу (продолжение)
69	Восстание в Чили (продолжение)
73	Восстание в Аргентине (продолжение)
77	Восстание в Венесуэле (продолжение)
81	Восстание в Колумбии (продолжение)
85	Восстание в Эквадоре (продолжение)
89	Восстание в Перу (продолжение)
93	Восстание в Чили (продолжение)
97	Восстание в Аргентине (продолжение)
101	Восстание в Венесуэле (продолжение)
105	Восстание в Колумбии (продолжение)
109	Восстание в Эквадоре (продолжение)
113	Восстание в Перу (продолжение)
117	Восстание в Чили (продолжение)
121	Восстание в Аргентине (продолжение)
125	Восстание в Венесуэле (продолжение)
129	Восстание в Колумбии (продолжение)
133	Восстание в Эквадоре (продолжение)
137	Восстание в Перу (продолжение)
141	Восстание в Чили (продолжение)
145	Восстание в Аргентине (продолжение)
149	Восстание в Венесуэле (продолжение)
153	Восстание в Колумбии (продолжение)
157	Восстание в Эквадоре (продолжение)
161	Восстание в Перу (продолжение)
165	Восстание в Чили (продолжение)
169	Восстание в Аргентине (продолжение)
173	Восстание в Венесуэле (продолжение)
177	Восстание в Колумбии (продолжение)
181	Восстание в Эквадоре (продолжение)
185	Восстание в Перу (продолжение)
189	Восстание в Чили (продолжение)
193	Восстание в Аргентине (продолжение)
197	Восстание в Венесуэле (продолжение)
201	Восстание в Колумбии (продолжение)
205	Восстание в Эквадоре (продолжение)
209	Восстание в Перу (продолжение)
213	Восстание в Чили (продолжение)
217	Восстание в Аргентине (продолжение)
221	Восстание в Венесуэле (продолжение)
225	Восстание в Колумбии (продолжение)
229	Восстание в Эквадоре (продолжение)
233	Восстание в Перу (продолжение)
237	Восстание в Чили (продолжение)
241	Восстание в Аргентине (продолжение)
245	Восстание в Венесуэле (продолжение)
249	Восстание в Колумбии (продолжение)
253	Восстание в Эквадоре (продолжение)
257	Восстание в Перу (продолжение)
261	Восстание в Чили (продолжение)
265	Восстание в Аргентине (продолжение)
269	Восстание в Венесуэле (продолжение)
273	Восстание в Колумбии (продолжение)
277	Восстание в Эквадоре (продолжение)
281	Восстание в Перу (продолжение)
285	Восстание в Чили (продолжение)
289	Восстание в Аргентине (продолжение)
293	Восстание в Венесуэле (продолжение)
297	Восстание в Колумбии (продолжение)
301	Восстание в Эквадоре (продолжение)
305	Восстание в Перу (продолжение)
309	Восстание в Чили (продолжение)
313	Восстание в Аргентине (продолжение)
317	Восстание в Венесуэле (продолжение)
321	Восстание в Колумбии (продолжение)
325	Восстание в Эквадоре (продолжение)
329	Восстание в Перу (продолжение)
333	Восстание в Чили (продолжение)
337	Восстание в Аргентине (продолжение)
341	Восстание в Венесуэле (продолжение)
345	Восстание в Колумбии (продолжение)
349	Восстание в Эквадоре (продолжение)
353	Восстание в Перу (продолжение)
357	Восстание в Чили (продолжение)
361	Восстание в Аргентине (продолжение)
365	Восстание в Венесуэле (продолжение)
369	Восстание в Колумбии (продолжение)
373	Восстание в Эквадоре (продолжение)
377	Восстание в Перу (продолжение)
381	Восстание в Чили (продолжение)
385	Восстание в Аргентине (продолжение)
389	Восстание в Венесуэле (продолжение)
393	Восстание в Колумбии (продолжение)
397	Восстание в Эквадоре (продолжение)
401	Восстание в Перу (продолжение)
405	Восстание в Чили (продолжение)
409	Восстание в Аргентине (продолжение)
413	Восстание в Венесуэле (продолжение)
417	Восстание в Колумбии (продолжение)
421	Восстание в Эквадоре (продолжение)
425	Восстание в Перу (продолжение)
429	Восстание в Чили (продолжение)
433	Восстание в Аргентине (продолжение)
437	Восстание в Венесуэле (продолжение)
441	Восстание в Колумбии (продолжение)
445	Восстание в Эквадоре (продолжение)
449	Восстание в Перу (продолжение)
453	Восстание в Чили (продолжение)
457	Восстание в Аргентине (продолжение)
461	Восстание в Венесуэле (продолжение)
465	Восстание в Колумбии (продолжение)
469	Восстание в Эквадоре (продолжение)
473	Восстание в Перу (продолжение)
477	Восстание в Чили (продолжение)
481	Восстание в Аргентине (продолжение)
485	Восстание в Венесуэле (продолжение)
489	Восстание в Колумбии (продолжение)
493	Восстание в Эквадоре (продолжение)
497	Восстание в Перу (продолжение)
501	Восстание в Чили (продолжение)
505	Восстание в Аргентине (продолжение)
509	Восстание в Венесуэле (продолжение)
513	Восстание в Колумбии (продолжение)
517	Восстание в Эквадоре (продолжение)
521	Восстание в Перу (продолжение)
525	Восстание в Чили (продолжение)
529	Восстание в Аргентине (продолжение)
533	Восстание в Венесуэле (продолжение)
537	Восстание в Колумбии (продолжение)
541	Восстание в Эквадоре (продолжение)
545	Восстание в Перу (продолжение)
549	Восстание в Чили (продолжение)
553	Восстание в Аргентине (продолжение)
557	Восстание в Венесуэле (продолжение)
561	Восстание в Колумбии (продолжение)
565	Восстание в Эквадоре (продолжение)
569	Восстание в Перу (продолжение)
573	Восстание в Чили (продолжение)
577	Восстание в Аргентине (продолжение)
581	Восстание в Венесуэле (продолжение)
585	Восстание в Колумбии (продолжение)
589	Восстание в Эквадоре (продолжение)
593	Восстание в Перу (продолжение)
597	Восстание в Чили (продолжение)
601	Восстание в Аргентине (продолжение)
605	Восстание в Венесуэле (продолжение)
609	Восстание в Колумбии (продолжение)
613	Восстание в Эквадоре (продолжение)
617	Восстание в Перу (продолжение)
621	Восстание в Чили (продолжение)
625	Восстание в Аргентине (продолжение)
629	Восстание в Венесуэле (продолжение)
633	Восстание в Колумбии (продолжение)
637	Восстание в Эквадоре (продолжение)
641	Восстание в Перу (продолжение)
645	Восстание в Чили (продолжение)
649	Восстание в Аргентине (продолжение)
653	Восстание в Венесуэле (продолжение)
657	Восстание в Колумбии (продолжение)
661	Восстание в Эквадоре (продолжение)
665	Восстание в Перу (продолжение)
669	Восстание в Чили (продолжение)
673	Восстание в Аргентине (продолжение)
677	Восстание в Венесуэле (продолжение)
681	Восстание в Колумбии (продолжение)
685	Восстание в Эквадоре (продолжение)
689	Восстание в Перу (продолжение)
693	Восстание в Чили (продолжение)
697	Восстание в Аргентине (продолжение)
701	Восстание в Венесуэле (продолжение)
705	Восстание в Колумбии (продолжение)
709	Восстание в Эквадоре (продолжение)
713	Восстание в Перу (продолжение)
717	Восстание в Чили (продолжение)
721	Восстание в Аргентине (продолжение)
725	Восстание в Венесуэле (продолжение)
729	Восстание в Колумбии (продолжение)
733	Восстание в Эквадоре (продолжение)
737	Восстание в Перу (продолжение)
741	Восстание в Чили (продолжение)
745	Восстание в Аргентине (продолжение)
749	Восстание в Венесуэле (продолжение)
753	Восстание в Колумбии (продолжение)
757	Восстание в Эквадоре (продолжение)
761	Восстание в Перу (продолжение)
765	Восстание в Чили (продолжение)
769	Восстание в Аргентине (продолжение)
773	Восстание в Венесуэле (продолжение)
777	Восстание в Колумбии (продолжение)
781	Восстание в Эквадоре (продолжение)
785	Восстание в Перу (продолжение)
789	Восстание в Чили (продолжение)
793	Восстание в Аргентине (продолжение)
797	Восстание в Венесуэле (продолжение)
801	Восстание в Колумбии (продолжение)
805	Восстание в Эквадоре (продолжение)
809	Восстание в Перу (продолжение)
813	Восстание в Чили (продолжение)
817	Восстание в Аргентине (продолжение)
821	Восстание в Венесуэле (продолжение)
825	Восстание в Колумбии (продолжение)
829	Восстание в Эквадоре (продолжение)
833	Восстание в Перу (продолжение)
837	Восстание в Чили (продолжение)
841	Восстание в Аргентине (продолжение)
845	Восстание в Венесуэле (продолжение)
849	Восстание в Колумбии (продолжение)
853	Восстание в Эквадоре (продолжение)
857	Восстание в Перу (продолжение)
861	Восстание в Чили (продолжение)
865	Восстание в Аргентине (продолжение)
869	Восстание в Венесуэле (продолжение)
873	Восстание в Колумбии (продолжение)
877	Восстание в Эквадоре (продолжение)
881	Восстание в Перу (продолжение)
885	Восстание в Чили (продолжение)
889	Восстание в Аргентине (продолжение)
893	Восстание в Венесуэле (продолжение)
897	Восстание в Колумбии (продолжение)
901	Восстание в Эквадоре (продолжение)
905	Восстание в Перу (продолжение)
909	Восстание в Чили (продолжение)
913	Восстание в Аргентине (продолжение)
917	Восстание в Венесуэле (продолжение)
921	Восстание в Колумбии (продолжение)
925	Восстание в Эквадоре (продолжение)
929	Восстание в Перу (продолжение)
933	Восстание в Чили (продолжение)
937	Восстание в Аргентине (продолжение)
941	Восстание в Венесуэле (продолжение)
945	Восстание в Колумбии (продолжение)
949	Восстание в Эквадоре (продолжение)
953	Восстание в Перу (продолжение)
957	Восстание в Чили (продолжение)
961	Восстание в Аргентине (продолжение)
965	Восстание в Венесуэле (продолжение)
969	Восстание в Колумбии (продолжение)
973	Восстание в Эквадоре (продолжение)
977	Восстание в Перу (продолжение)
981	Восстание в Чили (продолжение)
985	Восстание в Аргентине (продолжение)
989	Восстание в Венесуэле (продолжение)
993	Восстание в Колумбии (продолжение)
997	Восстание в Эквадоре (продолжение)

ОТЪ РЕДАКТОРА
РУССКАГО ПЕРЕВОДА.

Проф. Дублинскаго Университета *Джонъ Ингрэмъ*, авторъ настоящаго сочиненія, принадлежитъ къ такимъ ученымъ, которые мало писали и, тѣмъ не менѣе, достоинствомъ многихъ сдѣланныхъ ими работъ успѣли завоевать себѣ почетное имя въ наукѣ. Единственное извѣстное произведеніе Ингрэма, вышедшее въ свѣтъ за десять лѣтъ до настоящаго труда, составляетъ брошюра „О настоящемъ положеніи политической экономіи“, заключающая въ себѣ рѣчь автора, сказанную на годичномъ засѣданіи въ Дублинѣ Британскаго Общества споспѣшествованія наукамъ *). Рѣчь эта, надѣлавшая въ то время весьма много шума и сразу обратившая общее вниманіе на даровитаго ученаго, содержитъ въ себѣ обстоятельное изложеніе тѣхъ возраженій, которыя можно сдѣлать противъ существующей науки народнаго хозяйства, изображеніе тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ воззрѣніяхъ англійской публики на роль и значеніе политической экономіи, и, наконецъ, весьма тонкій и остроумный отпоръ нѣкоторымъ слишкомъ усерднымъ критикамъ современной экономической науки. Какъ всякое выдающееся произведеніе, книжка Ингрэма нашла многихъ противниковъ и вызвала въ свою очередь не мало критикъ и замѣчаній отъ людей весьма извѣстныхъ, какъ, напр., Роберта Лоу, что еще болѣе способствовало, конечно, извѣстности автора *); поэтому первая книжка Ингрэма выдержала много

*) The present position and prospects of Political Economy, being the introductory Address delivered in the section of Economical Science and Statistics of the British Association for the Advancement of Science at its meeting at Dublin in 1878 by the President of the Section *John K. Ingram*, President of the statistical and Social Inquiry Society of Ireland. London. 1878.

изданій, какъ въ Англии, такъ и въ Америкѣ, и была переведена немедленно на иностранные языки. Оставляя въ сторону превосходный и весьма остроумный его разборъ слабыхъ пунктовъ политической экономіи, такъ какъ, по существу, большую часть сдѣланныхъ имъ возраженій можно встрѣтить и раньше въ произведеніяхъ нѣмецкой исторической школы и у извѣстнаго Огюста Конта, приведемъ лишь заключеніе, или „философскіе выводы“, по его выраженію, къ которымъ онъ пришелъ. Они слѣдующіе:

1) Изученіе экономическихъ феноменовъ общества должно соединяться съ изученіемъ и прочихъ сторонъ социальнаго организма.

2) Крайнее стремленіе къ абстракціи и поспѣшнымъ обобщеніямъ должно быть избѣгаемо.

3) Априорный дедуктивный методъ долженъ быть измѣненъ на историческій.

4) Экономическіе законы и практическія предписанія, построенныя на этихъ законахъ, должны выражаться въ менѣе абсолютной формѣ.

Особое вниманіе изъ этихъ выводовъ обращаетъ первый пунктъ, наилучшимъ образомъ уясняющій то положеніе, которое должна занять политическая экономія, по воззрѣніямъ Ингрэма, среди общественныхъ наукъ. Всѣ экономическія явленія, говоритъ онъ, находятся подъ столь разнообразными и разнохарактерными вліяніями, что невозможно выдѣлить тѣ изъ нихъ, которыя собственно имѣютъ экономическій характеръ, и точно оцѣнить значеніе этого одного фактора. *Только изученіе совокупности всѣхъ многообразныхъ условій можетъ создать фундаментъ для научнаго разрѣшенія любого экономического вопроса.* „Медикъ, говоритъ Ингрэмъ, который вздумалъ бы изучать лишь одинъ какой нибудь органъ тѣла съ его функцией, получилъ бы выводы неудовлетворительные даже для терапевтики изучаемаго органа. Врачъ, который трактуетъ всякую болѣзнь какъ чисто мѣстную, игнорируя общее состояніе пациента, — есть шарлатанъ, и точно также тотъ, кто игнорируетъ взаимное дѣйствіе физической и духовной стороны человѣка, тотъ не врачъ, а коноваль.“ Тѣ же сообра-

*) См. Robert Lowe: „Recent Attacks on Political Economy“, въ „Nineteenth Century“, 1878, November.

женія, по словамъ Ингрэма, совершенно приложимы *mutatis mutandis* и къ изученію общества. Здѣсь, утверждаетъ онъ, слѣдуя Огюсту Конту, существуетъ лишь одна наука — социологія, отдѣльныя главы которой посвящены изученію различныхъ сторонъ социальнаго организма. Политическая экономія, слѣдовательно, — не болѣе, какъ часть социологіи, и немнѣе слима какъ отдѣльная наука: изученіе экономическихъ феноменовъ составляетъ лишь одну главу социологіи, главу, которая находится въ тѣсной связи со всеми остальными. Тѣ изъ экономистовъ, которые наименѣе забывали объ этомъ и старались обхватить при изученіи наибольшее количество феноменовъ, нѣтъ сомнѣнія, находятся ближе остальныхъ къ истинной научной постановкѣ вопроса.

Такова сущность важнѣйшихъ выводовъ, перваго труда Ингрэма, за который онъ, по справедливости, получилъ названіе представителя *позитивной школы* политической экономіи. Считаю, однако, съ нѣмецкими учеными, историческій методъ какъ главнѣйшій и болѣе плодотворный при изученіи экономическихъ законовъ, онъ, въ то же время, однако, далеко отъ мысли превратить политико-экономическія изслѣдованія въ сборникъ сырыхъ фактовъ, и, въ отличіе отъ германской школы, Ингрэмъ стремится установить изученіе этой науки, по возможности, въ тѣсной связи съ разнообразными отраслями обширной науки объ обществѣ (социологіи).

Десять лѣтъ спустя, въ 1888 году, появился новый трудъ Ингрэма, нынѣ предлагаемый русскимъ читателямъ, „Исторія Политической Экономіи“, которая первоначально входила въ качествѣ статьи въ огромную Британскую Энциклопедію (*Encyclopaedia Britannica*), а затѣмъ, послѣ нѣкоторой переработки, вышла отдѣльной книгой и окончательно упрочила ученую репутацію автора. Въ такой переходный періодъ, какой переживаетъ до настоящаго времени политическая экономія, написать удовлетворительно ея исторію можетъ считаться конечно, предпріятіемъ, по многимъ причинамъ, весьма труднымъ. Во-первыхъ, распатанное зданіе классической политической экономіи, созданной трудами Адама Смита, Рикардо и ихъ ближайшими преемниками, подрываетъ вѣру почти во всѣ ея важнѣйшія положенія, или, по крайней мѣрѣ, возбуждаетъ въ настоящее время сомнѣнія даже въ относительно значеніи большинства такъ называемыхъ экономическихъ за-

коновъ. Во-вторыхъ, самые предѣлы или границы науки народнаго хозяйства являются нынѣ до крайности неопредѣленными, и если нѣкоторые ученые уже давно свели политическую экономію на науку о рынкѣ или мнѣнъ, то зато другіе стараются ее раздвинуть до предѣловъ социологій. Разобравшись въ этомъ различіи мнѣній, установить твердыя положенія прежде, чѣмъ начать писать исторію самой науки, является, разумѣется, необходимымъ и, въ то же время, дѣломъ крайне сложнымъ и затруднительнымъ.

Ингрэмъ успѣшно одолѣлъ почти все эти трудности. Во-первыхъ, онъ постарался дать новую постановку политической экономіи, согласно воззрѣніямъ на науку, изложеннымъ нами выше, еще въ 1878 году. Прежде всего онъ указалъ на необходимость отрѣшиться отъ тѣхъ индивидуальных и субъективныхъ точекъ зрѣнія, которыя лежали въ основѣ ненаучнаго характера „ортодоксальной школы“ политической экономіи. Каждый изслѣдователь-экономистъ долженъ всегда неукомственно имѣть въ виду, что богатство — этотъ главнѣйшій предметъ изслѣдованія, этотъ, такъ сказать, центръ тяжести всей экономической науки, служить лишь къ поддержанію и развитію общества, а не является цѣлью „само по себѣ“. Далѣе, законы богатства слѣдуетъ выводить изъ фактовъ богатства, а не изъ посылки о человѣческомъ себялюбіи. Отсюда истекаетъ положительная необходимость историческаго изученія экономическихъ явленій. Во-вторыхъ, политическая экономія, какъ о томъ училъ Ингрэмъ еще десять лѣтъ назадъ, является лишь частью социологій, но частью *самостоятельной* и, слѣдовательно, уже по этому одному, не допускающей никакихъ абсолютныхъ выводовъ и положеній. Въ-третьихъ, онъ ограничился въ своемъ трудѣ лишь историческимъ очеркомъ однѣхъ экономическихъ идей, или обзоромъ развитія экономической мысли по разнымъ странамъ, но въ ихъ внутренней связи, одинаково не входя ни въ подробное изложеніе *всѣхъ* представителей литературы этой науки, ни въ описаніе самой экономической жизни въ ея исторической послѣдовательности. Въ данномъ отношеніи Ингрэмъ довольствуется лишь тѣмъ, что намѣчаетъ, указываетъ важнѣйшія событія, которыя отпечатлѣвались на исторіи экономическаго мышленія, не вдаваясь въ ихъ подробное изложеніе.

Благодаря такому плану и приемамъ изслѣдованія, „Исторія

Политической Экономіи“ Ингрэма отличается столькими положительными достоинствами сравнительно со всеми его предшественниками въ родѣ трудовъ Бланки, Каутца и др. по исторіи экономіи, что оставляетъ ихъ далеко позади себя. Издаваемая нынѣ книга Ингрэма не только дастъ истинную, критически обработанную исторію экономической мысли всего цивилизованнаго человѣчества въ связи, до нѣкоторой степени, со всей совокупностью условій времени, ее создавшихъ, но и сообщаетъ должную оцѣнку наиболѣе крупныхъ литературныхъ явленій, ихъ взаимодействие и вліяніе, подъ которыми они были порождены, ихъ относительную, въ данныя эпохи, важность и тѣ части воззрѣній, которыя не утратили своего значенія и по настоящее время. Такимъ образомъ въ цѣломъ книга Ингрэма представляетъ собой безспорно лучшій и притомъ философскій очеркъ по исторіи науки народнаго хозяйства, какой въ настоящее время существуетъ лишь во всей европейской литературѣ. Вышедшій только въ этомъ мѣсяцѣ небольшой трудъ Прайса „Краткая исторія политической экономіи въ Англии“, хотя имѣетъ свои достоинства, но значительно уступаетъ Ингрэму по широтѣ своего плана и задачъ, и отличается отъ него по самому характеру и свойствамъ изложенія *). „Краткая исторія“ Прайса содержитъ въ себѣ очеркъ ученій выдающихся англійскихъ экономистовъ, въ связи съ ихъ біографіями, а не историко-философское изслѣдованіе развитія всемірно-экономической мысли, какъ это имѣетъ мѣсто въ „Исторіи Политической Экономіи“ Дублинскаго профессора. Ко всеѣмъ этимъ внутреннимъ достоинствамъ труда Ингрэма присоединяется и чисто внѣшнее — умѣнье его излагать предметъ изслѣдованія крайне сжато и толково, почему въ маломъ объемѣ онъ умѣетъ передать весьма много содержанія, поистинѣ заслуживая эпиграфа: *non multum, sed multa*.

„Исторія Политической Экономіи“ Ингрэма имѣетъ, конечно, и свои недостатки, но причины ихъ лежатъ почти всегда воли автора. Такъ, въ изложеніи экономическихъ ученій имъ совершенно опускаются изъ вниманія труды социалистовъ

*) A short History of Political Economy in England from Adam Smith to Arnold Toynbee. By L. L. Price. London. Methuen and Co (University Extension Series). 1891.

всѣхъ партій, отчасти, можетъ-быть, потому, что социализмъ имѣетъ преимущественно лишь отрицательное въ наукѣ значеніе, а, главнымъ образомъ, нѣтъ сомнѣнія, благодаря самому назначенію работы Ингрэма, написанной первоначально, какъ было объяснено выше, для „Британской Энциклопедіи“. Отдѣлъ о социализмѣ былъ уже порученъ редакціей другому лицу, Кёркёпу, который, помѣстивши его тамъ же, подобно Ингрэму, выпустилъ впоследствии отдѣльной книгой, представляющей, такимъ образомъ, какъ бы дополненіе къ настоящей „Исторіи Политической Экономіи“ *). Другимъ недостаткомъ — специально для русской публики — можно, пожалуй, считать отсутствіе въ книгѣ Ингрэма указаній на русскую исторію экономической науки, кромѣ упоминанія объ Иванѣ Посошковѣ и о Шторхѣ, что объясняется, разумѣется, незнакомствомъ автора съ русскимъ языкомъ, на которомъ, впрочемъ, до настоящаго времени еще и не имѣется никакого собственного очерка исторіи по этому предмету. Не принимая на себя труда пополнить этотъ пробѣлъ и написать исторію экономической мысли въ Россіи, что могло бы составить лишь предметъ самостоятельнаго изслѣдованія, требующаго затраты большаго времени, я ограничиваюсь здѣсь лишь послѣдними указаніями, въ предисловіи „Отъ автора“ и въ особыхъ примѣчаніяхъ и цитатахъ отъ себя въ самой книгѣ, на немногочисленные у насъ историческіе труды, какъ оригинальные, такъ и переводы иностранныхъ писателей, а также нѣкоторыя самостоятельныя изслѣдованія **).

*) *Thomas Kirkup*: „An Inquiry into Socialism“. London. 1888.

**) Въ интересахъ занимающихся политической экономіей, считаю небезполезнымъ, по крайней мѣрѣ, перечислить здѣсь кстати главнѣйшія русскія руководства по экономической наукѣ, которыя могутъ служить пособіемъ при изученіи предмета. Изъ старыхъ первое мѣсто занимаютъ „Начала политической экономіи“, соч. *Ив. Горлова*, въ 2-хъ томахъ. Спб., 1862 года, весьма недурной для своего времени учебникъ. Еще выше его, впрочемъ, „Публичныя лекціи политической экономіи, читанныя проф. *И. К. Бабстолъ* въ залѣ Практической Академіи коммерческихъ наукъ въ Москвѣ“. Напечатаны въ приложеніи къ журналу „Вѣстникъ Промышленности“ въ 60 хъ годахъ; десять лекцій въ пяти выпускахъ, написанныя популярно и весьма талантливо, со множествомъ иллюстрацій изъ русской жизни. Его же неоконченный учебникъ — „Изложеніе началъ народнаго хозяйства“, т. I, вып. 1-й. Москва, 1872 г.

Изъ современныхъ учебниковъ лучшими могутъ почитаться: *Л. В. Ходскова*, „Политическая экономія въ связи съ финансами“. Второе изданіе.

Переводъ настоящаго труда сдѣланъ магистрантомъ политической экономіи при Московскомъ университетѣ А. Н. Миглашевскимъ и мною прочитанъ и свѣренъ съ оригиналомъ. Указанное выше достоинство Ингрэма — сжатость его языка — въ данномъ случаѣ представляла для переводчика немалыя затрудненія, и въ тѣхъ видахъ, чтобы не жертвовать смысломъ для ясности, пришлось намъ нѣсколько разъ (хотя въ сравнительно немногихъ случаяхъ) добавить текстъ собственными дополненіями, обыкновенно помѣщенными въ скобкахъ или подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Проф. Ингрэмъ, съ которымъ я счелъ долгомъ въживности списаться по поводу намѣренія перевести его книгу на русскій языкъ, выразилъ полное свое сочувствіе по этому предмету и лишь сожалѣетъ о своемъ незнакомствѣ съ русскимъ языкомъ, что помѣшало ему ввести въ планъ книги соотвѣтственный очеркъ русской литературы экономической науки. Единновременно съ настоящимъ русскимъ переводомъ готовится къ появленію въ свѣтъ, увѣдомляетъ авторъ, также и переводы этой книги на французскій, итальянскій и японскій языки.

Иванъ Янжуль.

Москва,
мартъ 1891 года.

Спб. 1887 г. *И. И. Иванюкова*, „Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій“. Третье изданіе. Москва, 1890 г. *А. И. Чупрова*, „Курсъ лекцій политической экономіи“ (студенческое изд.). Москва, 1890—91 г. Кромѣ того два учебника проф. *Э. Вредена*: „Курсъ политической экономіи“. 2-ое изданіе. Спб., 1880 г., и „Начальный учебникъ политической экономіи“. Спб., 1876 г. *М. Н. Капустина*, „Чтенія о политической экономіи и финансахъ“. Ярославль, 1879 г. *А. Я. Антоновича*, „Курсъ политической экономіи“. Кіевъ, 1886 г. *П. И. Георгиевскаго*, „Пособіе къ лекціямъ по политической экономіи“. Спб. 1890 г. *Д. И. Писно*, „Основанія политической экономіи“. Вып. 1-й, Кіевъ, 1890 г.

столь же свойственной ему превратности толкования многих вопросов и характерно по своему пренебрежительному отношению ко многим достойным писателям экономической науки. Guida allo studio dell'Economia Politica, *Косса* (*Luigi Cossa*, 1876 и 1878, англійскій переводъ—1880, нѣмецкій—1880 года). Geschichte der Nationalökonomik, *Эйзенхарта* (*H. Eisenhart*) 1881 года, сильный и оригинальный очеркъ по исторіи политической экономіи. Наконецъ, укажемъ еще на краткую, но прекрасно написанную, исторію политической экономіи *Шееля* (*H. von Scheel*); трудъ этотъ помѣщенъ въ „Handbuch der Politischen Oekonomie“ (крупная энциклопедія экономическихъ наукъ во всемъ ихъ объемѣ и примѣненіи); издана *Густавомъ Шёнбергомъ* (*Gustav Schönberg*) въ 1882 году (второе изданіе 1886 года). Къ этимъ историческимъ трудамъ слѣдуетъ присоединить трудъ *Макъ-Коллоха* (*J. R. M. Culloch*) 1845 г.—The Literature of Political Economy, заслуживающій быть переизданнымъ въ дополненномъ и доведенномъ до нашего времени видѣ; нѣкоторыя біографическія и критическія замѣтки *Дэра* (*Eugène Daire*) и другихъ въ „Collection des principes économiques“; нѣкоторыя статьи изъ Dictionnaire de l'Economie Politique, *Гильомена* (*Coquelin et Guillaumin*) 1852—53 года, 3-е изданіе—1864 года), о которомъ Девонсъ совершенно справедливо отозвался какъ объ одномъ изъ самыхъ лучшихъ справочныхъ трудовъ по литературѣ данной науки. Тотъ же *Гильомень* началъ въ 1890 году изданіе новаго экономического словаря, который также содержитъ въ себѣ обширныя историческія свѣдѣнія. Редакторами этого изданія состоятъ *Леонъ Сэ* и *Жю-Шайле* (*Nouveau Dictionnaire d'Economie Politique, publié sous la direction de M. Léon Say et de M. Joseph Chailley, Paris 1890*).
 II. *Спеціальная исторія: Италия.* Storia dell'Economia Pubblica in Italia, ossia Epilogo critico degli Economisti Italiani, графа *Пеккьо* (*Giuseppe Pecchio*, 1829 года), помѣщенное какъ приложеніе къ собранію „Scrittori classici italiani di Economia Politica“, *Кустоди* (*Baron Custodi*) въ 50 томахъ; въ этомъ собраніи помѣщены труды итальянскихъ экономистовъ съ 1582 по 1804 годъ; французскій переводъ труда *Пеккьо* *Паллуа* (*Leonard Gallois*, 1830); книга не безъ цѣны, но часто поверхностна и риторична.
 III. *Русское сочиненіе по исторіи политической экономіи въ*

Италіи: *И. Вернадскій* „Критико-историческое изслѣдованіе объ итальянской политико-экономической литературѣ до начала 19 вѣка“. Москва, 1849. Какъ единственная въ своемъ родѣ въ русской литературѣ, книга эта, хотя нѣсколько и устарѣвшая, и составленная преимущественно по Пеккьо, не потеряла интереса и для настоящаго времени.
 IV. *Испанія.* Storia della Economia Politica in Espana (1863), сочиненіе *Коммейро* (*M. Colmeiro*); это скорѣе исторія экономической жизни, чѣмъ экономической науки, исторія политики и учреждений, чѣмъ исторія теорій и литературныхъ трудовъ.
 V. *Германія.* Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland (1874 года), сочиненіе *Вильгельма Рошера*, обнаруживающее огромную начитанность автора; въ немъ есть нѣсколько случайныхъ отступленій, въ которыхъ трактуется и о другихъ экономическихъ литературахъ. Die neuere Nationalökonomie in ihren Hauptrichtungen, сочиненіе *Мейера* (*Moritz Meyer*, 3-е изданіе 1883 г.), полезная книга, почти исключительно посвященная обзорѣ новѣйшей германской экономической литературы и политики (издана въ русскомъ переводѣ въ 1890 г.).
 VI. *Англія.* Zur Geschichte der Englischen Volkswirtschaftslehre, сочиненіе того же *Вильгельма Рошера* (1851—52 гг.). Читателю слѣдуетъ обратиться также къ девятому изданію Британской Энциклопедіи, въ особенности къ содержащимся въ ней статьямъ о Петти, Кэнэ, Тюрго, Смитѣ, Сэ и Рикардо.
 VII. *Россия.* Сравнительно съ прочими странами литература еще довольно бѣдная. Изъ историческихъ трудовъ по политической экономіи заслуживаютъ упоминанія слѣдующія:
 I. *И. Вернадскій.* Очеркъ исторіи политической экономіи. СПб. 1858. Совершенно устарѣла и сохраняетъ лишь историческій интересъ.
 II. *Н. Х. Буте.* Полицейское право. Книга I, Кіевъ, 1873. Въ этомъ курсѣ помѣщенъ историческій очеркъ экономическихъ ученій, въ небольшомъ объемѣ, но хорошо составленный и заключающій въ себѣ изложеніе ученій, начиная съ классической древности и до исторической, или, какъ ее авторъ называетъ, положительной школы.
 III. *Ю. Жуковскій.* Исторія политической литературы. СПб. 1871. Весьма цѣнное и солидное изслѣдованіе. Содержитъ въ себѣ изложеніе ученій *Ло*, *А. Смита*, *Бентама*, *Мальтуса*, *Сэ*, и частію *Рикардо* и др., ученіе послѣдняго—о цѣнности авторъ

пытается разъяснить при посредствѣ математическихъ приемовъ; отъ другихъ же можно указать также изъ трудовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ писателямъ или эпохамъ, на слѣдующія русскія монографіи:

А. Гейсмана (О сущности основнаго физиократическаго ученія. Кіевъ, 1849). *Муравьева* и *Афанасьева* (о Тюрго). *Иванюкова* (Основныя положенія теоріи экономической политики съ *А. Смита* и до нашихъ дней. М., 1881, 2 изд.). *Цыхановецкало* (о *Смитѣ*). *Янсона* (Д. Рикардо). *Н. Зиберы* (Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ). *И. Янжула* (Англійская свободная торговля. М., т. I, 1876; т. II, 1882 г.) и другіе*).

Мы должны оговориться предъ читателями, что настоящее сочиненіе въ большей своей части составляетъ воспроизведеніе статьи „Политическая экономія“, появившейся въ 1885 году въ девятнадцатомъ томѣ Британской Энциклопедіи.

Trinity College, Дублинъ.

15 марта 1888 года.

1858. Government of the United Kingdom.

1873. The United Kingdom.

* Старѣйшая русская библиографія по наукѣ народнаго хозяйства помещена въ периодич. *Гр. Сарторіуса* „Начальныя основанія народнаго богатства и государственное хозяйство слѣдующей теоріи Адама Смита“, изданномъ въ Казани, подъ редакціей проф. Петра Кондырева въ 1812 году, см. стр. 244 и далѣе.

Очеркъ исторіи политической экономіи.

Глава I.

ВВЕДЕНІЕ.

При настоящемъ положеніи политической экономіи едва ли являются необходимыми новые догматическіе трактаты по этому предмету. И безъ того мы имѣемъ множество сочиненій, которыя доступны всякому и въ которыхъ, съ большими или меньшими различіями въ подробностяхъ, излагается то, что носитъ названіе „ортодоксальной“ или „классической системы“ политической экономіи. Но какъ въ Англии, такъ и въ другихъ странахъ сильно распространено недовольство этой системой; и вообще замѣчается крайнее разногласіе мнѣній въ отношеніи какъ метода, такъ и самыхъ доктринъ политической экономіи. Очевидно, этотъ отдѣлъ соціальной науки вступилъ въ переходную стадію, и ему предстоитъ въ непродолжительномъ времени испытать значительныя измѣненія. Новый строй мысли, который долженъ замѣнить собою старый или по меньшей мѣрѣ передѣлать его кореннымъ образомъ, еще не успѣлъ вполне выработаться. Въ ожиданіи послѣднѣяго остается ограничиться общимъ обзоромъ пути, уже пройденнаго наукой. Можно думать, что наше положеніе сдѣлается яснѣе, дальнѣйшій прогрессъ науки облегчится, если мы разсмотримъ исторически и съ общей точки зрѣнія послѣдовательность въ развитіи экономической мысли, въ связи съ изученіемъ эпохъ, въ которыя то или другое ученіе зародилось. Такова задача автора настоящаго сочиненія.

Такое изучение экономической мысли вполне гармонируетъ съ лучшими умственными теченіями нашего вѣка, который болѣе, чѣмъ всякій другой, характеризуется преобладаніемъ историческаго направленія. Историческій взглядъ на явленія настолько проникъ въ способы нашего мышленія, что, говоря о какой бы то ни было наукѣ, о какомъ бы то ни было учрежденіи, или о любой человѣческой дѣятельности, мы обращаемъ вниманіе не только на теперешнее ихъ состояніе, но стараемся прослѣдить ихъ возникновеніе и исторію развитія. Утвержденіе Сэя (Say *)), будто исторія политической экономіи имѣетъ мало интереса и значенія, потому что она занимается главнымъ образомъ изложеніемъ абсурдныхъ и справедливо отвергнутыхъ идей, окончательно нынѣ покинуто и не требуетъ даже формальнаго опроверженія **).

Мнѣніе Сэя заслуживаетъ вниманія лишь въ одномъ отношеніи: оно напоминаетъ намъ о необходимости сознавать то глубокое различіе, которое существуетъ между исторіей и занятіями антиквара: историкъ зачастую вовсе не обращаетъ вниманія на то, что педантично изучается антикварами.

Поэтому въ послѣдующемъ изложеніи мы сосредоточимъ все наше вниманіе лишь на тѣхъ видахъ мышленія, которые въ ту или иную эпоху преобладали въ обществѣ, оказывали серьезное вліяніе на жизнь этого общества въ прошедшемъ и въ которыхъ мы можемъ открыть корни настоящаго и будущаго. Если мы станемъ разсматривать и изучать нашу науку съ подобной исторической точки зрѣнія, то будетъ излишне обсуждать самое опредѣленіе науки политической экономіи или распространяться при началѣ ея изученія о наиболее пригодномъ методѣ. Намъ будетъ вполне достаточно въ на-

*) Que pourrions nous gagner à recueillir des opinions absurdes, des doctrines décriées et qui méritent de l'être? Il serait à la fois inutile et fastidieux. Econ. Polit. Pratique, IX-me partie. Слово „cependant“, которое идетъ за этой фразой, не измѣняетъ ея значенія.

**) См. Roscher: „Geschichte der National-Oekonomie in Deutschland“, Goetide.

стоящее время признать политическую экономію теоріей социальнаго богатства, или, принявъ опредѣленіе Сэя, назвать ее наукой о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства. На нѣкоторыя дополнительные идеи, которыя необходимо принять во вниманіе, мы найдемъ указанія при послѣдовательномъ развитіи нашего обзоренія; опредѣленіе же истиннаго метода для экономическихъ изслѣдованій явится главнымъ результатомъ исторической эволюціи науки.

Само собой разумѣется, необходимо явственно различать исторію политической экономіи отъ исторіи экономической жизни всего человѣчества или какой-нибудь его расы. Изученіе послѣдовательности экономическихъ фактовъ—это одно; изученіе послѣдовательности теоретическихъ идей, касающихся этихъ фактовъ,—другое. Мы будемъ заниматься, главнымъ образомъ, изученіемъ экономическихъ идей. Необходимо замѣтить, однако, что какъ ни различны эти два вида изученія, они находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ. Возникновеніе и форма экономическихъ ученій въ сильной степени обусловливались фактической обстановкой, нуждами и тенденціями соответствующихъ ихъ появленію эпохъ. Каждая социальная перемѣна создавала и новые экономическіе вопросы; теоріи, получившія господство въ каждомъ изъ этихъ періодовъ, только потому и оказывали такое сильное вліяніе на общество, что казалось, будто онѣ даютъ рѣшеніе жгучимъ вопросамъ современности. Кроме того, каждый мыслитель, стоялъ ли онъ по своимъ воззрѣніямъ выше или ниже современниковъ, всегда вмѣстѣ съ тѣмъ — дитя своего времени и не можетъ быть выдѣленъ изъ той социальной среды, въ которой ему приходилось жить и дѣйствовать. На него неизбежно будутъ оказывать вліяніе обстоятельства, его окружавшія, и въ особенности практическія потребности, подъ давленіемъ которыхъ жили его сограждане. Эта тѣсная связь, существующая между теоріей и практикой, имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Она какъ бы придаетъ положительный и реальный характеръ

теоретическому изслѣдованію, но въ то же время она сообщаетъ часто преувеличенное значеніе доктринамъ, давая чрезмерное преобладаніе отдѣльнымъ сторонамъ вопроса и заставляя считать преходящее положеніе вещей и временныя мѣры за нормальныя условія, имѣющія постоянное и универсальное примѣненіе.

При изложеніи исторіи развитія экономическихъ воззрѣній нельзя упускать изъ виду и того, что различные отдѣлы и отрасли наукъ объ обществѣ такъ тѣсно связаны между собой, что исторія каждой изъ нихъ не можетъ быть рационально изучаема вполнѣ обособленно, хотя такое изученіе часто рекомендуется и даже практически необходимо. Развитие экономическихъ идей находится подъ постояннымъ и могущественнымъ вліяніемъ, преобладающимъ въ данное время способа мышленія и даже обычнаго отношенія въ обществѣ къ социальнымъ предметамъ вообще. Всѣ интеллектуальныя проявленія извѣстнаго періода въ томъ, что касается человѣческихъ вопросовъ, имѣютъ родственныя характеры, на нихъ лежитъ печать извѣстной однородности, которая уже смутно представляется нашему уму, когда мы говоримъ о духѣ времени. Соціологическія изслѣдованія и экономическія, какъ часть ихъ, находятся къ тому же, какъ относительно метода, такъ и по отношенію къ доктринамъ, подъ сильнымъ вліяніемъ наукъ, возникновеніе которыхъ предшествуетъ развитію наукъ социальныхъ; мы говоримъ о наукахъ естественныхъ.

Въ высшей степени важно помнить объ этихъ разнообразныхъ взаимныхъ отношеніяхъ экономического изслѣдованія, какъ къ внѣшнимъ обстоятельствамъ жизни, такъ и къ другимъ сферамъ мышленія, ибо только при такомъ условіи у насъ получится менѣе абсолютная, а потому и болѣе правильная оцѣнка послѣдовательныхъ фазъ развитія экономическихъ ученій. Въмѣсто восхваленія или порицанія этихъ ученій, смотря по тому, соответствуютъ ли они предвзятой доктринѣ, или нѣтъ, мы будемъ смотрѣть на нихъ какъ на элементы пра-

вильнаго ряда идей, которые должны быть изучаемы въ ихъ родственной связи, со стороны ихъ современности и ихъ вліянія.

Мы не должны думать, будто каждый новый шагъ въ развитіи этихъ теоретическихъ идей предполагаетъ безусловное отрицаніе предшествовавшихъ воззрѣній; послѣднія часто имѣютъ свое относительное значеніе, будучи основаны въ свое время на реальномъ опытѣ, хотя можетъ быть и ограниченнымъ, и оправдываясь существованіемъ иныхъ социальныхъ порядковъ. Нельзя смотрѣть также на всякое вновь установленное теоретическое положеніе какъ на окончательное, ибо практическія системы жизни, которыя являются условіемъ существованія этихъ идей, сами подлежатъ измѣненію и рано или поздно, но испытываютъ его. Въ предѣлахъ очерка, подобнаго настоящему, изложить полностью всѣ соображенія, о которыхъ мы упоминали, конечно, невозможно, но мы попытаемся въ послѣдующемъ изложеніи постоянно имѣть ихъ въ виду и будемъ стараться отмѣтить тѣ отношенія, которыя здѣсь указаны, тамъ, гдѣ ихъ вліяніе особенно важно или интересно. Своеобразное положеніе и тенденціи каждаго изъ тѣхъ мыслителей, имена которыхъ связуются съ экономической наукой, само собой разумѣется, измѣняли въ большей или меньшей степени духъ и формулировку доктринъ. Отношеніе мыслителей къ предшественникамъ, ихъ природный темпераментъ, ихъ воспитаніе, религіозныя и политическія убѣжденія, — все это имѣло свое значеніе. Всѣ эти вліянія въ особенно важныхъ случаяхъ мы должны будемъ отмѣчать; но вообще, по существу, они имѣютъ для насъ лишь подчиненное и вспомогательное значеніе. Совокупное (the ensemble) должно преобладать надъ индивидуальнымъ; поэтому и на творцовъ экономическихъ теорій надо смотрѣть какъ на органы общаго социальнаго и интеллектуальнаго развитія.

Всего удобнѣе раздѣлить исторію экономическихъ ученій на три періода: исторія экономическихъ ученій древняго міра,

средних вѣковъ и новаго времени. Въ первомъ и во второмъ изъ этихъ периодовъ экономическія учения находятся въ самомъ зачаточномъ состояніи. Очевидно, для сколько-нибудь значительнаго развитія социальной теоріи необходимо осуществленіе двухъ условій: во-первыхъ, явленія должны выразиться на достаточно широкомъ районѣ, дающемъ удовлетворительное основаніе для научныхъ обобщеній; во-вторыхъ, самъ наблюдатель явленій долженъ быть подготовленъ къ своему дѣлу, долженъ имѣть подъ руками всѣ необходимыя орудія изслѣдованія или, говоря иначе, предшествующее развитіе болѣе простыхъ наукъ должно доставить и необходимыя положенія и указать истинные методы изслѣдованія. Соціологія пользуется для своихъ цѣлей выводами биологіи и физики; она можетъ, само собой разумѣется, взять ихъ только у людей, занимающихся этими науками; наконецъ, методы, которыми она пользуется, — дедуктивный, наблюдательный и сравнительный, — должны получить предварительное примѣненіе въ трудахъ математиковъ и людей, изучающихъ явленія неорганическаго міра или даже органическаго міра, но меньшей сложности, чѣмъ социальный. Отсюда явствуетъ, что хотя нѣкоторые законы или тенденціи въ обществѣ и должны были во всякое время обращать на себя вниманіе по своей жизненной неотложности, при чемъ возникающіе въ этой области вопросы должны были такъ или иначе разрѣшаться путемъ эмпирики, все-таки же истинно научная соціологія можетъ быть продуктомъ лишь той стадіи развитія, когда человеческая мысль уже болѣе окрѣпла. Это замѣчаніе имѣетъ такое же значеніе для экономіи, какъ и для всѣхъ другихъ отраслей социальной теоріи. Поэтому мы ограничимся лишь небольшимъ очеркомъ характера экономической мысли въ древности и средніе вѣка; укажемъ также вкратцѣ на условія, опредѣлившія этотъ характеръ.

Глава II.

Древнее время.

Первые слѣды экономическаго мышленія мы находимъ у восточныхъ теократій. Общее направленіе этой эпохи социальной жизни заключалось въ томъ, что подражаніе признавалось за основной принципъ воспитанія, и рождающаяся цивилизація основывалась на наследственности различныхъ функций и профессій или даже на системѣ кастъ, іерархически подчиненныхъ одна другой, сообразно свойствамъ соответствующихъ имъ обязанностей, подъ общимъ и высшимъ управленіемъ религіозной касты. Эта послѣдняя владела передававшимся изъ рода въ родъ запасомъ понятій и примѣняла ихъ въ цѣляхъ общественной дисциплины. Она стремилась достигнуть полного регулированія человеческой жизни, положивъ въ основаніе его опредѣленный запасъ практическихъ идей, передававшійся также изъ поколѣнія въ поколѣніе. Консерватизмъ — вотъ существенная черта этого порядка, а наиболѣе замѣчательнымъ свойствомъ него слѣдуетъ признать устойчивость, которая имѣетъ склонность вырождаться въ застои. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что многія полезныя искусства, хотя и медленно, но развивались при этомъ порядкѣ; отъ него они въ послѣдствіи перешли по наследству къ другимъ народамъ. Нельзя отрицать, что правители теократій заботились также въ свое время и о развитіи промышленности, которая не грозила имъ подобно войнѣ созданіемъ враждебнаго класса въ ущербъ ихъ политическому преобладанію. Но раз-

сматривая жизнь народа во всемъ ея цѣломъ и поставивъ главной своей задачей ея регулирование, они, естественно, болѣе всего обращали вниманія на социальное воздѣйствіе, которое промышленность склонна оказывать. Поэтому, вниманіе этихъ властителей обыкновенно обращено на нравственную сторону экономіи или на экономическую сторону нравственности (что не одно и то же). Предписанія ихъ направлены, главнымъ образомъ, противъ жадности и погони за богатствомъ, это тѣ предписанія, на которыя религія и философія всегда и во все вѣка смотрѣла какъ на нѣчто необходимое. Они настойчиво рекомендуютъ честность въ торговлѣ, правильность мѣръ и вѣсовъ, соблюденіе договоровъ; ихъ увѣщанія направлены противъ гордости и надменности, которая порождается богатствомъ, противъ чрезмерной расточительности и самоуслажденія; они требуютъ справедливости и милосердія къ слугамъ и низшимъ. Несмотря на то, что, въ соответствии съ теологическимъ направленіемъ времени, приобрѣтеніе богатства представляется вообще какъ предопредѣленіе Божественной воли, тѣмъ не менѣе, очень явственно указывается и на то, что богатство зависитъ отъ личнаго старанія и сбереженія. Для вполнѣ развившейся теократической системы весьма характерно стремленіе доводить нравственныя предписанія, во много отличающіяся отъ прямого приказа, до крайней мелочности; время, способъ, условія каждаго дѣянія всякаго человека опредѣлены до малѣйшихъ подробностей. Эта система чрезвычайной опеки совпадаетъ по времени съ соединеніемъ, или, лучше сказать, съ смѣшеніемъ духовной и свѣтской власти, результатомъ котораго является то, что многія стороны общественной жизни, въ послѣдствіи поставленныя въ зависимость отъ общихъ нравственныхъ вліяній, регулируются прямыми приказаніями и запрещеніями.

Хозяйственная дѣятельность во времена грековъ и римлянъ, даже въ всякой зависимости отъ однихъ-нибудь специально неблагоприятныхъ вліяній, не могла соперничать по своимъ

размѣрамъ, какъ и по разнообразію источниковъ, съ экономической дѣятельностію новаго времени. Несовершенство тогдашнихъ физическихъ познаній мѣшало широкому примѣненію къ производству природныхъ силъ, еще мало доступныхъ въ то время человеку; а также мѣшало употребленію машинъ, получившихъ такое огромное распространеніе въ наше время, какъ факторъ современной промышленности. Несовершенство въ географическихъ познаніяхъ и въ средствахъ сообщенія и перевозки стѣсняло развитіе иностранной торговли. Все эти препятствія необходимо вытекали изъ невѣрности промышленной жизни того періода, о которомъ идетъ рѣчь. Но къ развитію широкой и сильной экономической дѣятельности были препятствія и болѣе серьезныя и заключались они въ характерныхъ принципахъ древней цивилизаціи. Нѣкоторые писатели пытались доказать ту мысль, что приводимое обыкновенно различіе между древнимъ міромъ и новымъ произвольно и невѣрно; допуская, что между нашей цивилизаціей и цивилизаціей теократическихъ народовъ востока существуетъ орѣзкое различіе, они въ то же время утверждаютъ тожество грековъ и римлянъ съ западными народами въ мысляхъ, чувствахъ и дѣйствіяхъ. Источникомъ этого серьезнаго заблужденія слѣдуетъ признать почти исключительное знаменство писателей съ возрѣніями лишь наиболѣе культурныхъ классовъ древности и съ выдающимися гениями мысли. Та же причина зачастую давала поводъ къ пренебрежительному отношенію и къ среднимъ вѣкамъ. Основное различіе между жизнью и идеями древняго и новаго общества заключается въ томъ, что древнее общество было организовано для военныхъ цѣлей; — напротивъ, главной задачей и стремленіемъ новаго — сдѣлалась индустрія. Глубокое вліяніе этого основнаго различія никогда не слѣдуетъ упускать изъ виду, ибо оно отражалось на всякомъ видѣ человеческой дѣятельности. Рабство вполнѣ согласовалось съ военной организаціей древняго общества, оно настолько же гармонировало съ древней жизнью, на-

сколько рѣзко не соответствовало настоящей экономической системѣ существованіе рабства въ Остѣ Индіи и Сѣверной Америкѣ; очень понятно поэтому, что и выдающіеся мыслители древности разсматривали рабство какъ явленіе необходимое и даже неизбѣжное. Рабство было въ то время необходимою и сравнительно съ тѣмъ, что могло бы его замѣнить, оно составляло относительное благо. Но существованіе его тѣмъ не менѣе сопровождалось и множествомъ зла. Рабство послужило причиной того, что „граждане“ стали съ презрѣніемъ относиться къ промышленнымъ занятіямъ; всякій видъ промышленной дѣятельности, за исключеніемъ развѣ только одного земледѣлія, казался несомнѣстимымъ съ достоинствомъ свободного человѣка, который могъ, по возрѣніямъ того времени, быть лишь общественнымъ дѣятелемъ, военнымъ или администраторомъ. Къ труду, который лежалъ главнымъ образомъ на рабахъ, относились съ пренебреженіемъ, и даже свободные ремесленники едва ли пользовались большимъ уваженіемъ. Такое отношеніе къ труду въ высшей степени вредно отражалось на существовавшихъ тогда производительныхъ классахъ. Они были лишены всякаго образованія, стояли совершенно внѣ сферы гражданскихъ идей, интересовъ и стремленій, а поэтому у нихъ и не доставало ни привычки къ единенію, ни энергической инициативы. Необезпеченность жизни и собственности, обуславливавшаяся военными привычками общества, рискованность накопленія, находившаяся въ зависимости отъ той же причины, — все это служило могущественнымъ препятствіемъ для образованія обширныхъ капиталовъ и для возникновенія дѣятельной системы кредита. Вышеуказанныя причины, а также общая неразвитость знаній и общественныхъ отношеній, придали экономической жизни древнихъ народовъ характеръ монотонности и ограниченности, такъ рѣзко противорѣчащій характеру новой жизни, съ ея неистощимыми средствами, съ безостановочнымъ развитіемъ и съ безконеч-

нымъ разнообразіемъ силъ, едва существовавшихъ въ древнее время. Было бы нелѣпо искать въ какой-нибудь системѣ социальной жизни тѣхъ свойствъ, которыми она не могла обладать; гораздо поучительнѣе взглянуть на то, что давала такая система. Историческое призваніе народовъ древняго міра было не въ промышленности, а въ войнѣ; посредствомъ войны эти народы стремились создать такое положеніе вещей, которое должно было послужить къ измѣненію самой древней цивилизации и положить основанія для новаго, порядка вещей, покоящагося на мирной дѣятельности.

Греки.

Осуществленіе такого порядка вещей выпало на долю римлянъ и явилось результатомъ ихъ политики завоеваній. Безпрерывная военная дѣятельность грековъ была бесплодна и безплодна. Плодотворной можно признать только борьбу съ персами. Само собою разумѣется, что при подобныхъ обстоятельствахъ военная жизнь не могла поглотить всецѣло способностей этой расы; энергія выдающихся ея членовъ выразилась въ умственной дѣятельности и привела къ необыкновенно быстрому развитію эстетическихъ, философскихъ и научныхъ зачатковъ, переданныхъ Греціи теократическими государствами. Въ „Дѣлахъ и дняхъ“ Гезіода способъ мышленія объ экономическихъ вопросахъ сходенъ еще съ теократическимъ. У Гезіода мы находимъ наряду съ признаемъ располагающей божеской воли и традиционными правилами священнаго характера и практическую мудрость, выраженную въ преданіяхъ и пословицахъ. Но развитіе отвлеченной мысли, начинающееся съ Фалеса, скоро успѣваетъ придать греческой культурѣ ея характерный образъ и тѣмъ полагаетъ начало новой эпохѣ въ исторіи умственной эволюціи человѣчества.

Умственное движеніе, которое началось съ этого времени и которому предстояло постепеннымъ разрушеніемъ стараго наследственнаго строя религиозныхъ убѣжденій преобразовать

все будущее человечества, стремилось во всех областях мышления замѣнить старыя воззрѣнія новыми рациональными теоріями. Выдающіеся греческіе мыслители, весьма интересовавшіеся развитіемъ положительной науки, причѣмъ большинство изъ нихъ исключительно занималось одной геометрией, принявшей уже тогда опредѣленный характеръ, въ то же время должны были подъ влияніемъ общественныхъ требованій, всегда вліяющихъ на высокіе умы, съ особой заботливостью заниматься и изученіемъ природы человека и условій его существованія въ обществѣ. Изученіе этихъ вопросовъ было, конечно, преждевременно; прежде чѣмъ социологія и мораль могли получить правильную постановку, неорганическія и органическія науки должны были пережить долгій процессъ развитія. Мы должны, однако, признать, что стремленіе къ социологическимъ изслѣдованіямъ оживило у грековъ благородную умственную дѣятельность и выработало много частныхъ истинъ, безъ которыхъ человечество не могло бы даже обойтись. Были сдѣланы попытки придать экономическимъ изслѣдованіямъ, такъ же, какъ и всѣмъ другимъ, характеръ рациональности. Плутосъ былъ свергнутъ съ престола и сверхъестественные дѣятели замѣнены естественными. Эти изслѣдованія, однако, основываясь на недостаточно широкомъ районѣ наблюденія дѣйствительной жизни, не могли достигнуть значительныхъ результатовъ. Военная организація общества и соответствовавшее ей существованіе раба порождаетъ презрительное отношеніе ко всякой производительной дѣятельности, а потому и отвращала вниманіе мыслителей отъ этой области. Съ другой стороны, благодаря тому, что граждане были главнымъ образомъ заняты общественной жизнью и партійною борьбой, вопросы такъ называемой политики получали первостепенное значеніе. Вотъ причина, почему большинство выдающихся писателей того времени почти исключительно занимаются изслѣдованіемъ и сравненіемъ политическихъ организацій и

стараются разрѣшить вопросъ, посредствомъ какого способа воспитанія можно лучше всего подготовить гражданъ къ общественной дѣятельности. Мы не найдемъ у греческихъ мыслителей систематическихъ изслѣдованій по экономическимъ вопросамъ, но лишь нѣкоторыя счастливыя идеи, а иногда и поразительное предвидѣніе позднѣйшихъ изслѣдованій.

Въ характерѣ мышленія греческихъ философовъ въ области общественныхъ и экономическихъ вопросовъ можно подмѣтить слѣдующія общія черты: 1) Личность считается подчиненной государству; только при посредствѣ государства личность можетъ развиваться и достигнуть совершенства; всѣ силы личности должны быть направлены на поддержаніе и на служеніе государству. Главная задача политической мысли заключалась въ воспитаніи хорошихъ гражданъ; каждый общественный вопросъ разсматривается прежде всего съ этической и воспитательной точки зрѣнія. На гражданина смотрятъ не какъ на производителя, а какъ на обладателя матеріальнаго богатства;—богатство цѣнится не само по себѣ, не по тѣмъ наслажденіямъ, возможность полученія которыхъ зависитъ отъ обладанія имъ; оно разсматривается какъ запасъ средствъ, дающій возможность стремиться къ достиженію высшихъ нравственныхъ и общественныхъ цѣлей. 2) Государство поэтому претендуетъ и дѣйствительно пользуется властію контролировать и регулировать всѣ сферы общественной жизни, не исключая и экономической. Цѣль этой опеки заключается въ желаніи привести въ гармонію индивидуальную дѣятельность съ благомъ всего общества. 3) Эти основныя понятія связуются съ вѣрой въ неограниченную плодотворность учреждений и законодательства; древней мысли представляется, будто у самого общества нѣтъ самопроизвольныхъ стремленій и будто оно подчинится всякому внѣшнему импульсу, лишь бы таковой обладалъ достаточной силой и постоянствомъ.

Каждый выдающійся общественный мыслитель того времени имѣлъ свой государственный идеалъ, который различался или

приближался къ дѣйствительно существовавшему или возможному типу государства. Характеръ идеала, само собою разумѣется, находился въ зависимости отъ того чувства реального пониманія жизни и отъ той привычки къ положительному мышленію, которыми былъ одаренъ самъ творецъ такого идеала.

Самая знаменитая изъ этихъ идеальныхъ системъ государства принадлежитъ Платону. Идея о подчиненности личности государству выразилась у него въ самой крайней своей формѣ. Въ томъ классѣ гражданъ республики Платона, который является представителемъ высшаго типа жизни, господствуетъ общность имущества и женъ. Платонъ видитъ въ такой организациіи наиболѣе подходящее и вѣрное средство къ тому, чтобы всѣ частные интересы были подавлены и чтобы личность могла бы всецѣло посвятить себя на служеніе государству. Быть можетъ, система эта и могла получить осуществленіе въ древнемъ обществѣ; мы не беремъ утверждать противоположное; но если бы попытались осуществить что-нибудь подобное въ промышленномъ обществѣ, въ немъ немедленно развились бы такія силы, отъ которыхъ вся система разлетѣлась бы въдребезги. Свѣжесть чувства, блестящее изложеніе и не знающая соперниковъ красота стиля Платона, — все это было особенно привлекательно для тѣхъ умовъ, у которыхъ чувство прекраснаго господствуетъ надъ силой научнаго сужденія, а потому утопія Платона послужила прототипомъ для цѣлаго ряда подобныхъ же твореній.

Въ трудѣ Платона, рядомъ съ тѣмъ, что мы могли бы назвать химерами, найдется не мало замѣчательныхъ и возвышенныхъ нравственныхъ воззрѣній и, что для насъ еще важнѣе въ настоящее время, — нѣсколько правильныхъ экономическихъ анализовъ. Въ частности онъ даетъ намъ правильное представленіе о томъ, какъ возникаетъ въ обществѣ раздѣленіе и комбинація занятій. Свою социальную организацию онъ, конечно, строить исключительно на экономическихъ на-

чалахъ, не придавая должнаго значенія безкорыстнымъ общественнымъ импульсамъ въ челоѣкѣ, которые притягиваютъ людей другъ къ другу и соединяютъ въ общества. Онъ, однако, ясно рисуетъ намъ, какимъ образомъ потребности и свойства личностей вызываютъ и приводятъ къ взаимному обмѣну услугъ между людьми и какъ, благодаря тому, что каждый посвящаетъ себя занятію, къ которому болѣе всего годенъ по своему положенію, способностямъ и воспитанію, — все, что для общества необходимо, — исполняется лучше, цѣлесообразнѣе, легче. Платонъ, подобно всѣмъ древнимъ законодателямъ, стремится создать государство, замкнутое въ самомъ себѣ, стоящее внѣ сношеній съ иностранными государствами, которыя могли бы сломать внутреннюю его организацию и испортить національный характеръ гражданъ. Результатомъ такого враждебнаго отношенія къ внѣшнимъ сношеніямъ является нерасположеніе Платона и къ международной торговлѣ; чтобы устранить ея возможность, онъ помѣщаетъ свое государство въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря. Территориальныя границы Платонова государства строго опредѣлены, возможность перенаселенія устранена запрещеніемъ раннихъ браковъ, убіеніемъ младенцевъ, опредѣленіемъ размѣра участковъ земли у гражданъ-земледѣльцевъ. Всѣ эти предосторожности вызваны, однако, не Мальтусовой боязнью за недостатокъ средствъ къ существованію, а главнымъ образомъ, политическими и нравственными мотивами. Платонъ стремится установить, насколько это возможно, равенство собственности у тѣхъ семей общества, которыя непосредственно заняты промышленностью. Къ этому послѣднему классу общества Платонъ, въ полномъ согласіи съ духомъ своего времени, относится съ наименьшимъ уваженіемъ. Обычныя занятія членовъ этого класса, по мнѣнію Платона, способствуютъ вырожденію ума и ослабленію тѣла и служатъ препятствіемъ къ выполненію высшихъ обязанностей челоѣка и гражданина. Самые тягостныя и унижительныя виды

труда исполняются въ республикѣ Платона рабами и иностранцами. Платонъ, въ духѣ древнихъ теорій, желалъ бы воспретить употребленіе драгоценныхъ металловъ во внутренней торговлѣ (Legg. V, 12), отдачу денегъ въ ростъ; даже уплату самаго капитала займа онъ предоставляетъ доброй волѣ должника. Всѣ экономическія отношенія онъ подчиняетъ дѣятельному контролю государства, не только для того, чтобы предупредить обманъ и насиліе, но и для того, чтобы обезпечить населеніе государства запасомъ необходимыхъ и полезныхъ для жизни вещей и устранить привычку къ роскоши.

Полную противоположность такому крайнему идеализму Платона представляетъ хотя и нѣсколько ограниченный, но въ высшей степени практичный умъ Ксенофонта. Въ немъ преобладаетъ чловѣкъ-практикъ, но сказывается также и стремленіе къ отвлеченной мысли и талантливость грека. Изслѣдованіе Ксенофонта „*Oeconomicus*“ стоитъ того, чтобы его прочесть; нѣкоторыя стороны современной этому писателю жизни описаны необыкновенно живо и интересно. Системди вполне правъ, отзываясь съ особой похвалой объ этомъ сочиненіи за тотъ духъ любвеобильной филантропіи и смиреннаго благочестія, которымъ оно проникнуто. Сочиненіе касается, однако, только домашней экономіи, но въ этихъ предѣлахъ авторъ обнаруживаетъ много здраваго смысла и остроумія. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на совѣтахъ Ксенофонта о разсудительномъ обращеніи съ частной собственностью, на тѣхъ мудрыхъ указаніяхъ, которыя онъ дѣлаетъ относительно руководства семьей и всѣми домочадцами. Изслѣдованія, которыми Ксенофонтъ особенно замѣчательнъ, лежатъ въ области болѣе узкой и вообще носящей конкретный характеръ, для экономіи въ ея широкихъ главныхъ вопросахъ онъ не могъ дать многого. Подобно большинству своихъ согражданъ, Ксенофонтъ съ особымъ предпочтеніемъ относится къ земледѣлію и съ энтузіазмомъ настаиваетъ на томъ, что оно содѣйствуетъ развитію патріо-

тическихъ и религіозныхъ чувствъ и создаетъ уваженіе къ собственности; земледѣліе, думаетъ онъ, даетъ лучшую подготовку къ военной жизни и, оставляя много досуга, съ удобствомъ можетъ совмѣщаться съ умственной и политической дѣятельностію. Благодаря своему здравому смыслу и практическому чутью, тѣмъ не менѣе, Ксенофонтъ болѣе чѣмъ многіе изъ грековъ, цѣнитъ также и значеніе промышленности, а особенно торговли, подробно толкуетъ о необходимыхъ условіяхъ для развитія промысловъ и торговли и требуетъ для нихъ покровительства и поддержки государства. Взгляды его на деньги отличаются смутностію и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже ошибочны; онъ, однако, понимаетъ, что вывозъ металловъ въ обмѣнъ за привозимые товары не можетъ привести страну къ обѣднѣнію. Для того, чтобы торговля процвѣтала, необходимо жить въ мирѣ съ другими государствами, вѣжливо и съ уваженіемъ обращаться съ иностранными торговцами, а также быстро и справедливо разрѣшать всѣ ихъ законныя требованія. Само собой разумѣется, что онъ признаетъ институтъ рабства и относится къ нему безъ неодобренія; болѣе того, онъ рекомендуетъ даже для увеличенія доходовъ Аттики наемъ рабовъ для работъ въ рудникахъ; чтобы они не убѣжали, онъ совѣтуетъ клеймить ихъ; число этихъ рабовъ, по его мнѣнію, слѣдуетъ постепенно увеличивать изъ доходовъ предпріятія. (De Vect. 34.)

Аристотель въ своемъ энциклопедическомъ твореніи представилъ намъ почти всю систему выработанныхъ до него идей. Въ математикѣ и астрономіи греки послѣ Аристотеля пошли еще дальше, но въ томъ, что касается общественныхъ наукъ, труды Аристотеля представляютъ конечный пунктъ, и въ нихъ общественная философія грековъ достигла высшей степени своего развитія. Дарованія Аристотеля, наконецъ, само внѣшнее его положеніе весьма благоприятствовали его занятіямъ общественными науками. Рѣдкая способность къ наблюденію соединялась у Аристотеля съ огромной обобщающей силой, —

здравость сужденія — съ страстнымъ желаніемъ общественнаго блага. Все, что было сколько-нибудь оригинально и важно въ политической жизни Эллады до него, все, что происходило при немъ, — онъ зналъ; онъ обладалъ, такимъ образомъ, разнообразнѣйшимъ опытомъ, на почвѣ котораго и могъ строить свои заключенія. Не принимая дѣятельнаго участія въ современной ему политической жизни, стоя внѣ этой жизни, онъ какъ бы былъ мыслящимъ наблюдателемъ и безпристрастнымъ судьей. По причинамъ, которыя мы указывали уже много разъ, онъ, какъ и всѣ другіе греки, не могъ въ своихъ изслѣдованіяхъ стать на вполне правильную точку зрѣнія; далѣе той сферы, которую мы называемъ статической социологіей, онъ не могъ пойти; идею о законахъ историческаго развитія общественныхъ явленій онъ едва ли постигалъ; быть можетъ, въ этомъ отношеніи можно сдѣлать нѣкоторое исключеніе только для ученія о постепенной смѣнѣ политическихъ формъ. Мы найдемъ, однако, въ трудахъ этого писателя здравыя и дѣльныя мысли о составѣ и дѣйстви социальнаго организма. Замѣчанія по экономическимъ вопросамъ не такъ многочисленны, не такъ детальны, какъ мы могли бы того желать. Подобно всѣмъ греческимъ мыслителямъ, Аристотель признаетъ существованіе одной, единой науки о государствѣ, частями которой являются: этика, собственно политика и экономія; всѣ отдѣлы единой науки о государствѣ, по его мнѣнію, такъ тѣсно связаны между собой, что трудно указать даже границы каждой изъ нихъ. Поэтому, когда богатство становится предметомъ изслѣдованія, оно изучается не само по себѣ, а только съ точки зрѣнія высшихъ основаній и конечныхъ цѣлей коллективной жизни.

Происхожденіе общества Аристотель приписываетъ не экономической необходимости, но естественнымъ социальнымъ импульсамъ человѣческой природы. Природа социальнаго единенія, послѣ того какъ оно организовалось, опредѣляется частью самопроизвольной, частью систематической комбина-

ціей различныхъ силъ; Аристотель указываетъ на самостоятельное значеніе послѣдней, а по временамъ бросаетъ взглядъ и на результаты стеченія этихъ комбинацій. Онъ вооружается противъ подавленія личной свободы и инициативы, противъ чрезмѣрнаго подчиненія личности государству, отвергаетъ также предлагавшуюся Платономъ общность имущества и женщинъ. По его мнѣнію, принципъ частной собственности глубоко укоренился въ челоуѣкѣ; дурныя послѣдствія, истекающія отъ соотвѣствующихъ этому принципу учреждений, онъ объясняетъ съ одной стороны несовершенствомъ нашей природы, а съ другой — недостатками другихъ общественныхъ учреждений. Общность имущества можетъ, думаетъ онъ, привести къ пренебреженію общественными интересами и къ разрушенію социальной гармоніи. Изъ различныхъ классовъ, заботящихся объ удовлетвореніи потребностей общества, тѣ, которые, какъ земледѣльцы, механики, ремесленники заняты удовлетвореніемъ непосредственныхъ матеріальныхъ нуждъ, исключаются Аристотелемъ отъ всякаго участія въ государственномъ управленіи. Эти классы, по его мнѣнію, не имѣютъ для того ни достаточнаго досуга, ни образованія, а къ тому же и унижены самой природой своихъ занятій. Въ одномъ изъ знаменитыхъ мѣстъ своего труда Аристотель даетъ намъ теорію рабства, которая обосновывается на всеобщности отношеній повелѣнія и повиновенія и на томъ естественномъ различіи, по которому сразу отличается господствующая раса отъ подчиненной. Рабъ не имѣетъ независимой воли, это — „одушевленное орудіе“ въ рукахъ хозяина; счастье какъ высшаго, такъ и низшаго, полагаетъ Аристотель; именно и заключается въ извѣстномъ подчиненіи другому, — требуется лишь, чтобы контроль властвующаго былъ разуменъ. Это воззрѣніе, столь рѣзко противорѣчащее нашимъ современнымъ чувствованіямъ, не принадлежитъ одному только Аристотелю и является лишь теоретическимъ выраженіемъ фактовъ гре-

ческой жизни, въ которой существованіе гражданина, преслѣдующаго высшія цѣли, посвящающаго себя войнѣ и управленію, основывалось на систематическомъ униженіи обиженнаго и презираемаго класса, исключеннаго отъ выполненія всѣхъ высшихъ обязанностей человѣческой жизни и созданнаго для содержанія особаго типа людей въ обществѣ.

Аристотель различаетъ два способа имущественнаго приобрѣтенія. Посредствомъ перваго — человѣкъ присваиваетъ себѣ естественные продукты и употребляетъ ихъ на удовлетвореніе матеріальныхъ нуждъ хозяйства: разнообразіями этого способа онъ считаетъ охоту, рыбную ловлю, скотоводство и земледѣліе. Этому первоначальному и „естественному“ способу Аристотель противопоставляетъ другой, основанный на обмѣнѣ продуктовъ, именуемый его „Хрематистикой“ (наукой о богатствѣ) и указываетъ, что монета служитъ посредникомъ и регуляторомъ въ этомъ обмѣнѣ. Существованіе этого „неестественнаго“ способа приобрѣтенія имущества, какъ его можно было бы назвать, въ противоположность первому простѣйшему роду промышленной жизни, по мнѣнію Аристотеля, является необходимымъ развитіемъ этого послѣдняго, развитіемъ, которое происходитъ вслѣдствіе усилившихся сношеній и болѣе дѣятельности для удовлетворенія реальныхъ нуждъ. Однако, широкое развитіе такого порядка вещей, основывающагося на жаднѣ къ наслажденіямъ и на неограниченномъ стремленіи къ наживѣ, онъ осуждаетъ и видитъ въ немъ нѣчто развращающее и недостойное. Хотя по первому впечатлѣнію кажется, будто подобныя воззрѣнія Аристотеля объ этихъ двухъ видахъ промышленности покоятся, главнымъ образомъ, на нравственныхъ соображеніяхъ, однако, у насъ есть нѣкоторыя указанія на то, что онъ, подобно физиократамъ XVIII-го вѣка, держался того ложнаго взгляда, будто одно земледѣліе (и родственныя ему области) дѣйствительно производительно, а что всѣ другія отрасли производства лишь при-

даютъ продуктамъ природы другую форму или распредѣляютъ ихъ при посредствѣ обмѣна, и какъ бы полезны онѣ ни были, все же ничего не прибавляютъ къ богатству общества.

Аристотель вполне правильно различаетъ деньги отъ богатства и даже иллюстрируетъ эту разницу исторіей о Мидасѣ. Обращеніе и употребленіе монеты онъ приписываетъ общественному соглашенію, но, повидимому, въ то же время полагаетъ, что монета должна быть сдѣлана изъ матеріала, имѣющаго внутреннюю цѣнность. Аргументъ его противъ процента (монета бесплодна и не можетъ порождать монету) доказываетъ, что представленія его о капиталѣ были весьма неясны.

Подобно другимъ греческимъ общественнымъ философамъ, Аристотель рекомендуетъ правительству заботиться о соотвѣстствіи размѣра территоріи съ количествомъ населенія, одобряетъ до-брачное воздержаніе, поздніе браки, предупрежденіе зачатій и уничтоженіе зародышей; съ одной стороны — недостаточное количество гражданъ, по его мнѣнію, опасно для независимости государства; съ другой же — избыточное нарушаетъ спокойствіе и добрый порядокъ въ государствѣ.

Римляне.

Несмотря на то, что римляне обладали въ высшей степени практичнымъ, реалистическимъ и утилитарнымъ характеромъ, они, тѣмъ не менѣе, не прилагали своихъ силъ съ особой энергіей къ экономическому поприщу; у нихъ не развилось широкой и многосторонней системы производства и обмѣна. Ихъ историческая миссія была военная и политическая, вся ихъ общественная энергія была, главнымъ образомъ, потрачена на служеніе государству дома и на полѣ брани. Простой народъ занимался по преимуществу, до начала всемірнаго господства римлянъ, земледѣліемъ, которое и доставляло ему всѣ средства къ существованію. Въ дальнѣйшемъ періодѣ

истории свободный крестьянинъ перестаетъ быть хлѣбопашцемъ, обработка земли начинаетъ совершаться при посредствѣ массы рабовъ, приобретенныхъ завоеваніями. Мелкая земельная собственность исчезаетъ, образуются огромныя по размѣрамъ имѣнія *latifundia*, которыя, по мнѣнію Плинія, и погубили Италію *). На промыслы и торговлю (если послѣдняя не велась въ крупныхъ размѣрахъ) Римляне смотрѣли какъ на занятія неблагородныя и недостойныя свободаго чело-вѣка; это чувство презрѣнія ко всякому виду промышленнаго труда не было только предразсудкомъ ограниченныхъ и необразованныхъ людей, но раздѣлялось многими изъ либеральнѣйшихъ умовъ и, между прочимъ, Цицерономъ **).

Какъ и слѣдовало ожидать, благодаря недостатку умозрительной оригинальности у римлянъ, у нихъ встрѣчается мало образцовъ серьезныхъ изслѣдованій по экономическимъ вопросамъ. Ихъ идеи по этимъ и другимъ общественнымъ предметамъ по преимуществу заимствованы у греческихъ мыслителей. Тѣ немногіе слѣды экономическаго мышления, которые имѣются у римлянъ, мы находимъ во-первыхъ у философовъ, во-вторыхъ у писателей *de re rustica*, въ-третьихъ — у юристовъ. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что многія изъ цитатъ, которыя приводятся въ подтвержденіе якобы важнаго значенія римлянъ въ исторіи экономической науки, зачастую содержатъ въ себѣ только избитыя истины и общія мѣста.

Въ трудахъ философовъ, среди которыхъ намъ достаточно назвать имена Цицерона, Сенеки и Плинія Старшаго (послѣд-

и затѣдовзвочи имѣются въввоочетэотонъ и Колюмелла аеобна
эритнлои и двинвоа сымд кіозне ввлоэриотон ахил авамдо

*) „Locis quae nunc, vix seminario, exiguo militum relicto, servitia Romana ab solitudine vindicant“. Liv., VI. 12. „Villarum infinita spatia“. Tac., Ann. iii. 53.
**) „Orifices omnes in sordida arte versantur; nec enim quidquam ingenium habere potest officina“. Cic. de offic. i. 42. „Mercatura, si tenuis est, sordida putanda est: sin magna et copiosa, multa undique apportans multisque sine vanitate impertiens, non est ad modum vituperanda.“ Ibid. „Quaestus omnis Patribus indecorus visus est.“ Liv., XXI. 63.

ній, впрочемъ, можетъ быть названъ скорѣе ученымъ энциклопедистомъ, чѣмъ философомъ), — мы найдемъ общее призна-ніе упадка промышленности, ослабленія нравственности и стремленія къ самоуслажденію среди ихъ современниковъ, которые по мнѣнію этихъ писателей, совершенно погрязли въ порокахъ покоренныхъ народовъ. Чувство недовольства своими современниками, ясно высказывающееся не только въ трудахъ этихъ философовъ, но и въ поэзіи, и вообще въ литературѣ того времени, соединяется съ наполовину искусственнымъ энтузіазмомъ къ земледѣлію, съ чрезмѣрнымъ восхваленіемъ деревенской жизни и древнихъ обычаевъ римскаго народа. Безъ сомнѣнія, такое направленіе въ трудахъ писателей было протестомъ противъ существовавшихъ тогда аномалій и напоминаетъ намъ декламации Руссо въ позднѣйшій, но сходный съ этимъ періодъ времени. Широкаго и правильнаго взгляда, однако, на существующій экономической безпорядокъ или указаній, какъ выйти изъ этого ненормальнаго положенія, мы не найдемъ у этихъ писателей. Плиній, такъ же, какъ и Руссо, сожалѣетъ о томъ, что деньги сдѣлались всеобщимъ орудіемъ обмѣна, и находитъ, что время обмѣна денежнаго. Тотъ же писатель, подобно представителямъ меркантильной школы, является сторонникомъ ограниченій въ вывозѣ монеты. Хотя этого и нельзя утверждать съ увѣренностью, но кажется, что и Цицеронъ держался того же взгляда. Катонъ, Варронъ и Колумелла занимаются гораздо болѣе выработкой техническихъ совѣтовъ для сельскихъ хозяевъ, чѣмъ изученіемъ общихъ условій промышленнаго успѣха и общественнаго благосостоянія. Два послѣднихъ писателя заслужи-ваютъ особаго нашего вниманія и уваженія: они поняли и высказали ту истину, что свободный трудъ цѣннѣе рабскаго. Колумелла убѣжденъ, что упадокъ земледѣлія въ римскомъ государствѣ въ значительной мѣрѣ объясняется употребленіемъ

рабскаго труда. Три вышеуказанные писателя совершенно согласны въ томъ убѣжденіи, что бороться съ надвигающимся нравственнымъ развратомъ и возвратиться къ прежнимъ римскимъ добродѣтелямъ можно только при посредствѣ возрожденія и реформирования земледѣлія. Только тогда будутъ прочно укрѣплены основъ общественнаго благосостоянія.

Читатель видитъ, что точка зрѣнія этихъ писателей вполне аналогична съ воззрѣніями физиократовъ, которые думали найти въ улучшеніи и дѣятельномъ развитіи земледѣлія вѣрное средство противъ матеріальныхъ недуговъ и общественнаго вырожденія ихъ времена. Вопросъ о сравнительномъ значеніи крупнаго и мелкаго хозяйства былъ, кажется, предметомъ столь же многократныхъ изслѣдованій мыслителей древняго римскаго міра, какъ и новаго — европейскаго; Колумелла — рѣшительный защитникъ мелкой культуры. Римскіе юристы въ тѣхъ областяхъ юриспруденціи, которые соприкасаются съ экономіей, сдѣлали нѣсколько классификацій и установили по нѣкоторымъ вопросамъ болѣе или менѣе точныя различія; эти опредѣленія были частью приняты позднѣйшими экономистами, частью вновь переработаны самостоятельно. Юристы имѣли правильное представленіе о природѣ монеты (хотя это составляетъ еще спорный вопросъ: *Neri* и *Carli* держатся этого мнѣнія, а *Ragnini* отрицаетъ его). Какъ бы ни было, вопросъ о монетѣ часто служилъ предметомъ ихъ обсужденія, при чемъ они утверждали, что монета имѣетъ внутреннюю, присущую ей самой цѣнность и что ни произвольное дѣйствіе общественной власти, ни соглашеніе людей не могутъ оказывать вліянія на ея цѣнность. Вообще, въ трудахъ юристовъ, какъ и можно было ожидать, мы не найдемъ самостоятельнаго мышленія по экономическимъ вопросамъ, но просто факты, иллюстрирующіе намъ характеръ экономической жизни римлянъ, а также указанія по исторіи экономической политики. Труды юристовъ въ этомъ отноше-

ніи имѣютъ для насъ большой интересъ; изучая по ихъ указаніямъ ходъ законодательства о собственности вообще, постановленія о роскоши, мотовствѣ, рабствѣ, законодательство о поощреніи размноженія населенія и рядъ подобныхъ этимъ мѣропріятій, мы получаемъ возможность яснѣе, чѣмъ на чемъ-либо иномъ постигнуть тѣ вліянія, которыя оказали такое могучее воздѣйствіе на исторію Рима и Запада вообще. Касаясь этихъ указаній, разсматривать ихъ здѣсь мы не будемъ, такъ-какъ мы занимаемся въ этомъ сочиненіи изученіемъ лишь систематической мысли по вопросамъ политической экономіи. Мы обратимъ, однако, вниманіе читателя на одинъ вопросъ, потому что не только римское правительство занималось имъ постоянно, но и большинство римскихъ писателей подвергало его тщательному обсужденію; мы говоримъ о процентѣ съ денежнаго займа. Размѣръ процента былъ опредѣленъ уже въ законодательствѣ двѣнадцати таблицъ; впоследствии, по закону Генуція (въ 341 г. до Р. X.) отдача въ ростъ была совершенно воспрещена. Законодательствомъ Юстиніана установленъ указанный процентъ въ 4—8 на сто; колебаніе въ этихъ предѣлахъ допускалось, смотря по характеру займа; 8% на сто считалось обыкновеннымъ торговымъ процентомъ; сложные проценты были воспрещены. Всѣ римскіе писатели, почти безъ исключеній, неодобрительно относятся къ отдачѣ денегъ въ ростъ. Катонъ, по свидѣтельству Цицерона, полагалъ, что отдача въ ростъ такъ же гнусна, какъ убійство. (*Quid fenerari? Quid hominem occidere? De offic. 25*). Цицеронъ, Сенека, Плиній, Колумелла осуждаютъ ростъ такъ же, какъ и Катонъ. Не трудно понять, почему въ раннія стадіи общественнаго развитія торговля монетою становится предметомъ народной ненависти; но писатели, от которыхъ мы говоримъ, жили въ такое время, когда всякаго рода коммерческія предпріятія получили уже значительное развитіе; относиться съ неодобреніемъ къ проценту въ это

время—значило обнаруживать неясность и спутанность понятий въ вопросахъ о природѣ и функціяхъ капитала. По всей вѣроятности, въ практической жизни мало обращали вниманія какъ на воззрѣнія этихъ писателей, такъ и на самое законодательство о процентѣ, которое всегда легко было обойти. Торговля монетой производилась въ теченіе всей римской исторіи, и размѣръ процента колебался сообразно условіямъ рынка. Бросивъ общій взглядъ на исторію экономической мысли древняго міра, мы должны будемъ признать (это, впрочемъ, можно было бы предполагать и a priori), что результаты ея у римлянъ и грековъ очень ничтожны. По вѣрному замѣчанію Дюринга, на вопросы нашей науки древніе смотрѣли гораздо болѣе съ политической, чѣмъ съ экономической точки зрѣнія. Эту черту мы уже отмѣчали, когда рѣчь шла о томъ, какъ относились писатели древняго міра къ вопросу о населеніи; то же самое можно сказать и насчетъ ученія о раздѣленіи труда, которымъ отчасти занимались Платонъ и Аристотель. Они смотрятъ на принципъ раздѣленія труда или какъ на основаніе общественной классификаціи, или пользуются имъ для того, чтобы доказать, что общество основывается на самопроизвольномъ соединеніи различныхъ дѣятельностей. Если мы взглянемъ на раздѣленіе труда съ чисто экономической (современной) точки зрѣнія, намъ придется высказать по этому поводу три положенія: 1) широкое примѣненіе принципа раздѣленія труда во всякой отрасли производства дѣлаетъ продукты этого производства болѣе дешевыми; 2) раздѣленіе труда ограничивается размѣромъ рынка; 3) раздѣленіе труда болѣе примѣнимо въ области фабрикаціи, чѣмъ земледѣлія. Ничего подобнаго этимъ положеніямъ мы не найдемъ у древнихъ писателей; только первое изъ нихъ можетъ быть косвенно выведено изъ ихъ разсужденій по этому предмету. Среди германскихъ ученыхъ въ особенности замѣчается стремленіе незаслуженно преувеличивать размѣръ и цѣну до-

бытаго экономической мыслью древности. Нельзя конечно не принять во вниманіе того, что было сдѣлано для экономической науки греками и римлянами, но слѣдуетъ постоянно помнить, что въ трудахъ этихъ мыслителей находятся только зачатки, зародыши экономической науки, которая своимъ существованіемъ всецѣло обязана новому времени. Впослѣдствіи мы увидимъ, что эта наука и не могла окончательно сложиться до нашего времени.

Глава III.

Средние вѣка.

Средние вѣка (400—1300 по Р. Х.) имѣютъ огромное значеніе, какъ въ экономической, такъ и въ общей исторіи Европы. Они представляютъ собой какъ бы обширный переходный періодъ, въ которомъ коренятся зародыши новаго міра, хотя и немного въ то же время выработалось окончательно. Все, что мы встрѣтимъ въ послѣдующемъ развитіи европейскаго общества, мы найдемъ и въ этомъ періодѣ, хотя, конечно, еще въ сыромъ и не развившемся видѣ. Либеральная школа прошлаго столѣтія относилась къ среднимъ вѣкамъ съ презрительнымъ пренебреженіемъ, главнымъ образомъ потому, что въ эту эпоху было необыкновенно мало сдѣлано на литературномъ поприщѣ. Надо помнить, однако, что человѣчество было занято въ это время предметами болѣе важными, чѣмъ литература. Великіе люди среднихъ вѣковъ тратили свою огромную энергію въ другихъ областяхъ. Развитіе церковныхъ учрежденій, постепенное установленіе и упроченіе порядка послѣ распадѣнія Западной имперіи,—вотъ что поглощало силы мыслителей и практическихъ людей въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій. Первый періодъ средневѣковой жизни (съ пятого вѣка по конецъ седьмого) прошелъ въ бурной и мучительной борьбѣ за установленіе новаго церковнаго и гражданскаго порядка; еще три столѣтія ушло на то, чтобы обезпечить и защитить этотъ новый строй отъ посягательствъ кочующихъ народовъ. Только въ послѣдній пе-

ріодъ средневѣковой жизни, т.-е. въ XI, XII и XIII вѣкахъ, когда коллективная борьба со вторгавшимися мусульманами положила начало единству Запада, только тогда вслѣдъ за установившимся прочнымъ и обезпеченнымъ порядкомъ средніе вѣка обнаружили свой истинный характеръ и дали намъ свои благопріятнѣйшіе личные типы. Развитие феодализма продолжалось въ теченіе всего средневѣковаго періода и выражалось въ разложеніи власти и іерархическомъ подчиненіи другъ другу различныхъ степеней ея; оно лишь временно задержалось во второмъ періодѣ благодѣтельной диктатурой Карла Великаго; однако, феодальная система сложилась окончательно не ранѣе перваго столѣтія послѣдняго періода. Равнымъ образомъ, стремленіе католической церкви къ универсальному владычеству (стремленіе, которое навсегда останется замѣчательнымъ, хотя въ цѣломъ и было по необходимости безуспѣшнымъ) только въ послѣдній періодъ средневѣковой исторіи получило возможность осуществиться въ болѣе широкихъ предѣлахъ.

Обширная и разнообразная экономическая дѣятельность была невозможна во время полного господства феодализма. Феодальная организація, какъ это съ достаточной ясностью указано историками-философами, была необходима для поддержанія общественнаго порядка и общественной безопасности и дала важные элементы для общей цивилизаціи.

Признавая ея своевременность и относительную полезность, мы не должны ждать отъ нея такихъ заслугъ, которыя несвойственны ея природѣ и исторической задачѣ. Господствовавшій въ этой организаціи классъ не симпатизировалъ промышленности и презиралъ всѣ ремесла, за исключеніемъ тѣхъ, которыя были необходимы для военнаго дѣла и охотничьей забавы. Земельная собственность была основаніемъ экономической жизни общества. Богатство феодальнаго владѣльца состояло изъ произведеній его земли, а также изъ платежей натурой его подвластныхъ; издерживалось это богатство на

содержаніе многочисленнаго штата прислуги, вознагражде-
ніемъ за службу которой и являлось это содержаніе.

При такомъ порядкѣ вещей, само собою разумѣется, было мало простора для развитія мануфактуры, а еще меньше для торговли; само земледѣліе велось лишь для удовлетворенія потребностей семьи или, въ лучшемъ случаѣ, — потребностей ближайшихъ сосѣдей; для далекаго рынка земледѣліе не создавало въ то время продуктовъ. Экономическая жизнь этого періода поэтому была проста и, при отсутствіи побудительныхъ причинъ извнѣ, мало прогрессивна.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ, подъ давленіемъ различныхъ обстоятельствъ, эти условія терпятъ значительныя измѣненія. Нѣтъ сомнѣнія, что крестовые походы оказали могущественное вліяніе на экономическую жизнь Западной Европы: они послужили причиной перехода имуществъ изъ рукъ феодальной аристократіи къ представителямъ промышленныхъ классовъ, привели въ столкновеніе различныя націи и расы, расширили кругозоръ и понятія европейскаго населенія, послужили стимуломъ къ развитію мореплаванія и содѣйствовали оживленію и развитію международной торговли. Независимость городовъ и возрастающее значеніе средняго класса стало представлять извѣстный противовѣсъ для власти земельной аристократіи; сила этихъ новыхъ общественныхъ элементовъ еще болѣе поднялась послѣ того, какъ въ городахъ сложилась корпоративная организація промышленности: въ то время, когда всѣ деревенскія области еще подчинялись феодальнымъ отношеніямъ, управленіе городами уже зависѣло отъ торговыхъ гильдій. Подъ вліяніемъ возрастающаго спроса городовъ на земледѣльческіе продукты, земледѣліе приняло широкіе размѣры и приобрѣло болѣе коммерческой характеръ; а это все въ свою очередь оказало вліяніе на улучшеніе средствъ перевозки и сообщенія. Но число промышленныхъ предпріятій попрежнему было весьма ограничено; промышленность сосредоточивалась лишь въ нѣкоторыхъ особенно благоприятныхъ

мѣстностяхъ. Прежде всего она сконцентрировалась въ ита-
ліанскихъ городскихъ республикахъ, въ которыхъ однако нормальный строй промышленной жизни былъ сильно затрудненъ и даже извращался военнымъ честолюбіемъ этихъ городовъ. Дѣло въ томъ, что въ этихъ маленькихъ республикахъ честолюбіе не сдерживалось противодѣйствіемъ аристократическихъ классовъ, какъ это имѣло мѣсто въ другихъ случаяхъ.

Всякое великое измѣненіе во воззрѣніяхъ на предназначеніе человечества и на руководящіе принципы его дѣятельности должно воздѣйствовать и на сферу его матеріальныхъ интересовъ. Христіанская религія произвела въ этомъ отношеніи могущественное вліяніе на всю экономическую жизнь среднихъ вѣковъ: она не придавала, сравнительно со старыми религіями, болѣе силы, болѣшаго значенія экономическимъ добродѣтелямъ, — любви къ бережливости, вѣрности въ договорамъ, повиновенію законной власти, но зато съ особой силой и настойчивостью указала на значеніе высшихъ стремленій жизни, а потому и создала болѣе возвышенные взгляды на многія общественныя отношенія. Христіанство очистило домашнюю жизнь, — а это имѣло неизмѣримыя экономическія послѣдствія. Оно создало ученіе о человѣческомъ равенствѣ, возвысило значеніе труда и съ новой силой и энтузіазмомъ стало проповѣдывать объ обязанностяхъ любви, состраданія, всепрощенія и о правахъ бѣдныхъ. Постоянная проповѣдь этихъ идей въ то время, когда догматическія основанія ихъ еще не были, какъ нынѣ, затронуты скептицизмомъ, должна была оказывать огромное вліяніе на умъ, на общественную совѣсть и нравственную жизнь средневѣковаго человѣка. Вліяніе христіанской религіи, какъ системы нравственнаго ученія, приобрѣтало еще большее значеніе вслѣдствіе того, что она была организована, какъ Церковь, которой было поручено слѣдить за приложеніемъ этого ученія ко всѣмъ обыденнымъ дѣйствіямъ человѣка. Кромѣ предписаній Священныхъ Книгъ, вѣрный

сынъ Церкви долженъ подчиняться цѣлому ряду особыхъ правилъ, выработанныхъ законодательствомъ Церкви, которое регулировало не только экономическую, но и всѣ другія стороны общественной дѣятельности. Въ *Corpus juris Canonici*, гдѣ сгруппированы результаты вѣковыхъ изслѣдованій и трудовъ, мы находимъ рядомъ со многими другимъ и то, что слѣдовало бы назвать церковно-экономической теоріей, если подъ таковою разумѣть не рациональное объясненіе явленій, а лишь выработанный кодексъ правилъ поведенія. Жизнь разсматривается въ этомъ памятникѣ съ точки зрѣнія нравственнаго благополучія; цѣль законодательства заключается въ установленіи среди людей истиннаго царства Божія. По чувству канонистамъ было близко представленіе общности имущества (*Dulcissima rerum possessio communis est*), хотя они и смотрѣли на различіе между *meum* и *tuum*, какъ на необходимое послѣдствіе грѣхопаденія чловѣка. Въ случаѣ нужды, полагаютъ они, общественная власть можетъ *pro hac vice* возстановить первоначальную общность. Забота о бѣдныхъ не представляется доброй волею чловѣка, помощь нуждающимся составляетъ *debitum legale*. *Avaritia*—есть идолопоклонство, *cupiditas*, даже если она не выражается въ стремленіи захватить принадлежащее другому, является корнемъ всякаго зла и она не должна быть просто регулирована, а цѣликомъ искореняема. Земледѣіе и ремесло — это законные способы пріобрѣтенія пищи и одежды; торговля не поощряется расположеніемъ канонистовъ, такъ-какъ она даетъ поводъ ко множеству обмановъ; канонисты выражались о земледѣіи: „*Deo non displicet*“, а о торговлѣ: „*Deo placere non potest*“. Торговецъ долженъ опредѣлять цѣну своихъ товаровъ не сообразно со спросомъ и предложеніемъ на рынкѣ, а по ихъ дѣйствительной цѣнѣ (*justum pretium*). Онъ не долженъ скрывать недостатковъ своего товара, не долженъ брать, пользуясь незнаніемъ покупателя, болѣе настоящей цѣны. Денежный процентъ воспрещенъ. Рошеръ справедливо полагаетъ,

что это запрещеніе — центральный пунктъ всей канонической системы экономіи и основаніе большей части церковной юрисдикціи *). Такъ-какъ вопросъ о томъ, имѣетъ ли данная сдѣлка ростовщическій характеръ, рѣшался по сообщенію намѣренной стороны, то церковь, ея казуисты и судьи присвоили себѣ право высказывать опредѣленія о предосудительности или непредосудительности сдѣлки, въ которой дѣло шло о денежномъ займѣ.

Всѣ вышеупомянутыя идеи, которыя проповѣдывала церковь, обнаруживаютъ ея стремленіе къ высокому идеалу, но въ то же время ея аскетизмъ до извѣстной степени служилъ препятствіемъ для экономическаго прогресса. Населеніе возросло въ численности, раздѣленіе труда получило большее развитіе, естественно, что въ то же время возросло и требованіе на заемный капиталъ; а между тѣмъ, законы о процентѣ стремились препятствовать распространенію заемныхъ обязательствъ. Само собою разумѣется, что для обхода этихъ законовъ стали пользоваться фиктивными сдѣлками или устранять затрудненіе при посредствѣ различныхъ фикцій. Законы о процентѣ имѣютъ смыслъ и создаются обыкновенно въ первоначальныхъ стадіяхъ общественнаго развитія; къ денежнымъ займамъ въ эти эпохи прибѣгаютъ или для разорительныхъ удовольствій, или при такой нуждѣ, когда чловѣку слѣдуетъ помочь лишь по чувству христіанской благотворительности. Но когда начались займы капитала для расширенія предпріятій и для найма рабочихъ, законы эти сдѣлались настоящимъ анахронизмомъ. Между тѣмъ, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ, абсолютное теологическое направленіе не могло допустить измѣненій, сообразно съ новыми общественными условіями; простой здравый смыслъ народа постигъ, однако, гораздо скорѣе, въ чемъ заключаются основныя условія промышленной жизни.

*) См. Roscher: *Geschichte der National-Oekonomie in Deutschland*, стр. 5 и слѣд.

Когда умственная дѣятельность, о которой раньше нельзя было и думать, за множествомъ другихъ болѣе настоятельныхъ общественныхъ нуждъ, стала оживать къ концу средневѣковаго періода, явилась потребность въ рациональномъ объясненіи всей совокупности человѣческихъ дѣйствій, и на первое время этой потребности постарались удовлетворить воспринятіемъ лучшихъ результатовъ греческой мысли. Благодаря этому мы и находимъ, на примѣръ, въ трудахъ Томы Аквинскаго воспроизведеніе политическихъ и экономическихъ ученій Аристотеля въ частичномъ смѣшеніи съ христіанскими. Что Тома Аквинскій (по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если онъ былъ авторомъ *De regimine Principum*), придерживался вообще взглядовъ Аристотеля, съ очевидностью доказываетъ тѣмъ фактомъ, что онъ является послѣдователемъ Аристотелевой теоріи рабства, а между тѣмъ, подъ дѣйствіемъ вліяній и силъ его собственнаго времени, послѣдніе остатки этого института должны были исчезнуть изъ европейскаго общества *).

Это великое измѣненіе—освобожденіе рабочихъ классовъ—было самымъ важнымъ жизненнымъ результатомъ средних вѣковъ. Первымъ шагомъ къ этому освобожденію было обращеніе такъ называемаго рабскаго состоянія въ крѣпостное. Послѣднее состояніе, по самой своей природѣ, было переходное. Крѣпостной былъ привязанъ къ землѣ, имѣлъ опредѣленные семейныя отношенія, участвовалъ въ религиозной жизни общества. Теченіе всѣхъ обстоятельствъ, направленіе всѣхъ мыслей и чувствъ этого времени—все клонилось къ освобожденію. Этого исхода конечно дождались и сельскіе рабочіе, но не такъ быстро, какъ его достигли городскіе. Уже во второй періодъ средневѣковой жизни крѣпостное право исчезаетъ почти во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ; крестьяне же освобождаются изъ-подъ крѣпостнаго состоянія ни въ какомъ случаѣ не ранѣе третьяго періода средних вѣковъ.

*) См. Jourdain: Philosophie de S. Thomas, vol. I, pp. 141—9 и 400.

Адамъ Смитъ объясняетъ послѣднее великое измѣненіе двумя обстоятельствами: съ одной стороны, дѣйствіемъ личнаго интереса землевладѣльца, который замѣтилъ, что обработка земли посредствомъ сдачи ея свободному фермеру гораздо выгоднѣе, съ другой—дѣятельностью сюзереновъ, которые, опасаясь и не довѣряя крупнымъ феодаламъ, поощряли всякія посягательства на ихъ власть и права со стороны имъ подвластныхъ. Нельзя, безъ сомнѣнія, отрицать также заслугъ и Церкви въ этомъ дѣлѣ освобожденія; нравственные импульсы, какъ это часто бываетъ, соединялись съ политическими и экономическими мотивами. Съ крѣпостными лучше всего обращались въ церковныхъ имѣніяхъ; духовенство, какъ по своему ученію, такъ и по тому положенію, которое оно приобрѣло послѣ сѣверныхъ завоеваній, сдѣлалось патрономъ и защитникомъ покоренныхъ и угнетенныхъ классовъ.

Только съ освобожденія крѣпостныхъ стали обнаруживаться первыя очертанія іерархическаго склада новѣйшей промышленности, и общество начинаетъ раздѣляться на предпринимателей и рабочихъ. Личное освобожденіе рабочаго, послуживъ стимуломъ къ развитію какъ дѣятельности, такъ и инициативы, способствовало образованію капиталовъ (накопленію). Благодаря возникшей также послѣ этого освобожденія организациі городскихъ общинъ, установился прочный порядокъ и хорошее управленіе, а это, въ свой чередъ, стало благоприятствовать развитію населенія. Такимъ образомъ сложился дѣятельный классъ капиталистовъ. Капиталистъ появился прежде всего въ видѣ торговца, привозящаго или предметы роскоши изъ чужихъ странъ, или мануфактурныя издѣлія изъ различныхъ богатыхъ городовъ; феодальные владѣльцы охотно вымѣнивали свое сырье на эти привезенные торговцемъ-горожаниномъ дорогіе товары. Такимъ образомъ, играя роль посредниковъ между различными странами, города расширили себѣ поле для всякихъ торговыхъ предпріятій. Въ дальнѣйшей

Когда умственная дѣятельность, о которой раньше нельзя было и думать, за множеством других болѣе настоятельных общественных нуждъ, стала оживать къ концу средневѣковаго періода, явилась потребность въ рациональномъ объясненіи всей совокупности человѣческихъ дѣйствій, и на первое время этой потребности постарались удовлетворить воспріятіемъ лучшихъ результатовъ греческой мысли. Благодаря этому мы и находимъ, на примѣръ, въ трудахъ Фома Аквинскаго воспроизведеніе политическихъ и экономическихъ ученій Аристотеля въ частичномъ смѣшеніи съ христіанскими. Что Фома Аквинскій (по крайней мѣрѣ, въ томъ случаѣ, если онъ былъ авторомъ *De regimine Principum*), придерживался вообще взглядовъ Аристотеля, съ очевидностью доказываетъ тѣмъ фактомъ, что онъ является послѣдователемъ Аристотелевой теоріи рабства, а между тѣмъ, подъ дѣйствіемъ вліяній и силъ его собственнаго времени, послѣдніе остатки этого института должны были исчезнуть изъ европейскаго общества *).

Это великое измѣненіе—освобожденіе рабочихъ классовъ—было самымъ важнымъ жизненнымъ результатомъ средних вѣковъ. Первымъ шагомъ къ этому освобожденію было обращеніе такъ называемаго рабскаго состоянія въ крѣпостное. Послѣднее состояніе, по самой своей природѣ, было переходное. Крѣпостной былъ привязанъ къ землѣ, имѣлъ опредѣленные семейныя отношенія, участвовалъ въ религиозной жизни общества. Теченіе всѣхъ обстоятельствъ, направленіе всѣхъ мыслей и чувствъ этого времени—все клонилось къ освобожденію. Этого исхода конечно дождались и сельскіе рабочіе, но не такъ быстро, какъ его достигли городскіе. Уже во второй періодъ средневѣковой жизни крѣпостное право исчезаетъ почти во всѣхъ городскихъ поселеніяхъ; крестьяне же освобождаются изъ—подъ крѣпостнаго состоянія ни въ какомъ случаѣ не ранѣ третьяго періода средних вѣковъ.

*) См. Jourdain: Philosophie de S. Thomas, vol. I, pp. 141—9 и 400.

Адамъ Смитъ объясняетъ послѣднее великое измѣненіе двумя обстоятельствами: съ одной стороны, дѣйствіемъ личнаго интереса землевладѣльца, который замѣтилъ, что обработка земли посредствомъ сдачи ея свободному фермеру гораздо выгоднѣе, съ другой—дѣятельностью сюзереновъ, которые, опасаясь и не довѣряя крупнымъ феодаламъ, поощряли всякія посягательства на ихъ власть и права со стороны имъ подвластныхъ. Нельзя, безъ сомнѣнія, отрицать также заслугъ и Церкви въ этомъ дѣлѣ освобожденія; нравственные импульсы, какъ это часто бываетъ, соединялись съ политическими и экономическими мотивами. Съ крѣпостными лучше всего обращались въ церковныхъ имѣніяхъ; духовенство, какъ по своему ученію, такъ и по тому положенію, которое оно приобрѣло послѣ сѣверныхъ завоеваній, сдѣлалось патрономъ и защитникомъ покоренныхъ и угнетенныхъ классовъ.

Только съ освобожденія крѣпостныхъ стали обнаруживаться первыя очертанія іерархическаго склада новѣйшей промышленности, и общество начинаетъ раздѣляться на предпринимателей и рабочихъ. Личное освобожденіе рабочаго, послуживъ стимуломъ къ развитію какъ дѣятельности, такъ и инициативы, способствовало образованію капиталовъ (накопленію). Благодаря возникшей также послѣ этого освобожденія организациі городскихъ общинъ, установился прочный порядокъ и хорошее управленіе, а это, въ свой чередъ, стало благоприятствовать развитію населенія. Такимъ образомъ сложился дѣятельный классъ капиталистовъ. Капиталистъ появился прежде всего въ видѣ торговца, привозящаго или предметы роскоши изъ чужихъ странъ, или мануфактурныя издѣлія изъ различныхъ богатыхъ городовъ; феодальные владѣльцы охотно вымѣнивали свое сырье на эти привезенные торговцемъ—горожаниномъ дорогіе товары. Такимъ образомъ, играя роль посредниковъ между различными странами, города расширили себѣ поле для всякихъ торговыхъ предпріятій. Въ дальнѣйшій

періодъ времени, какъ это указалъ Смитъ, торговля послужила причиной развитія мануфактуры, которая стала частью готовить товары для иностраннаго сбыта, частью производить ихъ изъ иностраннаго матеріала, частью подражать иностраннымъ мастерамъ въ способахъ выдѣлки. Но первые значительные успѣхи въ развитіи ремесленной дѣятельности относятся къ XIV и XV вѣкамъ, а появленіе промышленниковъ предпринимателей произошло, собственно говоря, уже не въ средніе вѣка. Земледѣліе, при такихъ обстоятельствахъ, отошло на задній планъ; хотя феодальные владѣльцы и пытались было обратиться какъ бы въ управителей земледѣльческихъ предпріятій, но сила ихъ предубѣждений и привычекъ вообще препятствовала подобному движенію, а потому и развитіе земледѣльческой промышленности шло медленно. Все же, хотя и слабо, но оно должно было идти впередъ; расширеніе земледѣльческой культуры вызывалось, съ одной стороны, желаніемъ получить въ обмѣнъ за добытые сырые продукты тонкіе предметы мануфактуры иностраннаго или своего производства, — съ другой стороны, подъ вліяніемъ естественнаго стремленія капиталовъ, накопленныхъ въ городѣ, обратиться къ обработкѣ земли.

Нѣкоторыя торговыя операціи городовъ возникли въ очень отдаленное время; но только къ XIII—XIV вѣку онѣ приобрѣли такое значеніе, что законъ призналъ ихъ существованіе и далъ имъ правильную организацію. Многіе изъ экономистовъ, которые смотрятъ на средніе вѣка съ точки зрѣнія людей XV—XIX вѣка, отнесли къ этимъ корпораціямъ съ слишкомъ абсолютнымъ осужденіемъ. Справедливо, что для новаго времени эта корпоративная организація промышленности совершенно непригодна — она поэтому и необходимо должна была исчезнуть; вѣрно также и то, что существованіе этой организаціи было напрасно удержано поздне еще на продолжительное время. Съ другой стороны нельзя, однако, упустить изъ виду и того, что въ первое время ея по-

явленія она была во многихъ отношеніяхъ благотѣльна. Корпоративная организація соединила вновь возникшія промышленныя силы, а сознаніе esprit de corps укрѣпило ихъ. Организація эта заботилась о томъ, чтобы производимые предметы дѣлались прочно и хорошо, и цѣлый рядъ предосторожностей, которыя предпринимались съ этими цѣлями, повелъ къ развитію техническаго искусства. Немудрено поэтому, что Людовикъ Святой, создавая улучшенную организацію цеховъ въ Парижѣ, желалъ тѣмъ самымъ содѣйствовать развитію промышленнаго искусства. Цехи, далѣе, посредствомъ нѣкотораго, самопроизвольно развившагося въ ихъ предѣлахъ, надзора, содѣйствовали установленію добрыхъ нравственныхъ привычекъ; среди каждой профессіи они пытались развить чувство общности (общественный духъ), и все это происходило въ такое время, когда еще трудно было ожидать гдѣ-либо проявленія широкаго общественнаго самосознанія.

Глава IV.

Новое время: періодъ первый и второй.

Временемъ окончанія среднихъ вѣковъ, какъ доказалъ Контъ, слѣдуетъ признать конецъ XIII, а не XV вѣка. Съ этой эпохи начинается тотъ періодъ, которому даютъ названіе новаго времени и который, въ свою очередь, подраздѣляютъ обыкновенно на три послѣдовательныхъ фазы; послѣдняя изъ нихъ постепенно переходитъ въ положеніе вещей, характерное для современной намъ эпохи.

I. Въ XIV—XV вѣкахъ окончательно разрушилась церковно-феодалная система, благодаря взаимной борьбы ея собственныхъ официальныхъ представителей; изъ-подъ развалинъ стараго порядка стали подниматься элементы новаго. Въ это время шла непрерывная борьба между феодальными владѣльцами и королевской властью; обѣ враждующія стороны искали союза съ городами, ради ихъ промышленныхъ силъ. О событіяхъ этого періода мы едва ли найдемъ какой-нибудь откликъ въ современной имъ экономической литературѣ.

II. Во второмъ періодѣ, начинающемся съ XVI вѣка, самопроизвольное разложеніе средневѣковаго строя усиливается, благодаря цѣлому ряду систематическихъ ударовъ, еще болѣе разрушающихъ эту организацію. Центральная свѣтская власть, успѣвшая къ этому времени окрѣпнуть и приобрести устойчивость, прибираетъ къ рукамъ развившуюся промышленность и торговлю; она получаетъ популярность своей покровительственной политикой и въ то же время начинаетъ пользоваться

промышленностью въ политическихъ видахъ, заставляя эту послѣднюю, доставленіемъ средствъ для военныхъ успѣховъ, содѣйствовать развитію силы и блеска власти. Въ тѣсной связи съ этими практическими задачами и общественными стремленіями, на нихъ основывающимися, стоитъ меркантильная школа политической экономіи, приобретающая къ этому времени преобладаніе. Несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эта политика европейскихъ правительствъ имѣла успѣхъ, но въ цѣломъ она должна была потерпѣть неудачу; самая природа и происхожденіе правительствъ дѣлали ихъ неспособными къ руководству промышленнымъ развитіемъ. Потеря довѣрія къ духовной власти, съ которой большая часть этихъ правительствъ была въ союзѣ, еще болѣе ослабляла и подрывала ихъ значеніе.

III. Въ послѣдній періодъ новаго времени, совпадающій приблизительно съ XVIII вѣк., уже сказывается явное стремленіе къ совершенно новой организаціи какъ свѣтской, такъ и духовной власти. Прежде всего, это стремленіе выражается въ философской и общей литературѣ періода, а затѣмъ въ великой французской революціи. Протестантизмъ еще въ концѣ предшествовавшаго періода провозгласилъ универсальное критическое ученіе, которое къ концу его было систематизировано въ Англии, а затѣмъ распространено по всей Европѣ и популяризовано французскими писателями. Духъ индивидуализма, характерный для этого ученія, въ высшей степени соответствовалъ потребностямъ времени; общее сочувствіе, съ которымъ были приняты идеи о свободномъ договорѣ и *laissez faire*, свидѣтельствуемъ о вѣрномъ пониманіи условий, свойственныхъ тогдашней Европѣ. За невозможностью создать новую и цѣльную систему мысли и жизни, желанія ограничивались тѣмъ, чтобы представить болѣе широкій просторъ для личной инициативы и теоріи; вмѣшательство государственной власти допускалось лишь въ интересахъ предупрежденія анархіи. Отъ правительствъ требовали, чтобы они перестали руко-

водитъ общественнымъ развитіемъ, и задачу ихъ ограничивали лишь поддержаніемъ матеріальнаго порядка. Само собою разумѣется, что подобная политика могла имѣть только временное приложеніе; отрицательная школа пыталась, однако, согласно съ общимъ своимъ духомъ, возвести преходящую и исключительную необходимость въ постоянный и нормальный законъ. Единодушное стремленіе европейскихъ народовъ къ освобожденію труда, возвысившееся даже на степень всеобщаго увлеченія, можно разсматривать съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія, сообразно съ разными сторонами мысли и жизни. Хотя на экономическомъ поприщѣ французскіе фیزیократы были первыми теоретическими представителями этого стремленія, но задача, которую они себѣ ставили какъ въ смыслъ уничтоженія стараго, такъ и созданія новаго, съ гораздо большей точностью и искусствомъ была выполнена Адамомъ Смитомъ; почему на этого послѣдняго и слѣдуетъ смотрѣть какъ на продолжателя и завершителя ихъ труда.

Много серьезныхъ нравственныхъ недостатковъ было связано съ этимъ движеніемъ новаго времени. Общественная дисциплина, къ которой стремились люди среднихъ вѣковъ и установить которую, хотя и на непрочныхъ основаніяхъ, они отчасти успѣли, была разрушена, чувство справедливости и долга ослабло, а съ нимъ вмѣстѣ и чувство единства; индивидуализмъ въ наукѣ послужилъ поощреніемъ эгоизму въ жизни. Съ особенной ясностью результаты всего этого сказались на экономическомъ поприщѣ. Національный эгоизмъ и частная алчность стали преобладать все болѣе и болѣе; среди высшихъ и низшихъ слоевъ промышленнаго класса начинаютъ замѣчаться стремленіе къ обособленію и враждѣ. Новые элементы — наука и промышленность, — постепенно пріобрѣтавшіе въ это время значеніе, чувствовали, что въ ихъ предѣлахъ развивается болѣе стойкая и дѣйствительная дисциплина, чѣмъ та, которую они замѣнили; но окончательный синтезъ былъ слишкомъ далекъ, еще настолько не опредѣлился, чтобы его

можно было явственно различать среди разрозненнаго и непослѣдовательнаго роста этихъ элементовъ. Въ настоящее время можно уже составить сознательное представленіе объ этомъ синтезѣ: стремленіемъ создать такую синтетическую систему и осуществить ее въ жизни — характеризуется нашъ вѣкъ. Этому самопроизвольному стремленію общества соответствуетъ, какъ мы увидимъ, новая форма экономической науки, которая пытается сдѣлать политическую экономію частью общей социологіи и подчинить ее морали.

На слѣдующихъ страницахъ мы попытаемся провѣрить и иллюстрировать въ подробностяхъ указанную здѣсь схему; мы постараемся также изобразить, какимъ образомъ черты, соответствующія различнымъ послѣдовательнымъ стадіямъ новой исторіи, отпечатлѣвались и отражались на развитіи экономическихъ ученій.

Первый періодъ новой исторіи.

Первый періодъ новой исторіи характеризуется, съ одной стороны, разложеніемъ средневѣковаго строя, съ другой — образованіемъ важнѣйшихъ элементовъ новаго порядка. Духовная власть все болѣе теряетъ способность и возможность исполнять свое нравственное назначеніе; общественная жизнь и руководство ею предоставляется честолюбивымъ и корыстолюбивымъ импульсамъ индивидуальной энергіи. Въ это же время слагаются строгія правительства, которыя ставятъ своей задачей поддержаніе порядка среди возрастающей умственной и нравственной распущенности. Въ повсемѣстномъ признаніи общинъ въ качествѣ одного изъ элементовъ политической системы обнаружилось возрастающее значеніе промышленныхъ силъ; то же явленіе выразилось и въ возстаніяхъ рабочихъ классовъ. Благодаря образованію — вначалѣ временныхъ, а затѣмъ постоянныхъ — армій, на жаловань, въ Европѣ того времени замѣчается рѣшительное преоблада-

ніе мирной дѣятельности; такимъ образомъ, посвятивъ досугъ опредѣленнаго меньшинства военнымъ операціямъ и упражненіямъ, большинство народа получило возможность предаваться труду безъ помѣхъ и перерывовъ. Обрабатывающая промышленность (мануфактура) приобрѣла огромное значеніе; въ этой отрасли появилось прежде всего различіе между предпринимателемъ и рабочимъ, но отношенія между этими двумя классами окончательно сложились только послѣ того, когда военное дѣло и служба сдѣлались особой профессіей. Мореплаваніе облегчилось, благодаря изобрѣтенію компаса. Искусство книгопечатанія послужило доказательствомъ того, что умственное и промышленное движеніе должны образовать союзъ и работать совместно для общей цѣли. Во Флоренціи, Венеціи и Генуѣ общественный кредитъ существовалъ уже гораздо раньше того времени, когда Англія и Голландія стали приобретать сколько-нибудь важное финансовое значеніе. Какъ разъ въ концѣ этого періода произошло открытіе Америки и новаго пути на востокъ; эти событія оказали могущественное вліяніе, произвели революцію въ ходѣ торговли, сдѣлали возможнымъ образованіе колоній; существованіе послѣднихъ, въ свой чередъ, содѣйствовало развитію полного и повсемѣстнаго преобладанія промышленной жизни.

Весьма вѣроятно, что неопредѣленное положеніе этого періода, стоящаго посрединѣ между средними вѣками и новымъ временемъ, послужило причиной того, что теорія не соответствовала тому удивительному подъему и броженію, которое замѣчается въ тогдашней практической жизни. Такъ въ области политическихъ доктринъ все еще придерживались ученія Томы Аквинскаго, лишь съ незначительными измѣненіями второстепеннаго характера. Въ области экономическихъ вопросовъ единственная сторона, на которую обращалось общее вниманіе, состояло въ свойствахъ и функціяхъ денегъ, важное значеніе которыхъ стало чувствоваться послѣ того, какъ платежи услугами и натурой вышли изъ обыкновенія,

и стала вводиться правильная система обложенія (т.-е. натуральная система хозяйства начала замѣняться денежной).

Рошеръ, а вслѣдъ за нимъ и Воловскій *) обратили вниманіе на одного писателя Орезма (Nicole Oresme), который былъ учителемъ Карла Пятаго, а умеръ епископомъ въ Лизьѣ (Lisieux) въ 1382 году. Рошеръ считаетъ его великимъ экономистомъ **). *Tractatus de origine, natura, jure et Mutationibus Monetarum* Орезма (перепечатанный въ 1864 году Воловскимъ) заключаетъ въ себѣ вполне сходную съ теперешними взглядами денежную теорію и изложенъ съ такой краткостью, ясностью и простотой, что невольно приходишь къ убѣжденію, что онъ написанъ рукою мастера.

Второй періодъ новой исторіи: меркантильная система.

Образованіе новыхъ общественныхъ силъ въ теченіе перваго періода происходило, преимущественно, самопроизвольно; во второмъ періодѣ, напротивъ, правительство систематически способствуетъ ихъ развитію; новыя военныя и политическія цѣли требовали средствъ, финансовые ресурсы среднихъ вѣковъ стали недостаточны; правительство могло увеличивать размѣры своихъ средствъ только возвышая обложеніе, а послѣднее возможно лишь при возрастающемъ благосостояніи общества. Развитіе промышленныхъ силъ стало поэтому постоянной заботой правительствъ даннаго времени и даже болѣе, — интересы промышленности сдѣлались главнымъ предметомъ ихъ политики. Въ естественной гармоніи съ такимъ положеніемъ вещей возникаетъ и приобретаетъ вліяніе меркантильная система; около середины XVII вѣка она достигаетъ высшихъ предѣловъ своего развитія и значенія.

*) Comptes rendus de l'Academie des sciences morales et politiques, LVII, стр. 435 и слѣд.

**) Roscher. Geschichte der National-Oekon. in Deutschland, стр. 25.

Меркантильная доктрина, въ самой крайней своей формѣ, вполне отождествляетъ богатство съ деньгами. По мнѣнію представителей этой школы, великая задача общества заключается въ томъ, чтобы организовать обмѣнъ съ другими націями на такихъ условіяхъ, благодаря которымъ въ страну притекало бы наибольшее количество денегъ. Каждая благоразумная страна должна вывозить возможно большее количество продуктовъ своей мануфактуры, ввозить возможно меньшее, получая оплату разницы въ пользу вывоза серебромъ и золотомъ. Эта разница называлась торговымъ балансомъ, и послѣдній почитался выгоднымъ, если было получено больше монеты, чѣмъ сколько выплачено. Правительству рекомендовалось принимать всяческія мѣры къ тому, чтобы балансъ былъ выгоденъ: запрещать ввозъ товаровъ, учреждать высокія пошлины на ввозъ, преміи на вывозъ продуктовъ своихъ мануфактуръ и устанавливать ограниченія на вывозъ драгоценныхъ металловъ.

Такими чертами обыкновенно обрисовывается меркантильная система въ руководствахъ, но характеристика, подобная настоящей, далеко не опредѣляетъ съ достаточной точностью взгляды всѣхъ писателей, принадлежащихъ къ меркантильной школѣ. Многіе изъ членовъ этой школы весьма ясно сознавали всю ошибочность отождествленія богатства съ деньгами, — съ серебромъ и золотомъ. Какъ вполне правильно замѣтилъ Рошеръ, меркантилистовъ удобнѣе всего характеризовать не по какимъ-нибудь общимъ имъ всѣмъ экономическимъ положеніямъ, а по складу и комбинаціи ихъ теоретическихъ стремленій, которыя приблизительно могутъ быть исчислены такъ: 1) стремленіе придавать чрезмѣрное значеніе большому запасу драгоценныхъ металловъ; 2) стремленіе превозносить иностранную торговлю предъ внутренней, — обрабатывающую промышленность — предъ добывающей; 3) стремленіе придавать слишкомъ большое значеніе густому населенію, какъ національной силѣ, и 4) стремленіе прибѣгать къ дѣятель-

ности власти для достиженія желательныхъ и предполагаемыхъ цѣлей. Обратившись къ разсмотрѣнію положенія вещей въ тогдашней Западной Европѣ, мы безъ труда поймемъ, почему эти стремленія неизбежно должны были возникнуть. Открытіе Нового свѣта положило начало въ Европѣ широкому развитію денежнаго обращенія. Старое феодальное хозяйство съ его натуральнымъ обмѣномъ уступило мѣсто новому „денежному хозяйству“, размѣры котораго становились все больше и больше. Обращеніе ускорилося, сообщенія между отдаленными странами участились, городская жизнь и движимая собственность приобрѣли большее значеніе. Меркантилистовъ поразило тотъ фактъ, что монета составляетъ богатство *sui generis*, что на монету есть спросъ всегда и вездѣ и что посредствомъ ея можно сдѣлаться обладателемъ любой полезности. Періодъ, о которомъ мы говоримъ, характеризуется далѣе еще образованіемъ великихъ государствъ съ сильными правительствами во главѣ ихъ. Правительствамъ нужны были люди и деньги: деньги были необходимы для содержанія постоянныхъ армій, особенно возросшихъ по размѣрамъ во время религиозныхъ, а также итальянскихъ войнъ; нужда въ деньгахъ становилась все настоятельнѣе еще и потому, что дворцовыя издержки сдѣлались въ это время болѣе значительны, чѣмъ когда-либо прежде, а число гражданскихъ чиновниковъ также увеличилось непо- мѣрно. Доходы съ королевскихъ доменъ и пошлинъ не могли удовлетворить новымъ требованіямъ, а поэтому обложеніе росло сообразно съ развитіемъ потребностей монархій. Государственные люди стали сознавать, что осуществленіе ихъ политическихъ цѣлей возможно только при условіи процвѣтанія промышленности и что только послѣдняя можетъ снабдить ихъ необходимыми для того средствами. Мануфактурная промышленность, между тѣмъ, представляетъ много преимуществъ предъ земледѣліемъ: она создаетъ большую сумму цѣнностей для вывоза; рынокъ для мануфактурныхъ произве-

деній шире, размѣръ предпріятій можетъ быть увеличенъ гораздо быстрее, и, наконецъ, густота населенія при промышленномъ складѣ хозяйства можетъ быть гораздо больше, чѣмъ при земледѣльческомъ. Благодаря всѣмъ этимъ преимуществамъ, мануфактура сдѣлалась предметомъ особаго покровительства и попеченія со стороны правительства, а забота о земледѣліи отошла на второй планъ. Развитие мануфактурной промышленности оказало могучее вліяніе и на торговлю, широкая и новая арена для которой открылась съ образованіемъ колоній. Въ это время установился оригинальный взглядъ относительно колоній: онѣ рассматривались просто какъ имѣнія, которыя обрабатываются для выгодъ метрополіи, и всѣ стремленія государственныхъ людей были направлены къ тому, чтобы колониальная торговля сдѣлалась новымъ источникомъ государственнаго дохода. Всѣ націи тогдашней Европы, работая надъ развитіемъ своихъ силъ, а наиболѣе крупныя изъ нихъ и желая достигнуть господства и преобладанія надъ другими, естественно вступили въ борьбу какъ политическую, такъ и экономическую; успѣхъ въ экономической борьбѣ считался, однако, лишь средствомъ для господства политическаго. Такимъ образомъ, когда правительство стало во главѣ экономической политики, создалось понятіе о національномъ экономическомъ интересѣ. Само государство обратилось какъ бы въ теплицу для городской промышленности. Производство было подчинено строгому и систематическому контролю; наблюденіемъ за добротностью и дешевизной товаровъ стремились удержать за собой мѣсто на иностранныхъ рынкахъ. Функція контроля отчасти исполнялась самимъ государствомъ, но главнымъ образомъ была возложена на корпораціи и торговые компаніи. Ввозныя пошлины, бывшія при ихъ возникновеніи средствомъ полученія дохода, обратились теперь въ орудіе поощренія національной промышленности. Торговые трактаты сдѣлались главнымъ предметомъ заботъ дипломатіи, которая стремилась такимъ

путемъ устранить на иностранныхъ рынкахъ соперничество другихъ націй; много усилій употреблялось и на то, чтобы на внутренніе рынки, по возможности, не проникало никакихъ другихъ товаровъ, кромѣ сырья. Колоніямъ было строго запрещено вести торговлю съ другими европейскими государствами; это право на торговлю принадлежало метрополіи, которая обмѣнивала продукты своей мануфактурной промышленности на золото и сырье колоній. Мы видимъ, такимъ образомъ, что идеи такъ называемой меркантильной школы были вѣрнымъ теоретическимъ снимкомъ съ практической дѣйствительности того времени; націи и правительства увлекались меркантильной политикой, вовсе не благодаря вліянію особой формы научнаго мышленія, а подъ давленіемъ тогдашнихъ обстоятельствъ и влѣдствіе наблюденія очевидныхъ фактовъ дѣйствительности.

Даже теперь, взглянувъ на вопросъ съ точки зрѣнія философіи исторіи, мы должны будемъ признать, что тотъ всеобщій энтузіазмъ, съ которымъ націи и правительства относились во второй периодъ новой исторіи къ развитію промышленности и торговли, много сдѣлалъ для общаго соціального развитія. Если бы мыслители того періода обладали предвидѣніемъ, они должны были бы указать націямъ тотъ именно путь, по которому эти послѣднія пошли самостоятельно подъ давленіемъ различныхъ обстоятельствъ. Организациія сельской промышленности въ данный періодъ не могла сдѣлать большихъ успѣховъ, ибо руководство въ этой отрасли приложенія труда принадлежало феодальному классу, который не въ состояніи былъ освоиться съ необходимыми привычками промышленной жизни и не могъ идти рука объ руку съ людьми трудящимися въ этой послѣдней области. Прежде всего должна была создаться городская промышленность, развитіе которой дало затѣмъ косвенный толчокъ и прогрессу земледѣлія. Ясно само собой, что систематическая дисциплина могла быть примѣнена прежде всего къ жизни фабричнаго пролетаріата,

трудъ котораго, по необходимости, болѣе непрерывенъ и имѣетъ болѣе общественный характеръ, и уже впоследствии она должна была распространиться и на земледѣльческихъ рабочихъ.

Нельзя сомнѣваться, что усилія, потраченныя правительствомъ на поощреніе мануфактуръ и торговли, вполнѣ достигали своей цѣли и самъ Адамъ Смитъ признавалъ полезное значеніе этой покровительственной дѣятельности, всякое значеніе которой отрицаютъ лишь одни доктринеры свободной торговли. Техническое искусство нуждалось въ то время въ поощреніи правительства: многіе виды національнаго производства получили возможность окрѣпнуть только благодаря тому, что правительство для развитія этихъ отраслей привлекало иностранныхъ рабочихъ, облегчало обложеніе, заботилось объ улучшеніи путей сообщенія и транспорта, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ; не менѣе важно и то, что уваженіе къ промышленнымъ классамъ возросло, сравнительно съ другими классами, прежде исключительно господствовавшими.

Часто спрашиваютъ, подъ чьимъ влияніемъ возникла меркантильная система, — вызвано ли ея существованіе практической жизнью, или теоретическимъ мышленіемъ. На такой вопросъ дать положительный отвѣтъ невозможно. Система меркантильныхъ возрѣній возникаетъ самопроизвольно и помимо науки, и подобныя идеи можно встрѣтить даже у латинскихъ и греческихъ писателей. Кроме того, рекомендованная этой школой политика, какъ мы уже указывали, была вызвана самимъ положеніемъ европейскихъ народовъ въ начальную эпоху новаго времени. Въ XIV и XV вѣкахъ подобная политика уже примѣнялась на практикѣ, хотя теоретическая обработка и защита ея основаній еще и не имѣла мѣста. Съ начала XVI вѣка меркантильная политика приобретаетъ обширное распространеніе и замѣтное влияніе. Карлъ V сталъ ея послѣдователемъ, и примѣръ этого государя много содѣйствовалъ тому, что она получила преобладаніе. Генрихъ VIII

и Елизавета руководились въ своихъ мѣропріятіяхъ возрѣніями этой же школы. Выдающіяся государства того времени скоро и повсемѣстно вступили въ борьбу и соперничество; всѣ политическіе и финансовыя ресурсы были пущены въ ходъ для того, чтобы обезпечить за собой мануфактурное и торговое преобладаніе. Въ продолженіе всего почти XVII вѣка (въ томъ, по крайней мѣрѣ, что касается торговли), — первенство принадлежало Голландіи; Италія въ это время утратила свое прежнее значеніе, благодаря открытію новыхъ морскихъ путей и благодаря своимъ политическимъ неудачамъ; Испанія и Германія владели жалкое существованіе, благодаря вѣчнымъ войнамъ и внутреннимъ раздорамъ. Зависть и удивленіе къ Голландіи проглядываетъ въ трудахъ многіхъ английскихъ политиковъ и экономистовъ, — на примѣръ, въ трудахъ *Ралея* (Raleigh), *Менъ* (Mun), *Чайльдъ* (Child) и *Темплъ* (Temple)*); что и на французскихъ политическихъ дѣятеляхъ голландское первенство оказывало подобное же влияніе, ясно видно изъ письма Кольбера къ *де-Полтону* (M. de Poltrophe)**), посланнику въ Нидерландахъ. Кромвель, разстроившій своимъ Навигаціоннымъ Актомъ транспортную, или фрахтовую торговлю Голландіи, и положившій тѣмъ начало английскому морскому господству, и Кольберъ во всей своей внутренней и внѣшней политикѣ — вотъ главные практическіе представители меркантильной системы. *Менготти* (Mengotti), знаменитый италіанскій публицистъ, по имени главнаго практическаго дѣятеля меркантилизма — Кольбера, назвалъ и всю эту систему „кольберизмомъ“. Было бы, од-

*). Roscher, Geschichte der National-Oekonomie in Deutschland, p. 227. См. также: Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкуренціи и началъ государственнаго внимательства. Т. I. Москва. 1876. Стр. 1—96. Прим. Ред.

**). Clément, Histoire de la vie et de l'administration de Colbert (1846), p. 134.

нако, большой ошибкой полагать, что этот великий французский министр раздвигал безусловно все догматы меркантильной школы. На свои мероприятия он смотрел как на нечто временное, и, по его собственному выражению, покровительственные тарифы — это не больше, как костыли, при посредстве которых нация должна научиться ходить самостоятельно; когда нация почувствует под своими ногами твердую почву, несомненно, костыли надо отбросить прочь. Еще до Кольбера политика запрещенной применялась министером Сюлли, который был ее сторонником отчасти потому, что видел в ней удобное средство для увеличения государственных доходов, отчасти также потому, что питал сильное расположение к земледелию и смотрел на ввоз предметов роскоши как на нечто вредно действующее на национальный характер. Кольберовский тариф 1664 года не только упростил таможенную систему, но и значительно сократил количество и размер существовавших пошлин. Тариф 1667 года, возвышавший пошлины, был лишь политической мѣрой против Голландии. Франция обязана этой политикой тем блестящим расцветом своей торговли и мануфактурной промышленности, который поражал тогдашнюю Европу и о котором мы так много слышали от английских писателей-современников В. Петти. Во всех мероприятиях Кольбера были, однако, и дурные стороны. Промышленность, благодаря постоянной опеке, привыкла идти по одному и тому же избитому пути и не умела приспособляться к мѣняющимся вкусам и требованиям, не была в состоянии ни упростить процессы производства, ни прибегнуть к большему раздвиганию труда и к улучшенным орудиям. Самостоятельность, инициатива, изобретательность — были подавлены или, по крайней мере, не находили поощрения; таким образом, ради непосредственных результатов жертвовали всем тем, что можно было с успехом получить в последующем. Многие из просвещенных го-

сударственных людей, — а среди них в особенности Кольбер, — старались бороться с недостатками существовавшей промышленной системы и жертвовали для этого громадные средства. Была создана специальная должность инспекторов промышленности, которые должны были добывать и распространять повсеместно сведения об улучшенных способах производства. Но все эти мероприятия, хотя и оказывали некоторое влияние на промышленность, но в целом и за долгий промежуток времени они служили весьма недостаточной замѣной тех выгод, которые промышленность теряла, благодаря существовавшей опеке.

Мы не можем даже и ожидать, что писатели этого периода дадут нам изложение политической экономии, как особой и цѣльной науки; появившиеся тогда сочинения обыкновенно писались по каким-нибудь специальным вопросам, вызывались особыми потребностями, преимущественно практического свойства, возникая вместе с великими движениями того времени. Сочинения эти имели характер софтов, были простыми указанием способов, посредством применения которых правительства могли достигнуть развития производительных сил и средств государств. Меркантилисты писали (и Листь считает это особой их заслугой) строго в духе „национальной экономии“, и „космополитизм“ был совершенно им чужд. В этих монографиях сама меркантильная теория имела иногда мало влияния, и вопросы обсуждались, вовсе не принимая во внимание ее положения. Но в большинстве случаев теория эта была тем основным учением, которое в конечном результате определяло заключения писателя.

Возвышение цѣны, последовавшее за открытием американских золотых россыпей, прежде всего обратившее на себя внимание теоретиков, было причиной громадного и все увеличивавшегося разстройства существовавших экономических отношений; смятение и страх, вызванные этим явлением, были особенно сильны потому, что никто не понимал

причинъ происходящихъ измѣненій. Порча монеты, къ которой въ это время прибѣгали и монархическія и республиканскія правительства, еще болѣе усиливала потери и затрудненія. Это злоупотребленіе сильно потрясло на экономической жизни Италіи, въ особенности вслѣдствіе политическаго раздѣленія. Злоупотребленія монетой послужили поводомъ для появленія труда графа *Гаспаро Скаруффи* (*Gasparo Scaruffi*) *Discorso sopra le monete et della vera proporzione fra l'oro e l'argento* (1582). Въ этомъ сочиненіи онъ высказываетъ смѣлую для того времени идею о всеобщей монетѣ одинаго объема, формы, состава и обозначенія. Подобная мысль была преждевременна, и ея не приняли даже италянскіе принцы, къ которымъ собственно и обращался авторъ. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что въ будущемъ предложеніе *Скаруффи* получить осуществленіе. *Дж. Донато Турболо* (*Gian Donato Turbolo*), мастеръ неаполитанскаго монетнаго двора въ своемъ сочиненіи „*Discorsi e Relazioni*“ (1629 года) протестуетъ противъ какихъ бы то ни было опытовъ съ монетой. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ изслѣдованіи о деньгахъ, принадлежащемъ перу знаменитаго переводчика Тацита *Бернардо Даванцати* (*Bernardo Davanzati*) и озаглавленномъ „*Lezioni delle monete*“ (1588 г.), которое впрочемъ незначительно и довольно поверхностно и замѣчательно только тѣмъ, что написано красивымъ и изящнымъ стилемъ.

Французскій писатель *Жанъ Бодэнъ* (*Jean Bodin*) также занимался изслѣдованіями о деньгахъ, но съ другой точки зрѣнія. Въ своемъ „*Réponse aux paradoxes de M. Malestroit touchant l'enchérissement de toutes les choses et des monnaies*“ (1568) и въ „*Discours sur le rehaussement et la diminution des monnaies*“ (1578) онъ разъяснилъ съ гораздо большей основательностью, чѣмъ многіе изъ его современниковъ, вопросы о причинахъ измѣненія цѣны, объ отношеніи, существующемъ между колебаніемъ цѣнности и рыночной цѣной товаровъ и рабочей платы. Онъ понималъ, что общая сумма обращаю-

щихся въ странѣ денегъ не составляетъ богатства общества и что запрещеніе вывоза драгоценныхъ металловъ бесполезно, потому что дѣлается недействительнымъ, благодаря подробностямъ торговли. Бодэнъ представляетъ собой незначительную фигуру въ литературной исторіи той эпохи и занимался еще многими другими вопросами, кромѣ экономическихъ; въ своихъ „*Six livres de la République*“, написанныхъ около 1576 года, онъ подвергаетъ изслѣдованію вопросы объ общихъ условіяхъ благосостоянія и прочности государствъ. Въ полномъ согласіи съ духомъ своего времени онъ старается доказать, что абсолютное правительство лучше всѣхъ другихъ обезпечиваетъ благосостояніе и безопасность общества. Онъ съ особой полнотой и подробностью останавливается на защитѣ индивидуальной собственности и на опроверженіи коммунистическихъ ученій Платона и Мора; особая тщательность съ которой онъ разсматриваетъ этотъ вопросъ, объясняется тѣмъ, что рѣшеніе его было настоятельно необходимо и своевременно, благодаря тому возбужденію, которое вызвали тогда анабаптисты своими коммунистическими ученіями. Бодэнъ подчинялся вліянію меркантильныхъ воззрѣній, относится съ большимъ одобреніемъ къ энергичному вмѣшательству правительства въ промышленныя дѣла, къ высокимъ пошлинамъ на ввозъ мануфактурныхъ издѣлій и къ низкимъ на ввозъ пищи и необработанныхъ матеріаловъ, придаетъ наконецъ большое значеніе густому населенію. Его нельзя, тѣмъ не менѣе, считать слѣпымъ сторонникомъ ученій меркантильной школы; въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ высказывается даже за неограниченную свободу торговли; онъ стоитъ гораздо выше своего знаменитаго современника *Монтэнь* (*Montaigne* *) въ своемъ пониманіи той истины, что пріобрѣтенія одной націи отнюдь не необходимо совершаются

*) „Il ne se fait aucun profit“, говоритъ Монтэнь, „qu'au dommage d'autrui.“ *Essais*, liv. I, chap. 21.

на счетъ потери другой. Финансамъ, которые онъ называетъ нервами государства, онъ посвящаетъ много вниманія и, между прочимъ, настаиваетъ на обязанности правительства заботиться о равномерности обложенія. Бодэнъ, кромѣ того, заслуживаетъ особой похвалы и за то, что онъ постоянно разсматриваетъ вопросы о развитіи и регулированіи матеріальной жизни въ связи съ высшими стремленіями и интересами общества.

Правильный взглядъ на причины измѣненія цѣнъ имѣлъ также англійскій писатель W. S. (William Stafford); свои взгляды онъ изложилъ въ сочиненіи *Briefve Conceptione of English Policy*, напечатанномъ въ 1581 году и посвященномъ королевѣ Елизаветѣ. Сочиненіе имѣетъ форму діалога и написано необыкновенно живо и съ чувствомъ. Авторъ, кажется, былъ знакомъ съ трудами Бодэна. Воззрѣнія его на деньги вполне правильны, и онъ отлично понимаетъ весь вредъ, происходящій отъ порчи монеты. Онъ подробно описываетъ, какое вліяніе на различные интересы страны оказала порча монеты, имѣвшая мѣсто въ предшествовавшія царствованія, а также общее измѣненіе цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ. Происхожденіе великаго народнаго горя его времени, именно обрабѣтанныхъ земель въ пастбища, онъ объясняетъ главныхъ образомъ ограниченіями въ вывозѣ хлѣбовъ, которыя онъ и рекомендуетъ уничтожить. Во взглядахъ его на мануфактурную промышленность онъ сходится однако съ позднѣйшими меркантилистами: такъ онъ является сторонникомъ ограниченія ввоза тѣхъ мануфактурныхъ издѣлій, производство которыхъ можетъ получить развитіе въ предѣлахъ страны и запрещенія вывоза сырья для иностранной переработки *).

По вопросу о деньгахъ было написано и первое германское произведеніе по политической экономіи, отличающееся

*) См. по этому поводу и въ болѣе подробномъ изложеніи нѣсколько иной взглядъ на ученіе Стаффорда въ моей книгѣ: „Англійская свободная торговля“, т. I, стр. 38—50.

оригинальными чертами національнаго характера нѣмцевъ и написанное на ихъ родномъ языкѣ. Герцогъ Георгъ изъ Эрнестинской Саксонской линіи задумалъ въ 1530 году прибѣгнуть къ порчѣ монеты. Противъ подобной затѣи при покровительствѣ и по внушенію Альбертинской линіи того же княжескаго дома, которая вообще держалась болѣе здоровой политики, какъ въ экономическихъ, такъ и въ церковныхъ дѣлахъ, былъ написанъ памфлетъ подъ заглавіемъ: „*Gemeine Stymmen von der Muntze*“. Въ отвѣтъ на этотъ памфлетъ былъ изданъ противной стороной другой, который оправдывалъ намѣренія Георга и который также не остался безъ отвѣта со стороны Альбертинской линіи. По описанію Рошера, эти памфлеты Эрнестинской партіи представляютъ собой нѣчто дурно переданное, темное, напыщенное и софистически написанное въ такой же степени, какъ и тезисъ, ихъ вызвавшій. Но они тѣмъ не менѣе интересны потому, что заключаютъ въ себѣ изложеніе основныхъ положеній меркантильной системы, произведенное такимъ образомъ болѣе чѣмъ за столѣтіе до появленія книги Мёна и за 46 лѣтъ до „*Six livres*“ Бодэна *).

По мнѣнію Рошера, памфлетъ Альбертинцевъ отличается такой правильностью во взглядахъ на причины и условія, способствующія развитію національнаго богатства, на природу денегъ, на права и обязанности правительства по отношенію къ экономической дѣятельности, что имя неизвѣстнаго его сочинителя можно поставить на ряду съ именами Ралей (Raleigh) и другихъ представителей „колониальной теоріи“ конца XVI и начала XVII вѣка.

Въ связи съ вопросомъ о монетѣ приходится упомянуть и великое имя Коперника. Его изслѣдованіе „*De monetae eudendae ratione*“, 1526 г. (впервые напечатанное въ 1816 году)

*) Первое систематическое изложеніе началъ меркантильной системы скорѣе и съ большимъ основаніемъ можно приписать Миссельдену, нежели Мёну. См. объ этомъ „Англ. свобод. торговля“, т. I, стр. 60 и слѣд.

было написано по повелѣнію Сигизмунда I и представляет изложеніе тѣхъ принциповъ, на которыхъ предполагалось произвести реформу денежнаго обращенія въ прусскихъ областяхъ Польши. Коперникъ является защитникомъ единства монетной системы во всемъ государствѣ и строгой правильности въ качествѣ металла; онъ же рекомендуетъ установленіе пошлины, достаточной для покрытія издержекъ чекана. Многие смотрятъ на *Antonio Serra* (*Antonio Serra*) какъ на основателя новѣйшей политической экономіи. Serra былъ родомъ изъ Cosenza въ Калабріи. Онъ написалъ свой трактатъ: „Breve Trattato delle cause che possono fare abbondare li regni d'oro e d'argento dove non sono miniere“ въ 1613 году, находясь въ тюремномъ заключеніи за участіе въ заговорѣ и возстаніи Компанеллы, которое имѣло цѣлью уничтожить испанское владычество въ Неаполѣ и установить республиканскую форму правленія. Трудъ этотъ долгое время находился въ полномъ забвеніи, пока въ слѣдующемъ столѣтіи Галиани и другіе не обратили на него вниманія. Самое заглавіе свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ былъ сторонникомъ меркантильной системы, и мы найдемъ дѣйствительно въ этомъ трудѣ весьма послѣдовательное и удовлетворительное съ внѣшней стороны изложеніе основныхъ положеній меркантилизма. Serra съ особой силой настаиваетъ на томъ, что мануфактурная промышленность, какъ источникъ національнаго богатства, имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ земледѣліе. Желая подтвердить правильность своихъ взглядовъ по этому вопросу, онъ указываетъ на благосостояніе Генуи, Флоренціи, Венеціи и противопоставляетъ этому благосостоянію бѣдственное положеніе Неаполя. Онъ обнаруживаетъ большую глубину взглядовъ, сравнительно съ другими меркантилистами, указывая, что для того, чтобы страна могла пріобрѣтать богатство, необходимы не только благопріятныя внѣшнія условія, но и энергичный характеръ, и трудолюбивыя привычки населенія, а также прочное правительство и хорошая организація законовъ.

Первое систематическое сочиненіе по предмету политической экономіи во Франціи принадлежитъ перу *Монкретъена де Ватвилля* (*Montchrétien de Watteville* или *Vasteville*), носить заглавіе „*Traité de l'Économie politique*“ и появилось въ 1615 году. По мнѣнію Ропера, слѣдуетъ считать важной заслугой этого писателя то, что онъ далъ нашей наукѣ названіе политической экономіи, ибо подъ словомъ „экономія“ даже Бэконъ понималъ только теорію домашняго хозяйства. Общія стремленія и наклонности періода отразились и на этомъ изслѣдованіи; несмотря на то широкое опредѣленіе, которое авторъ даетъ наукѣ, онъ занимается изслѣдованіемъ только механическихъ искусствъ, мореплаванія, торговли и общественныхъ финансовъ и вовсе не касается земледѣлія. Авторъ съ особымъ энтузіазмомъ, въ то время вообще преобладавшимъ, относится къ внѣшней торговлѣ и колоніямъ. Онъ одобряетъ контроль правительства надъ промышленностью своихъ подданныхъ и осуждаетъ свободу торговли, которую, по его мнѣнію, лишь для собственной гибели установили нѣкоторыя правительства (Испанія, Португалія и Голландія). На книгу Монкретъена слѣдуетъ смотрѣть, какъ на формальное изложеніе основаній меркантильной системы, написанное для французовъ *).

Такую же задачу, какъ Монкретъень во Франціи, въ Англии выполнилъ *Томасъ Мень* (*Thomas Mun* **). Въ двухъ трудахъ этого писателя — „*A Discourse of Trade from England unto the East-Indies*“ (второе изданіе 1621 года) и особенно въ „*England's Treasure by Foreign Trade*“ (1664 года, посмертное изданіе) Англія впервые получила ясное и систематическое изложеніе теоріи торговаго баланса, а также указанія

*) Монкретъень произвелъ въ 1621 году возстаніе въ Нормандіи и былъ убитъ вмѣстѣ съ своими немногими сторонниками Клодомъ Тюрго владѣльцемъ Les Tourailles и однимъ изъ членовъ старшей линіи того благороднаго дома, отъ котораго впоследствии произошелъ и великій Тюрго.

**) См. „Англ. своб. торговля“, т. I, стр. 72 и слѣд. *Прим. Ред.*

на тѣ способы, посредствомъ которыхъ, по воззрѣніямъ автора, можно обезпечить благоприятный балансъ. Главная задача экономической политики государства, по мнѣнію Мѣна, заключается въ такомъ регулированіи мануфактурнаго вывоза, своей непосредственной и фрахтовой торговли и таможенныхъ пошлинъ, которое привлекало бы монету въ страну. Мѣнь—противъ запрещенія вывозить драгоценные металлы на покупку иностранныхъ товаровъ, но, правда, по основаніямъ, которыя вполне соответствують его общимъ воззрѣніямъ. Купленные товары, полагалъ онъ, снова могутъ быть вывезены и проданы съ прибылью,—другими словами, могутъ возратить въ страну болѣе монеты, чѣмъ сколько затрачено на ихъ покупку; на первый вывозъ монеты онъ совѣтуетъ смотрѣть какъ на посѣвъ, а на конечное полученіе большей суммы монеты—какъ на жатву, слѣдующую за посѣвомъ *). Мѣнь понималъ, что неудобно имѣть въ обращеніи болѣе монеты, чѣмъ сколько требуютъ цѣны товаровъ, ибо слишкомъ обильное обращеніе возвышаетъ цѣны и дѣлаетъ ихъ недоступными для иностранцевъ; такое обиліе монеты, тѣмъ не менѣе, онъ считалъ весьма выгоднымъ для собиранія государственныхъ сокровищъ **).—Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ средѣ умѣренныхъ меркантилистовъ былъ *Джосіа Чайльдъ* (Josiah Child), сочиненіе его — „Brief Observations Concerning Trade and the Interest of Money“, 1668, и „A new Discourse of Trade“, 1668 и 1690; онъ былъ однимъ изъ тѣхъ

*) Объ ученіи Мѣна можно найти болѣе подробныя свѣдѣнія у Адама Смита въ его „Богатствѣ народовъ“ (книга 4-ая, глава I-ая).

**) Изъ писателей менѣе важныхъ, но бывшихъ также послѣдователями меркантильной доктрины, слѣдуетъ упомянуть еще *Т. Келпеперъ* (Thomas Culpeper)—A Tract against the High Rate of Usury, 1623, и Useful Remark on High Interest, 1641. *Дэдлей Диггсъ* (Dudley Digges)—Defence of Trade, 1615. *Малейнсъ* (Malynes)—Consuetudo vel Lex Mercatoria, 1622. *Мисселденъ* (E. Misselden), Circle of Commerce, 1623. *С. Фортрей* (Samuel Fortrey)—England's Interest and Improvement, 1663 и 1673, и *Дж. Поллексфенъ* (John Pollexfen) England and India inconsistent in their Manufactures, 1697.

писателей, которые указывали на Голландію, какъ на образецъ для своихъ согражданъ. Онъ придавалъ огромное значеніе низкому проценту въ дѣлѣ развитія національнаго богатства и благосостоянія; низкій процентъ, по его словамъ, для земледѣлія и торговли имѣетъ то же значеніе, что душа для челоука; онъ является „causa causans“ всѣхъ другихъ причинъ богатства голландскаго народа. Онъ полагаетъ (забывая совершенно, что размѣръ процента является лишь послѣдствіемъ опредѣленныхъ экономическихъ условій), что правительство должно опредѣлять величину процента и постоянно заботиться о поддержаніи его на низкомъ уровнѣ. Чайльдъ, хотя и придерживается ученія о торговомъ балансѣ, тѣмъ не менѣе, понимаетъ, что нѣтъ такой страны, которая могла бы постоянно продавать иностранцамъ, ничего не покупая у послѣднихъ, и не признаетъ, что вывозъ металловъ всегда разорителенъ; какъ и всѣ меркантилисты, онъ съ расположеніемъ относится къ густотѣ населенія (т. е. увеличенію его) въ государствѣ; онъ является заступникомъ исключительныхъ правъ метрополи на торговлю съ колоніями, рекомендуя, хотя и съ ограниченіями, учрежденіе привилегированныхъ торговыхъ компаній. Къ Навигационному Акту Кромвеля Чайльдъ относится примѣрно такъ же, какъ и Адамъ Смитъ. По его мнѣнію, Навигационный Актъ, какъ опредѣленное мѣропріятіе, болѣе полезенъ съ политической, чѣмъ съ экономической точки зрѣнія. Чайльдъ по своимъ воззрѣніямъ до нѣкоторой степени эклектикъ, но врядъ ли на него можно смотрѣть (многіе это дѣлали) какъ на одного изъ предшественниковъ школы свободной торговли XVIII вѣка.

Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній еще о двухъ эклектикахъ: *Вилліамъ Темплъ* и *Чарльсъ Давенантъ* (William Temple и Charles Davenant); у нихъ мы встрѣтимъ нѣкоторыя правильныя идеи, рядомъ съ меркантильными предразсудками и предубѣжденіями. Темплъ въ своемъ трудѣ „Observations upon the United Provinces of the Netherlands,

1672 г. и въ своемъ Essay on the Trade of Ireland, 1673 года сдѣлать много прекрасныхъ замѣчаній по основнымъ экономическимъ вопросамъ, напримѣръ, по вопросамъ о функціяхъ труда, о значеніи сбереженія для національнаго богатства. Всѣ изслѣдованія его тѣмъ не менѣе проникнуты неправильнымъ ученіемъ о торговомъ балансѣ. Подобно Ралей и Чайльду онъ рекомендуетъ своимъ согражданамъ подражать экономической политикѣ Голландіи; совѣты его основаны на долговременномъ наблюденіи экономической жизни этой страны, посланникомъ въ которой онъ состоялъ. Давенантъ въ своихъ „Essay on the East-India Trade“, 1696—97 г., „Essay on the Probable Ways of making the People gainers in the Balance of Trade“, 1699 г. и др.—можетъ считаться такимъ же эклектикомъ, какъ и Темплъ; рядомъ съ правильными представленіями о богатствѣ и монетѣ, мы найдемъ у него чисто меркантильныя представленія о торговлѣ: Давенантъ является ревностнымъ поборникомъ правительственной регламентаціи въ колониальной торговлѣ; съ меньшей силой, однако, онъ отстаиваетъ полную свободу внутренняго обмѣна.

Хотя меркантильная система въ XVII вѣкѣ является преобладающей формой экономическаго мышленія, хотя она и получила господство въ области практической государственной дѣятельности, но, несмотря на все это, мало-по-малу стала слагаться другая система, противоположная и даже враждебная первой. Этой послѣдней суждено было въ концѣ концовъ замѣнить меркантильную систему. Новыя идеи возникли первоначально въ Англіи, но въ слѣдующемъ столѣтіи онѣ проникли во Францію, овладѣли здѣсь общественною мыслью и сдѣлались силой въ политикѣ. Вообще, судьба всѣхъ критическихъ ученій въ нравственности и политикѣ была такова: они возникали впервые въ Англіи, затѣмъ проникали во Францію, здѣсь они получали нѣкоторую обработку, отчасти расширялись,—и въ такомъ видѣ французскіе писатели распространяли ихъ по всей Европѣ. Въ Ан-

гли это движеніе экономической мысли возникло, главнымъ образомъ, на почвѣ индивидуальной критики господствовавшихъ воззрѣній и критика эта была основана на болѣе правильномъ анализѣ фактовъ и понятій; во Франціи, напротивъ, ученія эти породили уже могучее общественное чувство, сдѣлались исповѣданіемъ, символомъ партіи, вызвавши горячій протестъ противъ старыхъ учреждений, обратились въ настойчивое требованіе полной жизненной реформы.

Съ теоретической стороны характерныя черты новаго ученія были таковы: меркантилистическое ученіе о томъ, будто національное богатство опредѣляется количествомъ скопленнаго драгоценнаго металла, признается ложнымъ; дѣйствительнымъ источникомъ національнаго богатства теперь начинаютъ считать силы природы и трудъ человѣка. Значеніе вѣшной торговли, столь преувеличенное прежними писателями, умаляется; все вниманіе новыхъ писателей сосредоточивается на земледѣліи и на его развитіи. Съ точки зрѣнія практической политики новое ученіе утверждало, что торговый балансъ не долженъ быть предметомъ заботъ народовъ и государственныхъ людей; задача мудрой политики должна быть направлена къ тому, чтобы обезпечить для всего населенія государства обладаніе [возможно большимъ] размѣромъ всѣхъ благъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей и удобствъ жизни. Весь выработанный механизмъ запрещеній, премій, монополій, привилегированныхъ компаній, созданный европейскими правительствами въ предполагаемыхъ интересахъ мануфактуръ и торговли, признается нигуда негоднымъ (контрастъ старой и новой школы сказывается здѣсь особенно ярко) и, можетъ быть, по мнѣнію новой школы, скорѣе задерживаетъ, чѣмъ способствуетъ промышленному развитію; свобода—вотъ что нужно для промышленности. Всѣ эти воззрѣнія складываются не сразу, а постепенно; первые представители этихъ идей въ литературѣ вообще признають ихъ съ ограниченіями, защищая ихъ

въ началѣ съ большой осторожностью; съ теченіемъ времени однако новые взгляды начинаютъ приобрѣтать все большее значеніе, выдающіеся умы начинаютъ относиться къ нимъ все болѣе благопріятно, мало-по-малу и среди интеллигентной публики число ихъ послѣдователей возрастаетъ.

Въ сочиненіяхъ „De Cive“ и „Leviathan“ Гоббса мы встрѣтимъ нѣсколько случайно сдѣланныхъ намековъ на экономическую систему, соответствующую этимъ новымъ тенденціямъ. Однако, главное значеніе этотъ писатель имѣлъ въ области общихъ философскихъ, а не экономическихъ ученій, и онъ далъ путемъ систематизаціи всѣхъ отрицательныхъ доктринъ могучій импульсъ къ уничтоженію существовавшаго общественнаго порядка. Мы увидимъ, что импульсъ этотъ привелъ къ знаменательнымъ послѣдствіямъ не только въ экономическомъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Писателемъ нѣсколько меньшаго калибра былъ *Вилльямъ Петти* (W. Petty), остроумный и здравомыслящій авторъ нѣсколькихъ произведеній, въ которыхъ содержатся зародыши истинной экономической теории. Руководящая мысль всѣхъ его трудовъ заключается въ слѣдующихъ словахъ: „трудъ можетъ считаться отцомъ, или творящимъ факторомъ богатства, земля же—его матерью*“). Въ зависимости отъ того, занимается ли данная группа населенія производствомъ матеріальныхъ благъ или нѣтъ, Петти различаетъ два класса: производительный и непроизводительный. Цѣнность, говорить онъ, предварающа Рикардо, зависитъ отъ количества труда, употребленнаго на производство блага. Петти стремится найти всеобщее мѣрило цѣнности и за всю общую единицу измѣренія онъ принимаетъ среднее количество самой дешевой пищи, которое необходимо для дневнаго пропитанія человѣка. Подъ земельной рентой онъ понимаетъ излишекъ

*) „Labour is the father and active principle of wealth, lands are the mother.“

цѣны продуктовъ земли надъ стоимостью ихъ производства. Петти неодобрительно относится къ регулированію процента и вообще противится всякому правительственному вмѣшательству въ промышленныя дѣла. Онъ ясно сознаетъ, что всякая страна для обмѣна своихъ продуктовъ должна обладать опредѣленнымъ количествомъ монеты, что количество послѣдней можетъ быть слишкомъ велико и что, поэтому, нѣтъ основаній запрещать ея вывозъ; только какой-нибудь одинъ изъ драгоценныхъ металловъ можетъ служить орудіемъ обращенія, — всѣ другіе должны рассматриваться какъ простые товары. Петти много сдѣлалъ для статистики, которую онъ называлъ политической ариеметикой. Основываясь на своихъ статистическихъ изслѣдованіяхъ, онъ рѣзко высказывается противъ мнѣнія автора *Britannia Languens* (1680), Фортрей (Fortrey) Роджеръ Кокъ (Roger Coke) и др., будто благосостояніе Англіи клонится къ упадку.

Наиболѣе основательное и сильное развитіе идей свободной торговли въ противоположность запретительной системѣ, которое приобрѣло силу и значеніе послѣ революціи, мы найдемъ въ трудѣ *Дэдлей Норта* (Dudley North) — „Discourses upon Trade“ 1691 г. Онъ доказываетъ, что богатство можетъ существовать независимо отъ наличности золота и серебра и что источникомъ богатства служитъ человѣческій трудъ, приложенный или къ обработкѣ земли или къ промысламъ. Тѣмъ не менѣе онъ полагаетъ, что драгоценные металлы представляютъ одинъ изъ важнейшихъ элементовъ національнаго богатства и оказываютъ высоко-важныя услуги. Денегъ можетъ быть и мало, и слишкомъ много; количество денегъ, потребное для цѣлей торговли, мѣняется въ зависимости отъ различныхъ обстоятельствъ, отливъ и приливъ монеты въ страну регулируется самопроизвольно. Думать, что застой торговли вызывается недостаткомъ денегъ, — большое заблужденіе. Застой этотъ происходитъ или отъ переполненія внутренняго рынка товарами, или отъ разстройства иностранной торговли, или отъ уменьшенія потреб-

ления вследствие бѣдности. Вывозъ монеты для торговыхъ дѣлъ не уменьшаетъ, но увеличиваетъ національное богатство, ибо торговля есть ничто иное, какъ обмѣнъ излишковъ. Интересы народовъ такъ же тѣсно связаны между собой, какъ интересы семей, съ мѣстами ихъ жительства и интересы городовъ съ государствами, къ которымъ они принадлежатъ. Нортъ съ особой, отличающей его отъ другихъ, настойчивостью указываетъ на значеніе внутренней торговли; онъ полагаетъ, что процентъ зависитъ, такъ же какъ и цѣны всѣхъ благъ, отъ спроса и предложенія, низкій процентъ зависитъ отъ относительнаго увеличенія наличныхъ капиталовъ; по мнѣнію Норта, нѣтъ смысла подвергать размѣръ процента произвольнымъ регулированіямъ, какъ того желали Чайльдъ (Child) и др. Рассуждая о свободной торговлѣ, онъ говоритъ, что отдѣльные лица дѣлаютъ часто свой частный интересъ мѣриломъ, всего добраго и хорошаго, и съ большою охотой лишди бы другихъ равно принадлежащаго всякому права, покупать и продавать. Всякая выгода, предоставляемая какому-нибудь частному интересу или отрасли торговли, является несправедливостью съ общественной точки зрѣнія. Всѣ промыслы, по мнѣнію Норта, выгодны, ибо, въ противномъ случаѣ, не было бы расчета ими заниматься; гдѣ процвѣтаетъ промышленность, тамъ и благосостояніе націи. Цѣны должны опредѣляться сами собой, всякое вмѣшательство закона въ это дѣло принесетъ вредъ вмѣсто пользы. Ни одинъ народъ, говоритъ Нортъ, не разбогатѣлъ отъ государственныхъ мѣропріятій; благосостояніе и богатство націи зависятъ отъ мира, свободы, трудолюбія и безпрепятственной экономической дѣятельности населенія. Читатель видитъ, какъ близокъ Нортъ къ воззрѣніямъ, высказаннымъ почти 80 лѣтъ спустя Адамомъ Смитомъ въ его великомъ трудѣ *).

*). Е. Дэръ (Eugène Daire), тѣмъ не менѣе, полагаетъ (Oeuvres de Turgot, I, 322), что Тэкеръ и Юмъ были первыми писателями въ Англии, высказавшими ядъ теоріи меркантильной системы.

Рошеръ считаетъ Локка однимъ изъ членовъ того „триумвирата“ знаменитыхъ британскихъ мужей (Петти — Локкъ — Нортъ), которые положили основанія для болѣе рациональной теоріи, нежели меркантильная. Но только съ большими ограничениями можно съ этимъ согласиться. По политической экономіи Локкъ написалъ „Considerations of the lowering of Interest and raising the value of Money“ 1691 года и „Further Considerations“, хотя Лейбницъ и говорилъ, что по данному предмету сказать что нибудь болѣе солидное или болѣе вѣское послѣ Локка нельзя, но трудно согласиться съ этимъ сужденіемъ знаменитаго писателя. Способность Локка къ здравому наблюденію и терпѣливому анализу дала ему возможность получить нѣсколько правильныхъ выводовъ. Нельзя не относиться съ уваженіемъ къ Локку за его энергичный протестъ противъ порчи монеты, которая рекомендовалась нѣкоторыми изъ выдающихся практическихъ авторитетовъ его времени. Но у Локка мы встрѣтимъ и много заблужденій, которыя служатъ доказательствомъ того, что онъ никогда не могъ вполне отдѣлаться отъ идей меркантильной системы. Напримѣръ, онъ придаетъ монетѣ, какъ таковой, слишкомъ большое значеніе: онъ утверждаетъ прямо, что богатство заключается въ изобиліи золота и серебра; богатство, какъ поясняетъ онъ, состоитъ въ пропорціонально болѣе наличности драгоцѣнныхъ металловъ у даннаго народа, сравнительно съ остальнымъ міромъ и его сосѣдями. „Страна, у которой нѣтъ рудниковъ, можетъ обогатиться лишь двумя способами: завоеваніемъ и торговлей.“ Локкъ, по этому, признаетъ и ученіе о торговомъ балансѣ. Онъ, въ противоположность Чайлду, считаетъ столь же невозможнымъ законодательное регулированіе процента, какъ и опредѣленіе ренты съ домовъ и наемной платы кораблей. Но онъ въ то же время совершенно ошибочно объясняетъ паденіе процента увеличеніемъ количества обращающихся денегъ послѣ открытія американскихъ рудниковъ. Онъ, такъ же, какъ и Петти, придаетъ слишкомъ большое значеніе густотѣ населенія. Заработ-

ная плата, по мнѣнію Локка, должна покрывать необходимыя издержки работника; когда цѣны на средства существованія повышаются, рабочая плата должна повышаться въ той же пропорціи; если такого повышенія не произойдетъ, — рабочее населеніе необходимо должно будетъ содержаться на средства налоговъ для бѣдныхъ (т. е. на общественный счетъ). Паденіе земельной ренты, по его мнѣнію, — вѣрный признакъ уменьшенія національнаго богатства. „Налоги, въ какой бы формѣ они ни придумывались, и изъ чьихъ бы рукъ они непосредственно ни брались, должны падать, въ конечномъ результатѣ, въ странѣ, гдѣ главнымъ источникомъ богатства является земледѣліе, — на землю.“ Въ этихъ словахъ проглядываетъ уже физиократическое представленіе объ *impôt unique*. Каковы бы ни были заслуги Локка въ экономической области, все же слѣдуетъ признать, что онъ, такъ же, какъ и Гоббсъ, оказалъ огромное вліяніе и потому имѣетъ важное значеніе, главнымъ образомъ, своими политическими и философскими ученіями, которыя могущественно вліяли на французскую и вообще европейскую мысль, всегда возбуждая духъ протеста противъ абсолютизма и производа; эти же ученія послужили основаніемъ для той теоріи, которая изложена и развита въ *Contrat Social* *).

*). Менѣе важными писателями того же направленія были: *Льюисъ Робертсъ* (Lewis Roberts: „Treasure of Traffick“, 1641); *Р. Воганъ* (Rice Vaughan—„Discourse of Coin and Coinage“, 1675); *Н. Барбонъ* (Nicolas Barbon—„Discourse Concerning Coining the new money lighter“, 1696) — сочиненіе въ которомъ указаны нѣкоторыя ошибки Локка; сочиненіе анонимаго автора: „Considerations on the East-India Trade“, 1701. Практическіе вопросы, дебатировавшіеся въ этотъ періодъ, тѣсно связаны съ банковымъ дѣломъ; въ длительныхъ по этому предмету спорахъ принимали участіе: *Ламбъ* (S. Lamb), *Поттеръ* (W. Potter), *Краддокъ* (F. Cradock), *М. Льюисъ* (M. Lewis), *Годфрей* (M. Godfrey), *Меррей* (R. Murray), *Чамберленъ* (H. Chamberlen) и *Патерсонъ* (Paterson), основатель англійскаго банка; эти экономисты написали много брошюръ по этому поводу. Другимъ вопросамъ, также вызывавшимъ много разсужденій, было законодательство о бѣдныхъ; этимъ вопросомъ занимались: *Локкъ* (Locke), *Сэръ Мэтью Галъ* (Sir Matthew Hale), *Гейнсъ* (R. Haines), *Ферминъ* (T. Firmin) и др.

Глава V.

Третій періодъ новой исторіи: система естественной свободы.

Обратившись къ изученію третьяго періода новой исторіи, мы замѣтимъ, что во внутренней организаціи промышленности происходятъ слѣдующія измѣненія: 1) банковая торговля все болѣе обособляется отъ обыкновенной торговли; торговля операций получаютъ большіе размѣры, благодаря организаціи системы общественного кредита; 2) употребленіе машинъ въ производствѣ достигаетъ огромнаго развитія. Въ первую половину XVIII вѣка употребленіе машинъ, впрочемъ, еще не слишкомъ замѣтно. Употребленіе машинъ, освободивши человѣчество отъ унижительнаго и изнуряющаго физическаго труда, казалось бы, должно было содѣйствовать поднятію достоинства рабочихъ классовъ, но этого не произошло; оно только увеличило ту пропасть, которая лежитъ между капиталистомъ-предпринимателемъ и рабочимъ. Стало ясно такимъ образомъ, что необходимымъ предварительнымъ условіемъ для полной реорганизаціи промышленности является общая нравственная реформа человѣчества.

Замѣчательныя перемѣны произошли и въ отношеніи государства къ промышленности. Если европейскія правительства въ предшествовавшій періодъ и оказывали систематическое покровительство промышленности, то происходило это потому, что они желали пользоваться ею, какъ орудіемъ для достиженія главной цѣли всей ихъ политики—военнаго превосходства. Въ третьемъ періодѣ новой исторіи, напротивъ,

военный духъ вполне подчиняется промышленному; арміи и дипломатія правительства существуютъ теперь главнымъ образомъ для интересовъ торговли. Войны, которыми былъ такъ богатъ XVIII вѣкъ, вызывались обыкновенно столкновениемъ торговыхъ интересовъ, стремлениемъ различныхъ государствъ поддержать или расширить свои колониальныя пріобрѣтенія предшествовавшаго періода, желаніемъ лишить враждебныя націи возможности пользоваться и получать выгоды отъ этихъ пріобрѣтеній. Хотя новые взгляды на промышленность и порождали національную вражду и зависть, тѣмъ не менѣе, они были дѣйствительнымъ и важнымъ прогрессомъ европейской мысли: промышленная дѣятельность съ этого времени сдѣлалась постояннымъ и жизненнымъ интересомъ европейскихъ обществъ.

Но представители власти, какъ въ Англіи, такъ и во Франціи, скоро забили тревогу, когда стали замѣчать, что, способствуя своей дѣятельностью развитію промышленности, они готовятъ такія силы, которыя склонны оказывать имъ сопротивление во внутренней политикѣ. Произошла реакція; во Франціи она достигла апогея въ послѣднюю половину царствования Людовика XIV, во время злополучнаго вліянія г-жи де-Ментенонъ; въ Англіи, вслѣдъ за событіями 1688 г., послѣ которыхъ правительство упрочилось на двойномъ основаніи — на аристократической власти и официальной ортодоксіи, государственная политика стала не столько политикой реакціи, сколько застоя; посредствомъ промышленныхъ завоеваній правительства того времени надѣялись удовлетворить интересамъ среднихъ классовъ и тѣмъ отвлечь ихъ отъ стремленія къ общественному обновленію. Эпоха, о которой мы теперь говоримъ, была также временемъ замѣтной приостановки умственного движенія какъ во Франціи, такъ и въ Англіи: Рошеръ и нѣкоторые другіе писатели подмѣтили, что въ три первыхъ десятилѣтія XVIII вѣка обнаруживается особый застой въ экономическихъ изслѣдованіяхъ, оригиналь-

ность совершенно исчезаетъ и начинается господствовать электизмъ. Но движеніе это вскорѣ и въ нѣсколько измѣненномъ видѣ опять возобновилось, принимая все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Критическія ученія, получившія начало и принявшія опредѣленную форму въ Англіи, перешли и распространились во Франціи. Благодаря этому, въ послѣдней странѣ еще до рѣшительнаго взрыва стало слагаться убѣжденіе, что единственнымъ исходомъ изъ настоящаго положенія вещей является полное, радикальное общественное преобразование. Школа Вольтера и Руссо произвела рѣзкій кризисъ мысли, вовсе не задумываясь даже надъ условіями того новаго порядка, которой долженъ придти на смѣну старому. Болѣе законченная и организованная школа, лучшимъ представителемъ которой былъ Дидро, думала посредствомъ осуществленія полной свободы достигнуть реорганизации жизни и пыталась даже изложить свои творческія намѣренія въ „Encyclopédie“; попытка эта, однако, могла имѣть лишь временный успѣхъ, ибо съ одной стороны, поря дѣйствительнаго синтеза еще была слишкомъ далеко, съ другой — соединенное творчество зачастую противоположныхъ умовъ могло имѣть развѣ только внѣшнее единство. Съ этой великой школой тѣсно связаны и имена физиократовъ. Эти послѣдніе такъ же, какъ и другіе члены критической школы стремились и желали полнаго измѣненія существовавшаго тогда порядка, но думали избѣгнуть политической революціи дѣйствиемъ королевской диктаторской власти, или же смотрѣли на подобную революцію только какъ на необходимое условіе новаго и лучшаго порядка вещей. Хотя такимъ образомъ физиократы и сильно рознились съ чисто революціонными партіями ихъ времени, но и методъ ихъ и всѣ основныя идеи имѣли отрицательный характеръ, ибо основаны они были на *jus naturae*. Мы прослѣдимъ съ особой подробностью это умственное движеніе во Франціи и его отношеніе къ экономической наукѣ, указавши на соответствующія ему движенія въ другихъ стра-

нахъ Европы, которыя возникли до Смита, или остались почти въ его вліяніи.

Время до появленія труда Адама Смита.

ФРАНЦІЯ.

Всѣ самыя либеральныя и рационалистическія ученія новыхъ англійскихъ писателей стали въ самомъ началѣ XVIII вѣка находить откликъ и сочувствіе во Франціи. Почва для такого воспріятія этихъ идей была болѣе всего подготовлена здѣсь, ибо лучшіе и сильнѣйшіе умы этой націи ясно сознавали весь тотъ вредъ, который оказалъ для ихъ страны крайній меркантилизмъ, служившій орудіемъ политическаго честолюбія. Объединеніе земледѣльческаго населенія, тяжесть и неравномѣрность налоговъ, нездоровое положеніе государственныхъ финансовъ обращало на себя вниманіе, возбуждало умы и порождало чувство безпокойства. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ тому, что многіе выдающіеся писатели стали протестовать противъ политики Кольбера и требовать полного ея измѣненія.

Однимъ изъ самыхъ выдающихся писателей этого направленія былъ П. Буагильберъ (Pierre Boisguillebert), который посвятилъ всю свою жизнь борьбѣ съ системой Кольбера. Въ своихъ статистическихъ трудахъ („Détail de la France sous le règne présent“, 1697, и „Factum de la France“, 1707) онъ рисуетъ весьма мрачными красками темныя стороны вѣка Людовика XIV; въ своихъ теоретическихъ изслѣдованіяхъ онъ является серьезнымъ и въ то же время страстнымъ противникомъ меркантильной системы („Traité de la nature et du commerce des grains“; „Dissertations sur la nature des richesses de l'argent et des tributs“ и „Essai sur la rareté de l'argent“). Онъ постоянно и съ настойчивостью повторяетъ, что богатство націи заключается не въ серебрѣ и золотѣ, но въ полезныхъ вещахъ и въ особенности въ продуктахъ земледѣлія. Онъ увлекается такъ сильно, что гово-

рить „argent criminel“, — „преступныя деньги“, которыя, вмѣсто того, чтобы быть рабомъ торговли, какъ это должно быть, сдѣлались ея тираномъ. Онъ ставитъ „истиннаго француза Сюлли“ гораздо выше „италианизированнаго“ Кольбера и съ большимъ осужденіемъ относится ко всякому произвольному вмѣшательству въ дѣла внутренней и внешней торговли, а особенно хлѣбной. Богатство народа, думаетъ онъ, не зависитъ отъ правительства; вмѣшательство послѣдняго въ промышленныя дѣла болѣе вредно, чѣмъ полезно; нельзя безнаказанно нарушать естественныя законы экономического порядка; интересы частныхъ лицъ и классовъ при системѣ свободы вполне солидарны, а выгоды отдѣльныхъ личностей совпадаютъ и съ интересами государства. Такая же гармонія интересовъ существуетъ и между отдѣльными націями, которыя такъ же связаны между собою, какъ города съ государствами, къ которымъ они принадлежатъ; свобода обмѣна приводитъ не только къ благосостоянію, но къ миру и гармоніи. Буагильберъ раздѣляетъ людей на два класса: одни изъ нихъ ничего не дѣлаютъ и пользуются всеми благами, другіе съ утра и до ночи трудятся, едва зарабатывая себѣ скудное пропитаніе; онъ желалъ бы оказать послѣднимъ всяческое покровительство и помощь. Когда читаешь написанныя по этому предмету Буагильберомъ остроки, то чувствуешь, что находишься въ XVIII вѣкѣ, когда всѣ симпатіи интеллигентныхъ классовъ обращены были къ народу. Буагильберъ особенно много говоритъ о нуждахъ земледѣлія, которымъ, по его мнѣнію, неосновательно стали пренебрегать во Франціи и ради улучшенія котораго онъ предлагаетъ реформировать обложеніе; онъ желалъ бы замѣнить косвенные налоги — налогами подоходными и возстановить уплату натурой; послѣдней мѣрой онъ надѣется обезпечить равномѣрность налоговъ и уничтожить всякій элементъ произвола. Мы найдемъ у этого писателя также нѣсколько интересныхъ идей общаго характера: такъ, онъ близокъ къ правильному пониманію по-

земельной ренты, онъ даетъ оригинальное описаніе того порядка послѣдовательности, въ которомъ удовлетворяются человѣческія потребности. Сначала человекъ удовлетворяетъ своимъ необходимымъ нуждамъ; затѣмъ (начинаетъ) заботиться объ удобствѣ, комфортѣ; при наибольшемъ богатствѣ потребности доходятъ до излишества и вызываются иногда просто чванствомъ. Вольтеръ относится къ Буагильберу (*Siècle de Louis XIV*, ch. 30) нѣсколько пренебрежительно, что, конечно, несправедливо. У Буагильбера былъ несомнѣнно большой экономическій талантъ, и въ его трудахъ содержатся зародыши важныхъ истинъ. Повидимому, онъ оказалъ однако мало вліянія на своихъ современниковъ; какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ. Въ такомъ же духѣ писалъ и маршалъ *Вобанъ* (*Vauban*, 1633—1707); трудъ его „*Projet d'une dixme Royale*“, 1707 г., былъ изъятъ изъ обращенія правительствомъ; Вобанъ своимъ трудомъ лишилъ себя расположенія своего государя, но зато прославилъ свое имя и сдѣлалъ его извѣстнымъ потомству. Вобанъ сильно скорбитъ о печальномъ положеніи рабочихъ классовъ Франціи. Правительство, по его мнѣнію, должно заботиться о благосостояніи всѣхъ классовъ общества, ибо всѣ они имѣютъ равное право на расположеніе и покровительство; низшій классъ населенія, хотя его такъ часто презираютъ и оскорбляютъ, составляетъ базисъ соціальной организаціи. Трудъ является основой богатства; земледѣліе—самая важная изъ отраслей промышленнаго приложенія труда; существенное условіе промышленнаго успѣха—свобода; всѣ ненужныя и чрезмѣрныя ограниченія въ мануфактурной дѣятельности и торговлѣ слѣдуетъ отбросить. Съ особой энергіей онъ протестуетъ противъ неравномѣрности обложенія, противъ льготъ и привилегій высшихъ классовъ. Онъ рекомендуетъ упразднить, за исключеніемъ нѣкоторыхъ налоговъ на потребленіе, всѣ существовавшіе въ его время виды обложенія и замѣнить ихъ налогомъ на доходъ и землю, который

долженъ одинаково падать на всѣхъ. Предложенный имъ налогъ носитъ названіе „*Dixme Royale*“ и взимается въ размѣрѣ одной десятой съ дохода, съ земледѣльцевъ—натурой, съ фабрикантовъ и торговцевъ—деньгами. Либеральный и гуманный *Фенелонъ* былъ сторонникомъ свободной торговли; онъ проповѣдывалъ, что превосходство націи состоитъ не только въ численности ея населенія, но въ нравственномъ характерѣ, интеллигентности и трудолюбіи. Трудъ Фенелона (*Télémaque*), въ которомъ эти взгляды изложены въ необыкновенно привлекательной формѣ, пользовался большимъ сочувствіемъ, много читался среди всѣхъ классовъ народа и потому весьма содѣйствовалъ распространенію указанныхъ идей.

Нѣкоторое время, послѣ этихъ писателей, Франція не даетъ намъ экономическихъ изслѣдованій. До самаго появленія *Монтескѣ* мы можемъ указать только на двухъ писателей: на ученика *Дюто* (*Dutot*, трудъ его „*Réflexions sur les finances et le commerce*, 1738) и на полумеркантилиста *Мелона* (*Mélon*, „*Essais politiques sur le commerce*“, 1731). „*Esprit des lois*“ *Монтескѣ*, поскольку это сочиненіе касается экономическихъ вопросовъ, написано съ точки зрѣнія прямо противоположной меркантильной, что особенно обнаруживается въ его разсужденіяхъ о монетѣ; надо, впрочемъ, сказать, что въ вопросахъ о колоніяхъ и нѣкоторыхъ другихъ онъ высказывается также въ духѣ меркантильной системы. Безсмертная же заслуга *Монтескѣ* заключается не въ какомъ-нибудь специальномъ изслѣдованіи, а въ попыткахъ доказать и установить подчиненность соціальныхъ явленій, наравнѣ съ физическими—общимъ естественнымъ законамъ. Послѣ *Монтескѣ* во Франціи не было ни одного мыслителя, до появленія *физиократовъ*, который создалъ бы эпоху въ исторіи развитія науки.

Главами физиократической школы были *Франсуа Кэнэ* (*François Quesnay*, 1695—1774) и *Жанъ Клодъ Мари Винсентъ де Гурнэ* (*Jean Claude Marie Vincent, sieur de Gournay*, 1712—

1759). Принципы этой школы были впервые изложены в 1755 году *Ричардом Кантильоном* (Richard Cantillon), французским неоготом ирландскаго происхождения, в трудѣ „Essais sur la nature du commerce en général“; биографія этого писателя написана Девонсомъ, который смотритъ на Кантильона какъ на истиннаго основателя политической экономіи *). Однако, только въ трудахъ Кэнэ и Гурнэ **) физиократическое ученіе получило систематическую форму и, сдѣлавшись убѣжденіемъ группы мыслителей и практическихъ людей, стало достояніемъ публики и приобрѣло вліяніе. Члены этой группы именовали себя „экономистами“, но гораздо удобнѣе и точнѣе называть ихъ „физиократами“. Это послѣднее названіе придумано членомъ того же кружка экономистовъ *Дюпонъ-де-Немуръ* (Dupont-de-Nemours). Всѣ эти писатели, именуя себя физиократами, желали своимъ прозвищемъ указать на главную идею своей школы (т. е. связь съ природой). Даннымъ названіемъ они хотѣли выразить не только идею о подчиненіи всѣхъ явленій социальнаго и въ частности экономическаго міра опредѣленнымъ закономъ сосуществованія и послѣдовательности, но и нѣчто болѣе. Такое подчиненіе лежитъ собственно въ основаніи всякой истинной науки. Но не въ этомъ смыслѣ понимали физиократы тѣ „естественные законы“, которые дали прозвище самой школѣ. Ученіе теологической доктрины, согласно которой всѣ измѣненія вселившей происходятъ по велѣніямъ и по милосердію божественной мудрости для наибольшаго счастья человѣчества, было переработано метафизиками и выразилось въ представленіи о jus naturae, о естественномъ правѣ, какъ о нѣко-

*) См. Contemporary Review — январь 1881 года, статью „Кантильонъ и національность въ политической экономіи“. На Кантильона ссылаются и Адамъ Смитъ въ „Wealth of Nations, bk. I, chap. 8.“

**) Гурнэ усердно рекомендовалъ своимъ друзьямъ книжку Кантильона, отзываясь о ней такъ: „Ouvrage excellent, qu'on négligeait. См. Mémoires de Morellet, I. 38.“

торомъ благодѣтельнымъ и исполненнымъ гармоніи кодексъ, установленномъ, согласно излюбленной этими писателями идеи, — природою, которая предшествуетъ всѣмъ человѣческимъ учрежденіямъ и даетъ готовый образецъ для подражанія. По мнѣнію Вокля, идея эта была изобрѣтеніемъ *Гетчесона* (Hutcheson), но это утверженіе невѣрно: мы получили ее отъ греческихъ мыслителей при посредствѣ римской юридической теоріи *). Представители критическихъ ученій, начиная съ Гоббса и кончая Руссо, восприняли это представленіе о jus naturae, и оно послужило для нихъ могучимъ орудіемъ для нападенія на существовавшій общественный порядокъ; этотъ послѣдній постоянно сравнивался и противопоставлялся ими тому „естественному“ или совершенному порядку, съ которымъ дѣйствительность, къ сожалѣнію, расходилась. Это ученіе получало въ рукахъ различныхъ мыслителей и по поводу разныхъ обстоятельствъ своеобразное приложеніе. Одни мыслители боролись посредствомъ этой теоріи съ искусственностью нравовъ ихъ времени, другіе нападали на политическія учрежденія; тѣмъ же орудіемъ боролись и физиократы, подвергая критику экономическую политику европейскихъ правительствъ.

Общее политическое ученіе послѣдователей теоріи естественнаго права было таково: общество состоитъ изъ совокупности членовъ, имѣющихъ равныя естественныя права. Если, какъ утверждали нѣкоторые изъ представителей отрицательной школы, не всѣ обладаютъ одинаковыми способностями, то это, тѣмъ не менѣе, не мѣшаетъ каждому человѣку отлично понимать свои собственные интересы, къ преслѣдованію которыхъ его влечетъ сама природа. Общественный союзъ основывается дѣйствительно на договорѣ между индивидами, и цѣль его заключается въ томъ, чтобы ограничить естественную свободу каждаго, лишь поскольку поль-

*) См. Cliffe-Leslie, „Essays in Political and Moral Philosophy,“ p. 151.

зование этой послѣдней нарушаетъ интересы другого. Правительство есть необходимое зло. Правящая власть, установленная согласіемъ гражданъ, должна быть ограничена въ правѣ вмѣшательства, которое, по общему закону, не должно идти далѣе обезпеченія исполненія договора. Въ экономической сферѣ это означаетъ право личности на обладаніе всѣми благами, которыя она можетъ добыть своими усиліями. Трудъ личности не долженъ знать помѣхъ и стѣсненій, онъ долженъ быть свободенъ, а самъ трудящійся долженъ быть увѣренъ, что плоды, результаты его труда будутъ ему же принадлежать; другими словами, говорили физиократы, собственность священна. Всякому гражданину должно быть предоставлено право извлекать своимъ трудомъ столько выгодъ, сколько онъ хочетъ, и поэтому обмѣнъ долженъ быть свободенъ, конкуренція на рынкѣ — неограничена; никакихъ монополій и привилегій также не должно существовать.

Развивая свое ученіе далѣе, физиократы говорили: только тотъ трудъ можно назвать истинно производительнымъ, который увеличиваетъ количество сырья, необходимаго для удовлетворенія потребностей человѣка; годичное увеличеніе богатства народа заключается въ томъ излишкѣ земледѣльческаго продукта (включая сюда, конечно, и минералы), который остается за покрытіемъ издержекъ производства. Отъ суммы этого „produit net“ зависитъ благосостояніе и цивилизація общества. Фабриканты даютъ только другую форму матеріаламъ, извлеченнымъ изъ земли; высшая цѣна предметовъ фабрикаціи выражаетъ собой лишь цѣну того количества матеріаловъ и средствъ существованія, которые пошли въ дѣло и потреблены при ихъ производствѣ, другими словами: часть стоимости, которую трудъ прибавляетъ къ продукту, у физиократовъ какъ разъ равняется стоимости только тѣхъ потребляемыхъ средствъ существованія, которыя заплачены рабочимъ и которыя необходимы для поддержанія ихъ функций, какъ рабочихъ силъ. Торговля не создаетъ ничего,

она переноситъ только изъ однихъ рукъ въ другія уже существующее богатство; все, что приобрѣтается торговыми классами, приобрѣтается на счетъ всей націи; желательно поэтому, чтобы сумма богатства, приобрѣтаемаго торговцами, была возможно меньше. Занятія фабриканта, купца, человѣка либеральныхъ профессій, работа прислуги, — конечно, полезны, но онѣ „безплодны“ (sterile); тотъ доходъ, который эти лица зарабатываютъ, создается не ими самими: онъ составляетъ часть произведеннаго земледѣльцами.

Физиократы являются сторонниками свободной торговли не только потому, что такая свобода вытекаетъ изъ основаній „естественнаго права“, но и потому, что она способствуетъ увеличенію „produit net“, отъ размѣра котораго, какъ мы указывали, зависитъ благосостояніе и общій прогрессъ націи. „Laissez faire, laissez passer“ должно быть лозунгомъ для всѣхъ государствъ. Государственные доходы, которые взимаются цѣликомъ съ этого чистаго дохода, должны получаться наиболѣе простымъ и прямымъ способомъ, а именно въ видѣ единаго поземельнаго налога.

Ученіе объ исключительной производительности земли возникло вслѣдствіе смѣшенія понятій: „цѣнности“ и „матеріи и силы“. Смитъ и его послѣдователи доказали, что желаніе придать фабрикаціи и торговлѣ характеръ „безплодности“ — основано на заблужденіи. Само собой разумѣется, что и проектъ объ единомъ impôt territorial былъ основанъ на такомъ же ошибочномъ разсужденіи. Вліяніе, которое оказала на общество физиократическая школа, мало зависѣло, или даже совсѣмъ не зависѣло, отъ этихъ специальныхъ положеній, которыя, къ тому же, не раздѣлялись нѣкоторыми изъ ея членовъ. Задача физиократовъ заключалась въ критикѣ, въ разрушеніи: они только въ болѣе систематической формѣ добивались свободы промышленности, они явились только продолжателями тѣхъ усилій къ достиженію этой цѣли, начало которымъ было уже ранѣе положено въ Англіи и Фран-

ции. Они стремились доказать, — и въ этомъ, главнымъ образомъ и заключалась ихъ историческая миссія, — всю несостоятельность прежней политики правительства. У нихъ была большая просторъ для критики: политика Кольбера, временную полезность которой мы не отрицаемъ, была доведена до крайности; правительственная власть стала вмѣшиваться во всѣ мельчайшія подробности промышленнаго дѣла, — каждый процессъ производства, всякая торговая сдѣлка — были опутаны законодательными ограниченіями. Какъ и слѣдовало ожидать, физиократы, критики этой системы, слишкомъ преувеличили недостатки меркантильной политики; они подвергли экономическую дѣятельность правительства, какъ по ея принципамъ, такъ и по ея историческимъ проявленіямъ, слишкомъ категорическому осужденію и, наконецъ, пустили въ ходъ, сдѣлали своимъ основнымъ положеніемъ доктрину „laissez faire“, не указавъ ей должныхъ предѣловъ. Та крайность, съ которой физиократы излагали это свое ученіе, объясняется тѣсной ихъ связью съ революціоннымъ движеніемъ, одно изъ крыльевъ котораго они, такъ сказать, составляли. Ученіе о первоначальномъ общественномъ договорѣ, о суверенитетѣ народа и другія подобныя ученія — вотъ тѣ удобныя и вѣрныя для того времени средства борьбы въ политикѣ. То же оружіе было въ ходу и въ экономическихъ спорахъ и борьбѣ. Ученіе о естественномъ правѣ покупать и продавать, увѣренность, что лучшимъ руководителемъ во взаимныхъ отношеніяхъ служить сознательный эгоизмъ, вѣра въ то, что всякій самъ ясно понимаетъ, а потому и умѣло преслѣдуетъ свои интересы, вѣра въ тожество общественныхъ и частныхъ интересовъ, — вотъ тѣ, ученія, которыя, хотя нынѣ и не могутъ выдержать самой непристрастной и слабой критики, но тогда были подходящимъ и полезнымъ оружіемъ для разрушенія существовавшаго общественного порядка. Господства индивидуализма, отсутствія правительственной регламентаціи (state of non-govern-

ment), — вотъ чего, очевидно, добивалась эта школа. Это стремленіе, къ которому современный экономистъ можетъ отнестись съ суровымъ осужденіемъ, для того времени извинительно, ибо оно было неизбежно. И хотя это ученіе является теперь препятствіемъ для совершенія созидательной работы нашихъ дней, но въ свое время оно помогло процессу общественнаго разложенія, которое было печальнымъ, но необходимымъ условіемъ новой организаціи.

Эти заключенія о революціонныхъ стремленіяхъ школы отнюдь не парализуются тѣмъ фактомъ, что та форма правленія, къ которой съ предпочтеніемъ относились Кэнэ и нѣкоторые изъ его послѣдователей, являлась абсолютизмомъ, или, какъ они ее называли, — системой легальнаго деспотизма, одинаково въ законодательной, какъ и въ исполнительной функціяхъ. Основанія для такого предпочтенія заключались въ томъ, что Кэнэ и его сторонники были убѣждены, что абсолютная власть можетъ быстрѣе и рѣшительнѣе осуществить ихъ желанія, чѣмъ власть конституціонная, съ ея разнообразіемъ мнѣній, чисто конституціонными препятствіями и ограниченіями. Мы знаемъ, что Тюрго пользовался этой абсолютной властью, чтобы привести въ исполненіе нѣкоторыя изъ своихъ мѣропріятій для освобожденія промышленности; мы знаемъ также, что мѣропріятія эти не удались, благодаря нерѣшительности, невыдержанности и слабости характера Людовика XVI. Самъ Кэнэ совѣтовалъ дофиню, чтобы, сдѣлавшись королемъ, онъ привелъ законы въ согласіе съ *jus naturae* и предоставилъ бы имъ дѣйствовать безъ своего вмѣшательства. Пристрастіе физиократической школы къ земледѣлію вполне гармонировало съ господствовавшей въ то время симпатіей къ „природѣ“ и къ первобытной простотѣ, выражавшейся въ тогдашней Франціи въ такомъ многообразіи различныхъ видовъ и такъ соответствовавшей революціонному направленію; краснорѣчивымъ проповѣдникомъ этого стремленія къ природѣ, какъ извѣстно, былъ Руссо. Это пристрастіе къ земледѣлію соединилось у

физиократовъ еще и съ справедливымъ негодованіемъ на то печальное положеніе земледѣльческихъ рабочихъ, въ которое они впали, благодаря вполнѣ пренебрежительному къ нимъ отношенію высшихъ классовъ общества; неуничтожимымъ свидѣтельствомъ этого ужаснаго положенія рабочихъ останется навсегда трудъ *Ла Брюйера* (La Bruyère). Члены физиократической школы были людьми несомнѣнно необыкновенной честности и были проникнуты искреннимъ стремленіемъ къ общественному благу и особенно желали нравственного и матеріальнаго поднятія и преуспѣянія рабочихъ классовъ. Кэнэ былъ докторомъ Людовика XV и жилъ въ Версальскомъ дворцѣ; но, даже находясь въ средѣ этого развращеннаго двора, онъ сохранялъ свою прямоту и честность и съ большою откровенностью говорилъ о томъ, что ему казалось нестиной. Никогда не было еще государственнаго дѣятеля, который съ такой безкорыстностью и пылкостью желалъ бы служить своей родной странѣ, какъ Тюрго, этотъ главный практической дѣятель физиократической школы.

Сочиненія, въ которыхъ Кэнэ изложилъ свою систему, были слѣдующія: двѣ статьи „Fermiers“ и „Grains“, помѣщенные въ Энциклопедіи Дидро (1756, 1757 гг.); разсужденіе о законахъ природы въ сочиненіи „Physiocratie“ Дюпонъ де-Немура (1768); „Maximes générales de gouvernement économique d'un royaume agricole“ (1758); и вслѣдъ затѣмъ опубликованное „Tableau économique avec son explication“ ou „Extrait des économies royales de Sully“ (девизомъ этого сочиненія поставлено знаменитое положеніе: *pauvre paysan — pauvre royaume; pauvre royaume — pauvre roi*). „Dialogue sur le commerce et les travaux des artisans“, и другія. „Tableau économique“ хотя и пользуется извѣстностью вслѣдствіе своей сухости и абстрактности изложенія, наименьшимъ расположеніемъ публики, тѣмъ не менѣе, является главнымъ трудомъ, гдѣ съ наибольшей полнотой изложены идеи школы. Послѣдователи Кэнэ смотрѣли на этотъ трудъ

какъ на величайшій продуктъ человѣческой мысли и мудрости. Мирабо старшій въ одномъ изъ своихъ произведеній, на которое ссылается Адамъ Смитъ *), причисляетъ этотъ трудъ Кэнэ къ тѣмъ тремъ великимъ изобрѣтеніямъ, которыя придали устойчивость политическимъ обществамъ; двумя другими равными имъ твореніями человѣческаго генія онъ считаетъ письмо и монету. Въ этомъ своемъ сочиненіи Кэнэ желалъ посредствомъ опредѣленныхъ формулъ показать, какимъ образомъ добытый въ земледѣліи продуктъ, этотъ единственный источникъ богатства, распредѣляется между различными классами общества (собственниками земли и ея воздѣлывателями съ одной стороны и съ другой — непроизводительнымъ классомъ, куда относятся всѣ торговцы и промышленники) какъ при системѣ полной свободы, такъ и при системѣ правительственной регламентаціи, и одинаково указать весь тотъ вредъ, который проистекаетъ отъ послѣдняго нарушенія естественныхъ законовъ. По воззрѣніямъ Кэнэ, экономистъ-практикъ и государственный дѣятель должны заботиться только объ увеличеніи „produit net“; Кэнэ пришелъ къ тѣмъ же выводамъ, на которыхъ, по совершенно другимъ основаніямъ, настаивалъ и Адамъ Смитъ, — именно, что „интересы землевладѣльца тѣсно и неразрывно связаны съ интересами всего общества („Богатство народовъ“ книга I, глава II**).

Гурнэ (Gournay), какъ мы уже указывали, былъ однимъ изъ основателей школы и, какъ кажется, имѣлъ вліяніе на складъ убѣжденій самого Кэнэ. Гурнэ перевелъ на французскій языкъ произведенія Кельпепера и Чайльда (Culpeper, Child)***) и написалъ нѣсколько мемуаровъ, исключительно

*) См. „Богатство народовъ“, книга IV, глава 9.

***) См. о новыхъ открытіяхъ трудовъ Кэнэ Стефаномъ Бауеромъ въ Парижской Национальной библиотекѣ: *The Quarterly Journal of Economics*, October, 1890, Vol. V, № 1, стр. 100 и далѣе. Прим. Ред.

****) Вообще Гурнэ находился подъ сильнымъ вліяніемъ англійскихъ писателей. Morellet говоритъ о немъ, что онъ читалъ много хорошихъ англійскихъ книгъ, напр., сочин. Петти, Давенанта, Джи и Чайльда. *Mémoires*, 1, 38.

предназначенныхъ для министровъ и потому не увидѣвшихъ свѣта; болѣе онъ ничего не создалъ, но мы, тѣмъ не менѣе, можемъ подробно ознакомиться съ его взглядами по посвященной его памяти „Eloge de Gournay“, написанной его знаменитымъ другомъ—Тюрго. Въ то время, какъ Кэнэ провелъ свою молодость въ земледѣльской обстановкѣ и былъ рано знакомъ съ работами въ полѣ, Гурнэ былъ по рожденію купцомъ и перешелъ отъ занятій въ конторѣ къ обязанностямъ торговаго интенданта. Они приступили поэтому къ изученію политической экономіи съ разныхъ точекъ зрѣнія; различіе въ жизненной ихъ обстановкѣ можетъ отчасти служить объясненіемъ и того разногласія въ мнѣніяхъ, которое замѣчается у этихъ двухъ писателей. Гурнэ смягчилъ рѣзкость системы Кэнэ и, отвергнувъ то, что Смитъ называлъ „капитальной ошибкой школы“, т. е. ученіе о непроизводительности мануфактурнаго и коммерческаго труда, болѣе приблизился къ истинѣ. Гурнэ защищалъ и доказывалъ необходимость промышленной свободы; онъ выразилъ свои воззрѣнія по этому предмету въ краткой формулѣ: „laisser faire, laisser passer“, которая много разъ послѣ него повторялась съ добрыми и худыми намѣреніями.

Однимъ изъ болѣе раннихъ и ревностныхъ сторонниковъ физиократической школы былъ *Викторъ Мирабо* (Victor Mirabeau), съ искреннимъ и независимымъ, хотя въ то же время вѣтреннымъ и капризнымъ характеромъ, съ которымъ англійскіе читатели знакомы по этюду Карлейля о болѣе знаменитомъ сынѣ этого Мирабо. Мирабо высказывался въ физиократическомъ духѣ еще ранѣе Кэнэ, но впоследствии призналъ этого послѣдняго своимъ духовнымъ отцомъ и воспринялъ большую часть его взглядовъ; онъ отличался отъ Кэнэ тѣмъ, что отдавалъ предпочтеніе „petite culture“, мелкому землевладѣнію, тогда какъ Кэнэ гораздо болѣе сочувствовалъ „grande culture“, крупному землевладѣнію, полагая, что это послѣднее даетъ наибольший не валовой, а чистый доходъ. Главными трудами

Мирабо были: „Ami des hommes ou Traité sur la population“ (1756, 1760), „Théorie de l'impôt“ (1760), „Les Économiques“ (1769) и „Philosophie rurale ou Économie générale et politique de l'agriculture“ (1763). Последнее сочиненіе было первымъ полнымъ изложеніемъ физиократической системы. Другимъ серьезнымъ и настойчивымъ апостоломъ физиократизма былъ *Дюпонъ де-Немуръ* (Dupont de Nemours 1739—1817), известный по своимъ изслѣдованіямъ „De l'exportation et de l'importation des grains“ (1764), „De l'origine et du progrès d'une science nouvelle“ (1767), „Du commerce de la compagnie des Indes“ (1767), а особенно по своему обширному труду „Physiocratie ou constitution naturelle du gouvernement le plus avantageux au genre humain“ (1768). Заглавіе этой книги, какъ мы уже указывали, дало и всей школѣ названіе „физиократической“. Ученія физиократизма были, кромѣ того, удачно изложены въ сочиненіи *Мерсье-Ларивьера* (Mercier-Larivière) „L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“, о которомъ Адамъ Смитъ отозвался какъ о болѣе полномъ и послѣдовательномъ изложеніи физиократической системы. Заглавіе этой книги интересно въ томъ отношеніи, что обнаруживаетъ симпатіи автора къ jus naturae. Мерсье и Немуръ—оба учили, что человѣческія общества надо изучать не только по ихъ экономическому, но и по политическому и общему социальному положенію; несмотря, однако, на такую широту ихъ воззрѣній, сами они преимущественно ограничивались изученіемъ экономической области; въ конечномъ результатѣ матеріальныя соображенія господствуютъ въ ихъ трудахъ; самъ Мерсье наивно замѣчаетъ: „Собственность, безопасность, свобода,—вотъ въ чемъ заключается сущность социальнаго порядка; право собственности—основаніе всего; это—дерево, вѣтвями котораго являются всѣ остальные учрежденія общества.“

Самымъ выдающимся изъ членовъ физиократической группы былъ несомнѣнно *Тюрго* (Anne Robert Jacques Turgot),

(1727—1781). Здѣсь не мѣсто говорить о его благородной практической дѣятельности, сначала въ качествѣ интенданта въ Лиможѣ, впослѣдствіи на посту министра финансовъ, объ обстоятельствахъ, которыя были причиной его отставки и послѣдовавшей вслѣдъ затѣмъ гибели всѣхъ его трудовъ для блага Франціи. Свои экономическія воззрѣнія онъ излагалъ въ введеніяхъ къ своимъ эдиктамъ и ордонансамъ, а также въ письмахъ, въ летучихъ замѣткахъ; въ особомъ его трудѣ „Réflexions sur la formation et la distribution des richesses“ (1776 г.) заключается изложение въ сжатой, но необыкновенно ясной и привлекательной формѣ основныхъ принциповъ политической экономіи, какъ ихъ понимали физиократы, другими словами здѣсь найдемъ всѣ ученія школы—правильныя и ложныя. Нѣкоторые вопросы, однако, и въ особенности вопросы о различныхъ видахъ землепользованія, объ употребленіи капиталовъ, о законности процента, Тюрго понимаетъ вообще правильно и даетъ имъ даже замѣчательную оцѣнку. Способъ изображенія этихъ физиократическихъ идей и блестящая система, въ которой онъ ихъ излагаетъ, всецѣло принадлежатъ самому Тюрго. Это небольшое по размѣрамъ изслѣдованіе настолько замѣчательно вообще по своему содержанію, что оно навсегда останется классическимъ произведеніемъ въ области экономической науки.

Физиократическая школа не оказала тѣмъ не менѣе почти никакого вліянія на воззрѣнія народа даже въ своей родной странѣ, несмотря на то, что послѣдователями ея были высокодаренные и серьезные умы. Физиократы писали о сухихъ предметахъ и, зачастую, тяжелымъ и высокопарнымъ стилемъ; естественно, что они не могли найти сочувствія у той публики, которая требовала, чтобы тѣ лица, которыя къ ней обращаются, обладали, прежде всего, искусствомъ очаровывать.

Изъ пререканій одного изъ физиократовъ Morellet съ Galiani ясно обнаруживается, какъ часто въ жизни „esprit“

(остроуміе) и краснорѣчіе одерживаютъ побѣду надъ наукой, которая хотя и обладаетъ истиной, но зато слишкомъ неуклюжа и не умѣетъ ясно и въ красивой формѣ изложить свои взгляды*). На положенія физиократовъ, которые, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, были дѣйствительно ложны, многіе смотрѣли какъ на химеры. Въ современной литературѣ надъ физиократами даже насмѣхались; такъ, напр., Вольтеръ въ своемъ „L'homme aux quarante écus“, который былъ, главнымъ образомъ, направленъ противъ Мерсье-Ларивьера, подвергъ осмѣянію „impôt unique“. Физиократической школой очень часто и основательно указывали, что она слишкомъ абсолютна во взглядахъ на вещи. Физиократы предполагали, какъ замѣчаетъ Смитъ, говоря о Кэнэ, что политическое тѣло государства можетъ преуспѣвать только при опредѣленномъ режимѣ, а именно при томъ, который они рекомендовали; они полагали, что ихъ ученіе универсально и можетъ быть немедленно приложено на практикѣ**). Какъ теоретики, физиократы обращали очень мало вниманія на національныя особенности***), на различіе въ стадіяхъ общественнаго развитія; какъ политики, они не умѣли понять тѣхъ затрудненій, которыя представляютъ для просвѣщеннаго государственнаго человѣка невѣжество, предрасудки, оппозиція заинтересованныхъ лицъ. Весьма вѣроятно, что самъ Тюрго, какъ предполагаетъ Grimm, потер-

*) См. дальше «Dialogues» соч. Galiani. Вскорѣ послѣ появленія этой книги, Тюрго писалъ M-lle Lespinasse: «Je crois possible de lui faire une très bonne réponse, mais cela demande bien de l'art. Les économistes sont trop confiants pour combattre contre un si adroit feuilleter. Pour l'abbé Morellet—il ne faut pas qu'il y pense.» Книга Morellet была запрещена генеральнымъ контролеромъ Terray; хотя она была напечатана въ 1770 г., нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ появленія книги Гальяни, но опубликована она была только въ 1774 году.

**) Юмъ въ письмѣ къ Morellet, намѣренно, повидимому, игнорируя тѣсную связь этого писателя съ физиократами, отзывается о нихъ какъ о людяхъ несуществующей доселѣ дерзости и химеры.

***) Тюрго говоритъ: «Quiconque n'oublie pas qu'il y a des états politiques séparés les uns des autres et constitués diversement, ne traitera jamais bien aucune question d'économie politique.» Письмо къ M-lle Lespinasse, 1770 г.

пѣль поражение вслѣдствіе слишкомъ большого ригоризма своей политики и вслѣдствіе отсутствія всякихъ попытокъ къ соглашенію. Неудача, которую испыталъ Турго, быть-можетъ способствовала тому, что ко всѣмъ его принципамъ стали относиться съ недовѣріемъ, на нихъ смотрѣли какъ на нѣчто испробованное и по опыту найденное негоднымъ.

Физиократическая система нѣкоторое время еще служила руководствомъ для политики „Учредительнаго Собранія“, кое-гдѣ имѣла небольшое вліяніе и въ иностранныхъ государствахъ, но скоро потеряла всякое значеніе какъ живая руководящая сила. Однако добрые элементы изъ ученій школы не пропали безслѣдно для человѣчества; они вошли, какъ часть, въ болѣе полное и здоровое твореніе Адама Смита.

И Т А Л І Я.

Въ Италіи, какъ и во всѣхъ другихъ европейскихъ странахъ, въ теченіе первой половины 18-го столѣтія было весьма немного работъ по экономическимъ вопросамъ. Мы, должны, однако, упомянуть объ одномъ замѣчательномъ авторѣ, именно объ архидіаконѣ *Бандини* (Salustio Antonio Bandini, 1677—1760). Онъ написалъ свое сочиненіе: „Discorso sulla Maremma Senese“ въ 1737 году, а опубликовано оно было только въ 1775 году. Предметомъ сочиненія было указаніе тѣхъ способовъ, посредствомъ которыхъ можно вывести Мареммы изъ того печальнаго положенія, въ которое онѣ впали благодаря упадку земледѣлія. Упадокъ земледѣлія онъ объясняетъ дурной фискальной системой. Книга Бандини повела ко многимъ реформамъ въ Тосканѣ, гдѣ, поэтому, имя его ставится весьма высоко. Не только *Пеккьо* (Pecchio) и другіе италіанскіе писатели, но и Рощеръ утверждаютъ, что мы найдемъ у него нѣкоторые изъ главнѣйшихъ физиократическихъ положеній. Утвержденіе это, однако, оспаривается. Во второй половинѣ 18-го вѣка въ Италіи происходило замѣчательное возрожденіе экономическихъ изслѣдованій, частью благодаря француз-

скимъ вліяніямъ, частью вслѣдствіе установленія въ сѣверныхъ государствахъ Италіи лучшей формы правленія. Оживившаяся умственная дѣятельность вначалѣ выразилась въ цѣломъ рядѣ трудовъ меркантильнаго направленія. Такъ, въ трактатахъ *Антонія Броджиа* (Antonio Broggia) „Trattati dei tributi e delle monete e del governo politico della società“, 1743, и въ разсужденіяхъ *Беллони* (Girolamo Belloni) „Dissertazione sopra il commercio“, 1750, которые, кажется, пользовались большимъ не по достоинству успѣхомъ и репутаціей, меркантильныя идеи въ нихъ рѣшительно преобладаютъ. Самымъ виднымъ представителемъ этой школы въ Италіи былъ неаполитанецъ *Антоній Дженовези* (Antonio Genovesi, 1712—1769). Онъ сознаетъ, что умственное и нравственное состояніе его согражданъ находится въ большомъ упадкѣ, стремится къ возрожденію философіи и къ реформамъ въ воспитаніи, которое, по его мнѣнію, является первымъ условіемъ прогресса и благосостоянія. Для того, чтобы предохранить Дженовези отъ клерикальныхъ преслѣдованій за его прогрессивныя убѣжденія, *Бартоломео Интьери* (Bartolomeo Intieri), о которомъ мы услышимъ дальше, въ связи съ Гальяни, въ 1755 году основалъ—спеціально для Дженовези—кафедру торговли и механики, поставивъ непремѣннымъ условіемъ существованія кафедры, чтобы она никогда не была занята монахомъ. Это была первая въ Европѣ профессорская кафедра политической экономіи; впоследствии вторая была основана въ 1758 году въ Стокгольмѣ, третья—10-ю годами позже, въ 1768 году въ Ломбардіи спеціально для знаменитаго *Вессариа*. Результатомъ дѣятельности Дженовези на этой кафедрѣ явились его лекціи (Lezioni di commercio ossia di economia civile, 1769), въ которыхъ имѣется впервые для Италіи систематическое и цѣльное изслѣдованіе вопросовъ политической экономіи. На Англію онъ указываетъ какъ на образецъ для подражанія Италіи; по словамъ *Пеккьо*, Дженовези питалъ къ этой странѣ любовь, почти доходившую до фанатизма. Онъ не счумѣлъ стать выше той ложной

экономической системы, которой въ его время придерживалась Англія, но отказался отъ многихъ серьезныхъ ошибокъ той школы, къ которой самъ принадлежалъ: такъ онъ защищалъ свободу хлѣбной торговли и отвергалъ регулированіе процента. Онъ считаетъ, вполне согласно съ духомъ своего времени, важными препятствіями для національнаго преуспѣянія ограниченія права отчужденія имущества и владѣнія „мертвой руки“.

Другимъ замѣчательнымъ меркантилистомъ былъ *Гальяни* (Ferdinando Galiani). Едва достигнувъ 21 года, онъ уже опубликовалъ свой трудъ о монетѣ (*Della moneta libri cinque*, 1750); основныя положенія этой книги, какъ предполагаютъ, были продиктованы маркизомъ *Ринуччини* (Rinuccini) и упомянутымъ уже нами *Бартоломео Интьери*, опытными практическими людьми. Но особенную репутацію Гальяни приобрѣлъ за свое сочиненіе, написанное на французскомъ языкѣ и опубликованное въ Парижѣ, гдѣ онъ былъ секретаремъ посольства, именно „*Dialogues sur le commerce des blès*“, 1770 года. Этотъ трудъ Гальяни такъ понравился Вольтеру по своему ясному и прекрасному стилю, что онъ отозвался о немъ такимъ образомъ: „Книга эта представляетъ твореніе, въ которомъ Платонъ какъ бы соединился съ Мольеромъ“ *). Авторъ этого труда, говоритъ Пеккіо, такъ удачно излагаетъ свой сухой предметъ, какъ Фонтенелль теорію водоворотовъ Декарта, или Альгаротти — Ньютонову систему міра. Гальяни въ этомъ своемъ сочиненіи обсуждалъ сильно волновавшій общество вопросъ о свободѣ хлѣбной торговли и съ особымъ вниманіемъ останавливался на значеніи королевскаго акта 1764 года, который разрѣшалъ вывозъ хлѣба до той поры, пока цѣна его не достигала опредѣленной высоты. По мнѣнію Гальяни, лучшая политика по отношенію къ хлѣбной торговлѣ есть отсут-

*) Такъ же отзывается о немъ и Grimm: „C'est Platon avec la verve et les gestes d'Arlequin.“ Дидро полагалъ, что книга эта представляетъ „modèle de dialogues qui restera à côté des lettres de Pascal“.

ствіе всякой политики, при чемъ разныя государства должны и разнѣ дѣйствовать примѣнительно къ обстоятельствамъ. Такимъ образомъ, съ научной точки зрѣнія онъ приходитъ къ ничтожному и бесплодному заключенію; важная же заслуга этого автора заключается въ томъ, что, полемизируя въ своемъ трудѣ съ физиократами, онъ первый протестовалъ противъ абсолютнаго рѣшенія практическихъ вопросовъ, противъ обыкновенія физиократовъ давать для руководства государственнымъ людямъ слишкомъ рѣшительные, суровые совѣты. Гальяни не избѣгнулъ одного изъ серьезнѣйшихъ заблужденій меркантилистовъ: онъ такъ же, какъ Вольтеръ и Берри, утверждалъ, что всѣ выгоды одной страны приобретаются на счетъ потери другой; въ своихъ болѣе раннихъ трудахъ онъ является даже защитникомъ порчи монеты.

Среди италянскихъ мыслителей, наиболѣе проникнутыхъ новыми идеями и стоящихъ въ тѣсной связи съ тѣмъ движеніемъ, которое влекло западныя націи къ осуществленію новаго общественнаго порядка, самое выдающееся мѣсто занимаетъ *Беккариа* (Cesare Beccaria, 1738—1794). Онъ болѣе всего извѣстенъ по знаменитому своему труду „*Dei delitti e delle pene*“; Вольтеръ говорилъ, что Беккариа, написавъ это изслѣдованіе, сдѣлался благодѣтелемъ всей Европы; объ успѣхѣ сочиненія можно судить потому, что оно было переведено на двадцать два языка. Русская Императрица Екатерина предлагала Беккариа поселиться въ Петербургѣ, австрійское правительство, желая удержать его въ родной странѣ (Ломбардіи), основало специально для него кафедру политической экономіи; результаты его профессорскихъ чтеній и заключаются въ его *Elementi di economia pubblica* (1769—1771; они не были опубликованы до 1804 года). „*Elementi*“ не представляютъ собой законченнаго труда и раздѣляются на слѣдующія главы: о земледѣліи, о мануфактурахъ, о торговлѣ, объ обложеніи, ооо правительствѣ. Вполнѣ обработаны и изложены только первыя двѣ главы (о земледѣліи, о мануфактурахъ),

двѣ послѣднія—только частью; Беккаріа не успѣлъ ихъ окон-
чить, потому что былъ призванъ въ государственный совѣтъ.
Онъ до нѣкоторой степени находился подъ вліяніемъ фізіо-
кратическихъ идей, полагалъ, что земледѣліе есть един-
ственная производительная отрасль промышленности, а фаб-
риканты и ремесленники—безплодный классъ общества. Онъ
рѣзко возстаетъ противъ привилегій и монополій, противъ
цеховъ въ торговлѣ и ремеслахъ; съ необыкновенной горяч-
ностью защищаетъ свободу внутренняго обмѣна, хотя во
внѣшней торговлѣ держится протекціонистскихъ взглядовъ.
Въ вопросѣ о хлѣбной торговлѣ онъ держался воззрѣній
Гальяни, т.-е. ни въ какомъ случаѣ не былъ сторонникомъ
абсолютной ея свободы. Изложеніе въ этомъ трудѣ сжато и
лаконично; Беккаріа высказываетъ много важныхъ сообра-
женій, не развивая ихъ настолько, какъ то было бы жела-
тельно для приданія имъ большей ясности и убѣдительности.
Такъ, говоря объ основномъ капиталѣ (*capitali fondatori*) въ
земледѣліи и различая его отъ оборотнаго (*c. annui*), онъ
въ сжатой формѣ говорилъ то же, что въ это же время гово-
рилъ и Тюрго; разсуждая о раздѣленіи труда, объ обстоя-
тельствахъ, обуславливающихъ неравенство рабочихъ платъ,
онъ весьма близокъ къ воззрѣніямъ Смита, но у него нѣтъ
той полноты иллюстрацій, которыя такъ плѣняютъ насъ въ
„Богатствѣ народовъ“. *Верри* (*Pietro Verri*, 1728—1717)
былъ интимнымъ другомъ Беккаріа; въ продолженіе 25 лѣтъ
онъ состоялъ однимъ изъ главныхъ членовъ ломбардской
администраціи, въ каковомъ званіи являлся инициаторомъ
многихъ экономическихъ и другихъ реформъ. Въ своемъ
трудѣ *Riflessioni sulle leggi vincolanti, principalmente nel
commercio de grani* (написанномъ въ 1769 и напечатанномъ
въ 1796 году) онъ, разсмотрѣвъ вопросъ о хлѣбной тор-
говлѣ съ исторической и теоретической точки зрѣнія, при-
шелъ къ тому заключенію, что полная свобода хлѣбной тор-
говли является лучшимъ средствомъ какъ противъ голода,

такъ и противъ сильныхъ колебаній хлѣбныхъ цѣнъ. Онъ
вообще противникъ всякаго вмѣшательства въ внутреннюю
торговлю, въ дѣла торговыхъ корпорацій, противъ всякихъ
попытокъ регулировать цѣны или опредѣлять процентъ, но
расположенъ поддерживать „національную промышленность“
умно созданнымъ тарифомъ. Всѣ эти воззрѣнія Верри изло-
жилъ въ своемъ элементарномъ руководствѣ, вышедшемъ
подъ заглавіемъ „*Meditazioni sull'economia politica*“ въ 1771
году и впоследствии переведенномъ на многіе языки. Основ-
ной задачей всякаго хозяйства онъ считаетъ увеличеніе вос-
производства, или, говоря словами Адама Смита, „увеличеніе
годового продукта земли и труда“; всякій законъ, всякое
учрежденіе онъ разсматриваетъ съ двухъ точекъ зрѣнія: со-
дѣйствуетъ ли оно увеличенію воспроизводства или напро-
тивъ умаляетъ его. Расходясь съ Беккаріа, онъ относится съ
большимъ предпочтеніемъ къ *petite*, чѣмъ къ *grande culture*;
по его мнѣнію, *petite culture* даетъ большій валовой доходъ.
Онъ отвергаетъ возможность „*impôt territorial*“ (фізіокра-
товъ *). *Дж. Карли* (*Giovanni R. Carli*, 1720 — 1795) былъ
также однимъ изъ людей, принимавшихъ участіе въ упра-
вленіи и въ реформахъ австрійской Ломбардіи; онъ, кромѣ
нѣсколькихъ ученыхъ и разумныхъ изслѣдованій о монетѣ,
былъ авторомъ „*Ragionamenti sopra i bilanci economici delle
pazioni*“. Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ ложность
того воззрѣнія, будто страна выигрываетъ и теряетъ въ

* Д. С. Милль въ своихъ „Основаніяхъ“ (книга I, стр. 37, изд. Пы-
пина) утверждаетъ, что отецъ его былъ первымъ выяснившимъ и указав-
шимъ важное значеніе того, что онъ нѣсколько странно называетъ „основ-
нымъ принципомъ политической экономіи“, а именно, что человекъ только
можетъ соединять и разъединять матерію, „человѣкъ имѣетъ только одно
средство дѣйствовать на матерію, это средство—двигать; движеніе и со-
противленіе движенію—вотъ единственныя вещи, для которыхъ годятся его
мускулы“. Верри въ своихъ *Meditazioni* (sect. 3) говоритъ: „*Accostare e se-
parare sono gli unici elementi che l'ingegno umano ritrova analizzando
l'idea della riproduzione*“.

международной торговлѣ, смотря по положенію торговаго баланса. Въ своихъ письмахъ къ *Нери* (Pompeo Neri) „Sul libero commercio de grani (1771 г.)“ онъ высказываетъ положенія, сходныя съ таковыми же Гальяни; онъ смотритъ на вопросъ о хлѣбной торговлѣ не какъ на вопросъ науки, а какъ на вопросъ административной практики, которая можетъ измѣняться смотря по разнообразнымъ мѣстнымъ и другимъ условіямъ. Онъ отвергаетъ фізіократическое ученіе объ исключительной производительности земли, весьма интересно иллюстрируетъ необходимость существованія различныхъ классовъ въ обществѣ и наконецъ указываетъ, что обрабатывающая промышленность служить поощреніемъ для земледѣлія, содѣйствуя увеличенію обработки земли. *Джамбатиста Васко* (Giambatista Vasco, 1733—1796) написалъ нѣсколько разсужденій на темы, которыя задавались академіями и государствами. Въ этихъ трудахъ онъ съ одобреніемъ относится къ торговымъ корпораціямъ, осуждаетъ всякія попытки правительства регулировать хлѣбныя цѣны и процентъ на капиталъ. Онъ защищаетъ крестьянское землевладѣніе и высказываетъ желаніе, чтобы законъ опредѣлилъ высшій и низшій предѣлъ возможнаго для каждаго гражданина размѣра земельного надѣла. Стремясь предотвратить нежелаемое скопленіе собственности, онъ предлагаетъ уничтожить право завѣщанія и установить равный раздѣлъ наслѣдства между дѣтьми покойнаго. *Г. Филанджіери* (Gaetano Filangieri, 1752—1788) былъ однимъ изъ тѣхъ итальянскихъ писателей, имена которыхъ очень хорошо были извѣстны Европѣ прошлаго вѣка. Экономическими вопросами онъ занимается во второй книгѣ своей *Scienza della legislazione* (5 vols 1780—1785). Горячій патриотъ и пылкій поклонникъ реформъ, онъ посвятилъ всю силу своего краснорѣчія на указаніе недостатковъ своего времени. Будучи совершенно незнакомымъ съ трудомъ Смита, онъ настойчиво доказываетъ необходимость свободы торговли, высказывается за отмену всѣхъ

средневѣковыхъ учреждений, препятствующихъ развитію производства и національнаго благосостоянія, относится съ осужденіемъ къ колониальной политикѣ своего времени Англій, Испаніи и Голландіи; онъ предсказываетъ такъ же, какъ это дѣлали *Raunal*, *Turgot* и *Genovesi*, что наступитъ время, когда Америка будетъ свободна и независима. За предсказаніе это *Benjamin Franklin* относился къ книгѣ этого автора съ необыкновеннымъ уваженіемъ. Будучи скорѣе пропагандистомъ, чѣмъ ученымъ, онъ воспринялъ нѣкоторыя и ложныя воззрѣнія и, между прочимъ, былъ сторонникомъ „*impôt unique*“ фізіократовъ. Во всякомъ случаѣ *Филанджіери* былъ представителемъ наиболѣе передовыхъ политическихъ и социальныхъ стремленій своего времени; рѣзко отличаясь отъ *Беккариа* по темпераменту и стилю, онъ тѣмъ не менѣе былъ полезнымъ работникомъ въ общемъ ему съ *Беккариа* стремленіи къ національному и общечеловѣческому прогрессу. *Л. Риччи* (*Ludovico Ricci*, 1742 — 1799) былъ авторомъ весьма недурнаго доклада „*Sulla riforma degli istituti pii della città di Modena*“ (1787). Онъ разсматриваетъ вопросъ о помощи бѣднымъ и о благотворительныхъ учрежденіяхъ съ такой общей точки зрѣнія, что трудъ его до сихъ поръ сохраняетъ общій интересъ. Онъ утверждаетъ, что безразборчивая помощь, желая устранить бѣдность, только увеличиваетъ ее, а кромѣ того понижаетъ нравственный характеръ населенія. Съ особой подробностью онъ останавливается на злоупотребленіяхъ въ воспитательныхъ и родовспомогательныхъ домахъ. Въ его взглядахъ много сходнаго со взглядами *Мальтуса*; подобно послѣднему, онъ противъ государственной помощи бѣднымъ, полагая, что такая забота должна быть предоставлена частной благотворительности. *Ф. Паолетти* (*Ferdinando Paoletti*, 1717—1801) былъ однимъ изъ замѣчательно преданныхъ общественному дѣлу священниковъ; онъ много содѣйствовалъ распространенію просвѣщенія среди земледѣльческаго населенія Тосканы и облегченію налоговой тяжести, которая да-

вила крестьян; онъ состоялъ въ перепискѣ съ Мирабо (другомъ народа) и, какъ кажется, по крайней мѣрѣ въ главномъ воспринялъ физиократическое учение. Изъ сочиненій его укажемъ: „Pensieri sopra l'agricultura (1769) и „I veri mezzi di render felici le società (1772); въ послѣднемъ онъ защищаетъ свободу хлѣбной торговли. Трактатъ графа Франческо Менготти (Mengotti) „Il Colbertismo“ (1791) является сильнымъ протестомъ противъ системы запрещеній и покровительства; его и донинѣ можно читать съ интересомъ. Менготти написалъ также въ 1791 г. „Del commercio de' Romani“; онъ разоблачалъ въ этомъ сочиненіи преувеличенія Гюэ (Huet) въ его „Histoire du commerce et de la navigation des anciens“ (1716); трудъ этотъ полезенъ еще и до сихъ поръ, такъ какъ въ немъ ясно представлено крупное различіе, существующее между древней и новой цивилизаціей.

Упомянемъ еще объ одномъ итальянскомъ писателѣ, Дж. Ортезѣ (Giannaria Ortes, 1713 — 1790); это былъ писатель въ высшей степени оригинальный, даже эксцентричный: его не легко помѣстить среди современниковъ; и даже по характеру своего мышленія онъ обнаруживаетъ сходство съ нѣкоторыми европейскими писателями нашего времени. Онъ былъ противникомъ либеральныхъ стремленій своего вѣка, но въ то же время не былъ поклонникомъ доктринъ меркантильной системы, отвергалъ теорію торговаго баланса и защищалъ необходимость коммерческой свободы. Идеаломъ общественной и экономической жизни для него были средніе вѣка. Онъ былъ защитникомъ церковной собственности, съ отвращеніемъ смотрѣлъ на возрастающее могущество денегъ, имѣлъ средневѣковое нерасположеніе къ проценту. Между прочимъ онъ высказываетъ странную идею, что богатство общества всегда и вездѣ находится въ опредѣленномъ отношеніи къ населенію, при чемъ послѣднее опредѣляется первымъ.

Бѣдность поэтому неизбежно сопровождаетъ богатство, и богачъ, дѣлаясь таковымъ, приобретаетъ то, что теряетъ бѣд-

някъ. Стремящіеся улучшить положеніе народа и желающіе для этого увеличить общую сумму народнаго богатства работаютъ тщетно, ибо измѣнить наличную сумму богатства выше ихъ силъ; имъ слѣдовало бы обратить вниманіе на распределеніе богатства, которое подлежитъ измѣненію. Настоящее средство противъ бѣдности заключается въ ослабленіи стяжательныхъ наклонностей богачей и дѣловыхъ людей. Въ отдѣльномъ трудѣ Ортезъ изслѣдовалъ вопросъ о населеніи и пришелъ къ тому заключенію, что оно возрастаетъ „въ геометрической прогрессіи“, но въ то же время онъ замѣчаетъ, что тогда какъ у животныхъ границей размноженія служитъ взаимное уничтоженіе, у человѣка безмѣрное возрастаніе ограничивается „разумомъ“, „сознательнымъ воздержаніемъ“ т. е. тѣмъ, о чемъ впоследствии такъ много говорилъ Мальтусъ.

Ортезъ смотритъ на celibatъ, (безбрачіе) какъ на учрежденіе столь же полезное и необходимое, какъ и самый бракъ. Онъ высказываетъ и нѣчто подобное тому, что впоследствии получило названіе закона „объ уменьшающейся производительности земли“. Ортезъ не заботился о распространеніи своихъ сочиненій — и вотъ причина, почему о немъ ничего не знали до тѣхъ поръ, пока труды его не вошли въ „Собраніе трудовъ итальянскихъ экономистовъ“ изданія Custodi. Послѣ этого онъ привлекъ къ себѣ большое вниманіе; въ немъ особенно привлекало изслѣдователей своеобразное соединеніе въ его умственномъ складѣ остроумія и злобности.

И С П А Н І Я.

То же дуновеніе новой эры, которое чувствовалось во всей Европѣ, сказалось и въ Испаніи. Въ первой половинѣ 18-го вѣка Дж. Устаритъ (Geronimo Ustaritz), написалъ Teorica y Practica del comercio y Marina (1724 г., опубликовано въ 1740, англійскій переводъ John Kirrax 1751, французскій переводъ Forbonnais 1753); въ этомъ сочиненіи онъ разви-

ваетъ самыя крайнія меркантильныя идеи. Лучшимъ представителемъ направленія реформъ въ Испаніи слѣдуетъ признать графа *Педро Кампоманесъ* (Pedro Rodriguez Campomanes, 1723—1802). Онъ съ одинаковою пылкостью занимался тѣми же вопросами, преслѣдовалъ такую же политику въ своей дѣятельности, какъ и знаменитый его современникъ Тюрго, но не достигнулъ такой совершенной точки зрѣнія, какъ послѣдній. Онъ былъ авторомъ: „*Respuesta fiscal sobre abolir la tasa y establecer el comercio de granos*“ (1764), „*Discurso sobre el fomento de industria popolar*“ (1774) и „*Discurso sobre la educacion de los artesanos y su fomento*“ (1775). При посредствѣ этихъ трудовъ, справедливо восхваляемыхъ Робертсономъ въ его *History of America* (note 193), а также посредствомъ личной своей дѣятельности въ качествѣ министра Кампоманесъ старался установить (и доказать необходимость такого установленія) свободу хлѣбной торговли, устранить многія средневѣковыя переживанія, препятствовавшія развитію промышленной дѣятельности, освободить земледѣліе отъ того ненавистнаго бремени, которое на немъ лежало, и дать болѣе широкое развитіе мануфактурной промышленности. Онъ сознавалъ, что, несмотря на просвѣщенное правленіе Карла III, Испанія еще страдала отъ вредныхъ результатовъ слѣпота упованія возлагаемаго ея народомъ на золотыя рудники; онъ старался доказать, что истинный источникъ богатства и могущества его страны должно искать не въ Америкѣ, а собственномъ трудолюбіи. Контъ вѣрно замѣтилъ (*Philosophie positive*, V, p. 759), что въ Испаніи и Италіи стремленіе къ общественнымъ переменамъ выразилось главнымъ образомъ въ экономическихъ реформахъ, ибо правительства этихъ государствъ не допускали свободнаго мышленія, какъ то было во Франціи, въ области философіи и политики. Добавимъ къ этому еще то, что славныя традиціи сѣверныхъ городовъ Италіи, ихъ великаго промышленнаго прошедшаго, много способствовали тому, что въ этой странѣ стали обращать главное вни-

маніе на экономическую сторону общественной политики и законодательства.

ГЕРМАНІЯ.

Мы уже указывали, что какъ въ Италіи, такъ и въ Англии политической экономіей начали заниматься, стараясь прежде всего изучать практическіе вопросы, касавшіеся главнымъ образомъ монеты и внѣшней торговли. Въ Германіи, какъ доказалъ Рошеръ, политическая экономія возникла изъ такъ называемыхъ камеральныхъ наукъ. Вскорѣ послѣ окончанія среднихъ вѣковъ, въ большинствѣ германскихъ государствъ появились такъ называемыя Камеры (отъ Camera), на обязанности которыхъ лежала защита регальныхъ правъ и завѣдованіе хозяйствомъ государственныхъ доменъ. Императоръ Максимилианъ, узнавъ о существованіи этихъ учреждений въ Бургундіи, образовалъ подобные же придворные совѣты, или камеры, въ Инсбрукѣ и Вѣнѣ въ 1498 и 1501 гг. Впослѣдствіи къ этимъ учреждениямъ перешло завѣдываніе не только финансами и обложеніемъ, но и всей экономической политикой. Само собой разумѣется, что явилась потребность въ людяхъ, хорошо знакомыхъ съ экономическими вопросами, для чего и были образованы при университетахъ кафедры камеральной науки. Изложеніе этой науки распадалось обыкновенно на два отдѣла; въ первомъ отдѣлѣ наука черпала свой матеріалъ изъ внѣшней природы и занималась лѣсоводствомъ, руднымъ дѣломъ, общей технологіей и т. п.; во второмъ отдѣлѣ подвергались изслѣдованію условія національнаго благосостоянія, насколько они зависятъ отъ человѣческихъ отношеній и учреждений; изъ послѣдняго отдѣла и развилась германская политическая экономія. Нигдѣ меркантильные взгляды не имѣли такого рѣшительнаго господства, какъ въ Германіи, однако въ этой же странѣ система торговаго баланса и менѣе всего примѣнялась на практикѣ. Всѣ выдающіеся германскіе экономисты 17-го вѣка—Bornitz, Besold, Klock, Becher, Horneck, Seckendorf, Schröder —

были сторонниками меркантилизма. То же самое можно сказать и о писателях первой половины 18-го вѣка, а въ особенности о Юсти (+ 1771), который былъ авторомъ перваго систематическаго нѣмецкаго трактата по политической экономіи, оказавшаго въ качествѣ распространеннаго учебника большое воздѣйствіе на образованіе экономическихъ взглядовъ. Только у Цинке (Zincke, 1692—1769) замѣчается иной образъ мыслей, нѣсколько отступающій отъ господствующаго, обнаруживается стремленіе къ промышленной свободѣ. Но всѣ эти писатели имѣютъ какое-нибудь значеніе, только развѣ съ національной точки зрѣнія, на общее развитіе европейской мысли они не оказали ни малѣйшаго вліянія. Физиократическія ученія были восприняты въ Германіи съ особой охотой. Карль Фридрихъ, маркграфъ Баденскій, написалъ въ духѣ этой системы для своихъ сыновей „Abrégé des principes d'économie politique“ (1772). Сочиненіе это имѣетъ мало научнаго значенія. Шлетвайнкъ (Schlettwein, 1731—1802) и Мовиллонъ (Mauvillon) — были послѣдователями той же школы. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть, хотя и отступивъ нѣсколько отъ историческаго порядка изложенія, о Теодорѣ Шмальцѣ (Theodor Schmalz), котораго обыкновенно называютъ „послѣднимъ физиократомъ“ (1764—1831). Онъ сравниваетъ систему Кольбера съ системой Птолемея, систему физиократовъ—съ системой Коперника. На Адама Смита онъ смотритъ какъ на Тихо-де-Браге политической экономіи; по его мнѣнію Адамъ Смитъ былъ выдающимся человѣкомъ, который не могъ противостоятъ силѣ истины, заключавшейся въ ученіяхъ физиократовъ, но который въ то же время не въ состояніи былъ отдѣлаться отъ укоренившихся предразсудковъ и снѣдаемый желаніемъ славы смотрѣлъ на себя какъ на ученаго, создавшаго систему, соглашающую всѣ другія. Хотя Смитъ былъ тогда уже „въ модѣ“, но Шмальцъ не сомнѣвался, что доктрина Кенэ была единственно истинной и что она должна рано или поздно повсюду восторжествовать.

Подобно тому, какъ до появленія Смита въ Англіи Стьюартъ (Steuart), въ Италіи Genovesi, такъ и въ Австріи Зонненфельсъ (Sonnenfels), первый выдающійся экономистъ этой страны, (1731—1817)—пытался представить меркантильную систему въ нѣсколько измѣненномъ и улучшенномъ видѣ; его трудъ („Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanz“, 1765, 8 изд.—1822) въ теченіе значительнаго періода настоящаго вѣка оказывалъ большое вліяніе на политику своей родины. По мнѣнію Ропера величайшимъ нѣмецкимъ экономистомъ 18-го столѣтія былъ Justus Möser (1720—1794), авторъ „Patriotische Phantasien“ (1774), серіи набросковъ, о которой, тѣмъ не менѣе, Гёте отзывался какъ о „ein wahrhaftes Ganzes“. Мёзеръ оказалъ на Гёте большое вліяніе въ періодъ его молодости; въ своемъ „Dichtung und Wahrheit“ Гёте расхвалилъ умъ, направленіе, характеръ, глубокой и основательный взглядъ Мёзера на все происходящее въ социальномъ мірѣ. Въ то время, какъ другіе ученые занимались болѣе широкими и важными общественными событіями и дѣлами, Мёзеръ наблюдалъ и воспроизводилъ въ своихъ трудахъ обыденную, будничную жизнь своей націи и „ту массу всякихъ мелочей“, изъ которыхъ слагается народная жизнь. Мёзера уподобляютъ Франклину по простотѣ, живости и свѣжести его литературныхъ трудовъ. По воззрѣніямъ своимъ онъ близокъ къ италіянцу Ortes. Онъ является противникомъ всего направленія „der Aufklärung“ (вѣка просвѣщенія) и врагомъ всѣхъ тѣхъ либеральныхъ и рационалистическихъ идей, выраженіемъ которыхъ впоследствии была книга Смита. Онъ не только консерваторъ, но и реакціонеръ. Онъ съ расположеніемъ относится даже къ такимъ средневѣковымъ учрежденіямъ, какъ цехи. Подобно Карлейлю въ наши дни онъ отдаетъ преимущество даже рабству сравнительно съ тѣмъ видомъ свободы, которымъ пользуется современный рабочій, при его тяжкомъ трудѣ. Мёзеръ съ антипатіей относится къ возрастающей силѣ денегъ, къ развивающемуся въ широкихъ размѣрахъ фабричному производ-

ству, къ сильно распространившемуся раздѣленію труда. Онъ возстаётъ противъ права неограниченной земельной собственности и съ радостью привѣтствовалъ бы возвратъ къ средневѣковой системѣ съ ея ограниченіями въ пользу государства, общины, семейства. Своимъ злобнымъ и язвительнымъ языкомъ онъ часто съ большимъ успѣхомъ критикуетъ доктринерскую узкость взгляда своихъ противниковъ, высказываетъ много весьма замѣчательныхъ идей, а въ особенности ярко рисуетъ намъ экономическія явленія и общее социальное положеніе среднихъ вѣковъ.

Адамъ Смитъ съ его непосредственными предшественниками и послѣдователями.

До 1735 года въ экономическихъ изслѣдованіяхъ обнаруживается полный застой, и до этого года не появляется въ Англіи ничего особенно важнаго. Въ 1735 году епископъ Берклей (Berkeley) въ своемъ *Querist* высказываетъ съ большой силой и мѣткостью нѣсколько совершенно противоположныхъ меркантильной системѣ взглядовъ о природѣ національнаго богатства и о функціяхъ денегъ; въ воззрѣніяхъ его мы найдемъ, однако, и не мало важныхъ ошибокъ. Но вскорѣ наступило еще болѣе рѣшительное движеніе въ томъ же духѣ. Въ то время, когда во Франціи физиократы пытались создать окончательную и полную систему политической экономіи, въ Англіи знаменитый шотландскій мыслитель въ серіи небольшихъ, но остроумныхъ очерковъ подвергалъ обсужденію нѣкоторые изъ основныхъ вопросовъ этой науки. Все, что было до Юма написано на англійскомъ языкѣ, почти всецѣло касалось лишь практическихъ вопросовъ политической экономіи. Правда, благодаря Локку общая система критической философіи была приведена въ связь съ экономическими изслѣдованіями, но эта связь была неопредѣленна

и неполна. Въ лицѣ Юма философія эта достигла высшаго своего развитія; Юмъ (1711—1766) въ своихъ экономическихъ изслѣдованіяхъ обнаруживаетъ рѣшительное стремленіе привести ихъ въ связь съ изученіемъ глубокихъ и важныхъ вопросовъ о человѣческой природѣ и исторіи. Большая часть его очерковъ, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, появилась въ 1752 г. въ книгѣ, носившей заглавіе „*Political Discourses*“; въ слѣдующемъ году вышло второе ея изданіе подъ заглавіемъ „*Essays and Treatises on Several Subjects*“, въ которомъ число очерковъ было увеличено. Самыми важными изъ этихъ „опытовъ“ слѣдуетъ признать слѣдующіе: о торговлѣ, о деньгахъ, о процентѣ и о торговомъ балансѣ. Очерки не связаны между собою по формѣ, но раздѣлять ихъ невозможно: ихъ связываетъ глубокое единство мысли, такъ что они какъ бы представляютъ цѣльную экономическую систему. Въ этихъ очеркахъ вполне обнаруживается необыкновенное остроуміе и ловкость мысли Юма, которая влекутъ иногда его даже къ парадоксамъ; эти качества соединяются въ то же время съ отсутствіемъ предрассудковъ, съ искренностью и съ тѣми общественными симпатіями, которыми онъ такъ отличался; онъ обладаетъ къ тому же легкимъ и естественнымъ стилемъ и рѣдкимъ даромъ необыкновенно яснаго изложенія.

Въ своемъ опытѣ о „деньгахъ“ онъ отвергаетъ меркантильное заблужденіе, будто деньги—богатство. „Человѣкъ и вещи“ (commodities), говоритъ онъ, „вотъ что составляетъ истинную силу общества.“ Въ національномъ запасѣ труда заключается дѣйствительная сила и богатство. Деньги являются только масломъ, мазью, благодаря употребленію которой, движеніе механизма торговли совершается съ болѣею легкостью и ровностью. Онъ указываетъ, что съ національной (но не съ международной) точки зрѣнія абсолютное количество монеты, какъ извѣстная опредѣленная величина, не имѣетъ для страны значенія; излишнее же количество монеты, другими словами—наличность большаго количества монеты,

чѣмъ то, которое требуется для обмѣна благъ, можетъ быть вредно для страны: оно ведетъ къ возвышенію цѣнъ, а потому можетъ служить препятствіемъ для продажи товаровъ внутренняго рынка иностранцамъ. Онъ заходитъ даже такъ далеко, что утверждаетъ (и это, безъ сомнѣнія, ошибочно), будто цѣнность монеты по преимуществу дѣло условное и фиктивное. На опроверженіи этого положенія впрочемъ нечего останавливаться, такъ какъ Юмъ и самъ на немъ ничего не строить. У него же найдемъ мы нѣсколько мѣткихъ соображеній (подвергнутыхъ, однако, сомнѣнію Д. С. Миллемъ) о вліяніи увеличившагося количества монеты на развитіе промышленности въ странѣ въ тотъ промежутокъ времени, пока это добавочное количество монеты не успѣло еще измѣнить всѣ цѣны. Юмъ утверждалъ, что для страны съ развитой промышленностью нѣтъ основаній опасаться перехода монеты въ другую страну; при системѣ полной свободы распредѣленіе драгоценныхъ металловъ приспособляется къ торговымъ нуждамъ націй, а потому и возстанавливается само собой. „Поэтому, говоритъ онъ, правительство имѣетъ полное основаніе заботиться о своемъ народѣ и промышленности, но въ томъ, что касается монеты, оно можетъ безопасно довѣриться теченію человѣческихъ дѣлъ, не страшась и не заботясь ни о чемъ.“

Ислѣдованіемъ вопроса о процентѣ онъ оказалъ важныя услуги наукѣ. Онъ подвергаетъ обсужденію часто повторяющуюся до него ошибочную идею о зависимости процента отъ количества денегъ и доказываетъ, что по общему правилу уменьшеніе процента можетъ быть результатомъ развитія промышленности, ремесла и торговли, увеличенія трудолюбія и бережливости; процентъ можетъ служить показателемъ, барометромъ положенія народа; низкій процентъ есть вѣрный показатель цвѣтущаго положенія народа. Замѣтимъ, мимоходомъ, что въ этомъ очеркѣ онъ указываетъ одинъ изъ тѣхъ принциповъ человѣческой природы, который такъ часто упускали изъ виду экономисты, а именно „постоянное и ненасы-

тимое стремленіе ума къ упражненію и работѣ“, отсутствие которыхъ вызываетъ, по его мнѣнію, чувство скуки (ennui), снова побуждающее насъ къ труду.

Говоря о торговлѣ, онъ рассуждаетъ о „естественныхъ ея основаніяхъ“, т.-е. о томъ, что впоследствии стали называть „закономъ территориальнаго раздѣленія труда“. Онъ доказываетъ, что благосостояніе сосѣдней націи не только не вредно, но полезно. „Не только какъ человѣкъ, говоритъ онъ, но и какъ британскій подданный, я молю Бога о процвѣтаніи торговли въ Германіи, Испаніи, Италіи и даже въ самой Франціи.“ Онъ съ порицаніемъ относится къ „тѣмъ безчисленнымъ преградкамъ, помѣхамъ, пошлинамъ, которыя наложили на торговлю европейскіе народы, а въ особенности Англія“. Касаясь вопроса о покровительствѣ національной промышленности, онъ не является однако защитникомъ безусловной свободы торговли; такъ, онъ относится съ одобреніемъ къ пошлинамъ на германскій холстъ (онъ желаетъ содѣйствовать этимъ развитію холщеваго производства въ Англіи), къ налогу на водку (посредствомъ этой мѣры онъ рассчитываетъ поощрить продажу рома и тѣмъ поддержать южныя англійскія колоніи). Весьма справедливо замѣчали о Юмѣ, что воззрѣнія его носятъ нѣсколько меркантильный, но только болѣе развитой и утонченный характеръ; Юмъ находится въ переходномъ состояніи, онъ уже чувствуетъ значеніе новыхъ идей, но не въ силахъ отдѣлаться вполне отъ старыхъ.

Укажемъ еще на очеркъ о налогахъ, въ которомъ онъ отвергаетъ физиократическій *impôt unique*, и на очеркъ о кредитѣ, въ которомъ онъ подвергаетъ критикѣ „новый парадоксъ, будто общественные долги выгодны сами по себѣ помимо того, что они являются прямой необходимостью“. Въ этомъ же очеркѣ онъ осуждаетъ — быть можетъ слишкомъ абсолютно — новѣйшій способъ приобрѣтенія денегъ на національныхъ предпріятія посредствомъ займовъ. Онъ думаетъ,

что мы налагаемъ такимъ образомъ дѣйствию тяжелое бремя на плечи нашего потомства.

Характерными чертами Юма и его трудовъ, которые по этому имѣютъ важное значеніе въ исторіи экономическихъ изслѣдованій, можно считать слѣдующія: 1) онъ всегда приводитъ экономическія явленія въ связь со всѣми важнѣйшими сторонами политической и соціальной жизни; 2) онъ стремится примѣнить историческій методъ при изслѣдованіи этихъ явленій. Онъ прекрасно рисуетъ намъ то взаимное вліяніе, которое оказываютъ другъ на друга разныя отрасли промышленности, указываетъ, какъ воздѣйствуетъ прогрессъ въ способахъ производства и торговли на общее положеніе цивилизаціи, и даетъ намъ яркую характеристику того контраста, который существуетъ между новой и древней жизнью (по этому вопросу см. особенно его очеркъ: „On the Populousness of Ancient Nations“). Кромѣ того, въ своихъ трудахъ онъ подвергаетъ обсужденію почти всякое разсматриваемое явленіе въ связи съ соотвѣтствующей ему стадіей общественнаго развитія. Нельзя сомнѣваться, что Юмъ оказалъ на Смита сильное вліяніе. Послѣдній въ своемъ „Богатствѣ народовъ“ называетъ его однимъ изъ величайшихъ философовъ-историковъ нашего вѣка. Смитъ такъ высоко цѣнилъ Юма, что послѣ его смерти, которая одна могла положить предѣлы ихъ долготѣйшей дружбѣ, онъ говорилъ, что „Юмъ, насколько это позволяетъ слабость человѣческой природы, былъ близокъ къ идеалу вполне мудраго и добродѣтельнаго человѣка“.

Текеръ (Josiah Tucker), деканъ глочестерскій (ум. въ 1799 г.), также занимаетъ видное положеніе среди ближайшихъ предшественниковъ Смита. Большая часть многочисленныхъ его трудовъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ современнымъ вопросамъ дня. Несмотря на свою серьезность и остроуміе, сочиненія эти не имѣютъ постояннаго интереса. Въ

нѣкоторыхъ изъ своихъ трудовъ онъ старается доказать неполитичность ограниченій при торговлѣ съ Ирландіей, настаиваетъ на необходимости союза этой страны съ Англіей, совѣтуетъ также признать независимость Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Изъ экономическихъ воззрѣній особенно важны его взгляды на международную торговлю. Онъ является горячимъ защитникомъ свободной торговли; утверждаетъ, что между націями не существуетъ антагонизма, напротивъ, скорѣе гармонія интересовъ; а различіе въ мѣстныхъ преимуществахъ и свойствахъ неминуемо влечетъ націи къ обмѣну. Текеръ не вполне, однако, избавился отъ меркантильныхъ взглядовъ; такъ, онъ одобряетъ преміи за вывозъ мануфактурныхъ товаровъ и желаетъ содѣйствовать умноженію населенія налогомъ на холостяковъ. Дюпонъ (Dupont), а вслѣдъ за нимъ и Бланки (Blanqui) смотрятъ на Текера какъ на физиократа; но, кажется, у нихъ нѣтъ для этого никакихъ основаній, кромѣ того, что онъ былъ сторонникомъ свободной торговли. Тюрго перевелъ на французскій языкъ въ 1755 году изслѣдованіе Текера: „The Expediency of a Law for the Naturalisation of Foreign Protestants“, озаглавивъ свой переводъ: „Questions importantes sur le commerce“. Въ 1767 году вышло въ свѣтъ „Inquiry into the Principles of Political Economy“ Джамса Стьюарта (James Stewart). Судьба этой книги была весьма печальна. Она была самымъ полнымъ и систематическимъ обзоромъ политической экономіи съ точки зрѣнія умѣреннаго меркантилиста. Самъ Стьюартъ былъ человѣкомъ не ординарныхъ способностей и писалъ свой трудъ послѣ долгаго и серьезнаго изученія. Но время меркантильныхъ идей успѣло пройти безвозвратно, система естественной свободы пріобрѣла такое вліяніе надъ умами, которое уже предвѣщало ей будущую побѣду и въ политикѣ. Девять лѣтъ спустя послѣ появленія работы Стьюарта, Адамъ Смитъ далъ міру свое „Богатство народовъ“—

произведеніе, которое значительно превосходило вышеуказанный труд Стюарта, какъ по привлекательности стили, такъ и по научной основательности. Обстоятельства, слѣдовательно, были таковы, что книга Стюарта не могла имѣть успѣха; и дѣйствительно, она не оказала сколько-нибудь значительнаго практическаго и теоретическаго вліянія. Самъ Смитъ никогда не упоминаетъ и не ссылается на нее. Но такъ какъ Смитъ былъ лично знакомъ съ Стюартомъ и даже находилъ, что бесѣды съ нимъ гораздо интереснѣе его книги, то, по всей вѣроятности, это отсутствіе ссылокъ на трудъ Стюарта слѣдуетъ приписать нежеланію Смита вступать съ нимъ въ печатную полемику. Въ письмѣ къ *Пелтнею* (Pulteney) 1772 г., онъ замѣчаетъ: „Я имѣю о книгѣ Стюарта такое же мнѣніе, какъ и вы; если я совершенно не упоминаю о ней, то лишь себя надеждою, что всякій ложный принципъ Стюарта найдетъ въ моей книгѣ ясное и опредѣленное возраженіе.“ Германскіе экономисты занимались трудомъ Стюарта гораздо болѣе, чѣмъ англійскіе. Они признаютъ большія заслуги этого писателя особенно въ разъясненіи вопросовъ о цѣнности и населеніи. Эти же экономисты указали на то, что Стюартъ, совершенно согласно съ духомъ новѣйшихъ изслѣдованій, обращалъ вниманіе на особый характеръ, которымъ отличаются экономическія системы у разныхъ націй и на разныхъ стадіяхъ общественнаго развитія.

Теперь мы должны перейти къ разсмотрѣнію трудовъ великаго Адама Смита (1723—1790). Въ высшей степени важно, прежде всего, правильно понять занятое имъ положеніе и справедливо оцѣнить его достоинства. Мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы, подобно многимъ другимъ, стали считать Адама Смита *творцомъ* политической экономіи; такое утвержденіе вполне противорѣчило бы фактамъ. Вопросъ объ общественномъ богатствѣ до извѣстной степени всегда, а въ новое время въ особенности, обращалъ на себя вни-

маніе философскихъ умовъ. Изученіе политической экономіи въ періодъ времени до Смита уже приняло систематическую форму; въ „*Réflexions*“ Тюрго политическая экономія, изъ собранія отдѣльных очерковъ о частныхъ вопросахъ національнаго интереса, уже приняла форму организованнаго ученія. Слѣдовательно, Смитъ приступилъ къ изученію политической экономіи въ такое время, когда она успѣла уже получить значительное развитіе. Это-то обстоятельство и помогло ему создать такое классическое произведеніе, которое затмило значеніе всѣхъ его предшественниковъ, тѣмъ не менѣе, хотя экономическія работы предшествующихъ вѣковъ и подготовили ему путь, но они не предвосхитили заслугу его труда. Если съ одной стороны появленіе Адама Смита въ болѣе ранній періодъ времени, до существованія работъ этихъ предшественниковъ, было бы совершенно невысказано, то съ другой стороны нельзя не признать, что на созданыхъ другими основаніяхъ онъ построилъ самъ нечто драгоценное и прочное.

Даже тѣ, которые не думаютъ считать Смита творцомъ политической экономіи, часто слишкомъ рѣзко выдѣляютъ его отъ Кенэ и его послѣдователей и представляютъ себѣ исторію развитія экономической науки въ видѣ постепеннаго развитія и господства трехъ ученій: меркантильнаго, физиократическаго и смитіанскаго. Два послѣднія ученія имѣютъ сомнѣнія, разнятся въ нѣкоторыхъ, весьма важныхъ, отношеніяхъ, но въ нихъ (и это чувствовалъ даже самъ Смитъ) гораздо болѣе сходства, чѣмъ различія. Если разсматривать эти ученія какъ историческія силы, то мы должны будемъ признать, что стремились онѣ и работали для однѣхъ и тѣхъ же цѣлей. Оба ученія побуждали общество къ уничтоженію существовавшей тогда системы промышленной опеки; аргументація, которою они пользовались, покоилась по существу на однохарактерныхъ же основаніяхъ. Только критика Смита была болѣе полна и проницательна; Смитъ гораздо правиль-

нѣе, чѣмъ физиократы, анализировалъ нѣкоторые экономическія явленія; особенно важно то, что онъ окончательно разсѣялъ иллюзію физиократовъ о непроизводительности мануфактурнаго и торговаго труда. Система физиократовъ потеряла всякое значеніе не потому только, что въ лицѣ Тюрго она потерпѣла политическое пораженіе, но и потому, что, какъ мы уже указывали, „Богатство народовъ“ воплотило въ себѣ все, что было полезнаго въ этой доктринѣ; ученіе Смита, къ тому же, придало еще болѣе силы данному физиократами импульсу къ необходимому дѣлу разрушенія.

Исторія экономическихъ мнѣній въ новѣйшее время, вплоть до третьяго десятилѣтія нашего вѣка, распадается фактически на два періода: въ теченіе перваго господствуетъ меркантильное ученіе; послѣднее было даже не столько отвлеченной доктриной, сколько практической политикой, которая возникла и получила значеніе вслѣдствіе вліянія самопроизвольнаго развитія общественныхъ отношеній на неподготовленные къ научной работѣ умы. Во второмъ періодѣ происходитъ постепенная выработка другой системы, основаніемъ которой служитъ признаніе за индивидуумомъ права на безпрепятственное развитіе своей экономической дѣятельности. Надъ созданіемъ этой доктрины, которую лучше всего обозначить названіемъ „система естественной свободы“, работали столько же физиократы, сколько и Смитъ; высказываясь такимъ образомъ, мы вовсе, однако, не хотимъ утверждать, что заслуги ихъ въ этомъ дѣлѣ были одинаковы.

Преподаваніе политической экономіи въ шотландскихъ университетахъ было соединено съ преподаваніемъ нравственной философіи. Смитъ считалъ возможнымъ раздѣлить изложеніе того предмета, по которому онъ читалъ лекціи, на четыре части: въ первой части, или въ первомъ отдѣлѣ своихъ лекцій, онъ излагалъ естественную теологію; во второй — этику, въ третьей — юриспруденцію; въ четвертой части онъ подвергалъ изслѣдованію тѣ „политическія мѣро-

пріятія, которыя основываются на практической неотложности и имѣютъ въ виду увеличить благосостояніе, силу и богатство государства“. Адамъ Смитъ смотрѣлъ на два послѣднихъ отдѣла своихъ лекцій, какъ на нѣчто единое; такъ, въ одномъ изъ хорошо извѣстныхъ мѣстъ его „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ (1759) онъ обѣщаетъ произвести въ другомъ трудѣ изслѣдованіе „объ общихъ принципахъ законодательства и управленія и о различныхъ измѣненіяхъ, которыя они испытали въ различныя времена и періоды общественной жизни не только въ отношеніи юстиціи, но и въ томъ, что касается полиціи, доходовъ, вооруженія и вообще всего, что можетъ быть предметомъ законодательства“. Это мѣсто изъ „Теоріи нравственныхъ чувствъ“ показываетъ намъ, что Смитъ въ своихъ изслѣдованіяхъ весьма незначительно и только временно выдѣлялъ экономическія — изъ всѣхъ другихъ явленій жизни; нельзя не согласиться поэтому съ тѣми людьми, которые смотрѣли на указанныя слова Смита какъ на доказательство удивительнаго для его времени предвидѣнія „статистики и динамики общей соціологіи“; наше удивленіе къ талантамъ Смита должно будетъ возрасти еще болѣе, если мы припомнимъ увѣреніе его литературныхъ душеприкащиковъ, что онъ „составилъ планъ связнаго изученія исторіи либеральныхъ наукъ и изящныхъ искусствъ и что это изслѣдованіе должно было добавить къ уже поименованнымъ отдѣламъ соціальной науки еще одинъ, въ которомъ Смитъ хотѣлъ изложить свои взгляды на умственный прогрессъ общества“. Несмотря на то, что такія обширныя намѣренія не могли быть и никогда не были приведены въ исполненіе въ ихъ цѣломъ, тѣмъ не менѣе, благодаря столь широкой точки зрѣнія, Адамъ Смитъ кромѣ изслѣдованія экономическихъ явленій, во всякомъ случаѣ составляющемъ главный предметъ „Богатства народовъ“, затронулъ въ своемъ трудѣ много другихъ общественныхъ вопросовъ. За это, впрочемъ, вмѣсто похвалы, онъ удостоился порицанія отъ нѣкоторыхъ

изъ своихъ послѣдователей, которые съ педантизмомъ настаиваютъ на строго изолированномъ изученіи экономическихъ вопросовъ. Много было споровъ о томъ, какимъ научнымъ методомъ руководился Смитъ въ своемъ великомъ трудѣ. Нѣкоторые были склонны думать—и Бокль, между прочимъ, довелъ это мнѣніе до послѣдней крайности,—что методъ его былъ чисто дедуктивный. Бокль утверждаетъ даже, что въ Шотландіи индуктивный методъ былъ мало употребителенъ и что вообще индуктивная философія не оказала никакого вліянія на шотландскихъ мыслителей; онъ забывалъ, что Смитъ провелъ большую часть своей юности въ Англии, гдѣ господствующимъ методомъ былъ индуктивный, и что онъ былъ весьма начитанъ въ общей философской литературѣ; не обращая вниманія на все вышесказанное и даже лично утверждая, что дедуктивный методъ наиболее соответствуетъ характеру политической экономіи, какъ науки, что само по себѣ могло бы служить достаточнымъ основаніемъ для принятія этого метода, Бокль все-таки настаиваетъ на томъ, что Смитъ примѣнялъ въ своихъ изслѣдованіяхъ дедуктивный методъ потому, что онъ былъ господствующимъ въ Шотландіи. Что индуктивное направленіе не оказало никакого вліянія на шотландскихъ мыслителей,—это совершенная неправда. Монтескье, методъ котораго вполне индуктивенъ, изучался съ большимъ усердіемъ и пользовался большимъ уваженіемъ согражданъ Смита. Что же касается самого Смита, то дедуктивное направленіе вовсе не было преобладающимъ и характернымъ для его ума, а потому нѣтъ никакихъ основаній для утвержденій Бокля, что его великое превосходство предъ прочими заключается, будто бы, въ его „діалектическомъ искусствѣ“ (dialectic skill). Въ книгѣ Смита насъ прежде всего поражаетъ умѣніе ясно и пронизательно наблюдать общественныя явленія; Смитъ постоянно старается подмѣтить факты и явленія и уяснить себѣ ихъ значеніе; задача его никогда не сводится лишь къ тому,

чтобы получать выводы изъ абстрактныхъ положеній посредствомъ тщательно нанизанной цѣпи разсужденій. Благодаря такой характерной привычкѣ ума Смита къ живому наблюденію, при чтеніи его труда сильно и постоянно чувствуется соприкосновеніе съ реальной жизнью. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что Смитъ широко примѣнялъ и дедуктивный методъ; но вѣдь употребленіе этого метода вполне законно и имѣетъ полное основаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда посылки, изъ которыхъ вытекаетъ дедукція, извѣстны какъ всеобщіе факты человѣческой природы и какъ свойства высшаго міра. Насколько такой образъ дѣйствій плодотворенъ—въ этомъ можно усомниться, но нельзя конечно оспаривать его правильность. Но у Смита, къ сожалѣнію, мы встрѣчаемся впрочемъ съ другимъ, ложнымъ видомъ дедукціи, который, какъ указалъ Клиффъ-Лесли, серьезно портилъ всю его философскую систему. Посылки, изъ которыхъ исходила эта дедукція, не были всегда фактами, добытыми наблюденіемъ, это были тѣ же, что и у физиократовъ, апріорныя утвержденія, или предположенія наполовину теологическаго, наполовину метафизическаго характера о предполагаемомъ естественномъ и благодѣтельномъ порядкѣ вещей. Съ этой точки зрѣнія природа какъ бы обезпечила и положила необходимое для общественнаго благосостоянія основаніе, сдѣлавъ главнымъ принципомъ человѣческой организации стремленіе къ улучшенію своего положенія: индивидъ стремится лишь къ своей личной выгодѣ, но „руководимый какъ бы невидимой рукой“, онъ въ дѣйствительности способствуетъ и общему благу, которое вовсе не входило въ его намѣренія; человѣческія же учрежденія, противоборствуя, во имя общаго блага, дѣйствию этого принципа, противорѣчатъ собственнымъ своимъ цѣлямъ; но когда, думаетъ Смитъ, система предпочтеній и ограниченій будетъ отброшена, тогда „установится сама собой простая и незамысловатая система естественной свободы“. Смитъ, разумѣется, нигдѣ не выразилъ вполне опредѣленно, что въ этихъ словахъ

заключается основаніе всѣхъ его экономическихъ ученій, но въ нихъ именно и содержится тотъ тайный субстратъ, на которомъ всѣ они покоятся. Хотя такія широкія послышки и нѣсколько извращали его воззрѣнія, но въ конечномъ результатѣ онѣ не опредѣляли вполне его метода. Природная склонность изучать вещи такъ, какъ онѣ есть, предохраняла Смита отъ тѣхъ крайностей, въ которыя впадали многіе изъ его послѣдователей. Но кромѣ того, какъ это указалъ тотъ же Клифф-Десли, вліяніе Монтеस्कье служило достаточнымъ противовѣсомъ для теоретическихъ предубѣжденій, вызванныхъ учениемъ о *jus naturae*. Монтеस्कье, этотъ великій мыслитель, хотя и не могъ вполне уразумѣть историческаго метода, который болѣе всего пригоденъ для социологическихъ изслѣдованій, но основывалъ свои заключенія на индукціи. Правда, какъ это замѣтилъ еще Контъ, что масса фактовъ, собранныхъ Монтеस्कье, будучи заимствована отъ различныхъ періодовъ цивилизаціи и не подвергнутая философской критикѣ, осталась въ цѣломъ бесплодной и не могла оказать существеннаго вліянія на развитіе науки объ обществахъ далѣе того предѣла, на которомъ засталъ ее самъ Монтеस्कье. Но главная заслуга этого писателя, какъ мы уже указывали, заключается въ признаніи *подчиненности* всѣхъ социальныхъ (общественныхъ) явленій естественнымъ законамъ, а не въ открытіи самихъ законовъ. Но философы современники Смита совершенно упустили изъ виду это ограниченіе; они обратили вниманіе, главнымъ образомъ, на его приемъ объяснять общественныя явленія особенностью нравственныхъ и физическихъ условій тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти явленія наблюдались. Десли доказываетъ, что Монтеस्कье оказалъ сильное вліяніе на современниковъ Смита—лорда *Кемса* (Kaimes), *Далримпла* (Dalrymple) и *Миллара*, изъ которыхъ послѣдній былъ въ то же время и ученикомъ Смита. Къ этимъ именамъ можно еще присовокупить имя знаменитаго *Фертсона* (Ferguson), который въ своей „History of Civil Society“ въ яркихъ сло-

вахъ выразилъ свое удивленіе и уваженіе къ великому французу *). До насъ дошли далѣе даже свѣдѣнія, что въ послѣдніе годы своей жизни самъ Смитъ былъ занятъ составленіемъ комментаріевъ къ „Esprit des lois“ **). Такимъ образомъ, мы видимъ, что на Смита оказали вліяніе двѣ совершенно противоположныя системы мышленія: исходной точкой одной былъ воображаемый благодѣтельный для человѣка порядокъ въ природѣ, который приводилъ къ оптимистическому взгляду на всю экономическую организацію, основанную на просвѣщенномъ самоинтересѣ; другая система основывала свои положенія на наблюденіи и старалась объяснить различныя состоянія, въ которыхъ тогда находились человѣческія общества, какъ результатъ дѣйствія реально существовавшихъ обстоятельствъ и учреждений. Въ великомъ трудѣ Смита мы найдемъ выраженіе обоихъ изъ этихъ методовъ изслѣдованія: здѣсь, съ одной стороны, и индуктивное изслѣдованіе, съ

*) „Когда, говоритъ онъ, я начинаю вспоминать, что написано президентомъ Монтеस्कье, я останавливаюсь въ недоумѣніи предъ вопросомъ: какъ я самъ буду заниматься изслѣдованіемъ человѣческихъ дѣяній? мои мысли и чувства сильно побуждаютъ меня къ этому; быть можетъ, благодаря тому, что я обладаю способностями, которыя выше обычнаго уровня, я сумѣю ихъ изъяснить лучше... Но читатель все-таки долженъ обратиться къ тому, что высказано по этому предмету этимъ глубокимъ политикомъ и прекраснымъ (amiable) моралистомъ.“ (Part. I, sect. 10.) Юмъ говоритъ о Монтеस्कье, какъ о „знаменитомъ писателѣ“, который „создалъ намъ такую систему политическаго знанія, которая изобилуетъ остроумными и блестящими мыслями и которая въ то же время достаточно солидна“. (Principles of Morals, sect. 3 и примѣчаніе.)

**) По крайней мѣрѣ, мы можемъ судить объ этомъ по сообщенію, которое появилось въ „Moniteur Universel“ въ мартовскомъ номерѣ 1790 г.: „утверждаютъ, говорится въ этой газетѣ, что знаменитый Адамъ Смитъ, столь извѣстный всѣмъ по своимъ изслѣдованіямъ о причинахъ богатства народовъ, —приготавливаетъ и скоро имѣетъ намѣреніе отдать въ печать критическое обозрѣніе „Духа законовъ“; это изслѣдованіе является результатомъ многолѣтнихъ размышленій, а всѣмъ извѣстно, что можно ожидать отъ такой головы, какъ у Смита. Эта книга, навѣрно, создастъ цѣлую эпоху въ исторіи развитія политики и философіи; таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе тѣхъ, кто ознакомился съ нѣкоторыми отрывками изъ нея. Послѣдніе говорятъ объ этихъ отрывкахъ съ энтузіазмомъ счастливыхъ посвященныхъ.“

другой стороны и априорныя утверждения, основанныя на гипотезѣ „естественнаго порядка“. Въ трудахъ нѣкоторыхъ изъ послѣдователей Смита употребленіе послѣдняго ложнаго метода получило особенно широкое примѣненіе; между тѣмъ какъ индуктивное направленіе вообще отошло на задній планъ и мало того—даже необходимость и польза экономическихъ изслѣдованій, основанныхъ на наблюденіи, иногда совершенно отрицалась.

Мы должны здѣсь упомянуть о существовавшемъ мнѣніи, будто трудъ Смита не представляетъ связной системы и будто слѣдуетъ смотрѣть на „Богатство народовъ“ какъ на серію монографій. Такое мнѣніе является несомнѣннымъ преувеличеніемъ. Книга Смита, правда, не отличается строгостью формы, не щеголяетъ систематическими рубриками и подраздѣленіями; но это, по всей вѣроятности, происходило потому, что книга эта предназначалась, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, исключительно для общей публики и для людей торговаго міра. По характеру изложенія въ трудѣ Смита замѣчается реальная и полная гармонія, которая является результатомъ единства мышленія, а также слѣдствіемъ отсутствія такихъ противорѣчій, которыя могли бы встрѣтиться при недостаточномъ усвоеніи предмета.

Смитъ исходитъ изъ того положенія, что годичный трудъ націи является тѣмъ источникомъ, изъ котораго она получаетъ средства, потребныя для жизни и удобствъ ея членовъ. Само собою разумѣется, что онъ вовсе не думалъ, высказываясь такъ, утверждать, будто трудъ является единственнымъ факторомъ производства. Поставивъ въ основѣ своего изслѣдованія это положеніе, онъ тѣмъ самымъ хотѣлъ отмѣтить рѣзкое различіе, которое существуетъ между его взглядами и точкой зрѣнія меркантилистовъ и физиократовъ. Ростъ производительности труда зависитъ, главнымъ образомъ, отъ его раздѣленія,—вотъ почему Смитъ прямо и начинаетъ съ изложенія этого принципа и дѣлаетъ это неподобно; въ сущ-

ности, онъ указываетъ, что раздѣленіе труда болѣе приложимо въ обрабатывающей промышленности, и что поэтому земледѣліе всегда отстаетъ въ развитіи, сравнительно съ разными видами фабрикаціи *). Раздѣленіе труда возникло вслѣдствіе „врожденной склонности человѣка къ обмѣну однихъ вещей на другія, все равно что бы ни было орудіемъ обмѣна—трудъ, деньги или вещи“, и необходимымъ условіемъ его появленія служитъ предварительное скопленіе капитала; степень раздѣленія труда зависитъ отъ размѣра рынка. Когда установилось раздѣленіе труда,—каждому члену общества пришлось прибѣгать къ помощи другихъ для удовлетворенія большей части своихъ потребностей; явилась необходимость въ орудіи обмѣна и деньги вошли въ употребленіе. Обмѣнъ вещей на вещи или на деньги создалъ представленіе о цѣнности.

Слово „цѣнность“ имѣетъ два значенія: оно употребляется для обозначенія полезности (utility) и для указанія его покупательной силы (purchasing power); въ первомъ значеніи мы имѣемъ дѣло съ потребительной цѣнностью (value in use), во второмъ—съ мѣнновой цѣнностью (value in exchange). Только упомянувъ о цѣнности въ первомъ значеніи, т. е. о потребительной цѣнности, Смитъ прямо переходитъ къ изученію мѣнновой цѣнности. „Что является, задаетъ онъ вопросъ, мѣриломъ цѣнности? что опредѣляетъ размѣръ той суммы предметовъ, которую мы отдаемъ, желая получить за нихъ другія вещи? Трудъ, отвѣчаетъ онъ, вотъ что является истиннымъ мѣриломъ для мѣнновой цѣнности всякаго блага (commodities). Равныя количества труда во всѣ времена и повсемѣстно имѣютъ одинаковую цѣнность для работника **).“

*) Въ этомъ мѣстѣ своего труда Смитъ не касается дурныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго раздѣленія труда. По этому предмету см. его книгу V, гл. 1.

***) Эта фраза Смита при ближайшемъ разсмотрѣніи окажется лишней опредѣленнаго смысла; она служитъ хорошимъ примѣромъ того, какъ въ состояніи затемнить экономическія идеи метафизическій способъ мышленія.

„Одинъ трудъ никогда не измѣняется въ своей цѣнности, и онъ одинъ только составляетъ реальное и конечное мѣрило, посредствомъ котораго опредѣляется цѣнность всѣхъ благъ во всѣ времена и повсемѣстно. Трудъ есть дѣйствительная цѣна вещи, деньги—нарицательная.“ Въ человѣческихъ сдѣлкахъ монета является обыкновенно мѣриломъ цѣнности и орудіемъ обращенія. Драгоценные металлы болѣе всего соотвѣтствуютъ исполненію этихъ функций, ибо въ малые промежутки времени они и мало мѣняются въ цѣнности; но на протяженіи значительныхъ періодовъ времени хлѣбъ является лучшей единицей сравненія.

Въ первыхъ стадіяхъ общественной жизни мѣновая цѣнность предмета опредѣляется исключительно только тѣмъ количествомъ труда, которое надо истратить на его производство; но съ прогрессомъ общества цѣнность вещи становится явленіемъ сложнымъ и состоитъ обыкновенно изъ трехъ элементовъ: рабочей платы, прибыли и ренты. Рабочая плата есть не что иное, какъ вознагражденіе за трудъ. Прибыль начинаетъ существовать только тогда, когда выдѣляется особый классъ общества, который, скопивъ въ своихъ рукахъ нѣкоторый запасъ капитала, начинаетъ употреблять его для доставленія работы, содержанія и матеріаловъ другимъ лицамъ общества; всѣмъ вышеуказаннымъ онъ снабжаетъ другихъ, надѣясь получить доходъ изъ того, что они произведутъ. Рента возникаетъ вслѣдъ за установленіемъ частной собственности на землю; „Землевладѣльцы, говоритъ Смитъ, подобно всѣмъ другимъ людямъ, любятъ снимать жатву тамъ, гдѣ они сами не сѣяли, поэтому они и требуютъ уплаты ренты даже за естественные продукты земли.“ Въ цивилизованномъ обществѣ всѣ эти три элемента въ боль-

Что въ самомъ дѣлѣ можетъ означать „количество труда“, если родъ труда не опредѣленъ? Что хочетъ сказать Смитъ фразой, что „равныя количества труда имѣютъ одинаковую цѣнность для работника“?

шей или меньшей степени входятъ въ цѣну продуктовъ. Въ каждомъ обществѣ и въ каждой мѣстности существуетъ обыкновенный или средній размѣръ прибыли и рабочей платы во всѣхъ многоразличныхъ приложеніяхъ труда и капитала, (принципы, ихъ регулирующие, Смитъ излагаетъ дальше), а также существуетъ обыкновенный или средний размѣръ ренты. Ихъ слѣдуетъ почитать естественными для того времени и для того мѣста, гдѣ они существуютъ; въ свою очередь естественной цѣной предмета можно назвать ту, которая достаточна для оплаты ренты, прибыли и рабочей платы въ томъ размѣрѣ, который необходимъ, чтобы эти вещи появились на рынкѣ. Рыночная цѣна, обыкновенно, то понижается, то возвышается надъ этой средней цѣной и опредѣляется отношеніемъ между количествомъ доставленныхъ на рынокъ предметовъ и размѣромъ спроса со стороны тѣхъ, кто желаетъ ихъ приобрести. Къ естественной цѣнѣ тяготеетъ постоянно рыночная цѣна; естественная цѣна составляетъ средоточіе, къ которому стремится рыночная цѣна подъ вліяніемъ соперничества. Встрѣчаются, конечно, нѣкоторые товары, производство которыхъ монополизировано или вслѣдствіе особенности мѣстныхъ обстоятельствъ, или въ силу законной привилегіи; цѣна такихъ вещей всегда является наивысшею, какую только можно получить; наоборотъ, естественная цѣна всѣхъ прочихъ товаровъ, производство которыхъ вполне свободно, есть наименьшая, какую только возможно взять въ данное время.

Эти три составные элемента или факторы цѣны мѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ общественныхъ отношеній. Средняя величина заработной платы опредѣляется борьбою, „столкновеніемъ“ (dispute) противоположныхъ интересовъ работниковъ и предпринимателей. Минимальная величина этой платы опредѣляется необходимымъ размѣромъ средствъ существованія для содержанія работника, его жены и воспитанія ихъ дѣтей, а избытокъ сверхъ того зависитъ отъ экономическа-

го положенія страны и отъ размѣра требованій на трудъ; цѣны на трудъ высоки тогда, когда страна богатѣетъ — низки въ противномъ случаѣ. Тѣми же причинами опредѣляются измѣненія въ размѣрѣ прибыли, но, однако, въ противоположномъ направленіи; увеличеніе въ количествѣ капиталовъ, повышающее заработныя платы, понижаетъ въ то же время прибыль, ибо вслѣдствіе такого скопленія капиталовъ усиливается конкуренція между ихъ владѣльцами. „Выгоды и невыгоды въ различныхъ употребленіяхъ капитала и труда въ данной мѣстности равны или, по крайней мѣрѣ, стремятся къ равенству;“ если кто-нибудь начнетъ получать въ какой-нибудь отрасли производства большія сравнительно съ обычными выгоды, то къ ней скоро прильнетъ большее количество народа, прибыль понизится до обычнаго размѣра и равенство снова такимъ образомъ возстановится. Денежныя рабочія платы и прибыли въ различныхъ занятіяхъ весьма различны; это различіе „находится въ зависимости отъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя располагаютъ людское мнѣніе къ данному занятію, или наоборотъ отвращаютъ отъ него, или опредѣляются національной политикой, которая нигдѣ и никогда еще не предоставляла ходу дѣлу полной свободы“. Затѣмъ Смитъ съ необыкновеннымъ искусствомъ излагаетъ тотъ рядъ причинъ, отъ дѣйствія которыхъ проистекаетъ неравенство заработной платы и прибылей; эта часть его труда съ очевидностью доказываетъ умѣніе и привычку Смита къ точному наблюденію наименѣе явственныхъ чертъ человѣческаго характера; здѣсь вполнѣ сказывается то искусство, съ которымъ онъ умѣетъ прослѣдить вліяніе свойства характера и общественныхъ учрежденій на экономическую жизнь. Ренту онъ разсматриваетъ какъ послѣдній изъ составныхъ элементовъ цѣны. По его мнѣнію, рента есть цѣна монополіи; цѣна эта равна не той, которую желалъ бы получить землевладѣлецъ, но наивышей изъ тѣхъ, которую въ состояніи заплатить арендаторъ. „На рынокъ

поступаетъ обыкновенно та часть продуктовъ земли, цѣна которой достаточно велика для того, чтобы выручить капиталъ, затраченный для доставленія ихъ на рынокъ, съ обыкновенной прибылью. Если цѣна болѣе, чѣмъ достаточна, излишекъ, естественно, отойдетъ, какъ рента, землевладѣльцу; если цѣна едва достаточна, то, хотя продукты и поступятъ на рынокъ, но земля не дастъ владѣльцу ренты. Достаточна ли цѣна или болѣе, чѣмъ достаточна, — зависитъ отъ спроса.“ „Рента, такимъ образомъ, входитъ въ цѣну продуктовъ совершенно своеобразнымъ (по сравненію съ рабочей платой и прибылью) путемъ. Высокая или низкая рабочая плата и прибыль являются причинами низкаго или высокаго размѣра цѣны; наоборотъ, высокій или низкій размѣръ ренты является послѣдствіемъ разнаго размѣра цѣны.“

Рента, прибыль и рабочая плата, являясь элементами цѣны, составляютъ въ то же время соответственные части дохода трехъ основныхъ классовъ общества: землевладѣльцы (рента), капиталисты (прибыль), рабочіе (заработная плата), — вотъ тѣ три класса, изъ доходовъ которыхъ въ конечномъ результатѣ проистекаютъ доходы всѣхъ другихъ. Отношеніе интересовъ этихъ трехъ классовъ къ интересамъ общества въ его цѣломъ весьма различно. Интересы перваго класса совпадаютъ съ интересами всего общества: что служить къ благу и ко вреду землевладѣльцевъ, то полезно или вредно въ то же время и для общества. То же можно сказать и объ интересахъ рабочихъ: когда благосостояніе націи увеличивается, рабочая плата высока, когда же эта плата низка, то и благосостояніе націи или не увеличивается, или клонится къ упадку. „Интересы капиталистовъ не находятся въ такой гармоніи съ общественнымъ благомъ, ихъ интересы всегда въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличаются или даже противорѣчатъ общественному благу.“

Предметомъ второй книги труда Смита служитъ изученіе „природы, накопленія и употребленія запасовъ капитала“.

Всѣ запасы челоуѣка состоятъ изъ двухъ частей: одна—предназначена для непосредственнаго потребленія, другая употребляется ея владѣльцами для полученія дохода. Эта послѣдняя часть называется собственно капиталомъ и въ свою очередь раздѣляется на два вида: капиталъ оборотный и основной. Капиталъ основной даетъ доходъ, не переходя въ другія руки; оборотный состоитъ изъ такого рода благъ, которыя, будучи приготовлены, произведены или приобрѣтены, вновь продаются для полученія дохода и замѣняются другими благами; капиталъ оборотный постоянно уходитъ и вновь возвращается въ руки своего хозяина. Капиталъ всего общества раздѣляется точно такимъ же образомъ. Основной капиталъ народа главнымъ образомъ заключается: 1) въ машинахъ, 2) сооруженіяхъ, приносящихъ доходъ, 3) въ земельныхъ улучшеніяхъ, 4) въ приобрѣтенныхъ или прирожденныхъ полезныхъ дарованіяхъ членовъ общества (это такъ называемый личный капиталъ). Оборотный капиталъ также распадается на четыре вида: 1) оборотный капиталъ въ монетѣ, 2) въ запасахъ продовольствія, находящихся въ рукахъ торговыхъ людей, 3) въ матеріалахъ, 4) въ запасахъ готовыхъ произведеній, имѣющихся налицо у производителей или торговцевъ. Указавъ, на какія части распадается капиталъ, Смитъ переходитъ къ опредѣленію различія, существующаго между валовымъ и чистымъ доходомъ націи: подъ первымъ онъ понимаетъ весь продуктъ труда и земли страны, подъ вторымъ—излишекъ, остающийся для страны изъ валового дохода, за вычетомъ изъ послѣдняго издержекъ на поддержаніе постояннаго капитала и той части оборотнаго, которая состоитъ изъ монеты. Монета, „это великое колесо обращенія“, весьма существенно отличается отъ тѣхъ предметовъ, которые она приводитъ въ движеніе; она представляетъ собой дорого стоящее орудіе, посредствомъ котораго распредѣляются всѣ индивидуальныя доходы общества; поэтому издержки, потраченныя

на первоначальное снабженіе, а также истрачиваемыя ежегодно на поддержаніе этого орудія, должны быть вычтены изъ чистаго дохода общества. Развивая далѣе свои соображенія, Смитъ указываетъ, насколько выгодна для общества замѣна металлическихъ денегъ бумажными; монета страны представляетъ собою лишь ту большую дорогу, по которой доставляются на рынокъ продукты и которая сама по себѣ не производитъ ни одной, даже самой ничтожной части этихъ произведеній. „Введеніе бумажныхъ денегъ и благоразумныя банковыя операціи открываютъ, по мнѣнію Смита, такъ сказать, воздушные пути и даютъ поэтому возможность обратить всѣ прочія дороги въ поля и луга и тѣмъ значительно умножить годичную производительность земель и труда.“ „Надо, однакоже согласиться, продолжаетъ онъ, что хотя торговля и промышленность и можетъ подняться выше при содѣйствіи бумажныхъ денегъ, но зато при помощи этихъ, такъ сказать, крыльевъ Икара, движеніе торговли и промышленности никогда не совершается съ безопасностью и не такъ надежно, какъ если бы оно опиралось на прочную почву, представляемую золотомъ и серебромъ *). „При разсмотрѣніи вопроса о способѣ накопленія капитала, Смитъ указываетъ на различіе, существующее между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ; къ первому роду труда онъ относитъ тотъ, результаты котораго воплощаются въ какомъ-нибудь матеріальномъ предметѣ или продажной вещи, а непроизводительный, наоборотъ, не воплощается ни въ чемъ осязательномъ. Такимъ образомъ онъ полагаетъ рѣзкую демаркаціонную линію между трудомъ, воплощающимся во внѣшнихъ предметахъ и увеличивающимъ ихъ цѣнность (трудъ ремесленниковъ), и между трудомъ, который выражается только въ услугахъ (работа прислуги): первый производителенъ, второй не производителенъ. Названіе „производительный“, од-

*) См. Ад. Смитъ, книга II, глава 2-я. Прим. Ред.

нако, вовсе не равнозначуще съ названіемъ „полезный“; трудъ судьи, солдата, духовнаго лица, адвоката и доктора, по мнѣнію Смита, не производительнъ. Только производительные работники содержатся за счетъ капитала; непроизводительные работники, а также и всѣ тѣ, которые совсѣмъ не знаютъ труда, содержатся изъ дохода націи. Въ развивающемся промышленномъ обществѣ часть годовичнаго производства откладываемая какъ капиталъ, обыкновенно становится больше и больше сравнительно съ той долею, которая непосредственно предназначается на образованіе дохода, уплачиваемаго или въ видѣ ренты или прибыли. Бережливость составляетъ источникъ увеличенія капитала; способствуя возрастанію фонда, истрачиваемаго на содержаніе производительныхъ рабочихъ, она содѣйствуетъ расширенію промышленности и увеличенію цѣнности годовичнаго производства. Все, что ежегодно сберегается, потребляется съ такою же регулярностью, какъ и то, что обыкновенно истрачивается; только въ первомъ случаѣ это дѣлается людьми другого рода, а именно производительными работниками, вмѣсто людей праздныхъ или непроизводительныхъ работниковъ и первые воспроизводятъ съ прибылью стоимость своего потребленія. Человѣкъ, расточающій свой капиталъ, уменьшаетъ размѣръ тѣхъ средствъ, которыя могутъ быть употреблены на содержаніе производительныхъ рабочихъ, а слѣдовательно, уменьшаетъ и общественное богатство; правильность такого вывода не измѣняется въ зависимости отъ того, потребляетъ ли человѣкъ продукты своей страны или иностраннаго рынка. Всякій расточитель, по этому, врагъ общества; напротивъ, человѣкъ бережливый—благодѣтель общества. Увеличить годовичную производительность земли и труда можно только употребленіемъ большаго числа производительныхъ работниковъ или развитіемъ ихъ производительныхъ силъ. Для всего этого, однако, необходимо добавочное количество капитала; въ первомъ случаѣ такое увеличеніе капитала необходимо потому, что возра-

стаетъ число производительныхъ рабочихъ, во второмъ оно обусловливается необходимостью введенія болѣе полнаго раздѣленія труда и снабженія рабочихъ улучшенными орудіями производства. Въ томъ, что обыкновенно называется денежнымъ займомъ, не деньги сами по себѣ, а ихъ стоимость, вотъ что собственно требуется для заемщика; въ дѣйствительности заимодавецъ передаетъ должнику лишь право на определенное количество годовичнаго продукта земли и труда страны. Когда капиталъ страны возрастаетъ, то одновременно увеличивается и та особая часть этого капитала, владѣльцы которой желаютъ получать доходъ отъ нея, не подвергаясь всѣмъ опасностямъ личнаго ея употребленія; если количество капиталовъ, предназначенныхъ для займовъ, увеличивается, то процентъ на капиталъ уменьшается не только подъ вліяніемъ той общей причины, благодаря которой рыночная цѣна вещей уменьшается, если количество ихъ увеличивается, но и потому, что при умноженіи капиталовъ „становится все труднѣе и труднѣе находить выгодное употребленіе для новыхъ капиталовъ“; отсюда возникаетъ соперничество между различными капиталистами, а какъ результатъ его—пониженіе прибыли, которое въ свою очередь должно уменьшить цѣну, платимую за пользованіе чужимъ капиталомъ,—другими словами, уменьшить проценты на капиталъ. Совершенно ошибочно предполагали ранѣе, и даже Локкъ и Монтескье не избѣгли этой ошибки—будто паденіе цѣны драгоценныхъ металловъ, послѣдовавшее вслѣдъ за открытіемъ американскихъ рудниковъ, было дѣйствительно причиной постояннаго пониженія процента въ Европѣ. Не трудно доказать, что этотъ взглядъ, опровергнутый уже и Юмомъ, ошибоченъ. „Въ нѣкоторыхъ странахъ денежный процентъ былъ воспріемаемъ закономъ. Но такъ какъ деньги являются наилучшимъ орудіемъ обращенія, то за пользованіе ими всегда найдутся охотники платить, и будутъ въ дѣйствительности платить за него, а потому запрещеніе денежнаго процента

только способно усилить недостатки ростовщичества возвышеніемъ риска заемоданца. " Законный размѣръ процента долженъ быть лишь весьма немногимъ выше самаго низкаго рыночнаго процента; людей благоразумныхъ будутъ тогда предпочитать въ качествѣ должниковъ передъ расточителями и прожектерами, которые при болѣе высокомъ уровнѣ процента получили бы преимущество надъ первыми, ибо они одни имѣли бы желаніе оплачивать этотъ высокій размѣръ процента *)).

Сообразно съ различными употребленіями капиталовъ, количество производительнаго труда, приводимаго въ движеніе одинаковыми долями капитала, весьма варьируется въ зависимости отъ того, затрачивается ли капиталъ на 1) улучшенія въ земледѣліи, на рудное дѣло или рыбную ловлю; 2) на мануфактуру; 3) на оптовую или 4) розничную торговлю. Въ земледѣліи "природа работаетъ съ человѣкомъ", и капиталъ фермера не только воспроизводится съ прибылью, но создаетъ и ренту для землевладѣльца. Употребленіе капитала въ земледѣліи есть поэтому наивыгоднѣйшее для общества; затѣмъ, слѣдуютъ: мануфактурное дѣло, оптовая торговля— сначала внутренняя, затѣмъ иностранная, предметами потребленія, и, наконецъ, перевозочная торговля или транспортное дѣло. Все эти употребленія капитала не только полезны, но и необходимы, и установились бы въ должномъ соответствіи, если бы дѣло было предоставлено самопроизвольному дѣйствію личной предпримчивости.

Въ первыхъ двухъ книгахъ "Богатства народовъ" содержится, такимъ образомъ, общая экономическая система Смита; мы постарались изложить ее съ возможной, при необходимости краткости, полнотой, ибо съ формулировки этого ученія получаютъ свое начало англійская классическая школа, вокругъ которой до извѣстной степени вращаются повсюду все споры и обсужденіе въ области экономической науки. Нѣкоторые

*) См. стр. 110 о Бентамѣ.

изъ критическихъ замѣчаній послѣдователей Смита, а также и измѣненія, сдѣланныя въ его ученіяхъ, намъ придется отмѣтить при послѣдующемъ изложеніи.

Философы критическаго направленія 18-го вѣка зачастую были лишены историческаго чутья, которое не составляло части дарованій, потребной имъ для выполненія ихъ общественныхъ задачъ. Но нѣкоторые изъ наиболее выдающихся изъ этихъ писателей, въ особенности въ Шотландіи, обнаружили замѣтную способность и склонность къ историческимъ изслѣдованіямъ. Смитъ находился среди этихъ послѣднихъ; Книсъ и другіе справедливо обращаютъ вниманіе на мастерскіе этюды подобнаго рода въ "Богатствѣ народовъ". Наиболее пространнымъ и обработаннымъ изъ нихъ является третья книга; предметомъ ея служитъ описаніе того пути, по которому слѣдовали народы новѣйшей Европы при послѣдовательномъ развитіи различныхъ формъ промышленности. Эта книга служитъ любопытнымъ образцомъ того вліянія, которое оказываютъ доктринерскія предубѣжденія въ дѣлѣ затемненія результатовъ историческаго изслѣдованія. Хотя Смитъ и описываетъ вполне правильно ходъ развитія промышленности, хотя онъ и даетъ подходящіе по этому предмету объясненія, но въ полномъ соответствіи съ абсолютными принципами, которыми отличалась его философія, онъ протестуетъ противъ историческаго порядка развитія, ибо оно представляетъ собой полное противорѣчіе съ "естественнымъ ходомъ вещей". Прежде всего должно получить развитіе земледѣліе, потомъ мануфактура и затѣмъ международная торговля; всякій иной порядокъ онъ разсматриваетъ, какъ "нестественный и ретроградный". Юмъ, который былъ болѣе положительнымъ мыслителемъ, просто созерцаетъ факты, констатируетъ ихъ существованіе и старается подвести ихъ подъ общіе законы. "Это собственно насильственный способъ", говоритъ онъ, "и въ большинствѣ случаевъ и непрактичный, заставляя рабочаго трудиться въ потъ лица, чтобы получать отъ земли болѣе,

чѣмъ сколько необходимо ему для содержанія себя и семьи. Снабдите его мануфактурами и товарами, и онъ сдѣлаетъ это по собственной охотѣ.“ „Если мы обратимся къ исторіи, мы увидимъ, что у большинства націй иностранная торговля предшествовала развитію туземной мануфактуры и порождала роскошь въ семьяхъ.“

Четвертая книга посвящена, главнымъ образомъ, тщательной и пространной критикѣ противъ меркантильной системы, критикѣ, которая окончательно выбросила эту систему изъ области науки и оказала могущественное вліяніе на экономическое законодательство. Если въ настоящее время протекціонизмъ еще находитъ защитниковъ, то это дѣлается при помощи другихъ аргументовъ, чѣмъ тѣ, которые были въ ходу во времена Смита. Смитъ увѣренъ, что надѣяться на установленіе свободы иностранной торговли въ Великобританіи такъ же нелѣпо, какъ „ожидать, что въ ней установится Утопія или Океанія“; нынѣ, главнымъ образомъ, благодаря труду Смита, эта цѣль совершенно достигнута, и часто съ полной справедливостью замѣчали, что свободная торговля могла бы быть принятой въ гораздо большей степени и другими націями, если бы здравое разсужденіе Смита не замѣнилось догматикой. Ученіе Смита по этому вопросу—не безъ ограниченій, но, въ цѣломъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ говоритъ объ обмѣнѣ всякаго рода, гдѣ имѣютъ значеніе только экономическіе мотивы, тамъ голосъ его всегда раздается за свободную торговлю. Но онъ обращаетъ, однако, вниманіе какъ на политическіе, такъ и на экономическіе интересы и, основываясь на томъ соображеніи, что „защита страны важнѣе, чѣмъ ея богатство“, онъ называетъ Навигационный Актъ, „быть-можетъ, однимъ изъ мудрѣйшихъ коммерческихъ постановленій Англіи“. Высказываясь противъ воспрещенія вывоза шерсти, онъ предлагаетъ установить пошлину на вывозъ, которая, по его мнѣнію, будетъ менѣ вредна интересамъ производителей, чѣмъ запрещеніе, „хотя въ то же время

будетъ доставлять достаточное преимущество“ внутреннему мануфактуристу предъ иностраннымъ. Это, быть-можетъ, наиболѣе замѣтное отступленіе отъ строгости его общаго принципа свободной торговли; безъ сомнѣнія тутъ была уступка общественному мнѣнію, сдѣланная для того, чтобы достигнуть практическихъ результатовъ. Рациональность пошлинъ возмездія или реторсіи съ тѣмъ, чтобы добиться отмѣны высокихъ пошлинъ или запрещеній, наложенныхъ иностранными правительствами, зависитъ, говоритъ онъ, совершенно отъ возможности достигнуть предполагаемой цѣли, но онъ не скрываетъ своего презрѣнія къ подобнаго рода мѣропріятіямъ. Возстановленіе свободы въ какой-нибудь отрасли мануфактурной дѣятельности, если она получила значительное развитіе, благодаря высокимъ пошлинамъ, должно быть, полагаетъ онъ, по требованію челоуколюбія совершаемо съ возможной постепенностью и осмотрительностью, хотя сумма несчастій, могущая произойти вслѣдствіе внезапнаго уничтоженія пошлинъ, по его мнѣнію, обыкновенно преувеличивается. Тотъ случай, въ которомъ Д. С. Милль соглашался допустить протекцію, а именно, если промышленность, имѣющая всѣ шансы на развитіе въ странѣ, побѣждается приобретенными ранѣе преимуществами иностранныхъ производителей, — предусматривается еще Смитомъ. Но послѣдній высказывается противъ этого исключенія по основаніямъ, которыя не могутъ, однако, быть признаны доказательными*). Смитъ, конечно, мало послѣдователенъ, одобряя уступку временныхъ монополій акці-

*) Слѣдуетъ, однако, помнить, что государство, принимаясь за покровительство такого рода, подвергаетъ себя тремъ опасностямъ: 1) покровительство можетъ быть дано вслѣдствіе политическихъ соображеній такимъ отраслямъ промышленности, которыя никогда не будутъ въ состояніи жить здоровой и независимой жизнью; 2) такое покровительство можетъ длиться болѣе долгій срокъ, чѣмъ то необходимо и полезно; 3) энтимъ создается желаніе оказать возмездіе и въ другихъ странахъ.

онернымъ компаніямъ, ведущимъ рискованныя предпріятія, „отъ которыхъ общество въ послѣдствіи получитъ выгоды *)“.

Смитъ высказывается съ меньшей абсолютностью въ своемъ ученіи о правительственномъ невмѣшательствѣ, когда онъ въ своей пятой книгѣ приступаетъ къ разсмотрѣнію „расходовъ государя или государства“. Онъ признаетъ, что функціямъ государственной власти вполнѣ соотвѣтствуетъ введеніе и поддержаніе тѣхъ общественныхъ учрежденій и общественныхъ предпріятій, которыя хотя и выгодны для общества, но не могутъ оплачиваться, а слѣдовательно и не могутъ быть предприняты отдѣльными личностями или небольшими ихъ соединеніями. Онъ съ истиннымъ историческимъ чутьемъ замѣчаетъ, что исполненіе этихъ функцій требуетъ въ различныхъ стадіи общественнаго развитія и различныхъ издержекъ. Кромѣ учрежденій и предпріятій, цѣлью которыхъ служить общественная защита и учрежденіе суда, а также и тѣхъ, которыя необходимы для споспѣшествованія торговлѣ страны, Смитъ считаетъ нужными и учрежденія для развитія образованія народа. Онъ полагаетъ, что общество въ его цѣломъ имѣетъ право не только облегчать и поощрять приобрѣтеніе въ юношескомъ возрастѣ существеннѣйшихъ элементовъ обученія, но и ставить это обязательствомъ для всего народа. Съ тѣмъ, чтобы придать значеніе этому обязательству, Смитъ предлагаетъ установить особый провѣрочный экзамень, „безъ котораго никто бы не имѣлъ права получить самостоятельность (сдѣлаться членомъ) ни въ какой корпораціи и не могъ бы вести ни въ городѣ, ни въ деревнѣ никакого промысла“. Подобнымъ же образомъ онъ придерживается того мнѣнія, что слѣдовало бы требовать нѣкотораго испытанія даже въ высшихъ и бо-

*) Профессоръ Бастрѣль обращаетъ вниманіе писателей на тотъ интересный фактъ, что предложеніе учредить пошлины на шерсть и оправданіе временной монополіи акціонерныхъ компаній, — и то, и другое впервые появилось въ изданіи 1784 года.

лѣе трудныхъ наукахъ, какъ необходимое условіе для занимающихся либеральными профессіями или выставляющихъ себя въ качествѣ кандидатовъ на какую-нибудь почетную должность. Издержки какъ по общему, такъ и религіозному воспитанію, безъ особой несправедливости, думаетъ Смитъ, можно возложить на средства всего общества, хотя, по всѣмъ видимостямъ, онъ предпочитаетъ, чтобы обученіе было организовано на добровольныя пожертвованія тѣхъ, кто находитъ нужнымъ получить такое обученіе или образованіе. Вотъ все, что заключается наиболѣе здравомыслящаго, а также и интереснаго и поучительнаго въ этой пятой книгѣ, въ которой Смитъ обнаруживаетъ такую широту взгляда и такое политическое чутье, которые благопріятно отличаютъ его отъ манчестерской школы. Но, не желая вовсе высказываться въ неуважительномъ тонѣ о столь великомъ человѣкѣ, какъ Смитъ, мы должны замѣтить въ немъ нѣкоторыя черты того, что носить названіе „филистерства“ — низкій взглядъ на цѣли искусства и поэзіи, который проистекалъ отчасти отъ личныхъ недостатковъ Смита, хотя въ то же время весьма нерѣдко встрѣчался и у высшихъ умовъ его вѣка. Есть также указанія на нѣкоторый индифферентизмъ Смита къ возвышеннымъ цѣлямъ и къ вѣчному значенію религіи, что, безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, происходило благодаря влияніямъ своего вѣка, когда скептическое отношеніе ко всему было обычнымъ дѣломъ, при чемъ склонны были преходящее смѣшивать съ вѣчнымъ.

Для того, чтобы обозрѣть возрѣнія Смита на функціи правительства въ одномъ цѣломъ, мы отлагали до настоящаго времени его взгляды на фізіократическую систему, изложеніе которыхъ составляетъ часть четвертой книги. Смитъ лично познакомился съ Кэнэ, Тюрго и другими членами ихъ кружка во время своего пребыванія во Франціи въ 1765 году, и, какъ сообщаетъ Дюгальдь Стьюартъ, Смитъ посвятилъ бы патриарху этой школы „Богатство народовъ“, если бы Кэнэ

не умерь до появленія этого труда. Смитъ объявляетъ, что при всѣхъ своихъ несовершенствахъ система Кэнэ „представляетъ, быть-можетъ, наибольшее приближеніе къ истинѣ изъ всего того, что появилось по предмету политической экономіи“. Онъ, однако, кажется, недостаточно сознавалъ, насколько велика степень соответствія, существующая между его собственнымъ ученіемъ и доктриной физиократовъ. Дюпонъ-де-Немуръ сѣтовалъ, что Смитъ не отдалъ Кэнэ справедливости, признавъ его своимъ духовнымъ отцомъ. Съ другой стороны, однако, указываютъ, что уже въ 1759 г. Смитъ, какъ профессоръ, читалъ по предмету политической экономіи въ существенныхъ чертахъ то же, что впоследствии содержалось въ его великомъ трудѣ. Такъ говоритъ Стюартъ; хотя онъ не доказываетъ этого съ очевидностью, но, быть-можетъ, это вполне справедливо, и въ такомъ случаѣ происхожденіе ученій Смита скорѣе слѣдуетъ выводить изъ доктринъ Юма, нежели изъ французской школы. Смитъ отвергаетъ въ четвертой книгѣ основную ошибку послѣдней школы, именно ея утверженіе, что только земледѣльческій трудъ производителенъ, но аргументацію его по этому предмету нельзя считать особенно убѣдительною. Слѣды вліянія физиократическаго заблужденія остались и въ его собственномъ трудѣ; такъ, напр., онъ утверждаетъ, что въ землѣли природа работаетъ съ человѣкомъ, а въ мануфактурѣ природа не даетъ ничего, но человѣкъ дѣлаетъ все; такимъ же примѣромъ можетъ служить и то различіе, которое онъ дѣлаетъ между производительнымъ и непроизводительнымъ трудомъ, несомнѣнно вызванное употребленіемъ этихъ терминовъ физиократами и плохое вѣящееся съ признаніемъ со стороны Смита того, что онъ называетъ „личнымъ капиталомъ“. Тому же источнику Макъ-Куллохъ и др. приписываютъ происхожденіе того взгляда Смита, который они считаютъ очевиднымъ заблужденіемъ, — будто „индивидуальная выгода не всегда служитъ вѣрнымъ мѣриломъ общественной выгодности различныхъ занятій“. Но этотъ

взглядъ вполне правиленъ, какъ ясно доказалъ то профессоръ Никольсонъ (Nicholson)*). Что та форма, въ которой употребляется капиталъ при данномъ уровнѣ прибыли, не безразлична для интересовъ рабочихъ классовъ, какъ опредѣленнаго цѣлаго, — это допускалъ даже Рикардо, а Кернсъ, какъ увидимъ въ послѣдующемъ изложеніи, строить на этихъ соображеніяхъ нѣкоторыя изъ наиболее глубокихъ своихъ заключеній въ его извѣстномъ трудѣ „Руководящіе принципы“.

Намъ нѣтъ надобности останавливаться на теоріи налоговъ Смита, составляющей часть его пятой книги. Хорошо извѣстныя положенія, которыя онъ высказываетъ по этому поводу, какъ опредѣляющія основанія правильно устроенной системы налоговъ, получили общее признаніе. Они недавно подверглись суровой критикѣ профессора Уокера (Walker), изъ возраженій котораго, однако, только одно, кажется, имѣетъ основаніе. Смитъ, повидимому, былъ расположенъ думать, что на пожертвованія частнаго лица на общественныя издержки слѣдуетъ смотрѣть какъ на плату за услуги, оказанныя ему со стороны государства, почему пожертвованія должны быть пропорціональны размѣрамъ этихъ услугъ. Если Смитъ дѣйствительно придерживался этого мнѣнія, на что намекаютъ нѣкоторыя изъ его выраженій, то онъ, конечно, далеко не правъ по существу.

Насъ не упрекнуть въ нѣкоторой поспѣшности, если мы здѣлаемъ здѣсь нѣсколько замѣчаній относительно того, какимъ образомъ общественное мнѣніе, возмущенное заблужденіями нѣкоторыхъ изъ преемниковъ Смита, стремилось возвратиться отъ учениковъ къ учителю. Сильное убѣжденіе въ сравнительной свободѣ Смита отъ ложныхъ тенденцій Рикардо и его послѣдователей навело на мысль новѣйшихъ экономистовъ обратиться вновь къ Смиуту и уже вести отъ него всю послѣдовательную нить экономическаго изученія.

* Во введеніи къ его изданію «Богатства народовъ» Смита.

Несмотря, однако, на бесспорное превосходство и полное признание великихъ заслугъ, оказанныхъ его безсмертнымъ трудомъ, мы не должны забывать, какъ было сказано, что трудъ этотъ, въ цѣломъ, хотя и составлялъ нѣчто исключительное по своимъ достоинствамъ, былъ однако продуктомъ отрицательной философіи прошлаго вѣка и покоился въ значительной степени въ главнѣйшихъ своихъ принципахъ на метафизическихъ основаніяхъ. Мысль Смита была, по преимуществу, занята критикой, которая была такъ настоятельно необходима для его времени; его основная задача сводилась къ тому, чтобы подорвать довѣріе и низвергнуть господствовавшую въ его время экономическую систему и показать, какъ радикально неспособны существовавшія европейскія правительства руководить промышленнымъ движеніемъ.

Эта задача совпадала и составляла часть того общаго дѣла разрушенія, которое производили мыслители, придавшіе 18-му вѣку его характерныя особенности. Заслуга Смита заключается въ томъ, что, кромѣ этой разрушающей работы, онъ далъ цѣнные элементы для приготовления органической системы мысли и жизни. Въ своей спеціальной области онъ не только разоблачилъ множество ошибокъ и предразсудковъ и очистилъ мѣсто для истины, но оставилъ намъ навсегда рациональный анализъ экономическихъ фактовъ и идей, мудрыхъ практическихъ указаній и свѣтлыя замѣчанія всякаго рода, которыми его трудъ такъ изобилуетъ. Принадлежитъ къ лучшей философской школѣ этого періода и именно къ той, съ которой связаны имена Юма и Дидро, онъ сильно склонился къ позитивной точкѣ зрѣнія. Но было невозможно для него достигнуть этого; конечное и вполнѣ нормальное изслѣдованіе экономической жизни обществъ должно было быть построено на другихъ, болѣе прочныхъ устояхъ, чѣмъ тѣ, которые лежатъ въ основаніи его величественнаго сооруженія.

Къ философскимъ доктринамъ совершенно примѣнимо из-

вѣстное изреченіе: „по ихъ плодамъ ты ихъ познаешь.“ И нѣтъ сомнѣнія, что зародыши неправильныхъ методовъ и ложныхъ или преувеличенныхъ теорій преемниковъ Смита могутъ быть найдены въ его собственномъ трудѣ, хотя здравый смыслъ и практичность, которыми онъ былъ одаренъ, предохраняли его отъ доведенія своихъ принциповъ до ихъ крайнихъ послѣдствій. Возраженія Гильдебрандта и др. по отношенію ко всему историческому развитію того, что нѣмцы называютъ „Смитиніанствомъ“, рассматриваются какъ нѣчто приложимое не только ко всей его школѣ, въ ея цѣломъ, но, хотя и въ меньшей степени, и къ самому Смигу. Вотъ главнѣйшія изъ этихъ возраженій. Говорятъ: 1) представленіе Смита объ общественномъ хозяйствѣ по существу своему индивидуалистично. Въ этомъ отношеніи онъ является вполнѣ послѣдователемъ общаго характера отрицательной философіи своего вѣка. Эта философія въ ея наиболѣе типичныхъ формахъ отрицала даже существованіе безкорыстныхъ чувствъ и считала альтруистическія чувствованія косвеннымъ послѣдствіемъ того же себялюбія. Смитъ, однако, подобно Юму, отвергалъ эти крайніе взгляды; предполагаютъ, что въ своемъ „Богатствѣ народовъ“ онъ умышленно, хотя и безъ объясненій, игнорировалъ доброжелательныя (альтруистическія) начала человѣческой природы; въ своемъ логическомъ построеніи онъ имѣетъ въ виду какъ бы „экономическаго человѣка“, который дѣйствуетъ исключительно подъ вліяніемъ эгоистическихъ соображеній. Какъ бы то ни было, онъ становится обыкновенно на точку зрѣнія индивида, котораго онъ рассматриваетъ какъ чисто-эгоистическую силу, работающую исключительно для пріобрѣтенія частной выгоды, не обращая вниманія ни на благо другихъ, ни на благо общества въ его цѣломъ. 2) Для такого личнаго отношенія онъ находитъ оправданіе въ его конечныхъ результатахъ, высказывая оптимистическую увѣренность, что благо общественное лучше всего достигается свободной борьбой инди-

видуальных желаній, предполагая лишь, что законъ предупреждаетъ столкновения одного члена общества съ себя-любивыми дѣйствіями другого. Онъ исходитъ изъ того предположенія заодно со всей отрицательной школой, — хотя въ книгѣ его и встрѣчаются мѣста, несогласныя съ этой презумпціей, что всякій понимаетъ надлежащимъ образомъ и стремится къ достижению своихъ интересовъ и что экономическія выгоды индивида совпадаютъ съ общественными. Къ этому послѣднему заключенію его незамѣтно влекли, какъ мы уже видѣли, апріорныя теологическія идеи, а также метафизическія представленія о предполагаемомъ естественномъ порядкѣ природы, естественномъ правѣ и естественной свободѣ. 3) Благодаря тому, что онъ сводитъ всякій вопросъ къ личной выгодѣ, онъ принужденъ обращать слишкомъ исключительное вниманіе на мѣнову цѣнность, въ отличіе отъ богатства въ собственномъ смыслѣ. Это хотя и сообщало механическую легкость при полученіи выводовъ, но, въ то же время, придавало поверхностный характеръ экономическому изслѣдованію, отвращало его отъ физическихъ и біологическихъ наукъ, исключало вопросъ о реальной и общественной пользѣ, не оставляло мѣста для критики производства и приводило къ отрицанію, какъ это и сдѣлалъ Д. С. Милль, всякаго значенія экономическихъ изслѣдованій въ области потребленія, — другими словами, въ вопросъ о пользованіи богатствомъ. 4) Осуждая существовавшую въ его время экономическую политику, Смитъ слишкомъ много заботился о прославленіи правительственнаго невмѣшательства и объ отрицаніи всякаго общественнаго воздѣйствія въ дѣлѣ регулированія экономической жизни. 5) Смитъ не принимаетъ во вниманіе нравственнаго предназначенія нашей расы, не видитъ въ богатствѣ лишь средства для достиженія высшихъ цѣлей жизни и, такимъ образомъ, заслуживаетъ, и не совсѣмъ несправедливо, упрекъ въ матеріализмѣ, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Наконецъ 6) вся его система слишкомъ абсолютна по

своему характеру, онъ недостаточно принимаетъ въ соображеніе тотъ фактъ, что человекъ, выражаясь словами Гильдебрандта, какъ членъ общества, является порожденіемъ цивилизаціи и продуктомъ исторіи, и что слѣдуетъ имѣть въ виду различіе въ стадіяхъ общественнаго развитія, ибо все это предполагаетъ измѣненіе въ общественныхъ условіяхъ, ведетъ къ возникновенію измѣненныхъ экономическихъ дѣйствій и даже преобразуетъ само дѣйствующее лицо. Можетъ быть во всѣхъ тѣхъ замѣчаніяхъ, которыя мы здѣсь отмѣтили, и въ особенности относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ и, главнымъ образомъ, послѣдняго, Смитъ подлежитъ меньшимъ упрекамъ, чѣмъ большинство послѣдующихъ англійскихъ экономистовъ; но, думается намъ, слѣдуетъ признать, что въ тѣхъ общихъ принципахъ, которыя лежатъ въ основаніи его системы, можно прослѣдить всѣ элементы для дальнѣйшаго развитія этихъ ложныхъ тенденцій.

Многими изъ компетентныхъ судей, какъ это видно изъ словъ Фергюсона *) по этому предмету въ его „Исторіи гражданскаго общества“, возлагались великія ожиданія отъ труда Смита еще до его опубликованія. Что достоинства этого труда получили скоро признаніе, доказывается тѣмъ фактомъ, что въ пятнадцать лѣтъ послѣ опубликованія „Богатство народовъ“ выдержало шесть изданій **). Съ 1783 г.

*) „Публика получитъ скоро, говоритъ онъ, такую теорію національной экономіи, равной которой еще нигдѣ не появлялось въ наукѣ.“ (Часть III, секц. 4.)

**) Пять изданій появились при жизни автора: второе въ 1779 г., третье въ 1784 г., четвертое — въ 1786 г. и пятое въ 1789 г. Послѣ третьяго изданія Смитъ болѣе не дѣлалъ исправленій въ текстѣ. Главными изданіями, въ которыхъ содержатся добавленія другихъ экономистовъ, слѣдуетъ признать: изд. *Вилліама Плейфера* (William Playfair), съ примѣчаніями, 1805 г.; *Давида Бьюкенана* (David Buchanan), съ примѣчаніями, 1814 г.; *Макъ-Коллоха* (J. R. M.-Culloch), съ біографіей автора, введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями, 1828 г.; также съ значительными дополненіями 1839 г.; (впослѣдствіи часто переиздававшееся съ новыми дополненіями); изданіе автора „England and America“ (Edward Gibbon Wakefield), съ комментариемъ,

на него все болѣе и болѣе ссылаются въ парламентъ. На Пайта оказали огромное вліяніе разсужденія Смита; утверждаютъ, будто Смитъ говорилъ, что этотъ министръ такъ же хорошо понялъ его книгу, какъ и онъ самъ. *Пелтней* (Pulte-

который, однако, не проведенъ далѣе 2-й книги, 1835—9; *Джемса Торольда Роджерса* (James E. Thorold Rogers), профессора политической экономіи въ Оксфордѣ, съ біографическимъ введеніемъ и съ старательной проверкой всѣхъ ссылокъ и замѣтокъ Смита, 1869 г. (2 изд. 1870 г.), и *Д. С. Никольсона* (J. S. Nicholson), профессора въ Единбургѣ, въ 1884 году, съ замѣчаніями относительно добавочныхъ источниковъ для изученія вопросовъ, трактующихся въ книгѣ Смита. Имѣется также и старательное „Abridgment“ („Сокращеніе“) *Эмертона* (W. P. Emerton), 2 изд. 1881 г., основанное на предшествовавшемъ „Analysis“ *Джереміа Джойса* (Jeremiah Joyce, 3 изд. 1821 г.) *Прим. Ав.*

Адамъ Смитъ переводился въ сокращеніи на русскій языкъ нѣсколько разъ. Первое полное изданіе вышло подъ названіемъ: „Смита, Адама. *Изслѣдованіе свойства и причины богатства народовъ*“. Перевелъ съ Англинскаго *Николай Политковский* (старшій), С.-Петербургъ. Въ четырехъ томахъ: 1802, 1803, 1805, 1806 гг. Профессоръ Петръ Кондыревъ (Казанскаго университета) въ 1812 году говоритъ объ этомъ переводѣ Смита, что „нѣкоторые изъ ученыхъ, слышавшихъ оный съ английскимъ подлинникомъ, въ иныхъ, хотя немногихъ мѣстахъ нашли невѣрность въ переводѣ, что особенно въ классической книгѣ весьма вредно. Сіе напр. можно замѣтить болѣе сначала до половины перваго тома. Впрочемъ, добавляетъ Кондыревъ, г. Политковский безспорно переводомъ симъ приобрѣлъ въ ученомъ свѣтѣ славу и благодарность соотечественниковъ, равно показалъ и знаніе въ сей наукѣ.“ Въ свою очередь Вернадскій въ его очеркѣ исторіи политической экономіи замѣчаетъ, что переводъ Политковского теменъ, неточенъ и терминологія неправоильна.

Вкратцѣ теорія Смита излагалась въ нашей литературѣ много разъ, на примѣръ: въ *Статистическомъ журналѣ*, издававшемся подъ редакціей экстраординарнаго академика *Карла Германа* съ 1806 по 1808 годъ, содержится обширная статья профессора педагогическаго института *Михаила Балудинскаго* подъ названіемъ: „Изображеніе различныхъ хозяйственныхъ системъ“. Она заключаетъ въ себѣ три части: 1) описаніе системы меркантилистовъ, 2) физиократовъ и 3) „Теорія Адама Смита въ трудѣ и мѣнѣ“. Кроме того, въ 1804 году въ „С.-Петербургскомъ журналѣ“ (издававшемся съ 1804 по 1810 г.) было помѣщено изложеніе ученія Адама Смита, сравнительно съ ученіями французскихъ экономистовъ. Въ 1812 году вышла въ свѣтъ передѣлка и сокращеніе труда Смита *Григорія Сарторіуса* подъ названіемъ „Начальныя основанія народнаго богатства и государственнаго хозяйства, слѣдующія теоріи Ад. Смита“, въ переводѣ и съ примѣчаніями профессора *Петра Кондырева* (Казань, 1812). Наконецъ повѣйшее изданіе Смита появилось не позднѣе шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго вѣка: „А. Смитъ. Изслѣдованіе о природѣ и о причинахъ богатства“, переводъ *Гибикова*, 3 тома. Спб. 1866. Переводъ довольно гладкій, но не безъ ошибокъ. *Прим. Ред.*

ney) сообщаетъ въ 1797 году, что Смигу удалось убѣдить въ своихъ мнѣніяхъ современное поколѣніе и что ему предстоитъ господствовать и надъ умами послѣдующихъ (Parl. Hist., vol. XXXIII, p. 778).

Наиболѣе ранними критиками Смита были Бентамъ и Лодердаль; оба эти писателя въ общемъ присоединялись къ ученію Смита и разнились съ нимъ въ мнѣніяхъ лишь по отдѣльнымъ вопросамъ.

Джеремія Бентамъ былъ авторомъ небольшого изслѣдованія подъ заглавіемъ „A Manual of Political Economy“ и нѣкоторыхъ монографій по экономическимъ вопросамъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстна его „Defence of Usury“ (1787). Въ ней (Письмо тринадцатое) содержится обработанная критика того мѣста въ „Богатствѣ народовъ“, въ которомъ Смитъ одобряетъ установленіе узаконеннаго максимума процента, долженствующаго быть немного выше самаго низкаго рыночнаго процента; по мнѣнію Смита такая мѣра направляла бы капиталы страны въ руки людей здравомыслящихъ предпочтительно „предъ расточителями и прожектерами“. Смитъ, говорятъ, признавалъ, что Бентамъ вполне правильно уразумѣлъ это положеніе. Во всякомъ случаѣ онъ аргументируетъ его съ необыкновеннымъ искусствомъ *). Несомнѣнной является истина, что въ развитомъ промышленномъ обществѣ размѣръ процента долженъ опредѣляться договоромъ заимодавца и должника, а законъ долженъ вмѣшиваться только въ случаяхъ обмана **).

Главное свое значеніе Бентамъ приобрѣлъ, конечно, не на экономическомъ поприщѣ. Но, съ одной стороны то, что,

*) Слѣдуетъ напомнить впрочемъ, что та же самая доктрина поддерживалась съ немалымъ искусствомъ еще въ 1769 году Тюрго въ его „Mémoire sur les prêts d'argents“.

***) Очевидно, что проф. Ингрэмъ имѣетъ здѣсь въ виду лишь обычный *торговый кредитъ*, ибо размѣръ процентовъ у *ростовщиковъ* въ Англии и вообще въ большинствѣ современной Европы (кроме Россіи) опредѣляется закономъ, или подлежитъ тому или иному ограниченію. *Прим. Ред.*

известно под именем „Бентамизма“, какъ замѣтилъ Контъ *), составляетъ отпрыскъ политической экономіи и, въ частности, системы естественной свободы; съ другой стороны это направление способствовало временному господству этой системы, ибо оно распространяло на всю общественную и нравственную теорію принципъ индивидуальнаго интереса и обычный приѣмъ все выводить изъ этого интереса. Эта связь политической экономіи и системы Бентама обнаруживается въ томъ личномъ кружкѣ писателей, которые группировались вокругъ него; эти мыслители, которыхъ Милль очень некстати называетъ „глубокими“, несомнѣнно обладали большимъ остроуміемъ и логической силой и стремились, хотя и смутно, къ позитивной социологіи, положить основанія для которой они были не въ силахъ благодаря отсутствію достаточной научной подготовки и ихъ абсолютнымъ приѣмамъ мышления.

Лордъ Лодердаль (Lauderdale) въ своемъ „Inquiry into the Nature and Origin of Public Wealth“ (1804 г.; книга достойна прочтенія и донынѣ**)—указалъ на нѣкоторыя дѣйствительно слабыя стороны въ ученіяхъ Смита о цѣнности, мѣрилъ цѣнности, производительности труда и разъяснилъ далѣе нѣкоторые вопросы, напр., объ истинныхъ способахъ опредѣленія національнаго дохода и о вліяніи распредѣленія богатства на его производство.

Смитъ стоялъ какъ разъ при началѣ великой промышленной революціи. Міръ производства и торговли, среди котораго онъ жилъ, какъ говоритъ Клиффорд-Лесли (Cliffe-Leslie), былъ еще „весьма юнъ“ и „сравнительно узокъ“; „онъ знаетъ паровую машину одного лишь Ньюкомена (Newcomen), а о хлопчатобумажной промышленности говоритъ однажды, да и то случайно“.

*) См. письма Конта къ Миллю, стр. 4.

**) Существуетъ старинный русскій переводъ подъ заглавіемъ: „Лаудердалъ, Графа, О народномъ богатствѣ“, перев. съ англійскаго Яковъ Лангенъ. Сиб. 1811.

Между 1760 и 1770 годами, говоритъ Маршалль (Marshall), Робекъ (Roebuck) началъ плавить желѣзо на углѣ, Бриндлей (Brindley) сталъ соединять возникающіе мануфактурные центры съ моремъ посредствомъ каналовъ, Уэдждудъ (Wedgwood) открылъ способъ дѣлать глиняную посуду хорошаго качества и по недорогой цѣнѣ, Харгревсъ (Hargreaves) изобрѣлъ прядильную машину, Аркрайтъ (Arkwright) утилизировалъ изобрѣтенія Уайта (Wyatt) и Гайя (High) для пряденія посредствомъ навоя и приспособилъ для ихъ движенія силу воды, Уаттъ (Watt) изобрѣлъ паровую машину высокаго давленія; прядильныя машины Кромптона (Crompton) и ткацкія станки Картрайта (Cartwright) появились вскорѣ вслѣдъ за скачанными изобрѣтеніями. Благодаря этому быстрому развитію изобрѣтеній послѣдовалъ сильный ростъ промышленности, но онъ сопровождался и многими печальными послѣдствіями, которія, если бы Смитъ могъ предвидѣть ихъ, быть-можетъ уменьшили бы у него тотъ энтузіазмъ, съ какимъ онъ вѣрилъ въ блага, приносимыя освобожденіемъ частной предприимчивости, и заставили бы съ меньшей силой отрицать значеніе старыхъ учреждений, въ свое время дававшихъ хоть нѣкоторое покровительство труду. На ряду съ этими недостатками новой промышленной системы появился социализмъ, какъ одинаково неизбежное и необходимое выраженіе протеста рабочаго класса и его стремленій къ лучшему порядку вещей; и то, что мы теперь называемъ „соціальнымъ вопросомъ“, эта неумолимая проблема новѣйшей жизни, тотчасъ же занялъ положеніе, которое съ тѣхъ поръ и сохраняетъ. На этотъ вопросъ обратилъ ранѣе другихъ вниманіе Томасъ Р. Мальтусъ (Thomas Robert Malthus, 1766—1834), однако, не подъ вліяніемъ революціонныхъ симпатій, но въ интересахъ консервативной политики.

Первое изданіе его труда, преслѣдующее означенные интересы, появилось безъ обозначенія имени автора въ 1798 году подъ заглавіемъ: „An Essay on the Principle of Population,“

as it affects the Future Improvement of Society, with Remarks on the Speculations of Mr. Godwin, M. Condorcet and other Writers". Поводомъ къ появленію этой книги были личные споры автора съ своимъ отцомъ Даніелемъ Мальтусомъ, который былъ другомъ Руссо и горячо вѣрилъ въ ученіе объ общественномъ прогрессѣ въ томъ его видѣ, какъ оно проповѣдывалось Кондорсэ и другими французскими мыслителями съ ихъ англійскими учениками. Наиболѣе выдающимся изъ послѣднихъ былъ *Вильямъ Годвинъ*, изслѣдованіе котораго „О политической справедливости“ (Enquiry concerning Political Justice) появилось въ 1793 году. Взгляды, высказанные въ этомъ трудѣ, вновь были повторены въ „Enquirer“ (1797 г.), и по поводу одного изъ очерковъ въ этой книгѣ — „О скупости и расточительности“ между отцомъ и сыномъ Мальтусами и завязался споръ; „въ возникшемъ общемъ вопросѣ о будущемъ прогрессѣ общества“ старикъ Мальтусъ защищалъ доктрину Годвина; молодой ее опровергалъ. Послѣдній рѣшился писать, „чтобы лучше изложить свои мысли на бумагѣ, чѣмъ онъ могъ это сдѣлать въ разговорѣ“; результатомъ этого намѣренія и явился „Опытъ“.

Соціальная схема Годвина покоилась на той мысли, что всѣ бѣдствія общества возникаютъ вслѣдствіе несовершенства человѣческихъ учреждений. Богатства вполне достаточно для всѣхъ, но оно неравномѣрно распределено: одинъ имѣетъ слишкомъ много, другой имѣетъ мало или даже ничего. Пусть это богатство, такъ же, какъ и трудъ, его производящій, будутъ равномѣрно распределены; тогда всякій, затрачивая умѣренное количество усилий, получить все необходимое для простой и безыскусственной жизни; онъ, кромѣ того, будетъ имѣть достаточно досуга, который можно будетъ посвящать для нравственнаго и интеллектуальнаго усовершенствованія; разумъ будетъ тогда руководить человѣческими дѣйствіями, правительство и всякаго рода власти будутъ болѣе ненужны и, современемъ, посредствомъ мирнаго вліянія истины, совер-

шенство и счастье воцарятся на землѣ. Этимъ радужнымъ упованіямъ Мальтусъ и противопоставилъ простой фактъ необходимости пищи и стремленіе человечества размножаться свыше предѣловъ наличнаго ея количества.

При условіи всеобщаго физическаго благосостоянія, это стремленіе, которое въ дѣйствительной жизни задерживается трудностью добыванія средствъ существованія, будетъ проявлять свою силу безъ стѣсненій. Бѣдность наступитъ вслѣдъ за увеличеніемъ количества людей; всякій досугъ скоро исчезнетъ, прежняя борьба за существованіе возобновится и неравенство будетъ господствовать еще большее. Если бы, утверждалъ Мальтусъ, могла установиться эта идеальная система Годвина, достаточно было бы даже одной силы закона населенія, чтобы она разсыпалась вдребезги.

Мы видимъ, что „Опытъ“ былъ написанъ съ полемической цѣлью; это былъ случайный памфлетъ, направленный противъ современныхъ ему утопическихъ ученій, но не систематическое изслѣдованіе по вопросу о населеніи, вызванное чисто-научнымъ интересомъ. Какъ полемическое сочиненіе, трудъ Мальтуса имѣлъ рѣшительный успѣхъ; не трудно было и опровергнуть систему равенства, пропагандируемую Годвиномъ. Еще въ 1761 г. *Робертъ Уоллэсъ* (Dr. Robert Wallace) опубликовалъ трудъ (Мальтусъ пользовался имъ при составленіи своего „Опыта“) подъ заглавіемъ: „Various Prospects of Mankind, Nature and Providence“, въ которомъ, разсуждая объ общности имущества, какъ о средствѣ противъ общественныхъ несчастій, онъ допускаетъ однако одно фатальное возраженіе противъ такой организаци, а именно „излишнее населеніе, которое можетъ народиться“. Съ крайностями Кондорсэ Мальтусъ справляется такъ же легко. Кондорсэ, этотъ выдающийся человѣкъ, среди бури французской революціи и преслѣдуемый своими врагами, написалъ „Esquisse d'un tableau historique de l'esprit humain“. Общее содержаніе этой книги дѣлаетъ своимъ появленіемъ эпоху въ

исторіи возникновенія соціологіи. Въ ней, если не считать нѣкоторые частныя очерки Тюрго *), впервые изъяснена идея теоріи соціальной динамики, основанной на исторіи; благодаря этому, авторъ даннаго труда признается Контомъ какъ одинъ изъ его главныхъ, непосредственныхъ предшественниковъ. Но, при исполненіи своихъ великихъ намѣреній Кондорсе потерпѣлъ неудачу. Его отрицательная метафизика не дала ему возможности справедливо оцѣнить прошедшее; въ концѣ своего сочиненія онъ впадаетъ въ туманныя гипотезы относительно совершенства нашей расы и въ безразсудныя ожиданія безконечной продолжительности человѣческой жизни. Мальтусъ, кажется, весьма мало понималъ, какъ благородно занятое Кондорсе положеніе, и не могъ оцѣнить величія его руководящей идеи. Но съ его химерными надеждами Мальтусъ былъ способенъ быстро раздѣлаться; его здравый смыслъ, хотя, быть-можетъ, и нѣсколько ограниченный и прозаическій, былъ весьма годенъ для открытія и обличенія утопій.

Намѣреніе написать особое и подробное изслѣдованіе по вопросу о населеніи было плодомъ дальнѣйшей мысли Мальтуса. „Опытъ“, въ которомъ онъ изслѣдовалъ возможное будущее, побудилъ его заняться изученіемъ тѣхъ послѣдствій, которыя оказалъ и производитъ принципъ населенія въ прошедшемъ и настоящемъ состояніи общества; онъ предпринялъ историческое изслѣдованіе этихъ послѣдствій и старался по отношенію къ существующему положенію вещей примѣнять выводы, согласующіеся съ опытомъ дѣйствительной жизни. Слѣдствіемъ всего этого было такое измѣненіе въ характерѣ и составѣ его „Опыта“, которое, по собственнымъ словамъ Мальтуса, „сдѣлало изъ этого труда нѣчто новое“. Книга, такимъ образомъ измѣненная, появилась въ 1803 году подъ заглавіемъ: „Опытъ о законѣ населенія или взглядъ на

*) Въ его рѣчи въ Сорбоннѣ (1750) „Sur les progrès successifs de l'esprit humain“.

его дѣйствіе на счастье общества въ прошедшемъ и настоящемъ; а кромѣ того изученіе, насколько основательны наши ожиданія относительно устраненія или смягченія тѣхъ бѣдствій, которыя онъ производитъ.“

Въ первоначальномъ изданіи своего „Опыта“ онъ не говорилъ относительно другихъ задержекъ населенію кромѣ тѣхъ, которыя зависятъ отъ порока или бѣдности. Теперь онъ вводитъ новый элементъ предупредительныхъ задержекъ, заключающійся въ томъ, что онъ называетъ „нравственнымъ воздержаніемъ“, и, такимъ образомъ, получаетъ возможность „смягчить тѣ суровыя заключенія“, къ которымъ онъ ранѣе пришелъ. Это изслѣдованіе выдержало при жизни Мальтуса шесть изданій, и въ каждое изъ нихъ онъ вносилъ дополненія и поправки *). Изданіе 1817 года, послѣднее изъ вполне имъ пересмотрѣнныхъ, представляетъ тотъ текстъ, который съ тѣхъ поръ лишь перепечатывался **).

Несмотря на большое развитіе, которое онъ далъ своему труду, и на огромную полемику, которую породилъ, весьма трудно однако открыть, въ чемъ заключается тотъ солидный вкладъ, который Мальтусъ сдѣлалъ въ нашу науку; нелегко также опредѣленно указать, какія именно практическія правила, кромѣ уже извѣстныхъ, онъ выводилъ изъ своихъ теоретическихъ принциповъ. Эта двойная неясность хорошо даетъ себя знать въ его извѣстной перепискѣ съ Сеніоромъ, въ теченіе которой обнаружилось, что сама доктрина Мальтуса не столь нова по существу, сколько по той фразеологіи, въ которую она облечена. Мальтусъ самъ говоритъ намъ, что когда—уже послѣ напечатанія его первоначальнаго „Опыта“,

*) Годы изданія сочиненій Мальтуса слѣд.: 1798, 1803, 1806, 1807, 1817 и 1826.

**) Русскій переводъ книги Мальтуса носитъ заглавіе: *Мальтусъ, „Опытъ о законѣ населенія или изложеніе прошедшаго и настоящаго дѣйствія этого закона на благоденствіе человѣческаго рода“*, 2 тома, пер. *Библикова*. Сиб. 1866. *Прим. Ред.*

аргументацію котораго онъ, главнымъ образомъ, заимствовалъ отъ Юма, Уоллеса, Смита и Прайса, онъ сталъ изучать болѣе внимательно вопросъ, то нашелъ, что по этому предмету „сдѣлано гораздо болѣе, нежели онъ думалъ“. Вопросъ подвергался такому же обсужденію въ трудахъ нѣкоторыхъ французскихъ экономистовъ, при случаѣ и Монтескьё, а среди англійскихъ писателей—Франклиномъ, Джемсомъ Стьюартомъ, Артуромъ Юнгомъ и Таунсендомъ; остается только высказать весьма естественное удивленіе, что этотъ вопросъ такъ мало привлекалъ къ себѣ общественное вниманіе. „Еще болѣе того, однако,“ думаетъ Мальтусъ, „остается сдѣлать.“ „Сравненіе между увеличеніемъ населенія и пищи еще не было произведено съ надлежащей силой и точностью“ и „мало изслѣдованій было еще сдѣлано относительно различныхъ способовъ, посредствомъ которыхъ устанавливается равновѣсіе между количествомъ населенія и средствами существованія.“

Первый изъ указанныхъ здѣсь пробѣловъ, а именно недостатокъ точнаго установленія взаимнаго отношенія роста населенія къ средствамъ существованія — Мальтусъ, безъ сомнѣнія, думалъ пополнить, выставивъ свое знаменитое положеніе, что „населеніе растеть въ геометрической, пища въ арифметической прогрессіи“. Это предположеніе, однако, въ концѣ концовъ, признано ложнымъ, ибо не существуетъ такого различія въ законахъ между увеличеніемъ количества людей и тѣхъ органическихъ существъ, которыя составляютъ ихъ пищу. Д. С. Милль негодуеть на тѣхъ, кто критикуеть формулу Мальтуса, которую онъ самъ безъ всякихъ основаній называетъ „мимолетнымъ замѣчаніемъ“, ибо, какъ онъ думаетъ, хотя эта формула и ошибочна, но заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю истины; весьма важно однако разоблачить неточности всякаго научнаго положенія и строго провѣрить основанія каждаго утвержденія. Даже когда не пользуются цѣликомъ указанной выше формулой, то прибѣгаютъ часто къ другимъ

нѣсколько туманнымъ выраженіямъ, напр., говорятъ, что „населеніе имѣеть тенденцію возрастать скорѣе, чѣмъ пища“, выраженіе, въ которомъ предполагается, что они оба подлежатъ самопроизвольному возрастанію, и которое, благодаря двусмысленности слова „тенденція“, даже не считается въ противорѣчій съ утвержденіемъ Сеніора, что пища стремится возрастать скорѣе, чѣмъ населеніе. Всегда было хорошо извѣстно, что населеніе можетъ (хотя это и не необходимо должно произойти) возрастать наравнѣ съ увеличеніемъ количества средствъ существованія и что оно можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже превосходить то число людей, которое собственно соотвѣтствуетъ наличнымъ средствамъ существованія. Не могло также никогда быть сомнѣнія въ томъ, что война, болѣзни, бѣдность (два послѣднихъ обстоятельства часто результатъ порока)—являются причинами, уменьшающими численность населенія. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ путь, посредствомъ котораго благосостояніе, увеличеніе численности населенія, а съ нимъ и потребностей и увеличеніе смертей, слѣдуютъ другъ за другомъ въ хозяйственной жизни народовъ, если не вступается разумъ, все это хорошо изъяснено Таунсендомъ (Rev. Joseph Townsend) въ его „Dissertation on the Poor Laws (1786 г.)“, которое было извѣстно Мальтусу. Далѣе, весьма ясно, что опасеніе со стороны отдѣльныхъ личностей впасть въ бѣдность или сознаніе долга предъ возможнымъ потомствомъ можетъ задерживать размноженіе населенія и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ дѣйствительно до нѣкоторой степени имѣло подобное значеніе. И только тогда, когда такія очевидныя истины были облечены въ техническую терминологию „положительныхъ и предупредительныхъ задержекъ“, онѣ показались новыми и глубокими, а между тѣмъ въ нихъ повидимому состоитъ вся миссія Мальтуса въ отношеніи къ человѣчеству. Трудолюбиво собранный аппаратъ историческихъ и статистическихъ фактовъ относительно разныхъ странъ міра, прибавленный къ „Опыту“ въ

его измѣненномъ видѣ, хотя и содержитъ много любопытнаго и интереснаго, но не даетъ какихъ-либо результатовъ, которые ранѣе не были бы извѣстны, почему они совершенно и игнорируются Джемсомъ Миллемъ и другими, которые обосновываютъ эту теорію на фактахъ, доступныхъ всеобщему наблюденію. Наконецъ, какъ мы видѣли, все это историческое изслѣдованіе было плодомъ послѣдующей мысли Мальтуса, который еще до этого уже заранѣе провозгласилъ свои основныя положенія *).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что провозглашенная съ такой претензіей, такъ называемая, Мальтусова теорія населенія, вмѣсто того, чтобы быть великимъ открытіемъ, какъ многіе это утверждали, или вредоносной новостью, какъ склонны были смотрѣть другіе, является въ дѣйствительности ничѣмъ инымъ, какъ формальнымъ возвышеніемъ очевидныхъ, хотя на нѣкоторое время и оставленныхъ безъ вниманія фактовъ. Претенціозный языкъ, въ которомъ она излагалась нѣкоторыми экономистами, заслуживаетъ порицанія, ибо онъ даетъ возможность позабыть, что весь тотъ предметъ, о которомъ ведется рѣчь, еще и теперь весьма несовершенно понятъ, — причины, измѣняющія силу полового инстинкта и производящія различныя измѣненія въ плодовитости, еще ждутъ своего полного изслѣдованія **).

Можно полагать, что законъ объ уменьшающейся производительности почвы (о которомъ мы будемъ говорить впоследствии подробно), предполагающий, хотя, конечно, только гипотетически, возможность постоянного увеличенія трудности полученія необходимыхъ средствъ для содержанія всѣхъ чле-

*) Т.-е., по мнѣнію Ингрэма, трудъ Мальтуса является результатомъ предвзятой мысли, ради которой факты подбирались послѣ установки основного положенія.

Прим. Ред.

**) По этому вопросу см. разсужденія Герберта Спенсера въ его „Principles of Biology“, Part. VI, chap. XII, XIII.

новъ общества, — вотъ что придало главное значеніе населенію, какъ экономическому фактору. Соединеніе Мальтусовыхъ идей съ теоріями Рикардо и, въ особенности, съ тѣми слѣдствіями, которыя этотъ послѣдній вывелъ, какъ увидимъ, изъ своего ученія о рентѣ (хотя оно и не было принято Мальтусомъ), — вотъ что, на самомъ дѣлѣ, послужило поводомъ къ тому, чтобы ввести вопросъ о населеніи, какъ одинъ изъ элементовъ при обсужденіи столь многихъ экономическихъ вопросовъ новѣйшаго времени.

Заслугой Мальтуса слѣдуетъ, безъ сомнѣнія, признать то, что онъ своей рѣзкой и производящей впечатлѣніе манерой разсуждать привлекъ общественное вниманіе къ вопросу, который ни теоретически, ни практически не былъ подвергнутъ надлежащему разсмотрѣнію. Но и онъ, и его послѣдователи, кажется, слишкомъ преувеличили какъ значеніе, такъ и настоятельность тѣхъ опасностей, на которыя они обращали вниманіе *). Въ ихъ представленіяхъ одно общественное несовершенство приняло такіе чудовищные размѣры, что имъ казалось, будто все небо покрыто тучами и грозитъ разрушеніемъ всему міру. Это, безъ сомнѣнія, происходило потому, что онъ вначалѣ совершенно упустилъ изъ виду великое противоборствующее вліяніе нравственного воздержанія. Изъ того, что существуетъ сила, которая способна, если ей ничто не препятствуетъ обнаружить свое дѣйствіе, произвести опредѣленные результаты, еще не слѣдуетъ, что эти послѣдніе неизбежны или даже возможны въ сферѣ опыта. Тѣло, брошенное рукой, должно подъ вліяніемъ одного импульса метанія всегда двигаться по прямой линіи; но было бы неблагоразумно предпринимать какія-нибудь дѣйствія, чтобы предупредить эти послѣдствія, вполне игнорируя тотъ фактъ,

*) Самъ Мальтусъ говорилъ: „Весьма вѣроятно, что, найдя дукъ слишкомъ перегнутымъ въ одну сторону и желая его выпрямить, я слишкомъ согнулъ его въ противоположную.“

что этому окажутъ достаточное противодѣйствіе тѣ силы, которыя придуть здѣсь въ движеніе. Такія другія силы существуютъ въ разбираемомъ нами случаѣ. Если внутренняя энергія закона населенія (предполагая, что она всегда одна и та же) измѣряется тѣмъ коэффициентомъ, при которомъ количество населенія увеличивается при наиболѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, то, конечно, сила вліянія менѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, дѣйствуя чрезъ мотивы альтруизма или благоразумія, измѣряется тѣмъ значительнымъ различіемъ, которое существуетъ между максимальнымъ коэффициентомъ возрастанія населенія и тѣми коэффициентами, которые въ дѣйствительности наблюдаются, какъ господствующіе въ болѣе развитыхъ европейскихъ странахъ. При рациональной системѣ учреждений, приспособленіе числа населенія къ размѣрамъ потребныхъ для его содержанія количества средствъ происходитъ въ болѣе или менѣе желательной степени подъ вліяніемъ дающаго себя знать или ожидаемаго давленія обстоятельствъ и боязни общественнаго упадка.

Чтобы привести эти результаты къ болѣе справедливой нормѣ, слѣдуетъ заботиться о большемъ общественномъ просвѣщеніи и о выработкѣ болѣе серьезныхъ привычекъ нравственнаго сознанія. Но пониманіе долга со стороны личности относительно своего возможнаго или дѣйствительнаго потомства, а не туманныя представленія о давленіи національнаго населенія на средства существованія, — вотъ что должно оказывать правильное вліяніе на поведеніе.

Едиственное обязательство, на которомъ настаиваетъ Мальтусъ, заключается въ томъ, что онъ совѣтуетъ воздерживаться отъ брака до той поры, пока не приобрѣтены или, по крайней мѣрѣ, есть рациональныя основанія ожидать, что найдутся необходимыя средства для содержанія семьи. Идея о послѣбрачномъ воздержаніи, выдвинутая Д. С. Миллемъ и др., чужда его взгляду. Онъ даже находитъ, что можно давать вспомошествованіе изъ общественныхъ средствъ всякому ре-

бенку сверхъ шести въ семьѣ, на томъ основаніи, что когда человѣкъ вступаетъ въ бракъ, онъ не можетъ сказать, сколько дѣтей онъ будетъ имѣть, и что помощь въ такомъ непредвидѣнномъ несчастіи не будетъ служить поощреніемъ ко вступленію въ бракъ. Долгъ быть при вступленіи въ бракъ экономически благоразумнымъ ясенъ самъ собой; но по отношенію къ рабочимъ классамъ идея объ обезпеченномъ положеніи не должна быть чрезмѣрно выдвигаема на первый планъ; слѣдуетъ также помнить, что наиболѣе соответствующій для каждаго класса возрастъ вступленія въ бракъ зависитъ отъ средней продолжительности жизни этого класса. Слишкомъ ранніе браки, конечно, не нерѣдки, а такъ какъ они связываются, кромѣ матеріальныхъ, еще и съ другими бѣдствіями, то, быть-можетъ, желательно даже принять законодательныя мѣры для того, чтобы предупредить такіе браки во всѣхъ классахъ общества, отодвинувъ возрастъ полнаго гражданскаго совершеннолѣтія. Съ другой стороны, однако, мальтузіанцы часто слишкомъ легко говорятъ о недобровольномъ безбрачій, не вполне сознавая, что это послѣднее является всегда лишь печальной необходимостью. Они не придаютъ значенія семейной жизни, какъ школъ гражданскихъ добродѣтелей, и тому важному значенію (помимо личнаго счастья), которое имѣетъ взаимное воспитаніе путемъ любви лицъ двухъ половъ, соединенныхъ въ дружный союзъ.*)

Мальтусъ выводитъ даже изъ своихъ принциповъ, что государство не должно искусственно поощрять размноженіе населенія, и въ частности, — что не должно существовать законовъ о бѣдныхъ, а гдѣ таковыя существуютъ, ихъ слѣдуетъ уничтожать. Первая часть этого положенія неприменима ко всѣмъ стадіямъ общественнаго развитія, ибо оче-

*) См. о ново-мальтузіанцахъ мою статью „Возрожденіе Мальтузіанства въ современной Европѣ“. Очерки и изслѣдованія, т. I, стр. 39. Москва, 1884 г. Прим. Ред.

видно, что въ случаяхъ, когда, подобно древнему Риму, постоянныя завоеванія были главнымъ предметомъ національной дѣятельности, или въ другіе періоды, когда продолжительныя войны угрожали независимости или безопасности націй, государственные люди могли принимать мѣры, осуждаемыя Мальтусомъ. Примѣнительно къ современнымъ промышленнымъ обществамъ онъ, безъ сомнѣнія, правъ, хотя поощреніе эмиграціи въ новыя государства однохарактерно по принципу съ поощреніемъ размноженія. Вопросъ о законахъ о бѣдныхъ вызываетъ другія соображенія. Англійская система его времени, конечно, была ошибочна, хотя и являлась, до извѣстной степени, коррективомъ относительно другихъ недостатковъ нашихъ общественныхъ учреждений; стремленія ее исправить основывались на желаніи общественнаго блага. Но предложенія о полной отмѣнѣ всегда отклонялись государственными людьми и общественное мнѣніе никогда не стояло за нихъ. Трудно думать, что существующая система останется навсегда; она слишкомъ механична и неразборчива; будучи иногда слишкомъ слаба, она часто относится съ несправедливой суровостью къ заслуживающему уваженія бѣдняку, который является жертвой несчастія, а по своимъ обычнымъ отношеніямъ къ молодежи она подлежитъ важнымъ упрекамъ. Но было бы слишкомъ поспѣшно уничтожать ее; это одно изъ тѣхъ учреждений, которое мудро удержать до той поры, пока жизнь рабочаго класса не будетъ изучена глубже, а также и съ большей симпатіей. Положеніе Мальтуса относительно помощи нищетѣ является предметомъ общей критики, такъ что, высказавшись слишкомъ рѣзко впервые, онъ въ послѣдствіи отступилъ отъ выводовъ собственной логики. Изъ его аргументаціи слѣдуетъ, и это прямо высказано въ знаменитомъ мѣстѣ его первоначальнаго „Опыта“, — что тотъ, кто пустилъ на свѣтъ Божій дѣтей безъ достаточныхъ средствъ, долженъ понести наказаніе отъ природы, и что „было бы жалкой амбиціей желать вырвать

бичъ изъ ея рукъ и ослабить дѣйствіе законовъ природы, установленныхъ Божественнымъ промысломъ, которые приговорили его вмѣстѣ съ семьей къ страданіямъ“. Хотя его теорія и привела къ подобнымъ заключеніямъ, но онъ, какъ христіанскій священникъ, не могъ поддерживать того ученія, которое бы рекомендовало отвращать наше сердце отъ состраданія къ нашимъ братьямъ, находящимся въ нуждѣ; такимъ образомъ, онъ былъ принужденъ впасть въ радикальное противорѣчіе, допустивъ цѣлесообразность, если даже не долгъ, помощи въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ съ другой стороны всякое дѣйствіе онъ считалъ вреднымъ для общества. Бокль, который былъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, расположенъ къ преувеличеніямъ экономистовъ, принимаетъ тѣ выводы, которыхъ избѣгаетъ Мальтусъ. Онъ утверждаетъ, что существуетъ единственное основаніе, которое можетъ оправдать помощь нищетѣ, и оно, по существу, эгоистично, ибо, оставаясь глухи къ просьбамъ о помощи, мы тѣмъ самымъ, весьма вѣроятно, притупляемъ нашу чувствительность.

Врядъ ли можно сомнѣваться, что благосклонность, съ которой были приняты взгляды Мальтуса въ нѣкоторыхъ кругахъ, зависѣла, отчасти, отъ благопріятнаго интересамъ высшихъ сословій общества впечатлѣнія, которое они производили: отъ того, что выводы его ученія стремились освободить богатаго и сильнаго властью отъ отвѣтственности за положеніе рабочихъ классовъ, указывая, что послѣдніе должны пенять на самихъ себя, а не на небрежность высшихъ классовъ или неудовлетворительность учреждений въ странѣ. Приложеніе теорій Мальтуса, сдѣланное нѣкоторыми изъ его послѣдователей, обезкураживало всѣ попытки къ соціальному обновленію. Такъ, Чалмерсъ (Chalmers) — послѣдовательно пересматриваетъ и серьезно отвергаетъ всѣ обыкновенно предлагаемыя системы улучшенія экономическаго положенія народа; на томъ основаніи, что всякое увеличеніе комфорта пове-

детъ къ увеличенію населенія, и, такимъ образомъ, новое положеніе будетъ-де еще хуже, чѣмъ предшествовавшее.

Мальтусъ въ новѣйшее время получилъ до извѣстной степени еще болѣе значенія, благодаря возникновенію гипотезы Дарвина. Авторъ этой послѣдней, излагая ея происхожденіе, пользуется выраженіемъ „борьба за существованіе“, которое употреблялъ Мальтусъ, говоря объ общественномъ соперничествѣ. Дарвинъ говоритъ, что человѣкъ достигъ современнаго высокаго положенія благодаря той борьбѣ, которая послѣдовала за быстрымъ его размноженіемъ. Онъ, правда, видитъ, что значеніе этой причины въ дѣлѣ усовершенствованія нашей расы въ болѣе высокіе періоды общественнаго развитія въ значительной степени превосходитъ нравственными вліяніями. Но даже и въ эти стадіи развитія онъ считаетъ столь важнымъ сказанное соображеніе для данной цѣли, что, не обращая вниманіе на личныя страданія, проистекающія изъ борьбы за существованіе, онъ отвергаетъ всякую возможность уменьшенія естественнаго размноженія, подъ которымъ онъ понимаетъ обычный размѣръ размноженія.

Нѣкоторыми учеными въ послѣднее время было обнаружено стремленіе примѣнять доктрину о „переживаніи сильнѣйшихъ“ къ человѣческому обществу и, такимъ образомъ, еще болѣе усиливать густыя краски Мальтусова положенія, стараясь поощрять мысль, что тотъ, кто не въ состояніи содержать себя, предназначенъ судьбой къ исчезновенію и долженъ исчезнуть; но то, что производитъ отталкивающее впечатлѣніе въ этомъ представленіи, устраняется болѣе широкими взглядами на вліяніе гуманности, какъ располагающей силы, дѣйствующей одинаково на жизненныя и соціальныя условія. Подобно тому, какъ въ животномъ мірѣ господство человѣка вноситъ всегда новую силу, сознательно контролирующую и въ конечномъ результатѣ опредѣляющую судьбы подчиненныхъ видовъ, такъ точно и человѣческая предусмотрительность въ соціальной сферѣ можетъ вмѣшаться для покровительства

слабымъ, измѣняя сознательной дѣятельностью то, что въ другое время было предоставлено лишь борьбѣ соперничающихъ силъ, руководимыхъ эгоистическими инстинктами *).

Давидъ Рикардо (David Ricardo, 1772—1823) принадлежитъ, по существу, къ школѣ Смита, ученіе котораго онъ, въ главныхъ чертахъ, принимаетъ, хотя въ то же время стремится развить его идеи и исправить ихъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ. Но по методу изслѣдованія онъ совершенно разнится со Смитомъ. Стремленія послѣдняго сводились къ тому, чтобы быть по возможности вѣрнымъ реальной жизни, какъ онъ понималъ ее, стараться представить условія существованія и отношенія людей и вещей такъ, какъ онѣ есть. Юмъ, при первомъ же чтеніи великаго труда Смита подмѣтилъ, что всѣ положенія его изъясняются и иллюстрируются при помощи любопытныхъ фактовъ. Совершенно инымъ путемъ идетъ Рикардо. Онъ живетъ въ мірѣ абстракцій. Исходя изъ болѣе или менѣе произвольныхъ предположеній, онъ, при помощи дедукціи, дѣлаетъ изъ нихъ выводы, которые и считаетъ истиной, не принимая вовсе во вниманіе частичной нереальности предположенныхъ условій и не сличая свои заключенія съ опытомъ. Когда онъ хочетъ иллюстрировать свои ученія, онъ дѣлаетъ это посредствомъ гипотетическихъ примѣровъ; излюбленный

*) „Опытъ о населеніи“ и „Изслѣдованіе о природѣ и возрастаніи ренты“ (1815 г.), о которомъ мы еще будемъ говорить, — вотъ важнѣйшіе вклады Мальтуса въ науку. Онъ былъ также авторомъ „Principles of Political Economy“ (1820 г.), „Definitions in Political Economy“ и друг. менѣе важныхъ трудовъ. Желающіе ознакомиться съ этими послѣдними, а равно и личной жизнью Мальтуса, должны обратиться къ книгѣ Джемса Бонара (James Bonar) „Malthus and his Works“ (1885 г.), который издалъ также письма Рикардо къ Мальтусу (1888 г.). Прим. Авт.

Изъ русскихъ критиковъ Мальтуса заслуживаютъ вниманія примѣчанія переводчика „Политической экономіи“ Милля, первое изданіе 1860 г.; оно также существуетъ и во французскомъ переводѣ подъ названіемъ „L'Économie politique jugée par la science“. Tome premier. Bruxelles, 1874, стр. 367 и далѣе. Прим. Ред.

его способъ заключается въ томъ, что онъ представляетъ себѣ двухъ договаривающихся дикарей и старается прослѣдить, какъ бы они при данныхъ обстоятельствахъ поступили. Онъ намъ не объясняетъ, — вѣроятно Рикардо этимъ и не занимался систематически, да и не былъ подготовленъ къ тому, — какой методъ болѣе всего пригоденъ въ политической экономіи, поэтому теоретическая защита и разработка метода выпала на долю Д. С. Милля и Кернса. Но примѣръ Рикардо имѣлъ большое вліяніе и опредѣлилъ обычный способъ изслѣдованія его преемниковъ. Было нѣчто въ высшей степени привлекательное для честолюбія теоретика въ быстрой работѣ логики, которая, какъ казалось, достигла у Рикардо определенности и выразительности математическаго доказательства, въ удобной и производящей впечатлѣніе формулѣ, которая такъ пригодна всегда для аргументаціи и въ возможности давать быстрое, хотя часто только кажущееся, а не дѣйствительное, рѣшеніе труднымъ вопросамъ. Все то, что было ложнаго и односторонняго въ основныхъ положеніяхъ Смита, въ значительной мѣрѣ исправлялось благодаря тому практическому чутью и вѣрному инстинкту къ дѣйствительности, которыми Смитъ былъ одаренъ. Но у Рикардо и его послѣдователей все это получило полный просторъ и даже было преувеличено въ абстрактныхъ формулахъ ихъ ученія.

Опасности, свойственныя этому методу, были усилены чрезвычайной нетвердостью терминологіи. Сеніоръ называетъ Рикардо „самымъ неточнымъ писателемъ, который когда-либо приобрѣталъ философское значеніе“. Даже самые горячіе его сторонники находятъ, что онъ колеблется и страдаетъ неопределенностью при употребленіи словъ: они, вообще, объясняютъ его ошибки тѣмъ, что онъ смѣшиваетъ обычныя употребленія терминовъ съ тѣми специальными ихъ значеніями, которыя онъ самъ имъ придавалъ.

Наиболѣе полное изложеніе воззрѣній Рикардо мы найдемъ въ его „Основаніяхъ политической экономіи и налоговъ“

(1817 г.) *). Упомянутый трудъ не представляетъ собой полнаго изслѣдованія о наукѣ; это, скорѣе, рядъ слабо связанныхъ изслѣдованій по вопросамъ о цѣнности и цѣнѣ, рентѣ, заработной платѣ и прибыли, налогахъ, торговлѣ, монетѣ и банкахъ. Хотя связь частей и слаба, но однѣ и тѣ же основныя идеи постоянно повторяются и опредѣляютъ характеръ всей системы.

Главная задача, изслѣдованіемъ которой онъ занимается въ этомъ трудѣ, заключается въ изученіи распредѣленія, или, другими словами, тѣхъ пропорцій, въ которыхъ весь продуктъ страны раздѣляется между собственникомъ земли, капиталистомъ и рабочимъ. Важно отмѣтить, что Рикардо имѣетъ въ виду заниматься именно изученіемъ измѣненій въ относительной долѣ этихъ пропорцій, при прогрессивномъ развитіи общества; такимъ образомъ, одинъ изъ писателей, всего далѣе отстоящихъ отъ исторической школы, обнаруживаетъ сознаніе въ необходимости теоріи экономической динамики, создать которую, стоя на его точкѣ зрѣнія, было бы невозможно.

Положеніе, выдвигаемое имъ на первый планъ и лежащее въ дѣйствительности въ основаніи всей системы, заключается въ томъ, что мѣновая цѣнность предметовъ, предложеніе которыхъ можетъ быть увеличиваемо по произволу, опредѣляется, при системѣ свободнаго соперничества, количествомъ труда, необходимаго для ихъ производства. Подобныя предположенія мы найдемъ и въ „Богатствѣ народовъ“, не говоря уже о болѣе раннихъ англійскихъ писателяхъ. Смитъ говорилъ, что въ первоначальномъ и неразвитомъ состояніи общества, которое предшествовало какъ накопленію капитала, такъ и образованію земельной собственности, количество труда, необходимое для приобрѣтенія различныхъ предметовъ,

*) „Сочиненія Давида Рикардо“ русскій переводъ Н. И. Зиберы, первое изданіе 1878 г. въ Кіевѣ и второе, значительно пополненное и исправленное, съ примѣчаніями отъ переводчика, издано въ 1882 г. въ С.-Петербургѣ. Прим. Ред.

быть-можетъ, составляло единственную причину, которая давала какое-нибудь правило (мѣру) при обмѣнѣ однихъ вещей на другія. Но Смитъ колеблется во взглядѣ и иногда считаетъ мѣриломъ цѣнности количество труда, необходимое для производства предмета, иногда же количество труда, которое можно купить за предметъ на рынкѣ, что можетъ быть тождественно только для данного времени и мѣста. Теорема эта получаетъ исправленіе для болѣе развѣтвѣвшагося общественнаго состоянія введеніемъ въ нее соображеній о капиталѣ и приобретаетъ тотъ видъ, въ которомъ она заимствована у Мальтуса Давидомъ Рикардо, а именно, что дѣйствительная цѣна вещи „зависитъ отъ большаго или меньшаго количества капитала и труда, потраченныхъ на ея производство“. (Выраженіе „количество капитала“ неудачно, элементъ времени упущенъ, но мысль очевидна.) Рикардо, однако, не обращаетъ вниманія на капиталъ, имѣя въ виду при изложеніи этого положенія только трудъ, и старается оправдать свой способъ разсужденія ссылкой на то, что капиталъ есть накопленный трудъ; но эта искусственная точка зрѣнія затемняетъ характеръ содѣйствія капитала (или роль его) въ производствѣ и, упуская изъ виду необходимость подобнаго содѣйствія, послужила поводомъ къ возникновенію нѣкоторыхъ социалистическихъ заблужденій. Рикардо не различаетъ съ достаточной ясностью причинъ или рѣшающихъ условий—отъ мѣрилы цѣнности; онъ не сводитъ принципа издержекъ, какъ регулятора цѣнности, къ его истинной основѣ, заключающейся въ томъ, что издержки производства оказываютъ ограничивающее вліяніе на предложеніе. Согласно изложенной нами теоремѣ опредѣляется „естественная цѣна“ вещи; рыночная цѣна подвергается случайнымъ и временнымъ отклоненіямъ отъ этого уровня, въ зависимости отъ измѣненій спроса и предложенія, но вообще и въ долгій срокъ цѣна будетъ зависеть отъ издержекъ производства въ изъясненномъ выше смыслѣ. Исходя изъ этихъ основныхъ положеній,

Рикардо переходитъ къ изученію законовъ, по которымъ распределяется продуктъ земли и труда страны между различными классами, участвующими въ производствѣ.

Теорія ренты, съ которой онъ начинаетъ изслѣдованіе, хотя обыкновенно и связуется съ его именемъ и дѣйствительно составляетъ самую жизненную часть его экономической системы, въ дѣйствительности не принадлежала ему, да и самъ онъ не имѣетъ на это претензій. Онъ ясно высказывается во введеніи къ своимъ „Основаніямъ“, что въ 1815 году Мальтусъ въ „Изслѣдованіи о природѣ и возрастаніи ренты“ и одинъ изъ членовъ университетской коллегіи въ Оксфордѣ въ его „Опытѣ о приложеніи капитала къ землѣ“ дали міру почти одновременно истинную теорію ренты. Вторымъ изъ названныхъ писателей былъ *Эдуардъ Уэстъ* (Sir Edward West), впоследствии членъ высшаго суда въ Бомбей. Еще ранѣе Мальтуса и Уэста, какъ доказалъ Макъ-Коллохъ, то же ученіе было ясно понято и полно изложено *Джемсомъ Андерсономъ* (Dr. James Anderson) въ его „Enquiry into the Nature of Corns Laws“ („Изслѣдованіе о природѣ хлѣбныхъ законовъ“), появившемся въ 1777 г. въ Эдинбургѣ*). Мы имѣемъ полное основаніе вѣрить, что это изслѣдованіе было извѣстно Мальтусу и Уэсту; но теорія эта опредѣленно установлена и ясно изложена какъ въ ихъ трудахъ, такъ и у Андерсона; и весь тотъ порядокъ, въ которомъ она является у этого писателя, весьма схожъ по формѣ съ изложеніемъ Рикардо.

Сущность теоріи заключается въ томъ, что рента, какъ цѣна, платимая земледѣльцемъ собственнику земли за пользование производительными силами, равна излишку цѣны продукта земли надъ стоимостью производства на той же землѣ. Съ возрастаніемъ населенія, а слѣдовательно и съ увеличеніемъ спроса на пищу, подъ обработку должны пойти земли

*) Изслѣдованіе Андерсона о рентѣ перепечатано въ „Select Collection of Scarce and Valuable Economical Tracts“, изданномъ для лорда Оверстона Макъ-Коллохомъ въ 1859 году.

худшаго качества, цѣна всего снабженія пищей, необходимаго для общества, будетъ опредѣляться стоимостью производства той части этого снабженія, которая производится съ наибольшими издержками. За землю же, оплачивающую только издержки производства, никто не станетъ давать ренты. Отсюда рента земли какого-либо качества должна равняться разницѣ между издержками производства на этой землѣ и тѣми, съ которыми этотъ продуктъ производится при наибольшихъ затратахъ.

Легче всего понять эту теорію при посредствѣ сдѣланнаго здѣсь предположенія относительно одновременнаго существованія (сосуществованія) въ странѣ ряда почвъ различнаго плодородія, постепенно поступающихъ въ обработку соответственно возрастанію населенія. Но было бы заблужденіемъ думать, — хотя Рикардо иногда и даетъ поводъ къ тому — что такое различіе составляетъ необходимое условіе существованія ренты. Если бы даже вся земля страны была одного и того же качества, то для того, чтобы уплачивалась рента, было бы необходимо, чтобы земля была обращена въ собственность и цѣна продукта была выше стоимости труда и капитала, употребленныхъ на производство. Воспользовавшись этимъ воображаемымъ случаемъ для выясненія нашихъ представленій, мы при послѣдующемъ изложеніи оставимъ его безъ вниманія.

Если цѣна продукта, какъ мы говорили, опредѣляется издержками производства на землю, не платящую ренты, то, очевидно, что „хлѣбъ дорогъ не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлѣбъ дорогъ“, и что не произошло бы никакого пониженія въ цѣнахъ, если бы землевладѣльцы всецѣло отказались отъ своихъ рентъ. Рента, въ дѣйствительности, не является элементомъ, опредѣляющимъ цѣну; она уплачивается изъ цѣны, которая, однако, была бы той же, если бы вовсе не уплачивалось ренты и вся цѣна получалась бы лицомъ, обрабатывающимъ землю.

Часто высказывалось сомнѣніе, держался или нѣтъ Смитъ этой теоріи ренты. Иногда онъ выражается въ подобномъ же родѣ и устанавливаетъ положенія, которыя, получивъ надлежащее развитіе, привели бы неминуемо къ этой теоріи. Такъ, въ одномъ уже указанномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „только та часть продукта земли можетъ, по общему правилу, доставляться на рынокъ, обычная цѣна которой достаточна для возмѣщенія капитала, необходимаго для доставленія ея сюда, съ обыкновенной прибылью. Если цѣна выше этого, то излишекъ, естественно, отойдетъ, какъ рента, землевладѣльцу. Если оно не болѣе этой цѣны, то, хотя продуктъ и можетъ быть доставленъ на рынокъ, но не дастъ ренты землевладѣльцу. Что же касается того, выше цѣна или нѣтъ, — это зависитъ отъ спроса.“ Далѣе: „въ томъ приложеніи этихъ соображеній къ рудникамъ, которое дѣлаетъ Смитъ“, говоритъ Рикардо, „вся теорія ренты прекрасно и ясно изложена.“ Но Смитъ былъ убѣжденъ, что нѣтъ въ дѣйствительности земли, которая не платила бы ренты землевладѣльцу; непонятно, отчего Смитъ не сообразилъ, что подобное явленіе могло произойти, благодаря сочетанію въ хозяйствѣ земель, которыя могутъ и не могутъ платить ренту. На самомъ же дѣлѣ справедливо то, что фактъ уплаты ренты всякою землею въ странѣ (если только дѣйствительно такой фактъ существуетъ) не имѣетъ никакой силы противъ Андерсоновской теоріи, потому что въ сущности онъ означаетъ то же самое, что существуетъ капиталъ, употребляемый на землю, уже воздѣлывавшуюся, который приноситъ доходъ, не превосходящій обычной прибыли въ странѣ. Такой послѣдне-приложенный капиталъ не можетъ приносить ренты при существующемъ уровнѣ прибыли, пока цѣна на продуктъ не возвысится.

Убѣжденіе, которое раздѣлялось нѣкоторыми, будто Смитъ, несмотря на кое-какія свои неясныя и неподходящія выраженія, на самомъ дѣлѣ придерживался ученія Андерсона, вриды ли можетъ быть поддерживаемо, если мы напомнимъ, что Юмъ,

писавший къ Смиту вскорѣ послѣ прочтенія „Богатства народовъ“, хотя въ общемъ и соглашается съ его мнѣнiями, но (очевидно имѣя въ виду кн. I гл. VII) говоритъ: „я не могу раздѣлять того мнѣнiя, что рента фермера составляетъ часть цѣны продукта; думаю, что она вполне опредѣляется количествомъ и спросомъ.“ Слѣдуетъ, кромѣ того, отмѣтить, что учение Андерсона о рентѣ помѣщено въ той же книгѣ, опубликованной въ 1777 году, въ которой содержится его же полемика противъ возраженiй Смита относительно премии на вывозъ хлѣба; врядъ ли эта книга ускользнула отъ вниманiя Смита, но ни ея содержанiе, ни письмо Юма не склонили его измѣнить то, что онъ говорилъ въ первомъ изданiи своего труда по вопросу о рентѣ.

Слѣдуетъ указать еще, что не только неравенство плодородiя различныхъ почвъ опредѣляетъ разницу въ рентахъ; болѣе или менѣе удобное расположенiе фермы по отношенiю къ рынкамъ, а слѣдовательно и къ обыкновеннымъ и желѣзнымъ путямъ сообщенiя, будетъ имѣть такое же значенiе. Сравнительно меньшая стоимость перевозки даетъ возможность доставлять продуктъ на рынокъ съ меньшими издержками и, такимъ образомъ, увеличиваетъ излишекъ, составляющiй ренту. Это соображенiе высказано у Рикардо; но онъ не придаетъ ему преимущественнаго значенiя и обращаетъ главное вниманiе на сравнительную производительность почвы.

Рента, по опредѣленiю Рикардо, есть цѣна, платимая за пользование „первоначальными и неистощимыми силами почвы“; такимъ образомъ, пользуясь терминомъ „рента“, онъ употребляетъ его не въ томъ значенiи, которое обыкновенно имѣетъ это слово; поэтому, когда „рента“ употребляется въ томъ смыслѣ, какъ того хотѣлъ Рикардо, она часто опредѣляется присоединенiемъ словъ „истинная“ или „экономическая“. Часть того, что уплачивается землевладѣльцу, бываетъ весьма нерѣдко вознагражденiемъ за затраты, совершенныя послѣднимъ для приведенiя фермы въ такое положенiе, въ которомъ она

была бы пригодна для обработки арендаторомъ. Но слѣдуетъ помнить, что вознагражденiе за всѣ эти затраты, „поскольку онѣ слились съ землей“ и „увеличили ея производительную силу“, повинуются законамъ не прибыли, а ренты. Отсюда возникаетъ трудность или даже невозможность различать въ практической жизни съ достаточной опредѣлительностью получаемое землевладѣльцемъ „за пользованiе первоначальными силами почвы“ отъ того, что является вознагражденiемъ за произведенныя имъ или его предшественниками улучшенiя. Благодаря этимъ улучшенiямъ, ферма, какъ орудiе производства пищи, перешла изъ одного разряда производительности въ другой, высшiй, и въ данномъ случаѣ съ участкомъ земли, о которомъ мы говоримъ, произошло то же самое, что имѣло бы мѣсто, если бы природа первоначально помѣстила его въ этотъ высшiй разрядъ.

Смитъ полагалъ, что земледѣлiе, сравнительно съ другими отраслями производства, имѣетъ особое преимущество: здѣсь „природа работаетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ“, и поэтому въ то время, когда работникъ въ обрабатывающей промышленности воспроизводитъ только капиталъ, дающiй ему занятiе, вмѣстѣ съ обычной прибылью, земледѣлецъ воспроизводитъ не только капиталъ предпринимателя и его прибыль, но и ренту землевладѣльцу. На эту послѣднюю Смитъ смотрѣлъ какъ на свободный даръ природы, остающiйся „послѣ вычета или возмѣщенiя всего, что можно разсматривать какъ результатъ труда человѣка“. Рикардо возражаетъ съ полной справедливостью, что „нѣтъ ни одной отрасли обрабатывающей промышленности, въ которой природа не помогала бы человѣку“. Затѣмъ онъ цитируетъ замѣчанiе Бьюкенана: „представленiе о томъ, будто земледѣлiе создаетъ продуктъ и въ результатъ ренту потому, что природа участвуетъ вмѣстѣ съ трудомъ въ процессъ обработки, есть не болѣе, какъ фантазiя. Не изъ продукта, но изъ цѣны, по которой продается продуктъ, — вотъ откуда проистекаетъ рента и эта цѣна уплачивается не оттого, что

природа помогает въ производствѣ, а благодаря тому, что данная цѣна та самая, которая приспособляетъ потребление къ предложенію *). Для общества въ его цѣломъ нѣтъ никакого барыша отъ возрастанія ренты; это выгодно только землевладѣльцамъ, и ихъ интересы, такимъ образомъ, находятся въ постоянномъ противорѣчій съ таковыми же другихъ классовъ общества. Возрастание ренты иногда замедляется, иногда предотвращается, или даже, наоборотъ, рента временно падаетъ подъ вліяніемъ улучшеній въ земледѣліи, напр. при введеніи въ хозяйство новыхъ способовъ удобренія, машинъ или лучшей организаціи труда (хотя въ этомъ отношеніи въ земледѣліи менѣе простора, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ); или открытіемъ новыхъ источниковъ снабженія въ иностранныхъ государствахъ; но при населеніи, увеличивающемся въ численности, тенденція ренты къ возрастанію всегда сохраняется.

Великое значеніе теоріи ренты въ системѣ Рикардо происходитъ отъ того, что онъ ставитъ въ полную зависимость экономическое положеніе общества отъ состоянія земледѣльской эксплуатаціи почвы. Это ясно видно изъ слѣдующаго изложенія его теоріи заработной платы и прибыли. Продуктъ каждой затраты труда и капитала раздѣляется между работникомъ и капиталистомъ въ такомъ отношеніи, что когда одинъ получаетъ много, другой неизбежно получаетъ мало. При данной производительности труда ничто не можетъ уменьшить прибыли кромѣ увеличенія заработной платы, ничто не увеличиваетъ также прибыли безъ соответ-

*) Сениоръ, однако, доказалъ, что Смитъ отчасти правъ: хотя вполнѣ справедливо, что ренту требуютъ потому, что производительныя силы природы находятся въ ограниченномъ количествѣ, и потому, что возрастающее населеніе вызываетъ менѣе выгодныя затраты на землю, чтобы снабдить себя необходимымъ; но съ другой стороны, фондъ, откуда выплачивается рента, есть та сила, которой обладаетъ большинство земель и которая выражается въ свойствѣ земли производить пищу для большаго количества лицъ, чѣмъ то, какое необходимо для ея обработки.

ствующаго паденія заработныхъ платъ. Цѣна труда, или, что то же, стоимость его производства, опредѣляется стоимостью предметовъ, необходимыхъ для содержанія рабочаго. Цѣна тѣхъ приготовленныхъ предметовъ, въ которыхъ рабочей нуждается, имѣетъ тенденцію постоянно понижаться, главнымъ образомъ отъ развивающагося раздѣленія труда въ производствѣ. Но стоимость содержанія рабочаго по существу зависитъ не отъ цѣны этихъ предметовъ, а отъ цѣны его пищи; а такъ какъ производство этой послѣдней съ развитіемъ общества и съ возрастаніемъ населенія требуетъ все большей и большей затраты труда, то и цѣна должна увеличиваться; денежная рабочая плата должна, слѣдовательно, возрасти, а съ ея увеличеніемъ прибыль должна упасть. Такимъ образомъ, постепенный переходъ къ почвамъ худшаго качества, или менѣе производительныя (менѣе выгодныя) затраты на одной и той же почвѣ—вотъ что производитъ уменьшеніе въ уровнѣ прибыли, замѣчаемое въ процессѣ историческаго развитія. (Смитъ приписывалъ это пониженіе соперничеству капиталистовъ, хотя въ одномъ изъ мѣстъ своего труда (кн. I гл. IX) онъ высказывается въ духѣ Рикардо *).

Это тяготивніе прибыли къ минимуму къ счастью задерживается иногда улучшеніями въ способахъ производства предметовъ необходимости и въ особенности такими открытіями въ земледѣліи и другихъ отрасляхъ, которыя уменьшаютъ стоимость предметовъ первой необходимости рабочаго; но, тѣмъ не менѣе, эта тенденція постоянно существуетъ. Хотя, такимъ образомъ, капиталистъ и теряетъ, но рабочей не выигрываетъ ничего; возвысившаяся въ деньгахъ плата даетъ ему только возможность оплачивать возросшія цѣны пред-

*) Когда колонія возрастаетъ, прибыль на капиталъ постепенно падаетъ. Если въ наиболѣе плодородныя и лучше расположенныя земли уже запяты, то можно извлекать только меньшую прибыль изъ земель, хуже расположенныхъ и менѣе плодородныхъ, а потому можно требовать и менѣе значительный процентъ на капиталъ, затраченный при такихъ условіяхъ. Съ этой точки зрѣнія еще раньше смотрѣлъ на этотъ вопросъ Уэстъ.

метовъ необходимости, число которыхъ не будетъ больше и, по всей вѣроятности, даже меньше, чѣмъ прежде. Въ дѣйствительности, рабочій не можетъ въ значительный промежутокъ времени заработать болѣе того, чѣмъ сколько необходимо для существованія съ той степенью удобства, которая сдѣлалась необходимою по укоренившемуся обычаю для его класса и чтобы имѣть возможность продолжать свой родъ безъ увеличенія и уменьшенія. Эта плата есть „естественная цѣна“ труда; если рыночная цѣна временно поднимется выше, население получитъ стимулъ къ размноженію, и уровень рабочей платы снова падеть. Такимъ образомъ, хотя рента имѣетъ постоянную тенденцію возрастать, а прибыль падать, но увеличеніе или уменьшеніе заработной платы будетъ зависѣть отъ размѣра размноженія рабочихъ классовъ. Для улучшенія ихъ положенія Рикардо, такимъ образомъ, принужденъ обратиться къ Мальтусовымъ средствамъ, на дѣйствительную примѣнимость которыхъ онъ, однако, какъ кажется, не возлагалъ большихъ надеждъ. Лучшимъ средствомъ, по его мнѣнію, противъ избыточнаго населенія является постепенная отмѣна законовъ о бѣдныхъ,—одно улучшеніе ихъ не удовлетворило бы его,—и развитіе среди рабочихъ классовъ склонности къ большому комфорту и удовольствіямъ.

Мы видимъ, что социалисты иногда впадали въ преувеличеніе, провозглашая, какъ „железный законъ“ заработной платы“ Рикардо—полное тождество этой послѣдней съ суммой средствъ существованія, необходимыхъ для содержанія работника и дающихъ ему возможность продолжать свой родъ. Рикардо признаетъ значеніе „обычнаго образа жизни“ (standard of living) какъ принципа, ограничивающаго численность рабочихъ классовъ и, такимъ образомъ, поддерживающаго рабочіе классы выше самаго низкаго уровня. Но онъ въ то же время утверждаетъ, что въ странахъ, давно уже заселенныхъ, при обычномъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ и при отсутствіи особыхъ условій, ограничивающихъ возрастаніе насе-

ленія, положеніе рабочаго навѣрно будетъ ухудшаться и по тѣмъ же причинамъ, по которымъ положеніе землевладѣльца будетъ улучшаться.

Если бы намъ задали вопросъ, насколько истинно это ученіе о рентѣ и тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя изъ нея вывелъ Рикардо, мы должны были бы отвѣтить, что оно гипотетически правильно для странъ съ развитой промышленной жизнью, и только для нихъ (хотя оно слишкомъ поспѣшно прилагалось къ Ирландіи и Индіи), но что даже въ этихъ обществахъ на немъ не можетъ быть построено никакого прочнаго вывода и основательнаго образа дѣйствій. Какъ мы увидимъ впоследствии, значеніе большей части положеній классической школы ослабляется въ значительной степени обычными ея предположеніями, что мы имѣемъ дѣло съ „экономическимъ человѣкомъ“, руководящимся только однимъ принципомъ; что обычай, какъ извѣстная противоположность соперничеству, не существуетъ; что нѣтъ ничего подобнаго тому, что называется сочетаніемъ силъ; будто, наконецъ, существуетъ полное равенство договаривающихся сторонъ въ каждой сдѣлкѣ, и будто имѣется опредѣленный и всеобщій средній размѣръ прибыли и заработной платы въ обществѣ; эта послѣдняя посылка въ свою очередь предполагаетъ, что 1) капиталъ направится въ то предпріятіе, гдѣ въ данное время можно получить большую прибыль, что 2) работникъ, каковы бы ни были его связи съ мѣстностью, съ семьей, каковы бы ни были его привычки и другія привязанности, немедленно переселится въ ту мѣстность или перейдетъ къ тому занятію, которое въ данное время даетъ ему возможность получать большую плату, сравнительно съ прежней*), и что 3) капиталистъ и рабочій прекрасно знаютъ всѣ условія и шансы промышленности въ странѣ, какъ

*) Адамъ Смитъ говоритъ: „Изъ опыта съ очевидностью явствуетъ, что изъ всѣхъ видовъ кладъ человѣкъ есть багажъ, перевозимый съ наибольшими затрудненіями.“ (Кн. I, гл. VIII.)

въ своихъ, такъ и во всѣхъ другихъ занятіяхъ. Но въ представленіяхъ Рикардо о рентѣ и выведенныхъ изъ нея послѣдствіяхъ заключается еще болѣе абстракціи. Вліяніе эмиграціи, получившей такіе большіе размѣры съ его времени, онъ оставляетъ безъ вниманія и предполагаетъ, что количество земли, находящееся въ распоряженіи у общества, ограничено размѣромъ собственной территоріи, хотя, на самомъ дѣлѣ, современная Европа въ значительной мѣрѣ снабжается пищей западными штатами Америки. Рикардо недостаточно оцѣнилъ тотъ фактъ, что издержки производства постоянно уменьшаются, благодаря увеличивающейся производительности труда, подѣ влияніемъ возросшаго просвѣщенія, лучшей организациі производства, введенія машинъ и болѣе быстрыхъ и дешевыхъ путей сообщенія. Къ этимъ вліяніямъ еще слѣдуетъ присоединить значеніе законодательныхъ реформъ въ арендномъ правѣ и болѣе справедливыя условія въ контрактахъ, которыя оказываютъ воздѣйствіе въ томъ же направленіи. Какъ результатъ всѣхъ этихъ причинъ, то давленіе, тѣ дурныя послѣдствія, которыя предсказывалъ Рикардо, не даютъ себя знать, и скорѣе раздаются крики землевладѣльцевъ о паденіи рентъ, чѣмъ жалобы потребителей на возрастаніе цѣнъ. Всѣ условія въ реальной жизни подверглись такому измѣненію, что профессоръ *Никольсонъ* (Nicholson), вовсе не врагъ „ортодоксальныхъ“ экономистовъ, занимаясь недавно изслѣдованіемъ современнаго положенія земледѣльческаго вопроса *), высказался въ томъ смыслѣ, что такъ называемая теорія ренты Рикардо „слишкомъ абстрактна, чтобы быть практически полезной“.

По частному экономическому вопросу Рикардо далъ ясныя объясненія относительно характера выгодъ, приобретаемыхъ отъ иностранной торговли, и относительно условій, при которыхъ эта торговля можетъ совершаться. Въ то время,

*) Tenant Gain—not Landlord's Loss (1883), p. 83.

какъ предшествовавшие авторы сводили выгоды торговли къ продажѣ излишка продукта или къ возможности для определенной доли національнаго капитала возстановляться съ прибылью, Рикардо доказалъ, что они „попросту и единственно заключаются въ томъ, что каждая нація получаетъ возможность данной суммой капитала и труда приобретать большее количество благъ, чѣмъ прежде“. Съ этой точкой зрѣнія слѣдуетъ, конечно, согласиться, хотя, съ другой стороны, всѣ высказанныя его предшественниками, а въ томъ числѣ и А. Смитомъ, мысли по данному предмету полезны иногда какъ реальныя указанія на условія, содѣйствующія развитію національной промышленности; мы не должны поэтому совершенно упускать ихъ изъ виду. Рикардо стремился доказать, что приобретение какого-нибудь предмета на иностранномъ рынкѣ обусловливается вовсе не тѣмъ обстоятельствомъ, что этотъ предметъ производится на иностранномъ рынкѣ съ затратой меньшаго труда и капитала, чѣмъ на внутреннемъ рынкѣ. Если мы имѣемъ какое-нибудь значительное и реальное преимущество въ производствѣ иного предмета по сравненію съ даннымъ предметомъ, то даже, если намъ и выгодно производить послѣдній, въ нашихъ собственныхъ выгодахъ будетъ посвятить себя производству именно тѣхъ предметовъ, въ которыхъ мы имѣемъ наибольшія преимущества, и ввозить тѣ, въ которыхъ мы имѣемъ хотя реальныя, но все же сравнительно меньшія выгоды. Обмѣнъ международный опредѣляется, слѣдовательно, не абсолютной, а сравнительной стоимостью производства; это замѣчаніе Рикардо весьма справедливо и интересно, хотя, кажется, Д. С. Милль и Кернсъ придали ему слишкомъ большую важность. Кернсъ вѣлѣрчиво говоритъ о немъ какъ о чемъ-то „раскрывающемъ тайны“ (sounding the depths) существа международнаго обмѣна; въ послѣдствіи мы увидимъ, однако, что Кернсъ измѣняетъ это положеніе Рикардо, принявъ во вниманіе нѣкоторыя условія внутренняго производства предметовъ.

Для націи въ ея цѣломъ, думаетъ Рикардо, имѣеть значеніе не валовой продуктъ труда и земли, какъ утверждалъ Смитъ, но чистый доходъ, т.е. излишекъ, который остается за вычетомъ изъ валового продукта издержекъ производства, или, другими словами, излишекъ, равный суммѣ ренты и прибыли. На рабочую плату, по существу не превышающую потребныхъ для рабочаго средствъ существованія, Рикардо смотритъ только какъ на часть „необходимыхъ издержекъ производства“. Отсюда слѣдуетъ, да онъ и самъ это говоритъ въ одномъ изъ характерныхъ и часто цитируемыхъ мѣстъ своего труда, что „если только чистый доходъ націи, т.е. ея рента и прибыль, остаются однѣ и тѣ же, то нѣтъ ни малѣйшей важности въ томъ, состоитъ ли нація изъ 10-ти или 12-ти милліоновъ жителей. Средства ея къ содержанію флотовъ, армій и всякаго рода непроизводительнаго труда должны находиться въ соотвѣтствіи съ ея чистымъ, а не валовымъ доходомъ. Если бы 5 милліоновъ людей могли произвести столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10-ти милліоновъ, то пища и одежда 5-ти милліоновъ составляла бы чистый доходъ. Будетъ ли представлять для страны какую-нибудь выгоду, если на производство такого же чистаго дохода потребуется 7 милліоновъ человѣкъ, другими словами, если 7 милліоновъ человѣкъ будутъ работать надъ производствомъ такого количества пищи и одежды, которое достаточно для 12-ти милліоновъ? Пища и одежда 5-ти милліоновъ человѣкъ продолжала бы оставаться чистымъ доходомъ. Употребленіе на производство большаго числа людей не дало бы намъ возможности прибавить къ нашей арміи и флоту ни одного человѣка, ни внести гинеей больше налога“. Рикардо смотритъ въ приведенной цитатѣ на промышленность совершенно какъ меркантилистъ — съ точки зрѣнія военной и политической силы государства; онъ вовсе не принимаетъ во вниманіе, что конечная цѣль и задача промышленности заключается въ поддержаніи и развитіи человѣческаго благо-

состоянія. Какъ совершенно справедливо замѣтилъ Гельдъ, работникъ здѣсь разсматривается не какъ членъ общества, а лишь—простое орудіе для достиженія цѣлей общества, орудіе, на содержаніе котораго должна издерживаться одна часть валового продукта по такимъ же основаніямъ, какъ другая издерживается, напр., на содержаніе лошадей. Мы могли бы спросить словами Сисмонди, обращенными къ Рикардо: „Какъ? Богатство для васъ все, а люди равно ничего не значатъ?“

Въ интересахъ справедливости мы должны сказать о Рикардо, что при всѣхъ своихъ замѣчательныхъ талантахъ онъ не обладалъ такими способностями, которыя необходимы для соціологическихъ изслѣдованій. Природа предназначала его скорѣе быть математикомъ второго ранга, чѣмъ общественнымъ философомъ. Для занятій общественными науками Рикардо былъ совсѣмъ не подготовленъ. Мы не можемъ согласиться съ Беджготомъ, что хотя Рикардо и не былъ высокообразованнымъ человѣкомъ, онъ, однако, какъ въ высшей степени искусный торговецъ капиталомъ (т.е. банкиръ), самой практикой жизни былъ приготовленъ къ занятіямъ экономіей. Но тотъ же писатель вполне справедливо указываетъ, какъ любитъ Рикардо доходить въ своихъ изслѣдованіяхъ до мельчайшихъ подробностей. Вообще у него не хватало широты взгляда, разумной точки зрѣнія на человѣческую природу и жизнь и сильныхъ соціальныхъ симпатій, которыя являются наиболѣе цѣннымъ пособіемъ, какъ это признаютъ всѣ величайшіе умы, въ такой области изслѣдованія, какъ народное хозяйство. Только разсуждая о монетѣ, т.е. занимаясь такимъ отдѣломъ нашей науки, въ которомъ имѣется въ виду лишь нѣсколько элементарныхъ положеній, не касающихся морали, онъ—вполнѣ на своемъ мѣстѣ; но на широкомъ полѣ соціологіи онъ не всегда является удовлетворительнымъ мыслителемъ.

Рикардо былъ одаренъ крупной силой дедуктивнаго мышленія, хотя, какъ замѣчаетъ Сиджуикъ, его логическая точ-

ность была, беззачтливо преувеличена. Но въ человѣческихъ дѣлахъ явленія такъ сложны и принципы такъ часто ограничиваются или замѣщаются другъ друга, что быстрота и смѣлость дедукціи въ высшей степени опасна, если только она не соединяется съ широкой и уравновѣшенной оцѣнкой фактовъ. Діалектическая способность несомнѣнно является цѣннымъ даромъ, но первымъ условіемъ успѣха въ общественныхъ изслѣдованіяхъ будетъ всегда умѣніе смотрѣть на вещи такъ, какъ онѣ есть.

Среди людей, занимающихся политической экономіей, нѣкоторое время существовало нѣчто въ родѣ *мифта* Рикардо (Ricardo-mythus). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что Рикардо и его заслуги были оцѣнены выше, чѣмъ по достоинству, отчасти уже потому, что его система оказывала поддержку фабрикантамъ и другимъ промышленникамъ во время увеличивавшагося антагонизма ихъ къ старой аристократіи землевладѣнія. По тѣмъ же причинамъ, а также вслѣдствіе родства, которое существовало между абстрактнымъ, неисторическимъ и евдемонистическимъ ученіемъ Рикардо и ученіями группы бентамистовъ и такъ называемыхъ философскихъ радикаловъ, эти послѣдніе мыслители также съ особымъ уваженіемъ относились къ Рикардо. Брумъ говоритъ, что Рикардо какъ бы свалился съ небесъ и явился своего рода „*deus ex machina*“. Его дѣйствительныя заслуги въ разъясненіи вопросовъ о банкахъ, и деньгахъ расположили людей, естественно, и къ воспріятію болѣе общихъ его взглядовъ. Но, успѣшно разрѣшивъ эти спеціальныя вопросы, онъ не далъ міру ни солиднаго теоретическаго ученія, ни цѣннаго практическаго руководства, а между тѣмъ внесъ не мало путаницы во многія важнѣйшія проблемы. *Де-Куинси* (De-Quinsey) называетъ Рикардо великимъ открывателемъ истины, что въ настоящее время слѣдуетъ признать за преувеличеніе. Джонъ Стюартъ Милль и нѣкоторые другіе выставляютъ на видъ „свѣтлый умъ“ Рикардо по сравненію съ Ад. Смитомъ; но труды Рикардо,

какъ вкладъ въ науку о человѣческомъ обществѣ, во всякомъ случаѣ не выдержитъ самаго поверхностнаго сравненія съ „Богатствомъ народовъ“.

Весьма интересно указать, что Мальтусъ, хотя изъ комбинаціи его ученія о населеніи съ принципами Рикардо и составилъ своего рода символъ вѣры „ортодоксальной школы“ экономистовъ, самъ тѣмъ не менѣе не былъ сторонникомъ системы Рикардо. Онъ предвѣщалъ, что „главная часть зданія не устоитъ“. „Теорія Рикардо“, говоритъ онъ, „односторонне освѣщаетъ предметъ изслѣдованія, такъ же, какъ и система французскихъ экономистовъ; подобно послѣдней, она увлечетъ въ свои пучины множество способныхъ людей, но вскорѣ и сама не удержится противъ свидѣтельства очевидныхъ фактовъ и силы тѣхъ ученій, которыя хотя и менѣе просты и менѣе привлекательны, но зато болѣе справедливы, ибо принимаютъ во вниманіе болѣе количество причинъ, производящихъ всѣ экономическія послѣдствія.“

Мы видимъ, что основныя положенія доктрины Смита съ точки зрѣнія общей философіи были неправильны и что вслѣдствіе того этической характеръ его системы сильно пострадалъ, но зато методъ Смита, заключающійся въ нормальномъ сочетаніи индукціи съ дедукціей, не подлежитъ сколько-нибудь значительнымъ возраженіямъ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда онъ примѣняется къ изученію статистики экономическихъ явленій. Главнымъ образомъ подъ влияніемъ Рикардо методъ экономическихъ изслѣдованій былъ извращенъ. Экономическая наука вступила на ложный путь, который отвратилъ ее отъ наблюденія и приучилъ получать законы явленій изъ немногихъ и поспѣшныхъ обобщеній настоящей игры логики. Всѣ существенныя недостатки „ортодоксальной школы“, на которые вполне справедливо въ новѣйшее время обратили вниманіе, были порождены ученіями Рикардо и заключаются въ слѣдующемъ: 1) экономическія понятія и представленія „ортодоксальной школы“ имѣютъ слишкомъ абстрактный и

ложный характер; 2) преобладание метода дедукции в процессъ изслѣдованія доходить до злоупотребленія; 3) своимъ положеніямъ и выводамъ старая школа придаетъ слишкомъ абсолютное значеніе.

Труды Рикардо собраны въ 1846 году Макъ-Коллохомъ и изданы въ одномъ томѣ; здѣсь же приложены и нѣкоторые біографическія данныя *).

Вслѣдъ за Мальтусомъ и Рикардо, изъ которыхъ первый заставилъ общественное мнѣніе внимательно отнестись къ нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ, а второй направилъ экономическія изслѣдованія на новый, хотя и сомнительный путь, идетъ цѣлый рядъ менѣе значительныхъ писателей; эти писатели, которыхъ нѣмцы, воспользовавшись терминомъ греческой мѣической исторіи, назвали „эпигонами“, главнымъ образомъ излагали или комментировали труды указанныхъ двухъ мыслителей. Ученія Смита и его ближайшихъ продолжателей получили въ трудахъ этихъ писателей-комментаторовъ болѣе систематическую форму; благодаря ограниченіямъ и поправкамъ, многое въ нихъ стало менѣе спорнымъ, терминологія сдѣлалась болѣе удовлетворительной, а въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ ученія эти были даже измѣнены, и ими воспользовались при разрѣшеніи практическихъ задачъ времени.

Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ особаго указанія „Elements“ Джемса Милля (1821 г.). Въ этомъ трудѣ, который является настоящимъ произведеніемъ руки мастера, система Рикардо изложена замѣчательно точно, сжато, самый матеріалъ изложенія расположенъ необыкновенно искусно и априорная политическая экономія сведена къ ея простѣйшимъ положеніямъ. Макъ-Коллохъ (J. R. M. Culloch, 1779—1864) былъ авторомъ значительнаго числа трудолюбиво разработанныхъ

*) Очеркъ личной жизни Рикардо вмѣстѣ съ обзоромъ его сочиненій по вопросамъ денежнаго обращенія, которыхъ мы не могли здѣсь касаться, читатель найдетъ подъ буквой R въ Encyclopaedia Britannica, 9-е изданіе.

статистическихъ и другихъ компиляцій; онъ занимался критикой текущаго экономическаго законодательства на страницахъ „Edinburgh Review“ съ точки зрѣнія ученія Рикардо, и по своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ былъ въ сущности сторонникомъ того, что впоследствии проповѣдывала манчестерская школа. Мы не найдемъ въ его трудахъ ни оригинальности, ни глубокой философской широты и возвышенности взгляда. Его самонадѣянный догматизмъ часто производитъ отталкивающее впечатлѣніе; въ послѣдніе годы своей жизни онъ признавался, что слишкомъ увлекался новыми идеями и защищалъ ихъ съ болѣею горячностью и настойчивостью, чѣмъ они того заслуживали. Слѣдуетъ замѣтить, что имя этого писателя часто повторялось въ прежнее время какъ его послѣдователями, такъ и тѣми, которые, какъ, на примѣръ, Сисмонди, разнились съ нимъ во взглядахъ. Теперь оно совершенно незамѣтно среди именъ писателей той школы, къ которой онъ принадлежалъ. Какъ бы полезенъ Макъ-Коллохъ ни былъ своими указаніями на необходимость свободной торговли, во всякомъ случаѣ онъ ничего не сдѣлалъ для разрѣшенія социальныхъ вопросовъ будущаго.

Нассау Сениоръ (Nassau William Senior, 1790—1864), профессоръ политической экономіи Оксфордскаго университета, кромѣ цѣлаго ряда отдѣльныхъ лекцій, издалъ изслѣдованіе по нашей наукѣ, которое появилось впервые, какъ одинъ изъ отдѣловъ въ „Encyclopaedia Metropolitana“. Сениоръ—писатель высокихъ достоинствъ. Онъ много сдѣлалъ для уясненія экономическихъ принциповъ, старательно работая надъ точностью терминологіи и строгой правильностью дедукціи. Его ученіе объ издержкахъ производства и объ ихъ вліяніи на цѣну, о рентѣ, о различіи между заработной платой и цѣной труда, объ отношеніи между прибылью и заработной платой (онъ съ особой тщательностью останавливается на теоремѣ Рикардо, которую исправляетъ замѣной абсолютнаго размѣра пропорциональнымъ), о распредѣленіи драгоцѣнныхъ метал-

ловь между различными странами—все это является весьма цѣннымъ. Вновь созданный имъ терминъ „воздержаніе“ (abstinence), которымъ онъ хочетъ охарактеризовать тотъ образъ дѣйствій, вознагражденіемъ за который является прибыль, былъ полезенъ, но не вполне подходящъ, благодаря отрицательному своему смыслу. Менѣе всего удовлетворительна у Сеніора теорія заработной платы. Онъ полагаетъ, что средній размѣръ рабочей платы въ странѣ (которая, мы должны сказать, не является реальной величиной, хотя и существуетъ нѣкоторая средняя въ данной мѣстности или отрасли промышленности) можетъ быть выраженъ въ видѣ дроби, у которой числителемъ является общая сумма фонда заработной платы (сумма эта неопредѣлена и, конечно, за исключеніемъ дѣйствительно уплаченнаго жалованья, вполне фиктивна), а знаменателемъ—число рабочихъ. Изъ этого положенія онъ выводитъ много важныхъ и глубокихъ послѣдствій, хотя собственно уравненіе, на которомъ онъ основываетъ свои заключенія, представляетъ развѣ только простой арифметическій фактъ—вѣрный при всякомъ раздѣлѣ между индивидами и не заключающій въ себѣ никакого экономическаго элемента. Терминъ „заработный фондъ“ вошелъ въ употребленіе благодаря нѣкоторымъ выраженіямъ Адама Смита *); самъ Смитъ пользовался имъ только для иллюстраціи и никогда не занимался подробнымъ его истолкованіемъ; но мы увидимъ впоследствии, что многіе изъ тѣхъ экономистовъ, которыхъ причисляютъ къ такъ называемой „ортодоксальной школѣ“, отвергали это ученіе. Сеніоръ причисляетъ политическую экономію къ наукамъ чисто дедуктивнымъ; въ этой наукѣ нѣтъ мѣста другимъ „фактамъ“, кромѣ тѣхъ четырехъ основныхъ положеній, изъ которыхъ онъ считаетъ возможнымъ вывести

*) Такъ въ своемъ „Богатствѣ народовъ“ (кн. I, гл. VIII) онъ употребляетъ слѣдующія выраженія: „фондъ, предназначенный для уплаты жалованья“, „фондъ, предназначенный для пользованія трудомъ“, „фондъ, предназначенный для содержанія наемниковъ“ и т. д.

всѣ экономическіе законы. Онъ не думаетъ, что всѣ его заключенія гипотетичны; на свои послылки и выводы онъ смотритъ какъ на нѣчто вполне соответствующее дѣйствительнымъ явленіямъ *).

Полковникъ Робертъ Торренсъ (Robert Torrens, 1780—1864) былъ однимъ изъ плодovitыхъ писателей отчасти по экономической теоріи, но, главнымъ образомъ, по вопросамъ финансовой и коммерческой политики. Основные принципы почти всей законодательной программы Роберта Пиля были изложены въ трудахъ Торренса. Торренсъ создалъ по существу такую же теорію иностранной торговли, какъ и та, которая впоследствии была установлена Миллемъ въ одномъ изъ его „Essays on Unsettled Questions“ **). Онъ былъ однимъ изъ первыхъ и серьезныхъ борцовъ за отмену хлѣбныхъ законовъ, но не былъ, однако, сторонникомъ абсолютной свободной торговли, какъ общей системы, и полагалъ, что слѣдуетъ налагать таможенные пошлины въ отвѣтъ на таковыя же другихъ странъ (т. е. стоять за репрессалии); по его мнѣнію, пониженіе пошлинъ по отношенію къ тѣмъ странамъ, которыя удерживаютъ свои враждебные тарифы (т. е. не отвѣчаютъ взаимностью), можетъ произвести въ, понизившей пошлины, странѣ—отливъ монеты и упадокъ цѣвъ, прибылей и заработной платы. Изъ главныхъ трудовъ Торренса по общимъ вопросамъ мы назовемъ слѣдующіе: The Economist (i. e. Physiocrat) Refuted—1808 г.; Essay on the Production of Wealth—1821 г.; Essay on the External Corn-trade (объ этомъ трудѣ съ похвалою отзывался Рикардо), 3 изд. 1826 года; The Budget, a Series of Letters on Financial, Commercial and Colonial Policy—1841—43 года.

*) См. послѣднюю изъ его лекцій: „Four Introductory Lectures on Political Economy“. 1852.

**) Милль, однако, во введеніи къ этимъ своимъ очеркамъ говоритъ, что воззрѣнія его на проблему иностранной торговли сложились у него и были имъ изложены письменно прежде, чѣмъ Торренсъ опубликовалъ свои взгляды по этому предмету.

Г-жа *Гарриэт Мартино* (Harriet Martineau, 1802—76 г.) популяризировала учения Мальтуса и Рикардо в своих „Illustrations of Political Economy“ (1832—34 г.); книга эта представляет собой серию рассказов; в них местами много прекрасных описаний, но эффект рассказов зачастую уменьшается выставленными, обыкновенно в форме диалога, тяжело-вѣсными разсужденіями.

Изъ другихъ писателей, имена которыхъ слѣдуетъ помянуть въ исторіи науки, мы назовемъ: *Чарльзъ Бэббеджъ* (Charles Babbage) и его „On the Economy of Machinery and Manufactures“ (1832 г.); трудъ этотъ главнымъ образомъ описательный, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ имѣетъ, впрочемъ, и теоретическій характеръ. *Вилліамъ Т. Торнтонъ* (William Thomas Thornton) и его „Overpopulation and its Remedy“ (1846 г.); „A Plea for Peasant Proprietors“ (1848 г.); „On Labour“ (1869 г., 2 изд. 1870 г.) *Германъ Меривэль* (Herman Merivale) и его „Lectures on Colonisation and Colonies“ (1841—42, нов. изд. 1861 г.). *Банфильдъ* (T. C. Banfield)—„The Organisation of Industry Explained“ (1844 г., 2 изд. 1848). *Е. Уэкфильдъ* (Edward Gibbon Wakefield)—„A View of the Art of Colonisation“. *Т. Чалмерсъ* (Thomas Chalmers), хорошо извѣстный въ другихъ областяхъ мысли, былъ по нашему предмету авторомъ „The Christian and Civic Economy of Large Towns“ (1821—36 г.) и „On Political Economy in Connection with the Moral State and Moral Prospects of Society“ (1832 г.); онъ суровый противникъ системы государственнаго вспомошествованія бѣднымъ, съ полною справедливостью настаиваетъ на первостепенномъ значеніи для народнаго благосостоянія умѣренности, трудолюбія и нравственности, но въ то же время доводитъ ученіе Мальтуса до крайности.

Ирландія въ періодъ времени, о которомъ мы говоримъ, также не оставалась безучастной къ обсужденію экономическихъ вопросовъ. *Уэтли* (Whately), бывший преемникомъ Сеніора по кафедрѣ политической экономіи въ Оксфордскомъ

университетѣ и издавшій въ это время свои „Introductory Lectures“ (1831 года), основалъ въ 1832 году, сдѣлавшись архі-епископомъ въ Дублинѣ, такую же кафедру въ Дублинской „Trinity College“. Первымъ профессоромъ на этой кафедрѣ былъ *М. Лонфильдъ* (Mountifort Longfield), впоследствии судья „Landed Estates Court“ въ Ирландіи (ум. въ 1884 году). Онъ напечаталъ въ 1834 году свои лекціи по политической экономіи, писалъ „о законахъ для бѣдныхъ“ (1834 г.), „о торговлѣ и абсентеизмѣ“ (1835 г.); сочиненія его отличаются независимостью мысли и проницательной наблюдательностью. Особой его заслугой слѣдуетъ почитать то, что онъ былъ свободенъ отъ многихъ преувеличеній своихъ современниковъ; уже въ 1835 г. напр. онъ говорилъ: „мы не должны слишкомъ много довѣрять абстракціи въ политической экономіи“, и протестовалъ противъ часто повторявшагося утвержденія, что человекомъ „въ его поведеніи всегда руководить благоразумное пониманіе собственнаго интереса“.

Джеймсъ Лоусонъ (James Lawson), впоследствии сдѣлавшійся судьей, также напечаталъ нѣсколько лекцій (1844 г.), читанныхъ съ той же кафедры; ихъ можно и въ настоящее время прочесть съ пользой и интересомъ; съ особеннымъ успѣхомъ онъ изслѣдовалъ вопросъ о населеніи; въ противность Сеніору Лоусонъ утверждалъ, что наука политической экономіи жадно стремится къ знакомству съ фактами (est avide de faits) и что наука эта должна разсматривать міръ и человѣчество такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ суть.

Изъ раннихъ критиковъ системы Рикардо самымъ глубокимъ и систематичнымъ былъ *Ричардъ Джонсъ* *) (Richard Jones, 1790—1855), профессоръ въ „Haileybury“. Современники не отдали ему должной справедливости. Д. С. Милль, хотя и пользовался книгой Джонса, однако мало цѣнилъ его заслуги. Даже Рошеръ говоритъ, не подтверждая это впрочемъ ника-

*) См. также „Англійская свободная торговля“, т. II, стр. 126 и слѣд.

кими доказательствами, что Джонсъ не понялъ вполне Рикардо. Рошеръ, кромѣ того, обходитъ совершеннымъ молчаніемъ тотъ фактъ, что многое изъ въ послѣдствіи провозглашеннаго германской исторической школой было явственно изложено въ трудахъ этого писателя. Утверждали иногда, что Джонсъ отвергалъ теорію ренты Андерсона, но это неправильно. Приписывая созданіе этой теоріи Мальтусу, онъ говоритъ, что „этотъ экономистъ доказалъ вполне удовлетворительно, что когда земля обрабатывается капиталистомъ, живущимъ изъ дохода на свой капиталъ и слѣдовательно могущимъ употребить свои средства на какое угодно другое промышленное занятіе, то издержки воздѣлыванія наихудшей изъ обрабатываемыхъ земель опредѣляютъ среднюю цѣну сырого продукта; въ то же время различіе въ качествахъ лучшихъ земель опредѣляетъ разницу даваемыхъ ими рентъ“. Не отвергая такимъ образомъ самой теоріи ренты, Джонсъ въ дѣйствительности рѣшительно отрицалъ примѣнимость ея ко всѣмъ тѣмъ случаямъ, гдѣ платится рента; онъ доказывалъ въ своемъ „Essay on the Distribution of Wealth and the sources of Taxation“ (1831), что кромѣ „фермерскихъ рентъ“, которыя при предполагаемыхъ условіяхъ повинуются вышеуказанному закону, существуютъ такъ называемыя „крестьянскія ренты“, размѣръ которыхъ опредѣляется совершенно инымъ образомъ. Эти послѣднія ренты оплачивались уже въ самые отдаленные историческіе періоды, да и теперь онѣ существуютъ еще у большей части народовъ. Крестьянскія ренты Джонсъ раздѣляетъ на четыре вида: 1) рента рабская, 2) половническая, 3) рента райевъ (индійскихъ крестьянъ), 4) рента котъберовъ. Эта классификація въ послѣдствіи была принята въ ея существенныхъ чертахъ и Джономъ Стюартомъ Миллемъ. Джонсъ доказывалъ, что (по крайней мѣрѣ для первыхъ трехъ классовъ) рента опредѣляется скорѣе обычаемъ, чѣмъ соперничествомъ. Разсмотрѣвъ затѣмъ построенную на этой теоріи ренты теоретическую систему Ри-

кардо, Джонсъ отвергнулъ многія изъ сдѣланныхъ этимъ ученымъ заключеній; особенно отрицательно онъ относится къ слѣдующимъ выводамъ: онъ отвергаетъ: 1) что увеличеніе фермерской ренты всегда совпадаетъ по времени съ уменьшеніемъ производительной силы почвы въ земледѣліи и связано съ бѣдствіями и нуждой; 2) что интересы землевладельцевъ всегда и необходимо противоположны интересамъ государства и другихъ классовъ общества; 3) что уменьшеніе размѣровъ прибыли исключительно зависитъ отъ размѣра процентовъ на послѣдне-употребленный капиталъ (т. е. затраченный на землю въ наихудшихъ условіяхъ); 4) что рабочая плата можетъ возрастать исключительно на счетъ прибылей.

Методъ, которымъ пользуется Джонсъ, индуктивный; всѣ его выводы покоятся на широкомъ наблюдении современной ему дѣйствительности, а также на изученіи исторіи. „Если мы желаемъ, говоритъ онъ, познакомиться съ политической экономіей и съ тѣми способами, посредствомъ которыхъ различныя націи на землѣ производятъ и распредѣляютъ свои доходы, то мнѣ представляется, что мы можемъ достигнуть желаемого только единственнымъ путемъ: мы должны смотрѣть и видѣть. Мы должны добиваться яснаго всесторонняго пониманія фактовъ, если хотимъ получить принципы, дѣйствительно всеобъемлющіе. Если мы будемъ пользоваться другимъ какимъ-нибудь методомъ изслѣдованія, если, ограничившись незначительнымъ наблюденіемъ, станемъ гоняться, тѣмъ не менѣе, за установкой общихъ принциповъ, — съ нами можетъ произойти двойная бѣда. Во-первыхъ, то, что мы сочтемъ за общій принципъ, зачастую не будетъ имѣть никакого общаго значенія, и мы, такимъ образомъ, признаемъ за универсальныя истины такія предположенія, которыя при дальнѣйшемъ развитіи науки нерѣдко будутъ признаваемы ошибками. Во-вторыхъ, мы упустимъ изъ виду огромную массу свѣдѣній, которыя неизбѣжно будутъ замѣнены всѣми забо-

тящимися о внимательномъ изученіи фактовъ“. Міръ, который хочетъ изучать Джонсъ, не есть нѣчто воображаемое, съ какимъ-то абстрактнымъ существомъ, — „экономическимъ человѣкомъ“ въ качествѣ обитателя; нѣтъ, онъ стремится изучать міръ реальный со всѣми его своеобразными свойствами, которыя порождаются собственностью, обработкой земли и, вообще, всѣми условіями производства и распределенія въ различныя времена и въ разныхъ мѣстахъ. Признаніе такихъ различій въ порядкѣ экономической жизни обществъ, находящихся на разныхъ стадіяхъ развитія и цивилизаціи, служитъ для Джонса поводомъ къ созданію того, что онъ называетъ „политической экономіей націй“. Эта послѣдняя была протестомъ противъ обычнаго признанія исключительнаго положенія вещей, существующаго только на незначительной части нашей планеты, за какой-то универсальный для человѣческихъ обществъ типъ, противъ игнорирования того вліянія, которое оказываетъ на экономическія явленія прошлая исторія и своеобразность развитія каждаго общества.

Иногда мы встрѣчаемся съ попытками избѣгнуть необходимости широкаго изученія простой ссылкой на то, что въ социальномъ мірѣ существуетъ какая-то универсальная тенденція, подъ вліяніемъ которой извѣстный исключительный видъ общенія стремится установиться, какъ нѣчто конечное, нормальное. Даже если бы такая тенденція дѣйствительно существовала (что только отчасти вѣрно, ибо современный экономическій порядокъ нельзя признать за нѣчто всецѣло законченное), то и тогда невозможно было бы допустить, что явленія, съ которыми связуется наша цивилизація, и тѣ, обнаруженіе которыхъ мы видимъ у другихъ, менѣе прогрессивныхъ народовъ, могутъ быть выражены однѣми и тѣми же формулами. Юэлль (Whewell), издавшій въ 1859 году лекціи, статьи и черновые наброски Джонса подъ заглавіемъ „Литературные остатки“ (Literary Remains, consisting of Lectures and Tracts on Political Economy of the late Richard Jones),

мѣтко замѣтилъ: „вполнѣ справедливо для физическаго міра, что всякая вещь стремится принять форму, опредѣляемую ей силой тяготѣнія; холмы переходятъ посредствомъ ряда незамѣтныхъ измѣненій въ равнины, водопадъ разрушаетъ производящія его гряды камней и затѣмъ исчезаетъ, рѣки образуютъ озера въ долинахъ, ледники изливаются внизъ водопадами.“ Но, спрашивается, развѣ мы имѣемъ право напередъ считать эти результаты законченными потому только, что намъ извѣстно существованіе и дѣйствіе силъ, могущихъ въ концѣ концовъ къ нимъ привести? Всѣ человѣческія задачи въ значительной мѣрѣ только вопросы времени; поэтому необходимо изучать и экономическія явленія, соответствующія различнымъ стадіямъ человѣческаго развитія, такъ какъ онѣ встрѣчаются въ дѣйствительности, если мы не желаемъ впасть въ грубыя ошибки, какъ въ теоретическомъ ихъ пониманіи, такъ и при рѣшеніи практическихъ вопросовъ, изъ нихъ вытекающихъ.

Джонсъ является весьма замѣчательнымъ писателемъ; онъ свободенъ отъ всякихъ преувеличеній и односторонностей; такъ, даже придавая большее, чѣмъ слѣдуетъ, значеніе Мальтусу, онъ, тѣмъ не менѣе, не соглашается признать то положеніе, будто всякое увеличеніе средствъ существованія необходимо сопровождается размноженіемъ населенія; онъ утверждаетъ, и это несомнѣнно вѣрно, что во всякомъ хорошо управляемомъ и благоденствующемъ обществѣ возможность получать пищу не уменьшается, но увеличивается.

Многое, что намъ осталось отъ трудовъ Джонса (къ сожалѣнію, большая часть этихъ трудовъ представляетъ собою неоконченные отрывки), весьма близко подходит по характеру къ трудамъ одного изъ писателей позднѣйшаго періода, а именно Клиффа-Лесли. Этотъ послѣдній по сравненію съ Джонсомъ имѣлъ большое преимущество въ томъ, что онъ уже былъ знакомъ съ социологіей Конта, которая дала ему твердыя методологическія основанія, а также и широкій

взглядъ на развитіе человѣчества вообще. Сверхъ того, голось Джонса былъ едва слышенъ среди общаго энтузіазма, который вызвала въ экономическомъ мірѣ система Рикардо; Лесли же писалъ позднѣе, въ то время, когда уже наступило разочарованіе и когда общественное мнѣніе въ Англіи стало высказываться противъ экономистовъ „априорнаго метода“.

Контъ въ одномъ изъ своихъ трудовъ говоритъ о „преодолящемъ пристрастіи“ къ политической экономіи, которое обнаружилось повсемѣстно во всей Западной Европѣ. Этотъ періодъ особаго увлеченія политической экономіей имѣлъ мѣсто въ Англіи съ третьяго по пятое десятилѣтіе настоящаго вѣка. „До 1818 года, сказалъ одинъ писатель въ „Westminster Review“, о политической экономіи мало кто зналъ, или, по крайней мѣрѣ, наука эта служила предметомъ обсуждения лишь среди тѣснаго кружка философовъ, а законодательство, которое далеко не согласовалось съ принципами этой науки, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отдалялось отъ нихъ.“ Милль показалъ намъ, какая перемѣна произошла не много лѣтъ спустя. „Политическая экономія, говоритъ онъ, съ большою силой потребовала себѣ право завѣдывать общественными дѣлами, и это требованіе выразилось въ подачѣ петиціи Лондонскихъ купцовъ объ осуществленіи свободной торговли и въ тѣхъ благородныхъ стараніяхъ Рикардо, которые онъ обнаружилъ во время своей непродолжительной парламентской дѣятельности *).“ „Труды Рикардо, поводомъ къ появленію которыхъ послужилъ споръ объ Отчетѣ Комитета о слиткахъ, а также вызванные ими комментаріи и изслѣдованія моего отца (Джемса Милля) и Макъ-Коллоха (труды этого писателя, помѣщавшіеся въ этотъ промежутокъ времени въ

*) Петиція эта была написана Тукомъ и представлена Александромъ Берингомъ (впоследствии Lord Ashburton). Свѣдѣнія о петиціи можно найти у М.-Culloch'a (Litterature of Political Economy, p. 57) и у Senior'a (Lectures on the transmission of the precious Metals, 2 изд., стр. 78). Также см. Англ. своб. торговля, вып. I, стр. 224.

„Эдинбургскомъ Обзорѣніи“, были особенно цѣнны) привлекли всеобщее вниманіе къ наукѣ, и воззрѣнія Рикардо начали пріобрѣтать приверженцевъ даже въ самомъ министерствѣ; Гускиссонъ, поддерживаемый Каннигомъ, положилъ начало постепенному уничтоженію протекціонной системы; а одинъ изъ ихъ товарищей завершилъ это дѣло въ 1846 году, хотя послѣдніе слѣды этой системы были уничтожены уже Гладстономъ въ 1860 году“. Хотя наука (политическая экономія) и стала привлекать къ себѣ вниманіе видныхъ умовъ, тѣмъ не менѣе всѣ сознавали, что она не имѣетъ еще установившихся принциповъ. Разнообразіе въ мнѣніяхъ среди занимающихся этой наукой было предметомъ постоянныхъ жалобъ. У всѣхъ была, однако, твердая увѣренность, что разногласіе скоро исчезнетъ; такъ, полковникъ Торренсъ предсказывалъ, что „лѣтъ черезъ 20 врядъ ли будетъ существовать какое-нибудь сомнѣніе относительно наиболѣе основныхъ принциповъ науки“. „Благосостояніе“, говоритъ Сиджвикъ, „которымъ стала пользоваться Англія послѣ отмены хлѣбныхъ законовъ, дало практическимъ людямъ необыкновенно въское и убѣдительное доказательство, какъ велика та сила абстрактнаго мышленія, посредствомъ котораго была доказана цѣлесообразность свободной торговли“, и когда поэтому въ 1848 году талантливый писатель и мастеръ въ изложеніи мыслей издалъ прекрасное обзорѣніе главныхъ результатовъ полемики предшествовавшихъ поколѣній съ должнымъ „изъясненіемъ и оцѣнкой господствовавшихъ въ его время мнѣній“, тогда всѣ убѣдились въ томъ, что политическая экономія „вышла уже изъ періода однихъ полемическихъ разсужденій, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ своихъ ученіяхъ, и что зданіе науки воздвигнуто на прочныхъ основахъ“.

Этимъ писателемъ былъ Джонъ Стюартъ Милль (D. S. Mill, 1806—73). Изъ всѣхъ мыслителей послѣ Рикардо онъ оказалъ наибольшее вліяніе въ Англіи на разработку экономическихъ ученій. Его систематическое изслѣдованіе и цѣлый рядъ другихъ

руководствъ, составленныхъ по этому образцу (въ особенности учебникъ Фоссета), были тѣмъ источникомъ, изъ котораго большинство нашихъ современниковъ почерпало все свои свѣдѣнія о наукѣ политической экономіи. Но имѣются, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія, другія и болѣе глубокія основанія, вслѣдствіе которыхъ Д. С. Милль пріобрѣтаетъ особый интересъ и значеніе какъ въ политической экономіи, такъ и въ другихъ областяхъ знанія.

Въ 1844 году онъ издалъ пять „Опытовъ по нѣкоторымъ нерѣшеннымъ вопросамъ политической экономіи“ (Essays on some Unsettled Questions of Political Economy); они были написаны гораздо ранѣе, именно въ 1829 и 1830 годахъ, но всѣ, за исключеніемъ пятаго, оставались до 1844 г. лишь въ рукописи. Въ этихъ опытахъ содержится все то новое, что Милль далъ для теоріи науки. Въ первомъ изъ нихъ онъ подвергаетъ обсужденію законы международнаго обмѣна. Онъ утверждаетъ, что цѣны товаровъ, которыми обмѣниваются двѣ страны, не зависятъ (какъ доказалъ еще Рикардо) отъ издержекъ производства, но дѣйствіемъ взаимнаго спроса устанавливаются на такой высотѣ, при которой количество ввезенныхъ какою-нибудь изъ этихъ странъ товаровъ вполнѣ оплачивается количествомъ вывезенныхъ. Этотъ законъ съ нѣкоторыми еще разъясненіями получаетъ въ его систематическомъ изслѣдованіи названіе закона „уравненія международнаго спроса“. Затѣмъ онъ изслѣдуетъ, насколько выгоденъ этотъ обмѣнъ для обѣихъ сторонъ. Самое важное практическое заключеніе, къ которому Милль приходитъ (заключеніе, однако, далеко не безспорное) въ этомъ опытѣ, сводится къ тому, что уменьшеніе пошлинъ на иностранные товары, взимаемыхъ не для покровительства, а съ фискальной цѣлью, должно совершаться на началахъ взаимности, т. е. подъ условіемъ принятія страной, ввозящей свои товары въ Англію, соотвѣтствующей степени свободы торговли. Во второмъ опытѣ — „О вліяніи потребленія на производство“ онъ приходитъ къ

слѣдующимъ наиболѣе интереснымъ выводамъ: 1) что абсентизмъ является мѣстнымъ, но не національнымъ зломъ; 2) что хотя не можетъ быть постояннаго перепроизводства, но что избыточное количество одного или даже всѣхъ товаровъ вообще временно возможно. Этотъ общій избытокъ товаровъ зависитъ, однако, не отъ перепроизводства, а отъ недостатка коммерческаго довѣрія. Въ третьемъ опытѣ Милль разсматриваетъ значеніе словъ „производительный“ и „непроизводительный“ по отношенію къ труду, потребленію и затратамъ. Въ четвертомъ — онъ изучаетъ вопросъ о прибыли и процентѣ и особенно старается разъяснить и доказать положеніе Рикардо, что „прибыль капиталиста зависитъ отъ размѣровъ заработной платы, что она падаетъ съ увеличеніемъ платы и возрастаетъ съ ея паденіемъ“. Рикардо полагалъ, что прибыль зависитъ отъ стоимости заработной платы, оцѣниваемой по труду (или, что то же — отъ стоимости средствъ и продовольствія рабочаго, оцѣниваемой по количеству труда, употребленнаго на ихъ производство). Отсюда улучшеніе въ производствѣ предметовъ, обыкновенно потребляемыхъ рабочими, увеличиваетъ прибыль, не уменьшая реального вознагражденія рабочаго. Задача пятаго и послѣдняго опыта заключается въ опредѣленіи науки и метода политической экономіи; впоследствии Милль болѣе зрѣло и основательно разсмотрѣлъ эти вопросы въ своей „Системѣ Логикъ“.

Въ 1848 году Милль издалъ свои „Основанія политической экономіи въ связи съ нѣкоторыми изъ ихъ примѣненій къ общественной философіи“ (*). Это заглавіе хотя и подлежитъ какъ мы увидимъ впоследствии, критикѣ, но все же обнаруживаетъ, что авторъ имѣлъ менѣе узкое и формальное пред-

*) Впервые русскій переводъ этого труда появился въ 1860 г., въ приложеніи къ журналу „Современникъ“, при чемъ вторая часть излагалась лишь въ сокращенномъ видѣ. Полное изданіе принадлежитъ А. Н. Пыпинову и появилось въ С.-П.Б. 1865 г. (въ 2 томахъ). Прим. Ред.

ставленіе о наукѣ, сравнительно съ его предшественниками. Милль хотѣлъ создать такой трудъ, который могъ бы замѣнить для публики „Богатство народовъ“; это сочиненіе, по его мнѣнію, „уже во многихъ частяхъ устарѣло и вообще несовершенно“.

Адамъ Смитъ неизмѣнно соединялъ общіе принципы науки съ ихъ практическими приложеніями и, занимаясь вопросомъ объ этихъ послѣднихъ, зачастую принималъ во вниманіе гораздо болѣе широкія соображенія, чѣмъ чисто политико-экономическія. Милль хотѣлъ сдѣлать то же самое, принявъ во вниманіе всѣ полученные въ политической экономіи преемниками Смита результаты; онъ думалъ создать такое ученіе о чисто экономическихъ явленіяхъ, которое находилось бы въ связи съ наиболее прогрессивными воззрѣніями его современниковъ на общественную философію вообще. Другими словами, онъ разсчитывалъ сдѣлать то же для девятнадцатаго вѣка, что Смитъ сдѣлалъ для восемнадцатаго, построивъ свое ученіе въ связи съ философіей этого вѣка *). Это намѣреніе Милля потерпѣло, конечно, неудачу. Его книга—далека отъ того, чтобы быть, такъ сказать, „новымъ Адамомъ Смитомъ“; она является только замѣчательно яснымъ и даже элегантною изложеніемъ ученій Рикардо въ связи съ ученіемъ Мальтуса. Нѣкоторые внесенныя имъ въ науку нововведенія имѣютъ или мало значенія, или даже почти никакого. К. Лесли заходитъ, очевидно, слишкомъ далеко, утверждая, будто Милль настолько измѣнилъ ученія Рикардо, что послѣдній не призналъ бы ихъ своими. Сеніоръ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи гораздо больше. Милль главнымъ образомъ

*) Слѣдуетъ отмѣтить какъ курьезъ, что въ одномъ хорошо выполненномъ сокращеніи труда Милля и изданномъ въ Соединенныхъ Штатахъ для употребленія въ школахъ (эта работа принадлежитъ перу Л. Лоблинъ (F. Laurence Laughlin) и издана въ 1886 г.), все, что „могло бы относиться къ социологін“, было выброшено; такимъ образомъ собственные взгляды Милля были оставлены въ сторонѣ и изъ его труда выкроены такимъ путемъ учебникъ, подходящий вполне къ общему типу.

стремился къ тому, чтобы защитить своего учителя Рикардо отъ нападковъ и смятчить признанные недостатки его изложенія. Глубокое уваженіе Милля къ заслугамъ Рикардо въ политической экономіи сказалось уже и въ его „опытахъ“, гдѣ онъ, обнаруживая нѣкоторую несправедливость къ Смигу, говорилъ, что „такъ какъ Рикардо предстояло создать науку“, то „онъ могъ заниматься только руководящими ея принципами“. Онъ прибавляетъ затѣмъ, что „всякій, кто глубоко вдумается въ произведенныя этимъ писателемъ открытія, не встрѣтитъ ни малѣйшихъ трудностей въ разработкѣ даже мелочей науки“. Джемсъ Милль былъ простымъ истолкователемъ Рикардо; его сынъ Д. Стюартъ Милль, обладавшій, правда, по сравненію съ отцомъ, значительно болѣшимъ даромъ изложенія, остался на той же точкѣ зрѣнія по отношенію къ экономической наукѣ, какъ и отецъ. Но по своимъ общимъ философскимъ воззрѣніямъ и взглядамъ на социальныя задачи и идеалы Милль-отецъ и Милль-сынъ занимаютъ совершенно различныя положенія. Послѣдній, напримѣръ, въ зрѣломъ возрастѣ въ ученіи объ управленіи не могъ впасть въ ту пустую софистику, которой грѣшилъ его отецъ. Какъ извѣстно, было достаточно простого здраваго смысла Макколея, чтобы изобличить эту софистику въ сочиненіяхъ Джемса Милля. Д. С. Милль, кромѣ того, въ высшихъ социальныхъ вопросахъ отличался такимъ благородствомъ чувствованій, которое ставило его гораздо выше обычной грубой утилитарности Бентамистовъ.

Болѣе широкая и философская точка зрѣнія, съ которой Милль-сынъ смотрѣлъ на общественные вопросы, несомнѣнно зависѣла отъ вліянія Огюста Конта. Этому писателю, какъ справедливо замѣчаетъ Бэнъ, онъ былъ обязанъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ самъ думалъ. Если бы Д. С. Милль еще полнѣе проникся этимъ вліяніемъ, мы могли бы ожидать, что онъ произведетъ, или, лучше сказать, довершитъ реформу въ экономической наукѣ, освободивъ ее отъ апіористиче-

скаго направлення и создавъ настоящую теорію промышленной жизни на почвѣ наблюденія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. *) Но, съ одной стороны, для выполненія такой задачи время еще не созрѣло; съ другой стороны, весьма возможно, что по своимъ природнымъ умственнымъ недостаткамъ Милль не былъ способенъ къ такой работѣ. Рошеръ вполне справедливо сказалъ о Миллѣ: „ein historischer Kopf war er nicht.“ Быть-можетъ воздѣйствія первоначальнаго воспитанія, которыя были частью позитивнаго, частью метафизическаго характера, послужили достаточной причиной тому, что онъ не могъ никогда смотрѣть на явленія со вполне нормальной точки зрѣнія. Онъ не былъ въ силахъ всецѣло отдѣлаться отъ того ложнаго направлення, которое онъ получилъ благодаря воспитанію отца, и отъ вліянія той группы Бенгамитовъ, среди которой онъ выросъ. Отсюда происходило то, что, по мѣткому выраженію Рошера, всѣ его воззрѣнія на жизнь были „zu wenig aus einem Gusse“. Ни съ чѣмъ несообразное смѣшеніе узкихъ положеній, воспринятыхъ въ юношескомъ возрастѣ, съ болѣе широкими идеями, которыя вырабатывались въ теченіе позднѣйшаго періода жизни, придадо шаткій и неопредѣленный характеръ всей его философской системѣ. Д. С. Милль во всѣхъ отношеніяхъ писатель въ высшей степени—„незаконченный“, въ немъ обнаруживается стремленіе къ новому направленію идей, онъ открываетъ новыя перспективы въ различныхъ областяхъ мышленія, но въ то же время едва ли является основателемъ чего-нибудь опредѣленнаго и остается писателемъ не только несовершеннымъ, но и непослѣдовательнымъ **). Это неопредѣленное положеніе Милля придаетъ особый характеръ его научной карьерѣ, ибо онъ какъ

*) См. о другихъ вліяніяхъ на Милля въ Предисловіи ко II вып. Англ. свобод. торговли. М. 1882, стр. XII и слѣд.

***) Джонъ Морлей изумляется (въ своей статьѣ „Mill on Religion“ въ его Critical Miscellanies, 2 изд. 1877 г.), замѣтивъ въ посмертныхъ трудахъ Милля такія воззрѣнія, которыя идутъ вполне въ разрѣзъ съ философскими ученіями, энергично проповѣдывавшимися имъ въ теченіе всей его жизни.

бы подготовилъ и облегчилъ намъ переходъ къ новымъ воззрѣніямъ. Самъ Милль считалъ „главной заслугой своего изслѣдованія рѣзкое различіе, проведенное имъ между теоріей производства и распредѣленія“; законы производства, по его мнѣнію, покоятся на неизмѣнныхъ естественныхъ основаніяхъ, тогда какъ порядокъ распредѣленія преобразуется, отъ времени до времени, въ зависимости отъ измѣненія общественныхъ учреждений“. Нельзя, однако настаивать на абсолютномъ значеніи этого положенія, ибо самая организція производства измѣняется въ связи съ общественнымъ прогрессомъ, а также, какъ давно уже указывалъ Лодердэль, организція распредѣленія оказываетъ воздѣйствіе и на организцію производства. Но есть и существенная истина въ этомъ различіи, и признаніе его невольно обращаетъ наше вниманіе на вопросъ, какимъ образомъ мы можемъ улучшить существующее распредѣленіе богатства? Занимаясь изученіемъ этого вопроса, Милль, по мѣрѣ того, какъ онъ старѣлъ, все болѣе и болѣе склонился къ социализму, и, несмотря на то, что книга его, потерпѣвшая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ измѣненія, продолжала до самаго конца его жизни выводить ученія Рикардо изъ принциповъ разумнаго эгоизма, самъ авторъ ея уже заглядывалъ впередъ и мыслилъ о другомъ порядкѣ вещей, при которомъ сотрудничество (synergy) основывалось бы на симпатіи.

Въ своей „Автобіографіи“ Милль повѣствуетъ намъ о порядкѣ постепеннаго видоизмѣненія его воззрѣній на экономическую организцію общества. „Въ болѣе молодые годы,“ говоритъ онъ здѣсь, „я врядъ ли смотрѣлъ много иначе, чѣмъ старая школа (обратите вниманіе на это важное названіе) политической экономіи—на вопросъ о возможности фундаментальныхъ улучшеній въ общественной организціи. Частная собственность, въ современномъ пониманіи этого термина, и право наследованія казались мнѣ „dernier mot“ законодательства.“ Представленіе о возможности произвести какое-нибудь

радикальное улучшение въ распредѣленіи, которое основывалось на томъ, будто „лишь нѣкоторые рождены быть богатыми, а большинство всего населенія рождено для бѣдности“, онъ долго считалъ простой химерой. Но теперь, т.-е. въ концѣ жизни, его воззрѣнія настолько измѣнились, что его можно причислить къ людямъ, носящимъ названіе „соціалистовъ“. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что современная организація экономической жизни имѣетъ только временный и преходящій характеръ и что придетъ время, когда „раздѣленіе продукта труда, вмѣсто того, чтобы зависѣть, какъ въ настоящее время, отъ случайности рожденія, будетъ производиться въ полномъ согласіи со вновь выработанными основаніями справедливости“. „Соціальная проблема будущаго“ состоитъ, по его мнѣнію, въ томъ, „какъ, соединить величайшую свободу личности“, которая такъ часто подвергалась нарушенію въ различныхъ соціалистическихъ схемахъ, „съ общей собственностью на продукты земли и съ равнымъ участіемъ въ благахъ соединеннаго труда“. Эти идеи, говоритъ онъ, были едва выражены въ первомъ изданіи „Основаній“, болѣе ясно и полно во второмъ и, наконецъ, совершенно опредѣленно въ третьемъ изданіи, послѣ того, какъ французская революція 1848 года подготовила общество къ воспріятію новыхъ идей.

Хотя такимъ образомъ у него уже сложилось представленіе о новомъ экономическомъ порядкѣ, но онъ полагаетъ, что до осуществленія идеала очень далеко; онъ убѣжденъ, что побужденія частнаго интереса еще неизбѣжно необходимы для настоящаго времени *). Въ области вѣрованій онъ занимаетъ такое же положеніе выжиданія. Онъ предвидитъ, что теизмъ долженъ исчезнуть и замѣниться настоящей религіей человечества, но въ то же время признаетъ, что существующее религіозное ученіе будетъ еще долгое время необходимо, какъ стимулъ и орудіе контроля человѣческихъ дѣйствій. Такимъ

*) Ср. его „*Chapters on Socialism*“ въ „*Fortnightly Review*“ 1879 г.

образомъ онъ разрушаетъ существующія религіозныя ученія, не замѣняя ихъ ничѣмъ другимъ, и рассчитываетъ сохранить на долгое время то, что онъ самъ радикально дискредитировалъ. Даже съя сѣмена соціалистической организаціи, Милль съ симпатіей относится къ тѣмъ современнымъ или ближайшимъ системамъ, которыя стремятся направить промышленный міръ къ другимъ исходамъ. Система частной крестьянской собственности, несомнѣнно, индивидуалистична по своему характеру; онъ между тѣмъ преувеличенно расхваливаетъ ее въ первыхъ частяхъ своей книги, отступая отъ этихъ похвалъ только тогда, когда приступаетъ къ разрѣшенію вопроса о будущемъ рабочихъ классовъ. Свободная производительная кооперація, къ которой онъ относится съ такой теплотой въ послѣднемъ изданіи своей книги (это побудило, между прочимъ, нѣкоторыхъ изъ его сторонниковъ проповѣдывать эту систему, какъ нѣчто существенно необходимое), неизбѣжно привела бы къ усилению принципа личной собственности и хотя система эта стремится замѣнить соперничество личностей соперничествомъ ассоціацій, но совершенно уничтожить соперничество перваго вида она не въ состояніи.

Возможность улучшения положенія рабочихъ классовъ онъ связываетъ слишкомъ исключительно съ развитіемъ Мальтузианской этики; онъ придаетъ огромное значеніе ученію Мальтуса, хотя, какъ замѣчаетъ Бэнъ, не легко понять точно воззрѣнія какъ его, такъ и отца его на этотъ вопросъ. У насъ нѣтъ основанія думать, чтобы онъ измѣнилъ свой взглядъ на необходимость ограниченія въ размноженіи населенія; но эти воззрѣнія во всякомъ случаѣ чужды соціалистической идеѣ, къ которой онъ все болѣе и болѣе склонялся. Въ концѣ концовъ остается невыясненнымъ и мало понятнымъ, какимъ образомъ можетъ осуществиться то, что Мальтусъ называлъ „нравственнымъ воздержаніемъ“, если будетъ устранена индивидуальная отвѣтственность за содержаніе семьи. Это затрудненіе было, конечно, тѣмъ слабымъ пунктомъ,

которое, по собственному признанию Мальтуса, испортило всю систему Годвина.

Нельзя не уважать Милля за его постоянную склонность къ новымъ идеямъ и тотъ энтузіазмъ къ прогрессу, которымъ онъ всегда отличался. Съ этими прекрасными качествами его умственного склада соединился однако извѣстный недостатокъ практическаго чутья, неспособность признать и привыкнуть къ необходимымъ условіямъ человѣческой жизни, и вытекающее вълѣдствіе этого страстное стремленіе къ неоправдываемымъ дѣйствительностію ожиданіямъ. Милль имѣлъ странныя, даже извращенныя понятія о „подчиненности“ женщинъ, о ихъ способностяхъ и правахъ. Онъ старался возбудить среди рабочаго люда духъ возстанія противъ вѣчнаго проклятія жить только на счетъ рабочей платы, не представляя достаточныхъ доказательствъ для возможности измѣненія этого порядка вещей. Въ то же время онъ не доказалъ, что такая судьба (т.-е. жизнь изъ-за одной рабочей платы), надлежащимъ образомъ регулированная закономъ и нравственностію, не согласуется съ истиннымъ счастіемъ рабочихъ. Онъ настаиваетъ также на „независимости“ рабочихъ классовъ, которые, по его мнѣнію, должны сами о себѣ заботиться (*farà da se*); такимъ образомъ онъ затемняетъ, если даже не извращаетъ ту истину, что высшіе и богатые классы общества по самому своему положенію обладаютъ значительными социальными силами и должны по справедливости употреблять ихъ на благо всего общества и въ особенности наименѣе счастливыхъ его сочленовъ. Наконецъ, Милль придаетъ совершенно несоотвѣтственное значеніе чисто вѣвншимъ или фантастическимъ средствамъ, съ помощью которыхъ онъ надѣется улучшить существующій экономическій порядокъ, каковы, на примѣръ, ограниченія въ правѣ завѣщанія и конфискація „незаработаннаго своимъ трудомъ избытка“ (*unearned increment*) земельной ренты.

Въ вопросѣ о методѣ онъ точно также измѣнилъ свои

первоначальные взгляды, и до конца литературной дѣятельности эти воззрѣнія не имѣли опредѣленнаго характера. Въ пятomъ своемъ „Опытѣ“ онъ утверждалъ, что методъ а priori единственно возможенъ въ общественныхъ наукахъ и что „методъ а posteriori совершенно недостаточенъ, если мы хотимъ получить сколько-нибудь цѣнныя истины“. Когда же онъ писалъ свою „Логіку“, то узналъ отъ Конта, что методъ а posteriori въ той его формѣ, которой онъ далъ названіе „метода обратно-дедуктивнаго“, былъ единственнымъ методомъ получения истинъ въ общей социологіи; признаніе этого положенія сразу дѣлало его опытъ устарѣлымъ. Но не желая отказаться отъ метода а priori, метода его юношескихъ трудовъ, онъ попытался создать два рода экономическихъ изслѣдованій, изъ которыхъ въ первомъ могъ примѣниться апріорный методъ, въ другомъ же — нѣтъ. Иногда Милль говоритъ о политической экономіи какъ объ одномъ изъ „отдѣловъ общей социологіи“; однако заглавіе, данное имъ своему систематическому изслѣдованію, даетъ поводъ сомнѣваться, что же изъ двухъ: или политическая экономія является частью „соціальной философіи“, или она скорѣе составляетъ нѣчто подготовительное, вспомогательное для изученія этой науки. Такимъ образомъ, какъ съ догматической, такъ и съ логической стороны Милль постоянно колебался между двумя мнѣніями. Несмотря на всѣ свои сомнѣнія и отреченія отъ прежнихъ воззрѣній, онъ даже по методу остался членомъ старой школы и не могъ перейти въ ряды новой исторической школы, которой одной принадлежитъ будущее.

Вопросомъ о методѣ занимался также одинъ изъ способнѣйшихъ учениковъ Милля, *Джонъ Эллиотъ Кернсъ* (*John Elliot Cairnes*, 1824—1875), посвятившій изученію этого предмета особую книгу (*Logical Method of Political Economy*, изд. 1857 г., 2 изд. 1875 г.). Профессоръ Уокеръ высказалъ мнѣніе, что методъ, предлагаемый Кернсомъ, разнится отъ ранѣе предложеннаго Миллемъ и сходенъ, даже почти то-

жественъ съ методомъ германской исторической школы. Безъ сомнѣнія, однако, онъ ошибается. Кернсъ, несмотря на кое-какія колебанія во взглядѣ и на нѣкоторыя, болѣе, впрочемъ, формальныя уступки, придерживается дедуктивнаго метода во всей его силѣ; онъ опредѣленно утверждаетъ, что въ политической экономіи нѣтъ мѣста для индукціи: „экономистъ имѣетъ дѣло съ изученіемъ конечныхъ (ultimate) причинъ; такимъ образомъ онъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ такихъ положеній, для полученія которыхъ естествоиспытатель затрачиваетъ многіе годы трудолюбивыхъ изысканій.“ Отсюда видно, что Кернсъ не былъ очень далекъ отъ точки зрѣнія Сеніора, который находилъ возможнымъ вывести всѣ экономическія истины изъ четырехъ элементарныхъ положеній. Хотя Милль въ своей „Логикѣ“ считаетъ повѣрку (verification) существенной частью доказательства экономическихъ законовъ, Кернсъ тѣмъ не менѣе утверждаетъ, что „эти законы не являются утверждениями относительно характера или послѣдовательности явленій“ (но что же можно въ такомъ случаѣ назвать научнымъ закономъ?), что „они не могутъ быть опровергнуты ни статистической, ни какой другой документальной очевидностью“. Положеніе, которое ничего не утверждаетъ относительно явленій, не можетъ подлежать повѣркѣ чрезъ сопоставленіе съ явленіями же. Несмотря на нѣкоторыя безспорныя достоинства, книга Кернса является до нѣкоторой степени шагомъ назадъ въ методологію, а потому и можетъ имѣть въ будущемъ только историческій интересъ.

Придерживаясь такихъ взглядовъ на методологическія работы Кернса и Милля, мы должны, однако, признать, что хотя по существу своему онѣ были и неправильны, но оказали огромное отрицательное вліяніе. Онѣ сдвинули старую политическую экономію съ ея традиціоннаго положенія, уменьшили ея чрезвычайныя претензіи, произведя два измѣненія въ общепринятыхъ взглядахъ. Тогда какъ Рикардо, напр.,

никогда не сомнѣвался, что во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ онъ имѣетъ дѣло съ человѣческими существами, какими они въ дѣйствительности являются, оба вышеуказанные писателя доказали, во-первыхъ, что наука экономіи только *ипотетична*. Выводы Рикардо были основаны на несоотвѣтствующихъ дѣйствительности или по крайней мѣрѣ одностороннихъ утвержденіяхъ, изъ которыхъ самое важное было предположеніе о существованіи такъ называемаго „экономическаго человѣка“, существа, дѣйствія котораго опредѣляются только двумя мотивами: съ одной стороны—желаніемъ достигнуть богатства, а съ другой—избѣгнуть по возможности чрезмѣрнаго труда; поэтому выводы, вытекающіе изъ такого предположенія, могутъ быть примѣняемы къ практикѣ лишь поскольку они соотвѣтствуютъ фактамъ жизни. Сеніоръ тщетно протестовалъ противъ такихъ воззрѣній, которыя, по его словамъ, компрометтировали общественное значеніе науки. Торренсъ, вначалѣ боравшійся съ доктринами Рикардо, привѣтствовалъ вновь создаваемое Миллемъ пониманіе политической экономіи, ибо оно давало ему возможность, не принимая нѣкоторыя изъ положеній этихъ ученій, вполне согласиться съ другими. Во-вторыхъ часто указывалось, что кромѣ экономической науки есть еще экономическое искусство; первая стремится открыть законы хозяйственныхъ явленій, второе — указать цѣлесообразнѣйшій образъ дѣйствій при преслѣдованіи хозяйственныхъ интересовъ. Многіе полагали, что стоитъ открыть законы хозяйственныхъ явленій, чтобы въ то же время уже владѣть и экономическимъ искусствомъ; надо только обратить теоремы въ правила—и дѣло сдѣлано. Милль и Кернсъ ясно доказали, что съ подобными положеніями согласиться нельзя, что дѣятельность въ экономической, такъ же, какъ и во всякой другой области жизни, не можетъ регулироваться соображеніями, почерпнутыми изъ одной сферы явленій; что хозяйственная теорія даетъ намъ цѣлый рядъ идей, которыя

мы должны принимать во внимание во время нашей деятельности, но сама по себе она не может служить руководством для всего нашего поведения; она не должна принимать на себя таких обязанностей, для выполнения которых необходима наличность болѣе широкой точки зрѣнія на человѣческія дѣла. Этотъ вопросъ лучше всего выясняется на примѣрѣ классификаціи, или іерархическаго порядка изученія наукъ Конта. Классификація эта исходитъ отъ наукъ наименѣе сложныхъ: отъ математики постепенно восходитъ къ астрономіи, физикѣ, химіи, къ біологіи, а отъ этой послѣдней къ социологіи. Занимаясь изученіемъ явленій въ этомъ порядкѣ, намъ придется изучить постепенно законы, которые управляютъ явленіями неорганическаго міра, а затѣмъ у органическихъ существъ и наконецъ общества. На этомъ, однако, остановиться нельзя, необходимо сдѣлать еще одинъ шагъ, именно изучить мораль; въ этомъ пунктѣ теорія и практика стремятся совпасть, ибо каждый элементъ нашего поведения долженъ разсматриваться въ его отношеніи къ общему благу. Въ конечномъ синтезѣ всѣ предшествовавшіе анализы должны лишь послужить орудіемъ для опредѣленія того, какъ реальное качество людей или вещей должны быть употреблены въ дѣло, чтобы содѣйствовать благу человѣчества.

Самымъ важнымъ экономическимъ произведеніемъ Кернса былъ его послѣдній трудъ „Some Leading Principles of Political Economy newly expounded“ (изд. 1874 г.). Въ этомъ сочиненіи, которое нельзя признать полнымъ изслѣдованіемъ о наукѣ, онъ подвергъ критикѣ и исправленію положенія своихъ предшественниковъ по многимъ основнымъ вопросамъ; онъ старательно изслѣдовалъ тѣ ограниченія, съ которыми должно понимать эти положенія, и тѣ исключенія къ нимъ, которыя могутъ быть вызваны особыми обстоятельствами. Несмотря на большія достоинства, въ трудѣ этомъ ясно высказывается справедливо указываемый недостатокъ умственнаго склада

Кернса, а именно у него „недостаетъ умственной симпатіи“ (deficiency in intellectual sympathy), т.-е. единства и сочувствія мыслей, и вслѣдствіе этого мы часто замѣчаемъ у Кернса неспособность видѣть болѣе, чѣмъ одну сторону истины.

Книга Кернса распадается на три части: 1) о цѣнности, 2) о трудѣ и капиталѣ и 3) о международной торговлѣ. Первую часть онъ начинаетъ съ уясненія смысла слова „цѣнность“ и здѣсь же опровергаетъ воззрѣніе Джевонса, будто мѣровая цѣнность вещи всецѣло зависитъ отъ ея полезности; онъ, однако, не даетъ себѣ опредѣленнаго представленія о томъ, что хочетъ сказать Джевонсъ этимъ положеніемъ. Разсуждая о спросѣ и предложеніи, Кернсъ высказывается въ духѣ ранѣе выраженныхъ Ж. Батистомъ Сэ воззрѣній; онъ утверждаетъ, что спросъ и предложеніе, разсматриваемые въ цѣломъ (какъ агрегаты), не представляютъ изъ себя независимыхъ явленій, но напротивъ они тѣсно связаны между собой и обоюдно зависятъ другъ отъ друга; они тождественны при существованіи системы натурального обмѣна, но представляются различными при денежномъ обмѣнѣ. Спросъ и предложеніе по отношенію къ данному предмету надо понимать какъ спросъ и предложеніе при опредѣленной цѣнѣ. Ученіе о спросѣ и предложеніи приводитъ читателя къ пониманію рыночной и нормальной цѣны (этимъ послѣднимъ терминомъ Кернсъ, слѣдуя Шербиолье, замѣняетъ менѣе удачное выраженіе Смита „естественная цѣна“). Представленіе о нормальной цѣнѣ въ свою очередь приводитъ его къ анализу издержекъ производства, и здѣсь Кернсъ, въ противоположность Миллю и другимъ, отрицаетъ, что прибыль и рабочая плата входятъ въ издержки производства, другими словами, онъ доказываетъ то же, что еще ранѣе его говорилъ Сеніоръ (имени этого послѣдняго Кернсъ, однако, не упоминаетъ), который впрочемъ не вполне строго придерживался своей терминологіи, а именно—что подъ издержками производства слѣдуетъ понимать общую сумму потребнаго для производ-

ства труда и воздержанія *); рабочая же плата и прибыль являются вознагражденіемъ за пожертвованіе (sacrifice) извѣстнымъ количествомъ усилий и капиталовъ, а не элементами этого пожертвованія. Однако съ полнымъ основаніемъ можно было бы спросить, какимъ образомъ произвести прибавку къ суммѣ труда суммы воздержанія? Не слѣдуетъ ли лучше „мѣриломъ издержекъ“ взять сумму рабочей платы и прибыли? Составивъ себѣ такое представленіе о „пожертвованіяхъ“ (трудъ и воздержаніе), Кернсъ доказываетъ несостоятельность того воззрѣнія, будто „дорогой трудъ составляетъ великое препятствіе для расширенія британской промышленности“; въ этомъ выраженіи, подъ словомъ „британская промышленность“ слѣдуетъ понимать „прибыль британскихъ капиталистовъ“. Здѣсь онъ выработываетъ по этому предмету новое ученіе, хотя впрочемъ нѣкоторыя указанія въ томъ же родѣ мы находимъ и у Милля, дальнѣйшимъ развитіемъ теоріи котораго о международныхъ цѣнностяхъ является это ученіе. Въ международной торговлѣ по Кернсу издержки производства

*) По ученію Кернса, издержки производства распадутся на три основныхъ и конечныхъ элемента: трудъ, воздержаніе и рискъ. Въ современную намъ стадію промышленнаго развитія кромѣ затраты опредѣленнаго количества труда необходимы еще нѣкоторыя предварительныя условія для возможности совершенія производительныхъ операций: нуженъ капиталъ, т.-е. та особая форма пожертвованія (sacrifice), которая выражается въ затратѣ капитала и которую лучше всего, по мнѣнію Кернса, обозначить терминомъ „воздержаніе“, и желаніе рисковать. Кернсъ отступаетъ, такимъ образомъ, отъ обычнаго ученія классической школы, которая считала издержками производства трудъ и капиталъ или, какъ это дѣлалъ Милль, рабочую плату и прибыль. Это видоизмѣненіе требовалось для того, чтобы выяснитъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ въ цѣну продуктовъ входитъ прибыль. Безъ капитала, думаетъ Кернсъ, производство невозможно, слѣдовательно, въ цѣну продукта должно входить вознагражденіе за пользованіе имъ. При отсутствіи вознагражденія никто не сталъ бы ни собирать, ни употреблять капиталовъ. Размѣръ вознагражденія опредѣляется средней степенью пожертвованія, заключающейся въ „воздержаніи“. Такъ какъ для производства капитала нужно также воздержаніе, то оно является не только элементомъ, но и конечнымъ (т.-е. не допускающимъ дальнѣйшаго разложенія) элементомъ издержекъ производства. Подобнымъ же образомъ слѣдуетъ включить въ издержки и рискъ. / Прим. Пер.

не могутъ служить регуляторомъ цѣнности; онѣ имѣютъ значеніе лишь въ предѣлахъ дѣятельнаго соперничества, а между разными странами такового не существуетъ. Кернсъ, однако, не удовлетворяется этимъ положеніемъ и спрашиваетъ, поскольку же имѣетъ мѣсто соперничество во внутренней промышленности? По отношенію къ капиталу онъ думаетъ, что дѣятельное соперничество въ значительной мѣрѣ осуществляется въ предѣлахъ даннаго народнаго хозяйства, но и съ этимъ утвержденіемъ, котораго, замѣтимъ кстати, онъ ничѣмъ не доказалъ, врядъ ли можно согласиться, въ особенности, если мы обратимъ вниманіе на неподвижность (по сравненію съ находящимся въ рукахъ оборотнымъ) основного или затраченнаго на какія-либо предпріятія капитала. Для труда, напротивъ, по мнѣнію Кернса, свобода соперничества осуществляется только въ предѣлахъ опредѣленныхъ общественныхъ, или, точнѣе, промышленныхъ наслоеній. Мы можемъ разложить все современное промышленное общество на рядъ стоящихъ одна надъ другой группъ, по роду труда; онѣ практически „не соперничаютъ другъ съ другомъ“, и свободныя рабочія силы каждой изъ нихъ только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ найти приложеніе своего труда къ какой-нибудь высшей группѣ *). Нельзя поэтому абсолютно утверждать, что законъ издержекъ опредѣляетъ цѣны во внутреннемъ обмѣнѣ; еще менѣе значенія законъ этотъ имѣетъ въ международной торговлѣ; почти не оказывая вліянія на цѣны въ послѣднемъ случаѣ, принципъ издержекъ

*) Экономисты любятъ сравнивать колебанія въ размѣрѣ прибыли или рабочей платы у какого-нибудь народа (употребляемъ это слово въ экономическомъ его смыслѣ) съ измѣненіями жидкой поверхности, которая волнуется постоянно вълѣдствіе преходящихъ причинъ, но въ то же время всегда стремится возвратиться къ своему прежнему уровню. Было бы, однако, правильнѣе уподобитъ эти явленія колебаніямъ жидкости въ резервуарахъ, которые не соединены между собой и въ которыхъ жидкость всегда на различныхъ, хотя и измѣняющихся уровняхъ. Это послѣднее сравненіе примѣнимо также и къ среднимъ размѣрамъ прибыли или по крайней мѣрѣ рабочей платы въ предѣлахъ различныхъ экономическихъ „группъ“ или наслоеній одного и того же общества.

производства во внутреннем обмене имеет значение, лишь в пределах действительного соперничества и теряет силу по отношению к „несоперничающим группам“. Закон, который определяет здесь цены, подобен закону международных ценностей и может быть назван „законом уравнения взаимного спроса“. Под влиянием взаимного спроса этих несоперничающих групп должно установиться такое положение относительных цен, при котором предназначенная к обмену в каждой из этих групп часть продуктов вполне оплачивается приобретаемую у другой группы; другими словами, обмен совершается с погашением взаимной задолженности. Взаимный спрос определяет „средний относительный уровень цен“, в пределах каждой из групп; принцип же издержек производства регулирует размер цен каждого из отдельных продуктов группы. Это положение не имеет, конечно, большой практической важности, но цель всего исследования Кернса заключается в желании умалить значение принципа издержек производства, как регулятора нормальной цены, и доказать, что это одно из тех положений науки, которое высказывалось в слишком строгой и абсолютной форме. Говоря о рыночной цене, Кернс находит, что положение Милля, будто эта последняя определяется уравнением спроса и предложения, представляет простую тавтологию; рыночной ценой Кернс называет такую, которая наиболее выгодно способствует существующему предложению к существующему спросу, способствуя в то же время появлению свежего предложения из источников производства.

Вторая часть труда главным образом интересна потому, что Кернс защищает в ней так называемую „теорию заработной платы“, — теорию, на которую мы уже обращали внимание читателя, говоря о Сениорѣ. Торнтон убедил Милля в неверности этого учения и заставил его отказаться от него. Кернс не последовал за своим учителем, которому

не следовало, по мнению Кернса, поддаваться убеждениям Торнтон *) . Сделав несколько возражений, без сомнения ошибочных, на критику Лонджа (Longe) против выражения „средний размер рабочей платы“, он переходит к защите того учения, о котором у нас идет речь; подтверждение правильности теории заработной платы он видит в том соображении, что при данных и не изменяющихся условиях производства и характере национальной промышленности — общая сумма национального богатства, предназначенная на уплату рабочим, находится в определенном отношении ко всему капиталу страны; если дана сумма последнего, тем самым определяется и размер первого; иллюстрируя свои воззрения на этот предмет, он настаивает также и на том, что „спрос на товары не есть еще спрос на труд“. Это положение, верное в своих существенных чертах, было высказано Миллем, но формулировано им в слишком абсолютной форме. Мы не имеем надобности внимательно изучать воззрения Кернса о теории фонда, так как они никого не удовлетворили из его преемников, кроме Фосетта, и теперь вопрос о рабочей плате снова подвергается исследованию, но уже без всякого отношения к предполагаемому определенному заработному фонду.

Занимаясь изучением влияния рабочих союзов на заработную плату, Кернс в сущности приходит к тому выводу, что единственное воздействие, которое они могут производить, заключается в ускорении возвышения платы, которое, однако, произошло бы в конце концов и независимо от них. Он пытается также опровергнуть лорда Брассей и его предполагаемый закон о равномерной стоимости труда во всем свете (благодаря его различной интенсивности).

*) Девонс довольно странно говорит в предисловии к своей „Theory of Political Economy“ (2-е изд.), что теория заработной платы „покинутая большинством английских экономистов, благодаря нападкам между прочим Кернса“. Этот последний, между тем, был в действительности ее защитником.

Обращаясь затѣмъ къ изслѣдованію матеріальнаго положенія рабочихъ классовъ въ возможномъ будущемъ, онъ изучаетъ тѣ измѣненія, которыхъ можно ожидать въ суммѣ и распределеніи фонда, предназначеннаго на вознагражденіе поддержанія и труда. Онъ настаиваетъ на мнѣніи, высказанномъ ранѣе еще Рикардо и Сеніоромъ, что увеличеніе производительности труда оказываетъ вліяніе на размѣръ прибыли и заработной платы только чрезъ удешевленіе предметовъ потребления рабочихъ. Сырые продукты составляютъ главную часть этихъ предметовъ, и ихъ стоимость производства, несмотря на всѣ успѣхи въ знаніи и искусствѣ земледѣлія, будетъ возрастать; противное, т.-е. уменьшеніе стоимости этихъ продуктовъ, можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда возрастанію населенія будутъ постоянно противодѣйствовать; поэтому, думаетъ Кернсъ, если рабочій будетъ продолжать оставаться *только* работникомъ, то возможность улучшенія его положенія лежитъ въ весьма узкихъ предѣлахъ. Желая достигнуть существеннаго и прочнаго улучшенія въ своей судьбѣ, рабочій долженъ перестать быть *только* рабочимъ, долженъ стремиться къ тому, чтобы прибыли обращались на пополненіе заработнаго фонда, который съ ходомъ прогресса вообще имѣетъ наклонность къ уменьшенію сравнительно съ общимъ капиталомъ страны. Здѣсь Кернсъ, уклоняясь отъ чисто теоретическаго отношенія къ наукѣ, которое онъ считаетъ, (см. его трудъ по методологіи науки), единственно приличнымъ экономисту, рекомендуетъ рабочимъ систему, такъ называемой, кооперации (т.-е. въ сущности уничтоженіе крупнаго капитализма). Эта система, по его мнѣнію, представляетъ „единственное средство, которое дастъ возможность для рабочихъ улучшить свою суровую и безнадежную судьбу“; онъ съ негодованіемъ отвергаетъ оппозицію нѣкоторыхъ позитивистовъ*) по отношенію къ этому разрѣшенію вопроса,

*) Здѣсь, вѣроятно, разумѣется публичная рѣчь проф. *Бизли* противъ преувеличеннаго значенія и увлеченій потребительными обществами (ко-

хотя въ настоящее время и помимо этихъ послѣднихъ весьма многие, и, между прочимъ, *К. Лесли* и *Уокеръ*, смотрятъ на нее какъ на химеру.

Третья часть разсматриваемаго нами труда посвящена, главнымъ образомъ, изложенію ученій Рикардо объ условіяхъ международной торговли и *Д. С. Милля* о международныхъ цѣнностяхъ. Первое ученіе Кернсъ измѣняетъ введеніемъ идеи объ извѣстной долѣ вліянія взаимнаго спроса (въ отличіе отъ издержекъ производства) на опредѣленіе цѣнъ внутренняго рынка; основываясь на этой поправкѣ, онъ даетъ любопытный очеркъ связи, существующей между цѣнами внутренняго рынка и характеромъ и ходомъ международной торговли. Онъ исправляетъ также положеніе Милля, который полагалъ, что продуктъ одной страны обмѣнивается на продуктъ другой по такимъ цѣнамъ, при которыхъ „сумма ввоза одной страны въ точности оплачивается суммой вывоза изъ этой страны“. Онъ замѣняетъ эту послѣднюю фразу условіемъ, что страна посредствомъ своего вывоза должна освободиться отъ всѣхъ своихъ иностранныхъ обязательствъ—другими словами, онъ считаетъ необходимымъ принять во вниманіе балансъ задолженности страны. Эта послѣдняя идея не нова. Она была высказана *Джономъ Лесли Фостеромъ* еще въ 1804 году въ его „*Essay on the Principle of Commercial Exchanges*“, а также затронута самимъ Миллемъ. Но Кернсъ излагаетъ эту мысль необыкновенно ясно и это имѣетъ нѣкоторое значеніе потому, что правильное ея пониманіе разсѣиваетъ обычные недоразумѣнія и безосновательныя опасенія (см. по этому вопросу книгу проф. *Бастэбля*, *F. Bastable „Theory of International Trade“* 1887 г.).

Касаясь вопроса о свободѣ торговли, Кернсъ разсматри-

операциями). См. „*Fortnightly Review*“ за 1869 годъ. Она же напечатана отдѣльно подъ заглавіемъ: „*The social Future of the Working Classes*. By *Edward Spencer Beesly*. London. 1869. *Прим. Ред.*

ваесть нѣкоторые изъ часто повторяемыхъ протекціонистическихъ аргументовъ и въ особенности подвергаетъ опроверженію распространенное въ Америкѣ убѣжденіе, „будто дорогой трудъ этой страны не въ состояніи соперничать съ „нищенскимъ“ трудомъ (pauper labour) Европы“. Онъ не такъ удачно разсуждаетъ при обсужденіи „политическаго аргумента“, который основывается на признаваемой для цивилизаціи важности развитія различныхъ отраслей національной промышленности. Вооружившись, въ высшей степени спорными, общими мѣстами доктринерныхъ экономистовъ, онъ старается опровергнуть положеніе Милля, что протекція можетъ содѣйствовать развитію вновь зарождающейся, но пригодной для страны промышленности, пока она не пуститъ корни въ странѣ и не будетъ въ состояніи выносить иностраннаго соперничества.

Мы останавливались такъ долго на трудѣ Кернса не только потому, что онъ является выраженіемъ многихъ изъ принятыхъ экономическихъ доктринъ въ ихъ послѣдней формулировкѣ, но и потому, что, какъ намъ думается, этотъ трудъ останется послѣднимъ важнымъ произведеніемъ старой англійской школы. Авторъ во введеніи высказываетъ надежду, что онъ своей работой укрѣпитъ и придастъ болѣе основательности научному знанію, „которое создано трудами Адама Смита, Мальтуса, Рикардо и Милля“. Признавая вполнѣ великія заслуги Адама Смита и его трехъ преемниковъ, мы, однако, не можемъ, подобно Кернсу, полагать, что научное знаніе, построенное ими, дѣйствительно прочно. Мы думаемъ, что необходимо новое знаніе; въ него должны, конечно, войти многіе матеріалы изъ стараго, но оно будетъ построено на совершенно отличныхъ идеяхъ и, до нѣкоторой степени, должно имѣть въ виду и другія цѣли: прежде всего это новое знаніе экономіи должно покоиться на иныхъ философскихъ основаніяхъ и по своему общему плану стоять въ связи съ болѣе обширнымъ построеніемъ той науки, относительно которой политическая

экономія составляетъ лишь часть, а именно — науки объ обществахъ (т.-е. социологіи).

Въ заключеніе мы должны указать на цѣнные опыты Кернса (*Essays in Political Economy*, 1873 г.), на которые будемъ ссылаться позднѣе, и на его трудъ „Slave Power“ (изд. 1862 г.), который представляетъ собой самое лучшее изъ появившихся произведеній по поводу великаго американскаго столкновенія сторонниковъ рабовладѣнія и свободнаго труда.

Ф Р А Н Ц И Я.

Всѣ позднѣйшія европейскія школы исходятъ изъ трудовъ англійскихъ экономистовъ отъ Адама Смита и до Рикардо и его эпигоновъ*), отчасти критикуя, отчасти принимая ихъ воззрѣнія. Германская школа экономистовъ болѣе, чѣмъ всѣ другія, отличается самостоятельностью направленія; она пользуется, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время, оригинальнымъ методомъ и приходитъ къ характернымъ и своеобразнымъ выводамъ. Французская же школа, если мы не будемъ принимать въ соображеніе труды социалистовъ, лишь воспроизводила по существу доктрины выдающихся англійскихъ мыслителей, воздерживаясь, однако, отъ воспріятія крайнихъ выводовъ Рикардо и его послѣдователей. По изложенію французы не имѣютъ соперниковъ; для политической экономіи они дали нѣсколько болѣе или менѣе замѣчательныхъ систематическихъ

*) Первый французскій переводъ «Богатства Народовъ», принадлежавшій Блаву (Blavet), появился въ *Journal de l'Agriculture, du Commerce, des Finances et des Arts* 1779—1780 г.; вновь переизданъ былъ этотъ переводъ въ 1781, 1788 и 1800 годахъ; онъ же былъ напечатанъ въ Амстердамѣ въ 1784 г. Смитъ самъ въ третьемъ изданіи своего труда признаетъ этотъ переводъ превосходнымъ. Въ 1790 г. появился переводъ Руже (Roucher), къ которому имѣлъ намѣреніе сдѣлать примѣчанія Кондорсе; въ 1802 г. появился переводъ графа Ж. Гарнье (Germain Garnier), совершенный имъ во время пребыванія въ изгнаніи въ Англии и нынѣ всюду принятый; впоследствии этотъ былъ воспроизведенъ въ «Collection des Principaux Economistes», съ примѣчаніями Сэ, Симонди, Бланки и друг.

ислѣдованій, руководство или компендіумовъ, во главѣ которыхъ стоитъ знаменитый трудъ *Жана Батиста Сэ*. Но число творческихъ умовъ французской экономической литературы, т.-е. число писателей, открывшихъ какія-нибудь важныя истины въ экономической наукѣ, введшихъ какія-нибудь улучшения въ методъ или сколько-нибудь иначе освѣтившихъ экономическія явленія—вообще невелико. *Сисмонди, Дюпонъ, Бастиа*—вотъ тѣ писатели, на которыхъ мы должны будемъ обратить вниманіе, ибо они занимаютъ независимое положеніе (прочное или нѣтъ—это другой вопросъ); само собой разумѣется, что мы не можемъ еще игнорировать великую работу философаго обновленія *Огюста Конта*, которая фактически или въ возможности обнимала всѣ отрасли социологическихъ изслѣдованій. Прежде чѣмъ приступить къ изученію воззрѣній Бастиа, мы считаемъ нужнымъ остановиться на трудахъ извѣстнаго американскаго писателя *Кэри*, воззрѣнія котораго до извѣстной степени находятся въ замѣчательномъ согласіи со взглядами ловкаго и краснорѣчиваго француза Бастиа. *Курно* слѣдуетъ также помѣстить среди французскихъ писателей этого періода, какъ главнаго представителя математическаго направленія въ политической экономіи.

О *Ж. Батистѣ Сэ* (Say) Рикардо говорилъ слѣдующее: „онъ былъ первымъ или однимъ изъ первыхъ континентальныхъ писателей, сѣумѣвшихъ правильно оцѣнить и найти приложеніе идеямъ Смита. Этотъ писатель сдѣлалъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе, вмѣстѣ взятые, континентальные писатели, для пропаганды благодѣтельной и просвѣщенной системы Адама Смита.“ Экземпляръ „Богатства Народовъ“ на англійскомъ языкѣ былъ врученъ Сэ Клавьеромъ (Clavière), который былъ впоследствии министромъ, а въ это время состоялъ директоромъ страхового общества, гдѣ Сэ служилъ клеркомъ. Книга эта произвела на Сэ могущественное впечатлѣніе. Много времени спустя, когда Дюпонъ де Немуръ сѣтовалъ на Сэ за его несправедливое отношеніе къ физіо-

кратамъ, указывая ему, что онъ чрезъ Смита приходится духовнымъ внукомъ Кэнэ и племянникомъ Тюрго, Сэ отвѣчалъ, что онъ научился читать по трудамъ меркантилистовъ, научился думать на трудахъ Кэнэ и его послѣдователей, но только благодаря Смигу онъ научился познавать при посредствѣ точнаго анализа причины и слѣдствія социальныхъ явленій въ природѣ вещей. Его „*Traité d'Économie Politique*“ (1803 г.) главнымъ образомъ основывался на трудѣ Смита, но Сэ стремился расположить матеріалъ въ болѣе логичномъ и поучительномъ порядкѣ *). Сэ обладаетъ французскимъ даромъ живого и яснаго изложенія, который, однако, вырождается иногда въ поверхностность; благодаря этимъ свойствамъ изложенія, книга Сэ скоро приобрѣла популярность какъ въ оригинальномъ видѣ, такъ и въ переводахъ, и, получивъ обширное распространеніе, разнесла идеи ея автора по всему цивилизованному міру. Сэ обладалъ такимъ же знаніемъ общественной жизни, какъ и Смитъ, говоритъ Роперъ, но онъ стоитъ гораздо ниже его по умѣнію освѣщать широкіе политическіе вопросы и, вообще, старательно избѣгаетъ всякихъ историческихъ и философскихъ разъясненій. Повременамъ онъ высказываетъ необыкновенно поверхностныя мысли, — такъ онъ говоритъ, что „наилучшій налогъ — наименьшій“. Повидимому Сэ не имѣетъ никакихъ правъ на то, чтобы мы признали его оригинальнымъ мыслителемъ въ области политической экономіи. Рикардо, однако, говоритъ, будто бы онъ обогатилъ науку различными изслѣдованіями, которыя отмѣчены оригинальностью, глубиной пониманія и основательностью. Выражаясь такимъ образомъ, Рикардо имѣлъ въ виду то, что получило претенціозное названіе у Сэ „*Théorie des débouchés*“, теории сбыта, съ которой

*) Сэ слишкомъ преувеличиваетъ ошибки Смита въ расположеніи матеріала, утверждая, что: „l'ouvrage de Smith n'est qu'un assemblage confus des principes les plus sains de l'Économie Politique... son livre est un vaste chaos d'idées ustes.“ (Discours Préliminaires.)

тѣсно связано доказательство невозможности всеобщаго промышленнаго кризиса (universal glut). Теорія эта, собственно говоря, сводится къ тому, что всякій, кто покупаетъ, тотъ и продаетъ, и что только при посредствѣ произведенныхъ нами самими продуктовъ мы получаемъ возможность приоб- рѣтать необходимое для насъ у другихъ.

Многіе изъ выдающихся писателей, и между ними особенно Мальтусъ и Сисмонди, вслѣдствіе ложнаго толкованія явленій промышленнаго кризиса, стали утверждать, что можетъ существовать общее перепроизводство или излишекъ всѣхъ предметовъ сравнительно со спросомъ на нихъ; Сэ справедливо опровергаетъ это положеніе. Отдѣльная отрасль промышленности можетъ, конечно, доставить на рынокъ болѣе того, чѣмъ сколько онъ въ состояніи поглотить въ данное время; но если мы всегда будемъ помнить, что предложеніе есть въ то же время и спросъ и что всякій товаръ представляеть изъ себя покупательную силу, то мы не можемъ признать основательность ученія о возможности всеобщаго промышленнаго кризиса; иначе намъ пришлось бы допустить, будто у насъ слишкомъ много всего для удовлетворенія потребностей и „будто всѣ люди настолько хорошо снабжены всѣмъ необходимымъ, что никакіе продукты болѣе не находятъ сбыта“.

Каковы бы ни были заслуги Сэ, какъ оригинальнаго мыслителя, по этому и по другимъ вопросамъ, все же главная его заслуга заключается въ пропагандѣ и популяризаціи экономическихъ идей.

Французская цензура время первой имперіи не желала дать разрѣшеніе на второе изданіе труда безъ нѣкоторыхъ измѣненій; но Сэ съ благородной независимостью отказался исполнить эти требованія, и потому это изданіе появилось только въ 1814 году. Три другихъ изданія появились при жизни автора въ 1817, 1819 и 1826 годахъ. Въ 1828 году Сэ обнародовалъ второе свое изслѣдованіе „Cours complet d'Éco-

nomie Politique pratique“, которое составилось изъ его чтеній въ „Conservatoire des Arts et Metiers“ и въ „Collège de France“. Первое изслѣдованіе касалось лишь чисто экономическихъ вопросовъ; напротивъ въ послѣднемъ сфера разсужденій значительно расширяется введеніемъ особенно многочисленныхъ соображеній относительно экономического вліянія социальныхъ учреждений.

Жанъ Шарль Сисмонди (Jean Charles L. Simon de Sismondi, 1773—1842), авторъ „Histoire des Républiques Italiennes du moyen age“, былъ выразителемъ въ экономической области протеста противъ господствующихъ ученій, основаннаго, главнымъ образомъ, на гуманныхъ чувствованіяхъ. Въ первомъ своемъ экономическомъ изслѣдованіи „De la richesse commerciale“ (1803 г.) онъ строго придерживался принциповъ Адама Смита. Впослѣдствіи онъ измѣнилъ свой взглядъ и сталъ смотрѣть на эти принципы какъ на нѣчто недостаточное и требующее видоизмѣненія. Онъ написалъ въ „Эдинбургской Энциклопедіи“ одну статью, въ которой уже частью сказывались его новыя воззрѣнія. Полное развитіе они получили въ его главномъ экономическомъ трудѣ „Nouveaux principes d'Économie Politique ou de la richesse dans ses rapports avec la population“ (1819, 2 изд. 1827 г.). Трудъ этотъ, какъ повѣствуетъ самъ авторъ, не былъ благосклонно принятъ экономистами; онъ объясняетъ это тѣмъ обстоятельствомъ, что „онъ нападалъ на ортодоксальные ученія, а такія попытки одинаково опасны какъ въ философіи, такъ и въ религіи“. По его взгляду экономическая наука въ томъ ея видѣ, какъ она существовала въ его время, была не болѣе, какъ чистой „Хрематистикой“ (наукой о богатствѣ): наука слишкомъ исключительно занималась открытіемъ способовъ для увеличенія богатства и не касалась въ достаточной степени вопроса о томъ, какъ слѣдуетъ пользоваться имъ для достиженія общаго счастья. Практическая система, вытекавшая изъ ученій ортодоксальной школы, стремилась не только къ

тому, чтобы сдѣлать богатаго еще болѣе богатымъ, но и къ тому, чтобы сдѣлать бѣдняка еще болѣе зависимымъ и бѣднымъ. Сисмонди желалъ привлечь общественное вниманіе къ вопросу о распредѣленіи богатства, къ вопросу, который сдѣлался однимъ изъ наиболѣе важныхъ, особенно при общественныхъ отношеніяхъ новѣйшаго времени.

Соединеніе въ личности Сисмонди трехъ національностей — италіанской, французской и швейцарской, а также обширныя историческія занятія, которымъ онъ предавался, создали въ немъ особую широту взгляда; онъ, кромѣ того, былъ проникнутъ благородными симпатіями къ страдающимъ членамъ общества. Онъ стоялъ ближе, чѣмъ всякій другой французскій экономистъ, къ социализму, но только по чувствамъ, а не по мнѣніямъ; онъ не рекомендовалъ никакой социалистической организаціи. Даже совершенно наоборотъ: въ памятномъ мѣстѣ своего труда онъ объявляетъ, что хотя онъ и ясно видитъ, въ чемъ заключается справедливость, но онъ долженъ сознаться, что не можетъ указать средствъ, посредствомъ которыхъ она могла бы получить осуществленіе на практикѣ; раздѣленіе добытаго продукта въ современной промышленной организаціи между лицами, участвующими въ его производствѣ, кажется ему ошибочнымъ, несправедливымъ; но въ то же время онъ полагаетъ, что свыше человеческихъ силъ придумать, совершенно отличную отъ наблюдаемой въ жизни, систему собственности. Сисмонди только протестуетъ противъ того зла, которое его окружаетъ; онъ вооружается противъ ученія „laissez faire“ и требуетъ, хотя и въ неясныхъ выраженіяхъ, вмѣшательства государства „для регулированія прогресса богатства“ и для вспоможенія слабымъ членамъ общества.

Такое чистосердечное сознаніе въ собственномъ безсиліи, которое не помѣшало однако репутаціи его труда, было, во всякомъ случаѣ, гораздо умнѣе и честнѣе, чѣмъ указанія на слишкомъ поспѣшныя и опасныя средства или совѣты возвра-

титься къ старымъ средневѣковымъ учрежденіямъ. Если и казалось нѣсколько предвзятое мнѣніе о книгѣ Сисмонди, то это произошло благодаря гармоніи въ ея тонѣ, но отнюдь не въ практическихъ указаніяхъ, какъ мы уже видѣли, съ социализмомъ, начинавшимъ тогда уже пріобрѣтать значеніе, а также вслѣдствіе необыкновенной рѣзкости въ описаніи новѣйшей, особенно англійской промышленной системы. Эта рѣзкость расшатывала самодовольный оптимизмъ нѣкоторыхъ членовъ такъ называемой ортодоксальной школы. Эти послѣдніе относились къ книгѣ Сисмонди съ нескрываемымъ презрѣніемъ, а Бастиа даже говорилъ, что Сисмонди создалъ „économie politique à rebours“ (политическую экономію навыворотъ). Но книга Сисмонди не потеряла своего значенія въ литературѣ науки и до сихъ поръ; она пріобрѣла нынѣ даже болѣе интереса, чѣмъ сколько она имѣла прежде, ибо наше время не расположено отрицать или скрывать серьезные недостатки промышленной жизни; напротивъ современность привыкла прямо смотрѣть на всякое зло и стремиться къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, къ смягченію его. Теорія „laissez faire“ потеряла кредитъ въ наукѣ и потерпѣла неудачу на практикѣ. Мы уже примкнули къ воззрѣнію Сисмонди на государство какъ на такую силу, которая должна заботиться не только о поддержаніи порядка и мира, но и о распространеніи благъ общественнаго соединенія и новѣйшаго прогресса по возможности на всѣ классы общества. Правда, впечатлѣніе, которое производитъ его изслѣдованіе, нѣсколько обезкураживаетъ; но это происходитъ потому, что онъ смотритъ, какъ на существенные недостатки, на многое изъ того, что является неизбѣжнымъ результатомъ развитія промышленности. Возрастаніе богатства капиталистовъ, ростъ крупнаго производства, увеличеніе числа рабочихъ, живущихъ однимъ трудомъ, другими словами, одной заработной платой, распространяющееся все болѣе употребленіе машинъ, крупная земельная собственность, обрабатываемая съ помощью усовер-

шенствованныхъ орудій и т. п. — всё эти явленія ему не нравятся и онъ хотѣлъ бы ихъ измѣнить; но, повидимому, они неизбѣжны. Наша задача заключается въ томъ, чтобы найти способы, посредствомъ которыхъ мы могли бы регулировать и морализировать систему, порождаемую всѣми этими явленіями; но въ принципѣ мы должны допустить возможность ея существованія, если мы не желаемъ наступленія полной соціальной революціи. На Сисмонди можно смотрѣть какъ на предшественника германскихъ экономистовъ, извѣстныхъ подъ неточнымъ названіемъ „катедеръ - социалистовъ“; книга Сисмонди отличается отъ трудовъ этихъ писателей только тѣмъ, что послѣдніе исполнены большими надеждами и упованіями.

Особенное вниманіе Сисмонди обращаетъ на вопросъ о населеніи, какъ имѣющій громадное значеніе для благосостоянія рабочихъ классовъ. Онъ думаетъ, что такъ называемая имъ система „патріархальной эксплуатаціи“ земли, въ которой земледѣлецъ обрабатываетъ принадлежащую ему въ собственность землю съ помощью членовъ своей семьи, при условіи по закону равнаго раздѣленія имущества между кровными родичами, является одной изъ наиболѣе пригодныхъ системъ для воспрепятствованія чрезмѣрному размноженію населенія. Отецъ при подобныхъ обстоятельствахъ съ ясностью видитъ, какое количество средствъ необходимо для его дѣтей; онъ отчетливо сознаетъ, послѣ какого послѣдовательнаго ряда раздѣловъ имущества его потомство должно будетъ занять низшее, сравнительно съ прежнимъ, матеріальное и общественное положеніе. Когда число дѣтей достигнетъ такого предѣла (т.-е. при которомъ матеріальное благосостояніе должно понизиться), тогда они не должны болѣе вступать въ бракъ, или избрать только одного изъ своихъ членовъ для продолженія рода. Эти воззрѣнія Сисмонди были приняты Д. С. Миллемъ, и ими объясняется та симпатія, съ которой онъ относился къ крестьянской поземельной собственности.

Ни одинъ изъ французскихъ писателей не обладаетъ такой большой силой и общей солидностью мысли, какъ Шарль Дюнойэ (Charles Dunoyer, 1786—1862 г.). Онъ былъ авторомъ труда подъ заглавіемъ „La liberté du travail“ (1845 г.; все существенное въ содержаніи перваго тома было уже напечатано въ 1825 г. подъ другимъ заглавіемъ) и былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которыхъ справедливо уважали за независимость и честность во времена реставраціи. Онъ имѣетъ особенно важное значеніе въ исторіи науки по своимъ воззрѣніямъ на ея философскій складъ и методъ. Разсуждая о методѣ, онъ съ самаго начала слѣдующими словами опредѣляетъ характеръ изслѣдованія: „rechercher expérimentalement“; онъ требуетъ, чтобы всѣ научныя построенія были основаны на „les données de l'observation et de l'expérience“. Дюнойэ обнаруживаетъ явное стремленіе возвести экономію на степень общей науки объ обществѣ, и это видно изъ даваемого имъ опредѣленія предмета науки политической экономіи: „политическая экономія, по его мнѣнію, занимается той частью общаго порядка вещей, которая является результатомъ пользованія и развитія соціальныхъ силъ.“ Эту болѣе обширную науку, конечно, лучше было бы назвать соціологіей, а экономическія изслѣдованія считать лишь однимъ изъ ея отдѣловъ. Для насъ въ настоящее время важно отмѣтить то, что въ трудѣ Дюнойэ о великомъ „вопросѣ „свободы труда““ широкія, нравственныя, политическія идеи и соображенія неразрывно связаны съ экономическими. Не слѣдуетъ думать, что подъ словомъ „свобода“, которымъ Дюнойэ озаглавливаетъ свой трудъ, онъ понимаетъ только свободу отъ законодательныхъ ограниченій или вмѣшательства правительства; этимъ словомъ онъ хочетъ обозначить тотъ порядокъ, ту организацію труда, при которой онъ получитъ наибольшее значеніе и наивысшую производительную силу. Онъ считаетъ поэтому нужнымъ подвергнуть разсмотрѣнію всѣ причины человѣческаго прогресса и изобразить ихъ въ про-

цессъ историческаго развитія. Въ первой части своего изслѣдованія Дюнойэ изучаетъ вліяніе виѣшнихъ условій, расы и культуры на свободу въ широкомъ смыслѣ этого слова; всѣ производительныя усилія онъ раздѣляетъ на два обширныхъ класса, сообразно съ тѣмъ, на что они направлены: на вещи или на людей. Дюнойэ съ неодобреніемъ относится къ прежнимъ экономистамъ за то, что они почти исключительно обращали вниманіе на усилія перваго вида. Во второй и третьей части Дюнойэ занимается изслѣдованіемъ условій обнаруженія этихъ двухъ видовъ человѣческой дѣятельности. Разсуждая объ экономической дѣятельности въ точномъ смыслѣ этого слова, онъ раздѣляетъ промышленность на четыре рода (дѣленіе это отчасти было признано и Д. С. Миллемъ): на добывающую, перевозочную, обрабатывающую и земледѣльческую. Для естественно-исторической теоріи хозяйства такое дѣленіе, пожалуй, пригодно, но если смотрѣть на явленія съ болѣе широкой соціальной точки зрѣнія, то придется признать, что гораздо удобнѣе обычное дѣленіе промышленности на земледѣльческую, обрабатывающую и торговую, при чемъ банковое дѣло предполагается какъ бы всеобщей движущей силой и регуляторомъ трехъ указанныхъ выше видовъ хозяйственной дѣятельности. Дюнойэ, имѣя въ виду только ту дѣятельность, которая имѣетъ отношеніе къ производству матеріальныхъ благъ, относитъ банковое дѣло и торговлю въ ея чистомъ видѣ подъ особую рубрику обмѣна; по его мнѣнію, эти послѣднія занятія хотя и имѣютъ важное значеніе въ общественной экономіи, но не могутъ быть признаны промышленными и должны быть выдѣлены въ особую группу и поставлены на-ряду съ компанейскимъ дѣломъ и безвозмезднымъ отчужденіемъ имущества (все равно — является ли оно *inter vivos* или *mortis causa*).

Отрасли труда, воздѣйствующія на человѣка, онъ раздѣляетъ на нѣсколько группъ, въ зависимости отъ того, занимаются ли они: 1) улучшеніемъ нашей физической природы,

2) развитіемъ воображенія и чувства, 3) образованіемъ ума, 4) усовершенствованіемъ нашихъ нравственныхъ привычекъ; сообразно съ этимъ подраздѣленіемъ онъ разсматриваетъ обязанности врача, артиста, воспитателя и священника.

У Дюнойэ мы найдемъ и тѣ мысли, которыя въ послѣдствіи съ такимъ энтузіазмомъ проповѣдывалъ Бастиа, а именно, что реальнымъ предметомъ обмѣна для людей являются услуги; что всякая цѣнность есть результатъ труда; что силы природы безвозмездно помогаютъ человѣку въ его трудѣ; что земельная рента является однимъ изъ видовъ процента на затраченный капиталъ. Хотя Дюнойэ и относился съ неодобреніемъ къ стремленію давать практическіе совѣты и говорилъ: „je n'impose rien, je ne propose même rien, j'expose“, но, тѣмъ не менѣе, и самъ, подобно всѣмъ другимъ экономистамъ, не могъ удержаться отъ этого. Защищаемая имъ система заключается въ полномъ невмѣшательствѣ въ дѣла промышленности. Онъ является однимъ изъ самыхъ крайнихъ проповѣдниковъ доктрины „laissez faire“ и защищаетъ эту систему, главнымъ образомъ, потому, что, по его мнѣнію, самопроизвольное стремленіе личности улучшить свою судьбу развиваетъ предусмотрительность, энергію, настойчивость и является необходимымъ и самымъ дѣйствительнымъ условіемъ общественнаго преуспѣянія. Онъ заходитъ, конечно, слишкомъ далеко, утверждая, что нормальный видъ правительственнаго воздѣйствія заключается всегда въ репрессіи, а не въ руководствѣ. Безъ всякаго сомнѣнія такое преувеличеніе было результатомъ желанія оказать противодѣйствіе искусственной организаціи труда, на необходимости которой настаивали многіе изъ его современниковъ; опровергая этихъ послѣднихъ, онъ и выступилъ защитникомъ соперничества; критика предложенныхъ системъ организаціи труда, какъ справедливо замѣтилъ Контъ, была у Дюнойэ слишкомъ абсолютна по своему характеру и выразилась какъ бы въ стремленіи навсегда

положить конецъ всякимъ попыткамъ добиться правильной систематизаціи хозяйственной дѣятельности *).

А М Е Р И К А.

Намъ слѣдуетъ въ настоящее время уклониться въ сторону и обратить вниманіе на ученіе американскаго экономиста *Кэри*. До него въ Америкѣ было весьма мало сдѣлано въ области политической экономіи. *Веніаминъ Франклинъ* (Benjamin Franklin), извѣстный всему міру гораздо болѣе въ другихъ отношеніяхъ, былъ авторомъ нѣсколькихъ брошюръ по экономическимъ вопросамъ, въ которыхъ онъ даетъ, главнымъ образомъ, практическіе совѣты относительно трудолюбія и бережливости; въ этихъ же брошюрахъ, однако, мѣстами попадаются весьма интересныя теоретическія идеи. Такъ за пятьдесятъ лѣтъ до появленія труда Смита онъ уже утверждалъ (Петти, однако, высказалъ эту мысль еще ранѣе), что человѣческой трудъ есть истинное мѣрило цѣнности (см. его „Modest Inquiry into the Nature and Necessity of a Paper Currency“, 1721 г.); кромѣ того въ своемъ трудѣ „Observations concerning the Increase of Mankind“ (1751 г.) онъ высказалъ нѣсколько мыслей, весьма близкихъ къ идеямъ Мальтуса.

Александръ Гамильтонъ (Alexander Hamilton), секретарь казначейства, представилъ въ 1791 г., по своей служебной обязанности, палатѣ депутатовъ Соединенныхъ Штатовъ докладъ съ указаніемъ способовъ, посредствомъ которыхъ можно было бы содѣйствовать развитію внутреннихъ мануфактуръ (см. Hamilton's Works edited by H. C. Lodge, vol. III, p. 294). Въ этомъ докладѣ онъ подвергаетъ критикѣ теорію свободной торговли Смита и находитъ, что осуществленіе этой системы возможно лишь въ томъ случаѣ, если всѣ націи

одновременно согласятся ее принять; онъ доказываетъ также, что обрабатывающая промышленность производительнѣе земледѣлія, и старается опровергнуть взгляды тѣхъ лицъ, которыя утверждали, что развитіе обрабатывающей промышленности въ Америкѣ невозможно вследствие недостатка капиталовъ, высокихъ размѣровъ заработной платы и низкихъ цѣнъ на землю. Онъ приходитъ къ тому выводу, что для созданія въ Америкѣ обрабатывающей промышленности необходимо прибѣгнуть къ системѣ умѣренной покровительственной охраны; онъ входитъ даже въ описаніе частныхъ чертъ этой системы. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что Фридрихъ Листъ, о которомъ мы будемъ говорить впоследствии, испыталъ на себѣ во время своего пребыванія въ Америкѣ вліяніе воззрѣній, высказанныхъ въ трудѣ Гамильтона.

Генри Кэри (Henry Charles Carey, 1793 — 1879), сынъ американскаго гражданина, выходца изъ Ирландіи, представляетъ собою реакцію противъ того обезкураживающаго характера, который пріобрѣли ученія Смита въ рукахъ Мальтуса и Рикардо. Главная задача Кэри заключалась въ томъ, чтобы, не отрицая значенія и признавая индивидуалистическую экономію, поставить ее на болѣе высокія и прочныя основанія и защитить ее отъ социализма, къ которому ее увлекали нѣкоторые изъ положеній Рикардо. Съ наибольшей ясностью и зрѣлостью свои взгляды Кэри изложилъ въ „Основаніяхъ соціальной науки“ (Principles of Social Science, 1859 г.). Проникнутый оптимизмомъ, существованіе котораго легко объясняется у него, какъ у гражданина молодой и развивающейся страны съ массой неразработанныхъ богатствъ и съ широкими надеждами на будущее, онъ желаетъ доказать, что существуетъ, независимо отъ человѣческой воли, естественная система экономическихъ законовъ, которая сама по себѣ благодѣтельна и необходимымъ результатомъ которой является увеличивающееся благосостояніе всего общества, а въ особенности рабочихъ классовъ; только

*) О позднѣйшихъ французскихъ экономистахъ см. дальше.

невѣжество и распущенность людей препятствуютъ дѣйствию этой системы. Онъ отвергаетъ ученіе Мальтуса о населеніи и утверждаетъ, что въ каждомъ хорошо управляемомъ обществѣ количество населенія регулируется въ достаточной степени само собой; давленіе средствъ существованія характерно для низшихъ, но не для высшихъ стадій цивилизаціи. Онъ справедливо отвергаетъ также универсальное значеніе закона объ уменьшающейся производительности земли для всѣхъ стадій обработки. Основное его теоретическое положеніе заключается въ противопоставленіи богатства и цѣнности.

Большинство экономистовъ отождествляло богатство съ суммой мѣновыхъ цѣнностей; даже Смитъ, вначалѣ различавшій эти понятія, впослѣдствіи впадаетъ въ ту же ошибку. Рикардо отмѣтилъ это различіе, но лишь къ концу своего изслѣдованія, въ главныхъ же частяхъ его онъ имѣлъ въ виду только одну цѣнность. Послѣдующіе англійскіе экономисты стремились видѣть въ изученіи обмѣна главную задачу своихъ изслѣдованій. Нѣкоторые заходили даже такъ далеко, что, напр. Уэтли (Whately) предложилъ называть политическую экономію „Каталлактикой“ (ученіе о мѣнѣ).

Если разсматривать богатство такъ, какъ въ дѣйствительности оно есть, т.-е. какъ сумму полезныхъ продуктовъ, то мы увидимъ, что оно имѣетъ свой источникъ во внѣшней природѣ, дающей матерію и силу, и въ человѣческомъ трудѣ, который присвоиваетъ и пользуется ими въ своихъ цѣляхъ. Природа даетъ человѣку свою помощь безвозмездно; трудъ есть единственное основаніе для цѣнности. Чѣмъ менѣе можемъ мы присвоить и воспользоваться естественными силами природы въ какомъ-нибудь производствѣ, тѣмъ выше цѣнность продукта, но, въ то же время, тѣмъ менѣе возрастаетъ наше богатство, сравнительно съ затраченнымъ трудомъ. Богатство, въ его истинномъ значеніи суммы полезныхъ вещей, является для насъ мѣриломъ той силы, которую мы приобрѣли надъ природой, тогда какъ цѣнность, совершенно наоборотъ, вы-

ражаетъ собой то сопротивленіе природы, которое долженъ преодолѣть трудъ при производствѣ предмета. Богатство постоянно возрастаетъ съ прогрессомъ общества; мѣновая цѣнность, наоборотъ, уменьшается. Человѣческій разумъ и способность къ общественному соединенію содѣйствуютъ все болѣе и болѣе возрастающему господству человѣка надъ силами природы и научаютъ успѣшнѣе пользоваться ими при производствѣ; такимъ образомъ для достиженія какаго-нибудь результата затрачивается менѣе труда и мѣновая цѣнность падаетъ. Цѣнность предмета не зависитъ отъ стоимости его производства въ прошедшемъ: она опредѣляется издержками воспроизводства при данныхъ условіяхъ знанія и искусства. Зависимость цѣнности отъ издержекъ производства въ указанномъ выше смыслѣ является по Кэри универсальной истиной; Рикардо считалъ это положеніе правильнымъ только по отношенію къ предметамъ, допускающимъ безграничное увеличеніе въ количествѣ, и не находилъ возможнымъ примѣнять его къ землѣ. Рикардо видѣлъ въ производительныхъ силахъ земли свободный даръ природы, сдѣлавшейся монополіей нѣкоторыхъ лицъ и приобретающей съ возрастаніемъ спроса на пищу все болѣе и болѣе цѣнность въ рукахъ его владѣльца. На прибавку въ цѣнности, которая не является результатомъ труда, собственники земли, слѣдовало бы думать, не имѣютъ права и по справедливости не должны были бы требовать плату за то, что дается „естественными и неразрушимыми силами почвы“. Кэри же полагаетъ, что земля, поскольку она имѣетъ для насъ значеніе въ хозяйственной сферѣ, можетъ разсматриваться какъ орудіе производства, созданное трудомъ человѣка. Цѣнность земли зависитъ поэтому отъ количества труда, затраченнаго на нее ранѣе, но измѣряется не этимъ количествомъ, а тѣмъ, которое придется въ данное время употребить для приведенія какой-нибудь новой земли въ равное по производительности положеніе съ прежде разработанной землей.

Кэри смотритъ на пріобрѣтеніе и обработку земли какъ на нѣчто особенно выгодное; въ немъ сказывается здѣсь американецъ, для котораго еще живы и свѣжи традиціи первыхъ поселеній и передъ глазами котораго процессъ занятій новыхъ земель еще продолжается. Только житель давно обработанной страны склоненъ придавать мало значенія тѣмъ усиліямъ, которыя должны были быть употреблены для приведенія первобытной почвы въ такой видъ, при которомъ она можетъ давать необходимыя для удовлетворенія человѣческихъ потребностей органическія вещества. По его мнѣнію, занявшій землю пріобрѣтаетъ право собственности на нее именно вслѣдствіе того, что онъ преодолѣлъ всѣ трудности приведенія земли въ культурное состояніе упорнымъ и долгимъ трудомъ. Цѣнность земли въ данное время составляетъ лишь относительно очень малую часть стоимости произведенныхъ на нее затратъ, ибо она служитъ выраженіемъ стоимости тѣхъ издержекъ, которыя необходимо совершить при современномъ положеніи знанія и техники для приведенія земли изъ ея первобытнаго состоянія въ культурное. Собственность на землю является поэтому лишь однимъ изъ способовъ затраты капитала: извѣстное количество труда и его продуктовъ вложено въ землю и землевладѣлецъ вознаграждается за совершенныя имъ затраты особой долей въ приносимыхъ землею продуктахъ. Собственникъ вознаграждается не за то, что сдѣлано силами природы, а общество не имѣетъ никакой потери отъ существованія права землевладѣнія. Такъ называемая теорія ренты Рикардо есть мечта воображенія, противорѣчащая всякому опыту. Фактически невѣрно, будто обработка земли, какъ предполагаетъ указанная теорія, начинается съ лучшихъ земель и затѣмъ лишь постепенно люди обращаются къ обработкѣ худшихъ земель, смотря по степени ихъ уменьшающейся плодородности *).

*) Было бы, однако, заблужденіемъ полагать, что предположеніе о су-

Въ обработку поступаютъ прежде всего легкія почвы, болѣе возвышенныя и сухія мѣста, и только тогда, когда плотность населенія возросла и скопилось достаточное количество капиталовъ, обращаются къ обработкѣ ниже расположенныхъ земель съ ихъ огромнымъ плодородіемъ, но зато и съ ихъ болотами, наводненіями и міазмами. Рента, рассматриваемая какъ особый видъ участія въ добытомъ продуктѣ, подобно всѣмъ другимъ видамъ процентовъ на капиталъ, съ теченіемъ времени относительно падаетъ, но абсолютно возрастаетъ. Доля участія рабочихъ въ продуктѣ увеличивается какъ относительно, такъ и абсолютно, и интересы этихъ различныхъ общественныхъ классовъ находятся такимъ образомъ въ полной гармоніи. Но, полагаетъ Кэри, для того, чтобы этотъ прогрессъ и гармонія интересовъ осуществились, необходимо отдавать землѣ то, что отъ нея берутъ. Все извлекаемое изъ земли составляетъ часть ея, и почва истощится, если взятое не будетъ возвращено обратно. Необходимо поэтому, чтобы производитель и потребитель находились въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, не слѣдуетъ вывозить сырые продукты за границу для промѣна на мануфактурные товары, чтобы такимъ образомъ не обогащать чужія земли удобреніемъ. При подобномъ обмѣнѣ собственникъ продуктовъ быть-можетъ и пріобрѣтаетъ выгоды, но производительныя силы почвы должны неминуемо пострадать. Такимъ образомъ Кэри, впервые выступившій на литературное поприще какъ ревностный защитникъ свободной торговли, становится сторонникомъ протекціонизма: „организующая (coordinating) сила“ въ обществѣ, думаетъ онъ, должна позаботиться о томъ, чтобы частныя выгоды не нарушали общественныхъ *).

существованія подобнаго историческаго порядка въ постепенномъ занятіи земель имѣетъ важное значеніе для теоріи Рикардо.

*) Этотъ аргументъ едва ли опровергнуть профессоромъ Уокеромъ (F. A. Walker) въ его Political Economy (стр. 50—52). Но онъ, быть-можетъ, правъ, думалъ, что Кэри преувеличилъ значеніе тѣхъ основаній, на которыхъ по-

Свой переходъ отъ прежнихъ воззрѣній Кэри объясняетъ тѣмъ, что ему пришлось лично наблюдать дѣйствіе либеральныхъ и протекціонныхъ тарифовъ на благосостояніе Америки. Это наблюдение, говоритъ онъ намъ, заставило провѣрить теорію и въ концѣ концовъ привело къ убѣжденію, что вышеуказанное вмѣшательство правительства необходимо для того, „чтобы устранить“, какъ онъ выражается, „препятствія для прогресса молодыхъ странъ, создаваемыхъ соперничествомъ болѣе взрослыхъ и богатыхъ націй“. Весьма вѣроятно, однако, что эта перемѣна убѣжденій до извѣстной степени была вызвана вліяніемъ сочиненій Листа, а кромѣ того глубокой и наслѣдственной завистью и нерасположеніемъ Кэри къ преобладанію англичанъ. Практическія заключенія, къ которымъ, какъ видимъ, пришелъ Кэри, хотя и не находятся въ противорѣчій съ ученіемъ о существованіи естественныхъ экономическихъ законовъ, но плохо вяжутся со всей его оптимистической схемой. Одинъ изъ экономистовъ, воспринявшій основныя идеи Кэри, попытался устранить „посторонній наростъ“, какъ онъ выразился, на ученіи Кэри и доказать справедливость теоріи о существованіи самопроизвольной общественной гармоніи и системы свободной торговли, какъ правомѣрнаго послѣдствія этой послѣдней *).

Милль и Лесли замѣчаютъ, что вывозъ земледѣльческихъ продуктовъ изъ западныхъ штатовъ въ восточные имѣетъ въ вопросѣ такъ называемаго „ограбленія земли“ (land-butcherу) такое же значеніе, какъ и вывозъ продуктовъ въ Европу; кромѣ того, нѣкоторые удобрения можно получать и извнѣ.

*) Изъ другихъ сочиненій Кэри, кромѣ его „Соціальной науки“, слѣдуетъ указать еще на слѣдующія: „Опытъ о заработной платѣ“ (Essay on the Rates of Wages, 1835); „Основанія политической экономіи“ (Principles of Political Economy, 1838 — 1840); „Прошедшее, настоящее и будущее“ (Past, Present and Future, 1848); „Единство закона“ (Unity of Law, 1872).

(Продолженіе.)

Фридрихъ Бастіа (1801 — 1850) не былъ глубокимъ мыслителемъ, но блестящимъ и популярнымъ писателемъ; къ экономическимъ изслѣдованіямъ онъ всегда чувствовалъ склонность, но первый поводъ къ дѣятельной пропагандѣ своихъ идей онъ получилъ благодаря агитаціи въ пользу отмѣны англійскихъ хлѣбныхъ законовъ, агитаціи, къ которой онъ имѣлъ серьезныя симпатіи. Одаренный отъ природы горячимъ темпераментомъ, онъ дѣятельно вмѣшался въ споръ о свободѣ торговли, посредствомъ котораго онъ надѣялся оказать вліяніе на экономическую политику Франціи, и напечаталъ въ 1845 году исторію борьбы за отмѣну хлѣбныхъ законовъ въ книгѣ подъ заглавіемъ „Кюбденъ и лига“. Въ 1845 — 1848 гг. онъ издалъ свое сочиненіе „Экономическіе софизмы“, гдѣ сказались лучшія свойства его ума. Кернсъ идетъ слишкомъ далеко, сравнивая этотъ трудъ съ „Lettres Provinciales“ Паскаля, но, дѣйствительно, сочиненіе это замѣчательно по своей жизненности, остроумію и силѣ. Выставить абсурды вульгарнаго протекціонизма было, конечно, нетрудно, ибо само собой разумѣется, что онъ только въ той своей формѣ, которая, какъ временная и подготовительная, была предложена въ системѣ Листа, заслуживаетъ вниманія и требуетъ обсужденія.

Послѣ революціи 1848 года, которая задержала на время во Франціи движеніе въ пользу свободной торговли, Бастіа направилъ всѣ свои силы на борьбу съ социализмомъ. Кромѣ нѣкоторыхъ небольшихъ произведеній, равныхъ по цѣнности его „Софизмамъ“, онъ написалъ, излагая свои воззрѣнія о социализмѣ, наиболѣе громкое и характерное произведеніе подъ заглавіемъ „Harmonies économiques“. Только первый томъ этого труда увидѣлъ свѣтъ; онъ появился въ 1850 г.,

и въ томъ же году скончался и его авторъ. Уже послѣ смерти Бастіа замѣтки и наброски, сдѣланные имъ для второго тома, были помѣщены въ полномъ собраніи его сочиненій (изд. Пальоте (Paillottet) въ семи томахъ, съ біографіей, написанной Фонтенэ (Fontenay);—по этимъ матеріаламъ мы можемъ судить о духѣ и содержаніи послѣдующихъ частей указанного труда, если бы всѣ онѣ появились на свѣтъ.

Съ исторической точки зрѣнія сочиненіе, о которомъ идетъ рѣчь, всегда будетъ имѣть интересъ, какъ послѣднее выраженіе полнѣйшаго экономическаго оптимизма. Если мы проникнемъ до первыхъ производящихъ причинъ этого оптимизма, то окажется, что онъ покоится на теологическихъ соображеніяхъ; англійскій переводчикъ Бастіа *II. Стёрлингъ* (P. J. Stirling, 1860 г.) хвалитъ автора за то, что онъ „занимается изслѣдованіями въ области политической экономіи въ связи съ изслѣдованіемъ конечныхъ причинъ“. Задача этого труда заключается въ томъ, чтобы доказать, что „всѣ принципы, всѣ мотивы, всѣ побужденія къ дѣятельности, всѣ интересы работаютъ совмѣстно для достиженія великой конечной цѣли, которой человѣчество никогда не достигнетъ, но къ которой оно будетъ все больше и больше стремиться; цѣль эта заключается въ безграничномъ приближеніи всѣхъ классовъ къ одному постоянно возвышающемуся уровню, другими словами — къ великому уравненію всѣхъ отдѣльныхъ людей при всеобщемъ прогрессѣ“.

Особой новизной и своеобразностью въ системѣ Бастіа отличается теорія цѣнности. Твердо придерживаясь той мысли, что понятіе „цѣнность“ не обозначаетъ чего-нибудь присущаго предмету, онъ пытался доказать, что цѣнность есть не что иное, какъ отношеніе двухъ услугъ. Этотъ взглядъ на цѣнность онъ развиваетъ посредствомъ цѣлаго ряда разнообразныхъ и счастливо подобранныхъ соображеній. Только взаимныя услуги человѣческихъ существъ обладаютъ, по мнѣнію Бастіа, стоимостью и могутъ претендовать на вознагра-

жденіе. Помощь, которая дается при производствѣ природой, безвозмездна и никогда не входитъ, какъ часть, въ составъ цѣны. Экономическій прогрессъ, какъ, наприм., введеніе новыхъ и усовершенствованіе старыхъ машинъ, стремится все болѣе и болѣе извлечь элементы полезности, а слѣдовательно и цѣнности, изъ сферы частнаго обладанія въ сферу общественнаго, или, другими словами, передать ихъ для общаго и безвозмезднаго пользованія. Слѣдуетъ замѣтить, что изложенная теорія вполне сходна съ ученіемъ Кэри, которое было создано ранѣе; Кэри объявляетъ безъ всякихъ оговорокъ, что теорія эта заимствована у него, безъ указанія источника. Но, быть-можетъ, недостаточно обращали вниманіе на то, что совершенно аналогичныя идеи можно найти и у Дюноуэ, который, по словамъ Бастіа, своимъ трудомъ оказалъ огромное вліяніе „на пересозданіе науки“ и котораго, какъ сообщаетъ Фонтенэ—біографъ Бастіа, послѣдній считалъ своимъ учителемъ, наравнѣ съ *Шарлемъ Контомъ* (Charles Comte) *).

Изложенный взглядъ на характеръ хозяйственной дѣятельности и промышленнаго прогресса, поскольку онъ приложимъ къ дѣйствительности, интересенъ и поучителенъ, но ему придано слишкомъ общее значеніе. Кэри съ справедливо замѣтилъ, что теоретической основательности Бастіа вредила его привычка изучать экономическіе вопросы въ связи съ современными соціальными и политическими спорами. Бастіа былъ поэтому уже заранѣе предрасположенъ къ тому, чтобы принять тѣ воззрѣнія, которыя санкционировали законныя и цѣнныя учрежденія, и отвергать тѣ, которыя, по его мнѣнію, могли привести къ опаснымъ послѣдствіямъ. По собственному выраженію Бастіа, главная задача его сводилась къ

*) Шарль Контъ (1782—1837) былъ зятемъ Ж. Б. Сэ. Онъ былъ по своимъ политическимъ сочиненіямъ однимъ убѣжденій съ Дюноуэ и, подобно послѣднему, отличался благородной независимостью. Контъ былъ авторомъ «*Traité de Législation*»,—цѣннаго и полезнаго, но неглубокаго труда.

тому, чтобы „побивать резонерствующихъ представителей противоположенныхъ интересовъ ихъ же собственнымъ оружіемъ“; само собой разумѣется, что подобная цѣль находилась въ противорѣчій съ искреннимъ стремленіемъ открыть научныя истины. Бастіа создалъ и старался пропагандировать свою теорію цѣнности, желая опровергнуть возраженія социалистовъ противъ института частной собственности. Ради этого спора и было создано ученіе, что оплатѣ подлежатъ только личныя услуги. Его взгляды на вопросъ о рентѣ были поэтому заранее predetermined, хотя бы даже, какъ утверждаетъ издатель его посмертныхъ сочиненій, они и могли окончательно сложиться подъ вліяніемъ трудовъ Кэри. Вмѣстѣ съ этимъ американскимъ писателемъ Бастіа увѣрять, что рента представляетъ собой просто вознагражденіе землевладѣльца или его предшественниковъ за усилія и затраты, сдѣланныя ими для обращенія первобытной почвы въ „ферму“, посредствомъ очищенія, осушенія, огораживанія и другихъ подобныхъ видовъ прочныхъ улучшеній *).

Онъ, такимъ образомъ, совершенно отказывается отъ теоріи ренты Рикардо, которая была принята социалистами и служила для нихъ орудіемъ нападокъ на институтъ земельной собственности или, по крайней мѣрѣ, давала поводъ предъявлять требованіе объ уступкѣ „права на трудъ“ въ видѣ вознагражденія за присвоеніе земли. Керисъ говоритъ: „Бастіа поступилъ въ данномъ случаѣ такъ: употребивъ безконечно много усилій для того, чтобы доказать, что безвозмездные дары природы не являются элементами цѣнности, и затѣмъ отождествляя (или, лучше сказать, связывая) понятіе о стоимости съ понятіемъ „о человѣческихъ усиліяхъ“, какъ единственнымъ эле-

*) Леруа-Болье утверждаетъ (см. *Essai sur la répartition des richesses*, 2 ed. 1882), что мысль эта, хотя и не вполне, но приблизительно вѣрна, что хозяйственная рента составляетъ лишь незначительную часть дѣйствительно уплачиваемой ренты.

ментомъ цѣнности, онъ назвалъ „человѣческія усилія“ словомъ „услуги“, и въ заключеніе сталъ употреблять это слово въ смыслѣ источника цѣнности для тѣхъ самыхъ безвозмездныхъ даровъ природы, выдѣленіе которыхъ въ разрядъ безвозмездныхъ составляло сущность его теоріи.“ Справедливость этой критики будетъ признана всякимъ, кто ознакомится съ тѣмъ способомъ, посредствомъ котораго Бастіа старается выяснитъ вопросъ о цѣнности алмаза. Никто не станетъ спорить, что въ большей части мѣновыхъ сдѣлокъ оплачиваются „человѣческія усилія“; но если бы мы стали опредѣлять цѣну случайно найденнаго алмаза, какъ вознагражденіе за усилія нашедшаго, совершенныя при присвоеніи и при передачѣ покупателю, то это было бы несомнѣннымъ доведеніемъ всей теоріи до абсурда. Что касается земли, то, хотя, конечно, значительная часть того, что на обыденномъ языкѣ называютъ рентой, должна считаться процентомъ на капиталъ, все же очевидно, что природныя силы почвы могутъ быть присвоены и за нихъ можно потребовать и получить плату.

Бастіа слабъ по своимъ философскимъ воззрѣніямъ; онъ проникнутъ идеями теологической телеологіи и эти идеи привели его къ апіорному убѣжденію въ необходимости существованія извѣстныхъ наличныхъ фактовъ и законовъ. Поэтому представленіе о *jus naturae*, которое, подобно всѣмъ другимъ метафизическимъ идеямъ, коренится въ теологіи, является для него почти такой же аксіомой, какъ и для физиократовъ. Въ своемъ опытѣ о „свободной торговлѣ“ онъ говоритъ, напр.: „обмѣнъ, подобно собственности, составляетъ естественное право человѣка. Каждый гражданинъ, который создалъ или приобрѣлъ какой-нибудь предметъ, можетъ или потребить его непосредственно, или уступить всякому на поверхности земного шара, кто согласится дать ему въ обмѣнъ желаемый предметъ.“ Нѣчто въ этомъ же родѣ говорилъ и Тюрго, но для времени, въ которомъ жилъ этотъ писатель, это было простительно, и сама мысль о такомъ правѣ была, пожалуй,

временно полезна. Но въ срединѣ XIX вѣка такія воззрѣнія пора, кажется, уже оставить.

Бастіа чувствовалъ живое влеченіе къ экономической наукѣ, которая, по его мнѣнію, должна оказать великія услуги человечеству, и былъ глубоко убѣжденъ, какъ кажется, въ тѣхъ ученіяхъ, которыя придали такую своеобразную окраску его трудамъ. Если его оптимистическія преувеличенія и были полезны владѣющимъ классамъ, то это не было слѣдствіемъ ни собственнаго эгоизма, ни рабской угодливости. Но несомнѣнно, что ученія его были простымъ оптимистическимъ преувеличеніемъ; среди постоянной борьбы между трудомъ и капиталомъ, его увѣренія о существованіи соціальной гармоніи были крикомъ „миръ, миръ!“ тамъ, гдѣ этого мира вовсе не было. Свобода промышленности, на которую онъ смотритъ какъ на всеобщую панацею, безъ сомнѣнія, оказала великія благодѣянія; но исторія и опытъ доказали намъ, что свобода промышленности не рѣшаетъ соціальной проблемы. Можно ли остановить защитника экономической революціи утверженіемъ, что все, чего онъ желалъ, уже существуетъ, что все гармонично въ естественной экономіи природы? Извѣстная степень гармоніи, конечно, существуетъ, ибо безъ таковой общество не могло бы жить, но гармонія эта несовершенна и непрочна, и весь вопросъ, собственно говоря, сводится къ тому, какимъ же образомъ придать ей наибольшую прочность и совершенство?

Августинъ Курно (Aug. Cournot, 1801—1874) былъ, кажется, первымъ среди тѣхъ ученыхъ, которые, будучи хорошо знакомы какъ съ политической экономіей, такъ и съ математикой, пожелали приложить математическій методъ при изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ *). Его трудъ „Recherches

*) Книга подобнаго же характера *Гейнриха Госсена* (Heinrich Gossen) „Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs“, о которой съ такою похвалою отзывался *Джевонсъ* (Theory of Polit. Econ., 2 изд., предисловіе), была издана въ 1854 г.

sur les principes mathématiques de la théorie des richesses“ появился въ 1838 году. Въ этомъ изслѣдованіи онъ упоминаетъ о единственной будто бы предшествовавшей попыткѣ въ подобномъ же родѣ, хотя, на самомъ дѣлѣ, ихъ было много; онъ говоритъ только о трудѣ *Канара* (Nicolas François Canard), который появился въ 1802 году (Principes d'Économie politique) и „который хотя и былъ премированъ отъ „Institut de la France“, но по своимъ основнымъ положеніямъ былъ радикально ошибоченъ, а къ тому же и положенія эти были столь же неправильно приложены“. Несмотря на вполне заслуженную извѣстность Курно какъ математика, его „Recherches“ имѣли мало вліянія. Такой неуспѣхъ, быть-можетъ, объясняется тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ полученные имъ выводы были неважны, въ другихъ—спорной точности, и, наконецъ, тѣмъ, что абстракція, къ которой онъ прибѣгаетъ, желая облегчить себѣ вычисленія, заставляла его упускать изъ виду существеннѣйшія стороны реальныхъ условий изслѣдуемой проблемы. Многія страницы его книги испещрены математическими знаками, которые служатъ обозначеніемъ для неизвѣстныхъ функций, форму которыхъ предоставляется опредѣлять наблюденіемъ фактовъ, что Курно не считаетъ своей задачей, или для нѣкоторыхъ извѣстныхъ свойствъ неопредѣленныхъ функций, которыми онъ пользуется въ качествѣ основаній для своей дедукціи.

Джевонсъ включаетъ также въ число книгъ, въ которыхъ экономическіе вопросы изслѣдуются по математическому методу, и второе изслѣдованіе Курно, изданное въ 1863 году подъ заглавіемъ „Principes de la théorie des richesses“. Но на самомъ дѣлѣ въ этомъ трудѣ, написанномъ съ большимъ искусствомъ и содержащемъ много мѣткихъ возраженій противъ преувеличеній экономистовъ невысокаго пошиба, математическій методъ совершенно оставленъ и алгебраическихъ формулъ совсѣмъ не встрѣчается. Авторъ признаетъ, что публика всегда обнаруживала отвращеніе къ употребленію мате-

математическаго метода въ экономическихъ изслѣдованіяхъ и что хотя, какъ онъ полагаетъ, этотъ методъ могъ бы облегчать изложеніе, яснѣе опредѣлять идеи и содѣйствовать дальнѣйшему ихъ развитію, но съ употребленіемъ подобнаго способа изслѣдованія связано много опасностей. Эта опасность, о которой говоритъ Курно, заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что изслѣдователь можетъ придавать несоотвѣтствующее дѣйствительности значеніе тѣмъ абстрактнымъ гипотезамъ, которыя служатъ ему основаніемъ при созданіи формулъ. Онъ приходитъ въ концѣ концовъ къ тому практическому выводу, что нужно пользоваться математическимъ методомъ лишь съ большою осторожностью и по общему правилу совершенно не слѣдуетъ употреблять его, если „общественное мнѣніе“ противъ этого, ибо, говоритъ онъ, „это послѣднее имѣетъ свои тайныя основанія, почти всегда болѣе вѣсныя по сравненію съ тѣми, которыя опредѣляютъ сужденія отдѣльныхъ лицъ“.

Само собою разумѣется, что принятіе неправильныхъ или одностороннихъ абстрактныхъ положеній въ качествѣ посылокъ при аргументаціи не можетъ служить соображеніемъ противъ математическаго метода, хотя весьма возможно, что употребленіе его можетъ привести по ассоціаціи идей къ иллюзіи, будто упомянутыя послылки правильны. Но главное возраженіе противъ этого метода заключается въ томъ, что онъ неизбежно бесплоденъ. Если мы взглянемъ въ сдѣланныя досель попытки его примѣненія, то убѣдимся, что основныя положенія, на которыхъ покоятся выводы, туманны и обладаютъ метафизическимъ характеромъ. Представленіе объ „единицѣ“ матеріальнаго или нравственнаго удовлетворенія, „единицѣ“ полезности и т. п. такъ же чуждо положительной наукѣ, какъ, напр., и „единица“ снотворной силы; понятіе объ „единицѣ“ цѣнности, если подъ послѣдней мы не понимаемъ просто количества предметовъ, обмѣниваемое при данныхъ условіяхъ на опредѣленное количество другихъ предметовъ,—составляетъ

идею столь же неопредѣленную. Математика можетъ, конечно, дать формулы для пропорцій обмѣна, если онѣ были предметомъ наблюденія, но не въ силахъ сама по себѣ опредѣлить характеръ мѣновыхъ отношеній, ибо качественныя заключенія предполагаютъ и качественныя послылки, а таковыхъ у нея нѣтъ. Такого рода изслѣдованія въ политической экономіи не имѣютъ будущаго и заниматься ими—значило бы попусту тратить время и силы. Это положеніе отнюдь, однако, не является отрицаніемъ значенія математики, какъ педагогическаго необходимаго введенія при началѣ изслѣдованія вопросовъ высшаго порядка. Изученіе физической среды, въ которой происходятъ экономическія явленія и которая оказываетъ на нихъ свое вліяніе, вызываетъ потребность въ математикѣ, какъ въ орудіи, и никакая другая отрасль знанія не обладаетъ такимъ педагогическимъ значеніемъ, какъ эта наука, которая, являясь первоначальнымъ видомъ рациональнаго изслѣдованія, всегда создаетъ живое ощущеніе въ точности или неточности доказательства и отклоняетъ умъ отъ обманчивыхъ понятій и софистическихъ комбинацій. Знаніе, по крайней мѣрѣ, существенныхъ началъ математики необходимо для экономиста, для того, чтобы положенія его покоились на правильныхъ основаніяхъ и чтобы онъ не увлекался признаніемъ предположеній, не имѣющихъ опредѣленнаго смысла. Даже у многихъ выдающихся писателей обнаруживаются серьезные недостатки въ этомъ отношеніи. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что одна величина „измѣняется по отношенію къ другой, въ обратномъ отношеніи“, когда, собственно говоря, хотятъ сказать, что сумма двухъ величинъ (но вовсе не ихъ произведеніе) постоянна; далѣе, считаютъ возможнымъ оцѣнить численно сумму совокупности элементовъ, которые, не будучи однородны, не могутъ и быть сведены къ одному общему мѣрилу. Какъ на примѣръ подобной ошибки можно указать на выраженіе Рикардо „количество труда“, которое онъ такъ часто употребляетъ и которое въ

дѣйствительности составляетъ сущность всей его системы; въ этомъ выраженіи „количество труда“ подразумѣваются столь различные виды человѣческихъ усилій, что сравненіе или суммирование ихъ, какъ величинъ неоднородныхъ, рѣшительно невозможно.

И Т А Л І Я.

Первый переводъ „Богатства Народовъ“ на итальянскомъ языкѣ появился въ 1780 году. Однако самый замѣчательный писатель періода, о которомъ мы теперь говоримъ, не принадлежалъ къ сторонникамъ Адама Смита. Этотъ писатель, *Мельхиоръ Джойя* (Melchiorre Gioja), былъ авторомъ, кромѣ нѣкоторыхъ статистическихъ и другихъ сочиненій, обширнаго труда „Nuovo Prospetto delle Scienze Economiche“ (6 т., 1815—18 г.; трудъ остался неоконченнымъ), который, по замыслу Джойя, долженъ былъ быть энциклопедіей всего того, чему учили теоретики, что было сдѣлано правительствами или достигнуто народами въ области общественной и частной экономіи. Исслѣдованіе это отличалось солидностью и ученостью, но было такъ обременено ссылками и таблицами, что скорѣе отвращало, чѣмъ привлекало читателя. Джойя восхищался практической экономической системой англичанъ и много распространялся въ своемъ трудѣ о преимуществахъ крупной земельной собственности, крупныхъ мануфактуръ и торговыхъ предприятий. Онъ является защитникомъ ограничительной политики и настаиваетъ на необходимости вмѣшательства правительства, какъ силы руководящей, регулирующей и наблюдающей, въ экономическую жизнь. Подобно многимъ изъ своихъ современниковъ, онъ является въ то же время врагомъ церковнаго господства и другихъ средневѣковыхъ переживаній.

Упомянемъ еще о слѣдующихъ писателяхъ: *Романьози* (Romagnosi, ум. въ 1835 г.), который содѣйствовалъ своими

работами въ періодической литературѣ и личнымъ преподаваніемъ развитію экономической мысли въ Италіи; *Антоніо Шіалойя* (Antonio Scialoja, ум. въ 1874 г.), весьма способный защитникъ свободной торговли („Principii d'Economia Sociale“, 1840 г., и „Carestia e Governo“ („Бѣдность и правительство“, 1853 г.); *Луиджи Чибраріо* (Luigi Cibrario), который былъ авторомъ весьма извѣстнаго сочиненія „Economia Politica del medio evo“, 1839 г., 5 изд. 1861 г. (франц. пер. *Барно* (Barneaud) 1859 г.); въ этомъ трудѣ заключается обзорѣніе всей социальной системы этого времени; *Джироламо Баккардо* (Girolamo Baccardo, род. въ 1829 г.)—„Trattato teorico-pratico di Economia Politica“, 1853 г.; блестящій полемистъ *Франческо Феррара* (Francesco Ferrara), профессоръ Туринскаго университета съ 1849—58 г., у котораго училось большинство современныхъ итальянскихъ преподавателей экономіи; этотъ писатель былъ сторонникомъ системы „laissez faire“ въ самомъ крайнемъ ея видѣ и защитникомъ своеобразныхъ воззрѣній Кэри и Бастіа на ренту,—и, наконецъ, *Лудовико Біанчини* (Ludovico Bianchini) „Principii della Scienza del Ben Vivere Sociale“, 1845 и 1855 гг., который извѣстенъ какъ слѣдовавшій до извѣстной степени историческому направленію, а также настаивавшій на принципѣ относительности и на связи экономіи съ моралью. Вообще итальянскіе экономисты, къ ихъ чести, отличаются, по общему правилу, отъ другихъ экономистовъ постояннымъ пониманіемъ этой связи экономіи и морали.

И С П А Н І Я.

„Богатство Народовъ“ было переведено на испанскій языкъ *Ортиземъ* (Ortiz) въ 1794 г. Трудъ Смита, быть-можетъ, оказалъ вліяніе на Гаспара де Юввелланосъ (Gaspar de Jovelanos), который въ 1795 году представилъ въ совѣтъ Кастили напечатанный въ томъ же году свой знаменитый трудъ

„Informe de la Sociedad Economica de Madrid en expediente de Ley Agraria“ *), являющийся могучимъ требованіемъ реформъ, въ особенности въ области обложенія и законовъ, касающихся земледѣлія, субституцій и владѣній мертвой руки.

ГЕРМАНИЯ.

Рошеръ замѣчаетъ, что А. Смитъ первое время не произвелъ большого впечатлѣнія въ Германіи **); кажется, что Фридрихъ Великій не былъ знакомъ съ „Богатствомъ Народовъ“; во всякомъ случаѣ этотъ трудъ не оказалъ на него вліянія. Даже Иосифъ II-й ничего не зналъ объ этомъ трудѣ. Карлъ Фридрихъ Баденскій, одинъ изъ менѣе значительныхъ германскихъ принцевъ, какъ физиократъ, не имѣлъ расположенія ко взглядамъ Смита. Совершенно другое впечатлѣніе Смитъ произвелъ на слѣдующее поколѣніе, которое выступило на работу и, главнымъ образомъ, трудилось въ первое десятилѣтіе XIX вѣка.

Прусскіе государственные дѣятели, группировавшіеся около Штейна, въ экономическихъ вопросахъ были учениками Смита; таковымъ же былъ и *Гентцъ* (Gentz), по уму самый выдающийся человекъ во время Меттерниховскаго режима въ Австріи.

Первыми германскими истолкователями Смита, которые не ограничивались простымъ воспроизведеніемъ его мыслей, были: *Христианъ Якобъ Краусъ* (Christian Jacob Kraus, 1753 — 1807)

*) Англійское изложеніе этого мемуара можно найти въ переводѣ *Лаборда* (Labord) — „Spain“, т. IV.

**) Первый нѣмецкій переводъ „Богатства Народовъ“ былъ сдѣланъ *Юганномъ Фридрихомъ Шиллеромъ* (Johann Friedrich Schiller) и появился въ 1776 — 78 г.; второй и впервые удовлетворительный принадлежитъ перу *Христиана Гарве* (Christian Garve, 1794 и затѣмъ снова 1799 и 1810 г.). Позднѣйшій переводъ *С. Ашера* (W. Asher) особенно хорошъ (1861 г.). Въ недавнее время появились переводы *Штѣпеля* (Stöpel, 1878 г.) и *Левенталя* (Löwenthal, 1879 г.).

Георгъ Сарториусъ (Georg Sartorius, 1766—1828; рус. пер. въ 1812 г.) и *Августъ Людеръ* (August Ferdinand Luder, 1760 — 1819); они высказали самостоятельные взгляды по различнымъ вопросамъ и съ разныхъ точекъ зрѣнія; первый изъ нихъ обратилъ особое вниманіе на вліяніе идей Адама Смита на хозяйственную политику, второй — на отношеніе ученій Смита къ исторіи и, наконецъ, третій — къ статистикѣ.

Нѣсколько позднѣе выступили еще: *Готтлибъ Губеландъ* (Gottlieb Hufeland, 1760 — 1817), *Иоаннъ Лотцъ* (Johann Friedrich Eusebius Lotz, 1771 — 1838) и *Людвигъ Якобъ* (Ludwig Heinrich von Jacob, 1759—1827); всѣ эти писатели принадлежали по существу къ школѣ Смита и занимались пересмотромъ основныхъ положеній въ его ученіяхъ; они не имѣли такого широкаго вліянія, какъ Сэ, отчасти вслѣдствіе непривлекательности языка, которымъ написаны ихъ труды, отчасти потому, что Германія въ то время мало обращала, обратно съ Франціей, на себя вниманіе Европы.

Юлиусъ Соденъ (Julius Soden, 1754 — 1831) строитъ всю свою систему на ученіяхъ Смита и въ то же время съ замѣтной суровостью критикуетъ порядокъ и форму его изложенія; о „Богатствѣ Народовъ“, напр., онъ говоритъ какъ о серіи драгоценныхъ фрагментовъ. Соденъ упрекаетъ Смита за отсутствіе общаго и опредѣленнаго взгляда на весь предметъ и за англійскую односторонность его стремленій.

Высшей формы развитія ученіе Смита достигаетъ въ трудахъ *Карла Г. Рау* (Karl Heinrich Rau, 1792—1870), *Фридриха Небенюса* (Friedrich Nebenius, 1784—1857), *Фридриха Б. Германна* (Friedrich Benedict Wilhelm Hermann, 1795 — 1868) и *Иоанна Тюнена* (Johann Heinrich Thünen, 1783—1850).

Характеристикой Рау является его „глубокая эрудиція“. Его „Lehrbuch“ (1826—1832) является полной энциклопедіей всего того, что появилось въ Германіи по теоріи народнаго хозяйства (Volkswirtschaftslehre), по хозяйственной политикѣ (Volkswirtschaftspolitik) и финансамъ (Finanzwissen-

schaft). Книга Rau богата статистическими указаниями и особенно поучительна своим анализом влияния различных географических условий. Она является хорошим руководством для государственных деятелей, имѣющих по своим обязанностям отношеніе къ теоріи хозяйства, и въ дѣйствительности была источником, изъ котораго, вплоть до настоящаго времени, нѣмецкое чиновничество получало всѣ свои свѣдѣнія о теоріи народнаго хозяйства. Въ болѣе раннемъ періодѣ своей дѣятельности Rau (см. Ansichten der Volkswirtschaft, 1821) настаивалъ на необходимости реформъ въ экономической теоріи и склонялся къ принципу относительности и историческому методу; но въ послѣдствіи онъ составилъ себѣ ложное представленіе объ этомъ методѣ, утверждая, будто „онъ приводитъ къ тому, что наука занимается лишь прошедшимъ, не заботясь и не изыскивая средствъ, съ помощью которыхъ можно улучшить настоящее“, и сдѣлался чистымъ практикомъ въ узкомъ смыслѣ этого слова. Особенную заслугу въ наукѣ онъ приобрѣлъ своимъ ученіемъ „о предпринимательской прибыли“ или, что то же, ученіемъ „о вознагражденіи за веденіе хозяйства“.

Прусскій министръ *Небеніусъ*, одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ организациі таможеннаго союза, былъ авторомъ въ высшей степени цѣнной монографіи объ общественномъ кредитѣ (Das öffentliche Credit, 1820).

„Staatwirthschaftliche Untersuchungen“ *Германна* (1832 г., 2 изд. 1870 г.) не представляютъ собою какой-нибудь полной и составленной по плану системы; это скорѣе сборникъ изслѣдованій по разнымъ важнымъ вопросамъ. Обладая рѣдкими знаніями по технологіи, Германнъ имѣлъ возможность съ особымъ успѣхомъ заниматься изученіемъ нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ. Съ большимъ искусствомъ, основательностью и остроуміемъ онъ подвергаетъ изслѣдованію главнѣйшіе вопросы науки. „Его сила,“ говоритъ Рошеръ, „заключается въ замѣчательной способности къ ясному, тон-

кому и исчерпывающему обособленію частей сложнаго понятія или различныхъ стадій сложнаго дѣйствія.“ За способность его къ тонкому анализу нѣмецкіе собратья Германна сравниваютъ его съ Рикардо. Германнъ, однако, избѣжалъ нѣкоторыхъ одностороннихъ взглядовъ, которые свойственны этому англійскому экономисту. Такъ, онъ ставитъ наравнѣ съ эгоизмомъ, какъ однимъ изъ хозяйственныхъ мотивовъ дѣятельности, и духъ общности; онъ считаетъ, что цѣна измѣряется не однимъ трудомъ, но является продуктомъ нѣсколькихъ факторовъ; онъ разсматриваетъ потребление рабочаго не какъ часть затраты капиталиста, но какъ главную практическую задачу всей теоріи народнаго хозяйства.

Фонъ-Тюнень извѣстенъ главнымъ образомъ какъ авторъ замѣчательнаго труда „Изолированное государство“ (Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirthschaft und National-ökonomie, 1826 г., 3 изд. 1875 г. *). Въ этомъ классическомъ сочиненіи по экономіи сельскаго хозяйства обнаруживается рѣдкое сочетаніе точнаго наблюденія съ творческимъ воображеніемъ. Поставивъ своей задачей изобразить естественное развитіе земледѣлія, Тюнень дѣлаетъ предположеніе о существованіи государства, вполне изолированнаго отъ всего остальнаго міра, и съ территоріей, имѣющей форму круга; въ этомъ предполагаемомъ государствѣ почва всюду одинаково плодородна; нѣтъ ни судоходныхъ рѣкъ, ни каналовъ; обширный и единственный городъ находится въ центрѣ государства и снабжаетъ всю страну фабричными издѣліями, получая въ обмѣнъ пищу и сырье. При подобныхъ условіяхъ Тюнень изучаетъ затѣмъ влияніе разстояній отъ этого центральнаго рынка на земледѣльческую экономію различныхъ концентрическихъ поясовъ, на которые распадается вся территорія изолированнаго государства. Методъ, которому слѣдуетъ Тюнень, хотя и

*) Русскій переводъ *Матвѣя Волкова*. Карльсруэ, 1857 г.

вполнѣ абстрактенъ и не можетъ быть особенно плодотворнымъ, но употребленіе его имѣетъ свои основанія. Авторъ вовсе не думаетъ, что предположенный имъ случай представляетъ собой нѣчто реально-существующее. Но предположеніе, о которомъ идетъ рѣчь, по мнѣнію автора, необходимо, ибо мы получаемъ такимъ путемъ возможность выдѣлить и обособленно разсмотрѣть одно весьма важное для сельскаго хозяйства условіе, а именно вліяніе мѣстоположенія на сбытъ. Тюненъ предполагалъ (намѣренія его осуществились, однако, не вполнѣ) создать еще рядъ гипотезъ, посредствомъ которыхъ можно было бы также обособленно изучить вліяніе на хозяйство и другихъ условій, которыя въ дѣйствительной жизни имѣются въ различныхъ комбинаціяхъ или взаимно сталкиваются. Самое существенное возраженіе противъ его метода заключается въ томъ, что весьма трудно, а для большей части случаевъ и почти невозможно, переходить отъ абстрактнаго изученія къ фактамъ дѣйствительной жизни. Трудъ Тюнена однако даетъ нѣсколько вполнѣ правильныхъ выводовъ о порядкѣ слѣдованія различныхъ земледѣльческихъ системъ. Онъ изобилуетъ вычисленіями размѣра земледѣльческихъ издержекъ и дохода; эти вычисленія, цѣнные для специалиста, уменьшаютъ однако интересъ книги для обыкновеннаго читателя; они являются результатомъ практическаго опыта автора, въ его имѣніи Телловъ въ Мекленбургъ-Шверинѣ.

Тюнена сильно волновала возможность страшнаго столкновенія между среднимъ классомъ и пролетаріатомъ, онъ серьезно изучалъ вопросъ о рабочей платѣ, на которую онъ одинъ изъ первыхъ сталъ смотрѣть не только какъ на цѣну товара „труда“, но какъ на источникъ существованія главной массы всего населенія. Посредствомъ нѣсколько запутанныхъ математическихъ выкладокъ онъ получилъ формулу, которая служитъ выраженіемъ „естественной величины заработной платы“; формула эта такова: $\frac{1}{\sqrt{a}}$, гдѣ a есть вели-

чина, выражающая собой размѣръ необходимаго для существованія рабочаго, p — продуктъ его труда. Тюненъ придавалъ ей столь большое значеніе, что приказалъ выгравировать ее на своей могильной плитѣ. Изъ этой формулы слѣдуетъ, что заработная плата должна возрастать съ увеличеніемъ общаго количества продуктовъ труда; этотъ выводъ побудилъ его установить въ своемъ имѣніи систему участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія, кое-какія свѣдѣнія о которой сообщаетъ *С. Тэйлоръ* (Sedley Taylor) въ своемъ „Profit Sharing between Capital and Labour“ (1884). Тюненъ заслуживаетъ гораздо большаго вниманія, чѣмъ то, какимъ онъ до сихъ поръ пользовался въ Англіи. Какъ человекъ и какъ писатель, Тюненъ является въ высшей степени интересной и оригинальной личностью. Въ его „Изолированномъ государствѣ“ и въ другихъ трудахъ много такого, что будитъ интересъ и внушаетъ новыя мысли.

Рошеръ говоритъ о существованіи такъ называемой имъ „русско-германской школы“ въ политической экономіи и считаетъ самымъ виднымъ ея представителемъ *Гейнриха Шторха* (Heinrich Storch, 1766—1825). Меркантилистическія ученія нашли себѣ провозвѣстника въ Россіи еще при Петрѣ Великомъ въ лицѣ природнаго русскаго экономиста-самоучки *Ивана Посошкова* *). Новыя идеи Смита были занесены въ Россію *Христіаномъ Шлѣцеромъ* (Christian Schlözer, 1774—1831), частью посредствомъ его университетскихъ чтеній, частью его трудомъ „Основныя начала государственнаго хозяйства или ученіе о народномъ богатствѣ“ (Anfangsgründe der Staatswirthschaft oder die Lehre vom Nationalreichthume, 1803—1807)**).

*) См. изслѣдованіе о Посошковѣ дерптскаго профессора, Врикнера (на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ): „Иванъ Посошковъ. Часть I. Посошковъ, какъ экономистъ.“ СПб. 1876. *Прим. Ред.*

**) Хр. Шлѣцеръ состоялъ профессоромъ Московскаго университета; его книга въ томъ же году была издана и по-русски: „Начальныя основанія государственнаго хозяйства, сочиненія Хр. Шлѣцеромъ“, 1805 г. и 2 изд. 1821 г. Москва. *Прим. Ред.*

Шторхъ былъ воспитателемъ Императора Николая и его брата Великаго Князя Михаила; сущность его уроковъ по предмету политической экономіи и составляетъ содержаніе его „Cours d'économie politique“ (1815 г.). Цензура не разрешила перевести тогда этотъ трудъ на русскій языкъ*). Рау составилъ переводъ этого труда на нѣмецкій языкъ и издалъ его съ примѣчаніями въ 1819 году. Курсъ Шторха представляетъ собою весьма почтенный трудъ. Врядъ ли можно сказать о Шторхѣ, что онъ принадлежалъ къ „русско-германской школѣ“. Самъ Рошеръ признаетъ, что Шторхъ былъ послѣдователемъ, главнымъ образомъ, англійскихъ и французскихъ писателей — Сэ, Сисмонди, Турго, Бентама, Стюарта и Юма, и болѣе всего Адама Смита. Его личное положеніе (то же можетъ быть сказано и о Шлёцерѣ) дало ему возможность изучить экономическіе законы въ связи съ наблюденіемъ весьма отличныхъ условій жизни, сравнительно съ тѣми, среди которыхъ слагалась на западѣ экономическая теорія. Эта перемѣна въ точкѣ зрѣнія облегчила пониманіе принципа относительности и подготовила путь историческому методу. Особенно цѣнно въ трудѣ Шторха изслѣдованіе объ экономическомъ и нравственномъ вліяніи крѣпостного права. Съ особеннымъ успѣхомъ занимался Шторхъ еще слѣдующими вопросами: 1) ученіемъ о нематеріальныхъ благахъ (здоровье, естественныя и пріобрѣтенныя способности, нравственность и т. п.), какъ элементахъ національнаго благосостоянія; 2) вопросомъ о „производительномъ и непродуцительномъ“ характерѣ труда и потребления, по которому онъ расходился со Смитомъ и по которому онъ могъ бы снабдить Дюнойѣ нѣкоторыми добавочными указаніями; 3) изученіемъ различія между доходомъ націи и отдѣльнаго лица; въ этомъ вопросѣ онъ былъ сто-

*) Въ позднѣйшее время издано по-русски, но въ сокращенномъ видѣ.

ронникомъ Лодердэля и противникомъ Сэ, который издалъ въ 1823 г. новое изданіе курса Шторха и снабдилъ его оскорбительными по тону примѣчаніями; отвѣчая на эти примѣчанія, Шторхъ написалъ на французскомъ языкѣ брошюру (1824 г., въ 1825 году авторъ самъ составилъ ея нѣмецкій переводъ) „Considérations sur la nature du revenu national“, которая должна быть признана самымъ зрѣлымъ и серьезнымъ его трудомъ.

Явная оппозиція Смитовой экономической теоріи раздалась въ Германіи со стороны двухъ писателей, которые, исходя изъ совершенно противоположныхъ точекъ зрѣнія, одушевленные совершенно различными чувствами, стремясь къ отличнымъ практическимъ системамъ, въ своей критикѣ этой теоріи, однако, пришли къ сходнымъ результатамъ. Мы говоримъ объ Адамѣ Мюллерѣ и Фридрихѣ Листѣ.

Адамъ Мюллеръ (A. Müller, 1779—1829) былъ несомнѣнно человекомъ рѣдкихъ способностей. Въ главномъ своемъ трудѣ „Elemente der Staatskunst“ (1809) и въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ является послѣдователемъ въ экономической области того направленія, которое въ исторіи литературы обыкновенно называютъ „романтизмомъ“. Реакція противъ ученія Смита, главаремъ которой былъ Мюллеръ, основывалась на привязанности къ принципамъ и соціальной системѣ среднихъ вѣковъ. Весьма возможно, что политическія и историческія идеи, которыя одушевляли Мюллера, его отвращеніе къ современному либерализму, его представленія о правильномъ органическомъ развитіи, особенно примѣнительно къ Англій, были заимствованы до нѣкоторой степени у Эд. Берка (Burke), трудъ котораго „Разсужденія о французской революціи“ былъ переведенъ на нѣмецкій языкъ Фридрихомъ Гентцомъ, другомъ и учителемъ Мюллера. Зависимость его критическихъ пріемовъ отъ предубѣжденія въ пользу среднихъ вѣковъ не должна однако помѣшать намъ признать тѣ элементы истины, которые въ нихъ заключаются.

Мюллеръ протестуетъ противъ доктрины А. Смита и противъ всей новѣйшей политической экономии, потому что, по его мнѣнію, въ основаніи этихъ ученій лежитъ механическое, атомистическое и чисто матеріальное представленіе объ обществѣ; доктрина Смита и новѣйшая политическая экономія сводятъ на ничто всѣ нравственныя силы, игнорируютъ необходимость нравственнаго порядка, по существу являются лишь теоріей частной собственности и частныхъ интересовъ и не обращаютъ вниманія на народную жизнь какъ на цѣлое въ ея національной солидарности и ея историческомъ теченіи. Наука занимается, жалуется онъ, только непосредственнымъ производствомъ благъ, обладающихъ мѣнною цѣнностью и временнымъ существованіемъ отдѣльныхъ личностей, а между тѣмъ поддержаніе возможности общественнаго производства для будущихъ поколѣній, интеллектуальные продукты, силы, имущества, удовольствія, государство съ его высшими задачами и цѣлями—всему этому почти не удѣляется вниманія. Въ дѣйствительности всѣ націи являются отдѣльными организмами съ различными жизненными принципами и съ опредѣленной индивидуальностью, въ зависимости отъ которой находится вся ихъ историческая жизнь. Каждая нація всегда представляетъ собой нѣчто цѣлое, и такъ какъ настоящее есть наслѣдіе прошедшаго, то она должна постоянно имѣть въ виду существенныя интересы и благо будущихъ поколѣній. Хозяйство есть только одна сторона или область общей дѣятельности народа, и ее необходимо привести въ связь съ высшими цѣлями общества; эта задача выпадаетъ на государство, которое вмѣсто того, чтобы быть простымъ механизмомъ для отправленія юстиціи, должно служить выразителемъ цѣлостности всей національной жизни. Ученіе о раздѣленіи труда, по мнѣнію Мюллера, разработано Смитомъ неудовлетворительно; онъ полагаетъ, что раздѣленіе труда является естественнымъ послѣдствіемъ прирожденнаго стремленія къ обмѣну и промѣну, но зависимость этого явленія

отъ капитала, отъ труда и сбереженій предшествовавшихъ поколѣній не получаетъ должной оцѣнки; Смитъ также не обратилъ вниманія на необходимый противовѣсъ и дополненіе къ раздѣленію труда, явственно выражающійся въ принципѣ всенароднаго соединенія труда. Смитъ знаетъ только вещественный капиталъ и ничего не говоритъ о нравственномъ капиталѣ, который, подобно тому, какъ первый представленъ деньгами, заключается въ національномъ языкѣ, этомъ хранителѣ опытности, мудрости, здраваго смысла, нравственнаго чувства; только посредствомъ языка всѣ эти качества передаются отъ одного поколѣнія къ другому, и каждое послѣдующее поколѣніе получаетъ возможность создать гораздо больше, чѣмъ предшествовавшее. Наконецъ вся система Смита отличается англійской односторонностью. Она безвредна на почвѣ Англій, потому что въ этой странѣ сохранились старыя основанія, на которыхъ нравственная и матеріальная жизнь можетъ безопасно покоиться; основанія эти заключаются въ сбереженныхъ остаткахъ феодализма и во внутренней связи всей соціальной системы—въ національномъ капиталѣ законовъ, обычаевъ, добрыхъ традицій и довѣрія; все это сохранилось въ своей неприкосновенности въ Англій въслѣдствіе ея обособленнаго островнаго положенія. Для континента Европы нужна совсѣмъ другая система, которая должна обращать вниманіе не на сумму богатства отдѣльныхъ лицъ, но на дѣйствительное богатство націи, на производство національныхъ силъ; система эта должна охватывать рядомъ съ раздѣленіемъ труда и его всенародное соединеніе, а также рядомъ съ матеріальнымъ капиталомъ должно столько же заключать интеллектуальный и нравственный капиталъ. Въ представленныхъ нами характерныхъ чертахъ ученія Мюллера есть много сходнаго съ новѣйшими видами экономическихъ и соціологическихъ идей нѣмецкихъ писателей, въ особенности тѣхъ, которые принадлежатъ къ „исторической школѣ“.

Вторымъ изъ противниковъ системы Смита былъ, какъ мы уже говорили, *Фридрихъ Листъ* (Friedrich List, 1798—1846 г.). Это былъ человекъ съ большой умственной силой и огромной практической энергіей; особенную извѣстность приобрѣлъ онъ потому, что своими трудами много содѣйствовалъ образованію германскаго таможеннаго союза. Главный его трудъ былъ изданъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Das Nationale System der Politischen Oekonomie (1841 г., 7 изд. 1883 г.) *). Хотя его практическіе выводы различались отъ таковыхъ же у Мюллера, но общая манера мыслить и недоброжелательное отношеніе къ системѣ Смита этого послѣдняго писателя оказали сильное вліяніе на Листа. Листъ особенно вооружается противъ космополитичности новѣйшей политической экономіи и противъ абсолютной теоріи свободной торговли, которая находится въ связи съ этими принципами космополитизма. Онъ выдвигаетъ на первый планъ принципъ національности и настаиваетъ съ особой силой на той идеѣ, что каждая нація для достиженія своихъ цѣлей имѣетъ свои средства, которые находятся въ соответствіи съ окружающими обстоятельствами и степенью ея развитія.

Онъ не соглашается называть систему Смита „промышленной системой“; по его мнѣнію это названіе болѣе соответствуетъ меркантилизму; систему Смита слѣдуетъ называть „мѣнновой“. Листъ доказываетъ, что утвержденіе Смита, будто отдѣльныя лица и націи руководятся въ своей хозяйственной дѣятельности одними и тѣми же принципами, невѣрно, и что преслѣдованіе отдѣльными лицами своихъ интересовъ не можетъ создать общаго блага. Нація есть нѣчто существующее и стоящее между отдѣльнымъ лицомъ и цѣлымъ человечествомъ и составляетъ единое цѣлое по своему языку, нравамъ, историческому развитію и государ-

*). См. «Взгляды на системы политической экономіи Фр. Листа» въ № 10 журнала «Сельскаго Хозяйства» 1856 года.

ественному устройству. Это единство является первымъ условіемъ безопасности, благосостоянія, прогресса и цивилизаціи отдѣльной личности; частный экономическій интересъ и всѣ другіе интересы должны отойти на второй планъ, если дѣло идетъ о сохраненіи, развитіи или усиленіи національности. Такъ какъ жизнь націи продолжается непрерывно, то истинное ея богатство (это положеніе составляетъ основаніе всей теоріи Листа) заключается не въ количествѣ мѣнновыхъ цѣнностей, которыми она обладаетъ, но въ полномъ и многостороннемъ развитіи ея производительныхъ силъ. Экономическое воспитаніе націи, если можно такъ выразиться, гораздо важнѣе непосредственнаго производства цѣнностей, и должно быть признано за правило, что настоящее поколѣніе должно жертвовать своими выгодами и удовольствіями для того, чтобы обезпечить силу и способности будущихъ поколѣній.

При здоровыхъ и нормальныхъ условіяхъ нація, достигшая зрѣлости, должна равномерно развивать свои производительныя силы: земледѣліе, промышленность и торговлю. Послѣдніе два фактора имѣютъ, однако, гораздо большее значеніе, ибо они оказываютъ наиболѣе дѣйствительное и плодотворное вліяніе на всю культуру націи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечиваютъ ея независимость. Тѣсно связано съ прогрессомъ этихъ факторовъ и развитіе навигаціи, желѣзныхъ дорогъ и высшихъ родовъ техническаго знанія и искусства; въ чисто земледѣльческомъ государствѣ все наклонно къ застою, предприимчивость отсутствуетъ, старыя предубѣжденія сохраняются. Не всѣ страны, однако, способны къ развитію высшихъ формъ промышленности; только страны умѣреннаго пояса развиваютъ въ себѣ эти роды промышленности; страны жаркаго климата имѣютъ, напротивъ естественную монополию въ производствѣ извѣстныхъ видовъ сырыхъ продуктовъ, и такимъ образомъ между этими двумя группами странъ самопроизвольно устанавливается раздѣленіе труда и въ то же время сплоченіе силъ.

Затѣмъ Листъ переходитъ къ изложенію своей теоріи о существованіи стадій экономическаго развитія, чрезъ которыя страны умѣреннаго пояса (при наличности необходимыхъ для того условій) обыкновенно проходятъ до достиженія нормальнаго экономическаго положенія. Онъ указываетъ слѣдующія стадіи: въ первой господствуетъ пастушескій бытъ, во второй — сельское хозяйство, въ третьей сельское хозяйство соединяется съ обрабатывающей промышленностью и, наконецъ, въ четвертой и послѣдней сельское хозяйство, промышленность и торговля равномѣрно развиты. Задача экономической политики государства заключается въ томъ, чтобы посредствомъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій создать въ каждый изъ этихъ періодовъ подходящія условія для дальнѣйшаго развитія. Вся система Листовой экономической политики вытекаетъ изъ этого положенія. Каждая нація, по мнѣнію Листа, должна начинать свою экономическую жизнь съ полной свободы торговли, поощряя и улучшая свое земледѣліе сношеніями съ болѣе богатыми и культурными странами, ввозя изъ нихъ предметы обрабатывающей промышленности въ обмѣнъ на собственное сырье. Когда, экономически развиваясь, страна достигнетъ такого состоянія, что сама уже можетъ заниматься переработкой сырья, тогда слѣдуетъ прибѣгнуть къ системѣ протекціи, чтобы дать возможность домашней обрабатывающей промышленности вполне развиться и чтобы предохранить ея молодыя силы отъ побѣждающаго соперничества болѣе зрѣлыхъ странъ на внутреннемъ рынкѣ. Когда національная промышленность окрѣпнетъ настолько, что ей нечего будетъ опасаться этого соперничества, тогда наступила, значить, высшая стадія развитія, свободная торговля снова должна сдѣлаться общимъ правиломъ и нація можетъ вступить въ міровой промышленный свободный союзъ. Во время Листа, по его собственному воззрѣнію, Испанія, Португалія и Неаполь были еще чисто земледѣльческими странами, Германія и Со-

единенные Штаты Сѣверной Америки достигли второй стадіи, ихъ мануфактура находилась еще въ процессѣ развитія, Франція была близка къ достиженію третьей, или высшей стадіи, которой достигла только одна Англія. Для этой послѣдней, а также для вышеуказанныхъ земледѣльческихъ странъ свободная торговля была поэтому правильной экономической системой, но подобная политика не годилась ни для Германіи, ни для Америки.

Слѣдуетъ помнить, что, по мнѣнію Листа, временныя потери въ мѣновыхъ цѣнностяхъ во время господства покровительственной политики націи искупить въ концѣ концовъ широкимъ развитіемъ своихъ производительныхъ силъ; эти потери аналогичны, если мы взглянемъ на вопросъ съ точки зрѣнія существованія націи, тратамъ на промышленное образованіе отдѣльнаго лица въ теченіе его дѣтства и юности. Практическій выводъ, сдѣланный Листомъ примѣнительно къ его странѣ, заключался въ томъ, что для экономическаго развитія Германіи необходимы: обширная территорія съ границами, надлежащимъ образомъ опредѣленными, которая бы примыкала съ сѣвера и юга къ морю, и широко развитая во всѣхъ отношеніяхъ промышленность и торговля; достигнуть послѣдняго можно было, по его мнѣнію, при посредствѣ здраваго покровительственнаго законодательства, таможеннаго союза, включающаго въ себя всѣ германскія государства, и навигаціоннаго акта относительно германскаго мореплаванія.

Возбужденіе, которое начинало обнаруживаться въ Германіи въ пользу борьбы за независимость и силу нѣмецкой націи посредствомъ союза германскихъ племенъ, оживленіе промышленности, которая въ эпоху Листа начинала просыпаться и стремилась вознаградить себя за потерянное время,—все это было весьма благоприятными обстоятельствами для книги Листа, и, дѣйствительно, она произвела въ Германіи огромное впечатлѣніе. Листъ во-время успѣлъ формулировать тенденціи и желанія своего времени въ родной странѣ. Появленіе

его книги повело къ тому, что экономическими вопросами стали заниматься не только мыслители и чиновники, какъ это было прежде, но и люди практической жизни; книга Листа оказала несомнѣнное вліяніе на характеръ германской экономической политики. Нѣкоторое значеніе имѣетъ Листъ въ наукѣ и потому, что онъ настаивалъ на необходимости относительно историческаго изученія экономическихъ вопросовъ на различныхъ стадіяхъ цивилизаціи и протестовалъ противъ установленія абсолютныхъ формулъ. Предпочтеніе, которое давалъ Листъ національному развитію предъ выгодами отдѣльныхъ лицъ—здорово въ принципѣ; все его ученіе, однако, какъ съ общественной, такъ и съ частной точки зрѣнія основывалось на стремленіи къ богатству, было близко къ простой Хрематистикѣ и въ сущности скорѣе являлось новой формой меркантилизма, чѣмъ ученіемъ, которое могло бы способствовать современнымъ стремленіямъ къ соціальной реформѣ.

Большая часть какъ иностранныхъ, такъ и англійскихъ писателей, о которыхъ до сихъ поръ говорилось, придерживались традицій, данныхъ школой Смита; одни изъ нихъ развивали его ученія въ частностяхъ, иногда не безъ односторонности и преувеличеній, или же занимались исправленіемъ малозначительныхъ ошибокъ въ его системѣ и старались изложить его идеи съ большей ясностью и въ большемъ порядкѣ. Другіе, высказываясь противъ злоупотребленія абстрактнымъ методомъ со стороны преемниковъ Смита, старались опровергнуть заключенія Рикардо и его послѣдователей, указывали на несоотвѣтствіе ихъ ученій съ фактами дѣйствительной жизни и протестовали противъ анти-соціальныхъ выводовъ, которые, по ихъ мнѣнію, являлись послѣдствіемъ приложенія такъ называемыхъ ортодоксальныхъ формулъ. Весьма немногіе отнеслись съ отрицаніемъ къ основнымъ идеямъ Смита, настаивая на необходимости измѣнить тѣ общія философскія основанія, на которыхъ въ конечномъ результатѣ покоится его экономическая система.

Несмотря, однако, на различныя предваряющія указанія и намеки въ разсмотрѣнныхъ нами трудахъ, ничего сколько-нибудь существеннаго для обоснованія дѣйствительно новаго порядка мышленія или новаго способа изслѣдованія въ области экономической теоріи намъ еще не приходилось отмѣчать. Теперь, на слѣдующихъ страницахъ, намъ предстоитъ описать великое разрастающееся движеніе, которое уже въ значительной степени измѣнило представленіе многихъ относительно характера изученія политической экономіи и въ будущемъ обѣщаетъ оказать на мыслителей еще болѣе могучее вліяніе. Мы имѣемъ въ виду возникновеніе исторической школы, которая знаменуетъ собой, по нашему мнѣнію, начало третьяго періода въ современномъ развитіи экономической науки.

ГЛАВА VI.

Историческая школа.

Отрицательное движение XVIII-го вѣка поставило своимъ лозунгомъ въ экономической сферѣ освобожденіе промышленности отъ феодальныхъ переживаній и правительственной опеки. Для всѣхъ сторонъ этого движенія, какъ экономической, такъ и другихъ, процессъ разрушенія былъ исторически неизбѣжнымъ предварительнымъ условіемъ того полного обновленія, къ которому Западная Европа обнаруживала настойчивое стремленіе, не отдавая даже себѣ яснаго отчета о его характерѣ. Разрушеніе всей совокупности идей, на которыхъ покоилась старая система, совершалось гораздо быстрее, чѣмъ выработка новыхъ принциповъ, которые должны были сдѣлаться руководящими на будущее время. Критическая философія, произведшая это разрушеніе, лишь постоянно повторяла свои формулы о необходимости безграничной свободы, но была совершенно неспособна къ творческой работѣ. Благодаря всему этому, Западная Европа въ періодъ, наступившій послѣ великой французской революціи, представляла собой замѣчательное зрѣлище: въ ней обнаруживается постоянное колебаніе между стремленіемъ, съ одной стороны, къ устарѣлымъ взглядамъ, а съ другой—смутнымъ желаніемъ новаго порядка мышленія и жизни; послѣднее стремленіе часто имѣло даже анархическій характеръ.

Выдти изъ этого неопредѣленнаго положенія, которое всему нашему вѣку придало двусмысленный и переходный харак-

теръ, было единственно возможно посредствомъ созданія научной соціальной теоріи, которая могла бы послужить базисомъ для постепеннаго соглашенія взглядовъ на человѣческіе вопросы. Безсмертная заслуга *Огюста Конта* (1798—1857 г.) именно заключается въ томъ, что онъ положилъ основаніе для такой теоріи.

Руководящіе принципы соціологии, какъ ее представлялъ себѣ Огюсть Контъ, заключались въ слѣдующемъ: *во-первыхъ*, соціология по существу своему является единой наукой и занимается изслѣдованіемъ всѣхъ элементовъ общественнаго состоянія въ ихъ соотношеніяхъ и взаимодействіи; *во-вторыхъ*, она должна дать динамическую и статическую теорію общественнѣднія; *въ-третьихъ*, она устраняетъ всякія абсолютныя положенія и на мѣсто представленія о воображаемомъ постоянствѣ ставитъ представленіе о законосообразномъ измѣненіи; *въ-четвертыхъ*, главный методъ, которымъ она пользуется (хотя не исключаются и другіе), есть методъ историческаго сравненія; *въ-пятыхъ*, соціология проникнута нравственными идеями, представленіемъ объ общественномъ долгѣ въ отличіе отъ индивидуальныхъ правъ, которыя были послѣдовательнымъ выводомъ изъ такъ называемаго „естественнаго права“ (*jus naturae*); *въ-шестыхъ*, своими ученіями и практическими выводами она стремится къ осуществленію тѣхъ великихъ цѣлей, которыя во всей ихъ совокупности составляютъ то, что мы называемъ „народнымъ дѣломъ“; *въ-седьмыхъ*, къ достиженію указываемыхъ цѣлей она стремится мирнымъ путемъ, стараясь замѣнить революцію—эволюціей*). Различныя изъ перечисленныхъ нами характерныхъ свойствъ соціологии

*) Было бы большою ошибкой предполагать, что признаніе того, что соціальныя явленія подчинены естественнымъ законамъ, даетъ какой-нибудь поводъ къ мысли о фаталистическомъ квіетизмѣ. Напротивъ, существованіе такихъ законовъ составляетъ необходимое основаніе всякой систематической работы для улучшенія условій нашей жизни или свойствъ нашей природы; въ этомъ можно убѣдиться, разсматривая сходные случаи при-

ческаго изученія не стоятъ обособленно другъ отъ друга, но должны быть жизненно связаны. О нѣкоторыхъ изъ нихъ мы теперь же должны сказать подробнѣе, другими мы еще займемся до окончанія настоящаго обзорѣня.

Въ мастерскомъ изложеніи существа соціологическаго метода, которое содержится въ четвертомъ томѣ „Philosophie positive“ (1839 г.) *), Контъ обращаетъ вниманіе на широкое различіе, существующее между соціальной статикой и соціальной динамикой; первая изучаетъ законы соціального сосуществованія, вторая — законы соціального развитія. Основной принципъ первой заключается въ общей гармоніи различныхъ соціальныхъ органовъ и функций, на которую мы можемъ смотрѣть (не расширяя, однако, до неестественныхъ предѣловъ эту полезную аналогію) какъ на сходную съ той, которая существуетъ между различными органами и функциями животнаго тѣла. Изученіе динамики совершенно отлично отъ изученія статики и неизбѣжно подчинено послѣдней, ибо прогрессъ является въ дѣйствительности развитіемъ порядка; точно также и въ біологіи изученіе эволюціи совершенно своеобразно и подчинено той отрасли изслѣдованія, которая занимается строеніемъ и функциями органовъ въ томъ ихъ видѣ, какъ они обнаруживаются эволюціей на различныхъ ступеняхъ восходящей скалы. Законы соціального сосуществованія и развитія составляютъ такой же предметъ для наблюденія, какъ и соотвѣтствующія имъ явленія въ жизни

мѣненія гигиеническихъ и терапевтическихъ средствъ. Такъ какъ, далѣе, чѣмъ сложнѣе явленія, тѣмъ болѣе они подлежатъ измѣненіямъ, то само собой слѣдуетъ, что соціальная область допускаетъ гораздо болѣе и дѣйтельное вмѣшательство чловѣка, чѣмъ область животной или неорганической природы. Что касается динамической стороны соціологіи, то хотя направленіе и существенный характеръ эволюціи предопредѣлены заранѣе, но степень ея быстроты и второстепенныя черты подлежатъ измѣненію.

*) Еще въ 1822 году Контъ изложилъ свои основные принципы въ брошюрѣ, которая перепечатана позднѣе въ приложеніи къ его „Politique positive“.

индивидуальнаго организма. Для изученія законовъ развитія въ частности самымъ подходящимъ методомъ будетъ сравнительный методъ біологіи въ измѣненномъ видѣ. Различныя послѣдовательныя стадіи общественнаго развитія слѣдуетъ подвергнуть систематическому сравненію для того, чтобы открыть законы ихъ послѣдовательности и опредѣлить происхожденіе ихъ характеристическихъ чертъ.

Хотя и должно заботиться о томъ, чтобы при статическихъ и динамическихъ изслѣдованіяхъ — ни противорѣчить и ни игнорировать основныхъ свойствъ чловѣческой природы, но въ то же время выводить какіе-нибудь законы изъ свойствъ этой природы, независимо отъ прямого наблюденія, вполнѣ невозможно. Мы не въ состояніи при посредствѣ такого метода предсказать ни общаго строя чловѣческаго общества, ни пути его развитія. Справедливость этого положенія съ особой ясностью обнаруживается на динамическихъ законахъ, ибо при переходѣ общества отъ одной стадіи развитія къ другой преобладающее значеніе имѣетъ накопленное вліяніе предшествовавшихъ поколѣній, которое слишкомъ сложно, чтобы его можно было изслѣдовать дедуктивно; этотъ выводъ мы должны постоянно имѣть въ виду потому, что нѣкоторые изъ такъ называемыхъ антропологовъ желали разсматривать науку объ обществѣ, какъ принадлежность или отпрыскъ біологіи. Безспорно, что принципы біологіи лежатъ въ основаніи науки объ обществѣ, но послѣдняя имѣетъ и всегда будетъ имѣть свою область изслѣдованія и свойственный лишь ей методъ. Областью соціологіи является исторія въ широкомъ смыслѣ, включая сюда и изслѣдованіе современныхъ фактовъ, а основной, хотя не единственно употребляемый ею методъ заключается, какъ мы уже говорили, въ соціологическомъ сравненіи, которое лучше всего можетъ быть названо „историческимъ методомъ“.

Эти общія положенія одинаково относятся какъ къ экономической, такъ и ко всѣмъ другимъ отраслямъ общественныхъ

изслѣдованій. Въ примѣненіи къ первымъ они приводятъ къ важнымъ выводамъ. Они доказываютъ, что мысль о возможности созданія истинной теоріи экономическаго быта и труда общества, отдѣльно отъ всѣхъ другихъ сторонъ жизни, является не болѣе, какъ иллюзіей. Такое обособленное изученіе жизни съ экономической точки зрѣнія, быть - можетъ, временно необходимо, но нѣтъ возможности создать какую-нибудь раціональную теорію экономическихъ органовъ и функций общества, если мы будемъ разсматривать ихъ обособленно отъ всѣхъ другихъ явленій. Другими словами, существованіе отдѣльной экономической науки, строго говоря, невозможно, ибо такая наука изображала бы намъ лишь одну сторону сложнаго организма, всѣ части и всѣ дѣйствія котораго находятся въ постоянномъ отношеніи соотвѣтствія и взаимнаго видоизмѣненія. Отсюда слѣдуетъ, что какъ бы полезны ни были указанія, которыя вытекаютъ изъ нашего знанія объ индивидуальной человѣческой природѣ, все же экономическое строеніе общества и способы его развитія нельзя изучать дедуктивнымъ путемъ; здѣсь примѣнимъ лишь методъ непосредственнаго историческаго изученія. Мы говоримъ „способы его развитія“, ибо очевидно, что какъ о каждомъ изъ социальныхъ элементовъ вообще, такъ и о хозяйственномъ факторѣ въ частности, существуетъ динамическая теорія, т.-е. ученіе о послѣдовательныхъ фазахъ экономическаго развитія; во всѣхъ до настоящаго времени принятыхъ системахъ не доставало чего-нибудь подобнаго, и все, что по этому предмету было сдѣлано, заключалось лишь въ обособленныхъ и отрывочныхъ представленіяхъ *). И такъ какъ, далѣе, хозяйственное строеніе и экономическая дѣятельность одной исторической эпохи сильно отличается отъ таковыхъ же другой, то мы должны вполне покинуть мысль о возможности созданія абсо-

*) Подъ влияніемъ О. Конта, Д. С. Милль попытался въ четвертой книгѣ своихъ „Основаній“ заняться изслѣдованіемъ экономической динамики; но этотъ отдѣлъ его труда принадлежитъ, по нашему мнѣнію, къ слабѣйшимъ.

лютной и имѣющей универсальное примѣненіе теоріи и замѣнить подобную теорію созданіемъ цѣлаго ряда такихъ системъ, послѣдовательность въ смѣнѣ которыхъ не должна быть, однако, произвольна, но законосообразна. §

Хотя задача Конта заключалась собственно въ попыткѣ созданія новой научной теоріи объ обществѣ, но онъ не могъ обойтись безъ критики трудовъ тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ, которые до него занимались изслѣдованіемъ различныхъ социальныхъ вопросовъ. Среди этихъ изслѣдователей онъ неизбѣжно долженъ былъ коснуться экономистовъ, и дѣйствительно во многихъ мѣстахъ вышеупомянутаго труда, а также и въ „Politique positive“, Контъ возражаетъ противъ общихъ взглядовъ экономистовъ и употребляемыхъ ими методовъ, высказывая по существу то же самое, что было сказано нами, когда мы занимались изученіемъ трудовъ Рикардо и его послѣдователей. Д. С. Милль былъ сильно недоволенъ этими возраженіями, которыя, по его мнѣнію, доказываютъ, „насколько повременамъ могъ быть поверхностенъ Контъ“ (самъ Милль, однако, по силѣ мысли ставитъ Конта наравнѣ съ Декартомъ и Лейбницемъ); врядъ ли бы онъ сдѣлалъ это несчастное замѣчаніе, если бы могъ предвидѣть дальнѣйшій путь, на который вступить европейская мысль, и если бы онъ могъ знать, насколько широко будутъ приняты главные основанія критики Конта, къ коимъ должны были придти независимо отъ него и другіе мыслители.

Г Е Р М А Н І Я .

Вторымъ проявленіемъ этого новаго движенія въ экономической наукѣ было возникновеніе германской исторической школы; надо полагать, что взгляды этой школы не вытекали, подобно теоріи Конта о социологическомъ методѣ, изъ философскихъ идей; они были, — и это гораздо вѣроятнѣе, — простымъ распространеніемъ на экономическія отношенія взгля-

довъ исторической школы въ юриспруденціи, самымъ виднымъ представителемъ которой былъ Савиньи. Правовая система не представляетъ собой прочнаго соціального явленія, она измѣняется и переходитъ изъ одного вида въ другой сообразно прогрессу общества; она находится въ жизненной связи съ существованіемъ другихъ соціальныхъ факторовъ, и то, что въ правовой области вполне соответствуетъ одной стадіи развитія, часто совершенно негодно для другой. Германскіе экономисты признали эти идеи и нашли, что онѣ вполне примѣнимы къ явленіямъ хозяйственной жизни; такимъ образомъ упрочился относительный взглядъ на явленія и всѣ абсолютныя положенія были признаны неправильными. Космополитизмъ, или увѣренность, что существуетъ одинаково истинная для всѣхъ странъ система, а также „перпетуализмъ“, или признаніе, что существуетъ одна равно истинная для всѣхъ стадій развитія система — потеряли кредитъ какъ научныя теоріи. Такимъ образомъ возникла германская историческая школа.

Опустивъ въ настоящемъ очеркѣ возникновеніе исторической школы всѣ предшествовавшія и неясныя начинанія въ этомъ родѣ, мы должны признать, что *Вильгельмъ Рошеръ* (W. Roscher) былъ основателемъ этой школы. Существенныя положенія новаго историческаго направленія были изложены Рошеромъ въ его „Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirthschaft nach geschichtlicher Methode“ (1843). Положенія эти, правда, отличаются нѣкоторою неясностью. Рошеръ, къ тому же, желая уяснить, что такое „историческій методъ“*), противопоставляетъ его „философскому методу“, — что врядъ ли удачно.

Вотъ руководящія тезисы, которые онъ выставляетъ въ предисловіи къ указанному труду: „историческій методъ обнару-

живается не только во внѣшней формѣ изслѣдованія явленій въ ихъ хронологической послѣдовательности, но и въ слѣдующихъ основныхъ идеяхъ: 1) историческій методъ стремится показать, какъ и о чемъ думали націи по экономическимъ вопросамъ, чего они желали, что открыли въ экономической области, изъ-за чего боролись и почему достигли желаемаго; 2) народъ не представляетъ собою массы индивидовъ, только въ настоящее время живущихъ. Кто хочетъ заниматься изученіемъ народнаго хозяйства, для того недостаточно наблюдать лишь современныя экономическія отношенія; 3) изслѣдованію и сравненію по экономическимъ явленіямъ подлежатъ всѣ народы, о которыхъ мы можемъ только узнать что-нибудь; съ особой пользой и интересомъ мы имѣемъ возможность заниматься изученіемъ жизни древнихъ народовъ, исторія которыхъ, во всей ея цѣлости, уже закончилась; 4) историческій методъ не допускаетъ ни порицанія, ни восхваленія экономическихъ учреждений; мало было такихъ учреждений, которыя могли бы быть вредны или полезны для всѣхъ народовъ и во всѣхъ стадіяхъ развитія; главная задача науки, съ точки зрѣнія экономиста-историка, заключается въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ и почему цѣлесообразное постепенно превратилось въ нелѣпое, а изъ благодѣянія часто получалось бѣдствіе.“ Изъ этихъ положеній Рошера только одинъ пунктъ третьяго подлежитъ возраженіямъ: народное хозяйство у древнихъ, можно утверждать, отнюдь не составляетъ болѣе важнаго предмета для изученія, чѣмъ то же народное хозяйство въ новое время; вообще не слѣдовало бы вовсе поднимать вопросъ объ относительномъ значеніи такихъ работъ, ибо существеннымъ условіемъ всякаго разумнаго соціологическаго изслѣдованія является сравнительное разсмотрѣніе по возможности всѣхъ наиболѣе полныхъ (изъ извѣстныхъ исторій) процессовъ развитія, въ особенности у той группы націй, которыя образуютъ то, что извѣстно подъ названіемъ „западныхъ государствъ“ или просто „Запада“. Основанія, вслѣдствіе кото-

*) Этотъ терминъ былъ, по всей вѣроятности, заимствованъ Рошеромъ изъ сочиненій, которыя были вызваны споромъ между Тибо, съ одной стороны, и Савиньи и школы Гуго — съ другой — по вопросу о методѣ въ юриспруденціи.

рыхъ мы предпочтительно должны заняться изученіемъ жизни именно этой группы народовъ и предѣлами ея временно ограничить предметъ своихъ изысканій, съ неопровержимой доказательностью изложены Контомъ въ его „Позитивной философіи“. Греція и Римъ составляютъ, конечно, одинъ изъ элементовъ этой группы; но исторія развитія жизни двухъ послѣднихъ народовъ во всемъ ея цѣломъ, а не какая-нибудь специальная ея особенность,— вотъ что долженъ имѣть въ виду соціологъ, который хочетъ открыть законы развитія человѣчества; характеръ изслѣдованія въ соціологіи такой же, слѣдовательно, какъ и въ біологіи, гдѣ предметомъ изученія служитъ не одна какая-нибудь важная стадія въ исторіи развитія организма, но вся совокупность испытанныхъ имъ измѣненій. О дальнѣйшихъ выдающихся заслугахъ Рощера мы будемъ говорить впоследствии; мы упомянули здѣсь о немъ только какъ объ одномъ изъ основателей новой школы.

Въ 1848 г. *Бруно Гильдебрандъ* (Bruno Gildebrand) издалъ первый томъ своего труда „Политическая экономія настоящаго и будущаго“ (Die National-ökonomie der Gegenwart und Zukunft)*). Хотя Гильдебрандъ и жилъ еще много лѣтъ послѣ изданія этого труда († 1878), но болѣе его не продолжалъ. Авторъ, о которомъ мы говоримъ, былъ дѣйствительно прекраснымъ мыслителемъ, и сомнительно, былъ ли кто-либо еще изъ среды германскихъ экономистовъ одаренъ столь глубокимъ и провицательнымъ умомъ. Онъ вполне свободенъ отъ многословія и темноты, т.-е. отъ качества, которыми такъ часто отличаются германскіе мыслители, и вѣрной и могучей рукой набрасываетъ широкій по существу контуръ изслѣдованія. Въ его книгѣ мы найдемъ мастерскую критику экономической системы, которая предшествовала и соприкасалась съ его временемъ, а также ученій Смита, Мюль-

*) Русскій переводъ М. П. Щепкина, 1860 г.

Прим. Ред.

лера, Листа и социалистовъ. Для настоящихъ нашихъ цѣлей намъ важно выяснить ту общую точку зрѣнія, на которой онъ стоитъ, и его представленія объ истинномъ характерѣ политической экономіи. Какъ онъ самъ сообщаетъ намъ, задачи его труда сводятся къ тому, чтобы проложить путь въ экономической области для историческаго направленія и метода и обратить политическую экономію въ ученіе о законахъ экономического развитія народовъ. Весьма интересно, что образцомъ такого изслѣдованія послужила для Гильдебранда не юриспруденція историческаго направленія, а наука о языкѣ, въ томъ ея новомъ видѣ, который она получила въ настоящемъ столѣтіи; вотъ почему онъ считалъ самымъ подходящимъ методомъ экономическихъ изслѣдованій—сравнительный методъ. Какъ въ политической экономіи, такъ и въ наукѣ о языкѣ, по мнѣнію Гильдебранда, замѣчается правильное, законосообразное измѣненіе во времени и вытекающая отсюда замѣна абсолютнаго относительнымъ.

Въ 1853 году появился трудъ *Карла Книса* (Karl Knies) „Die Politische Oeconomie vom Standpunkte der geschichtlichen Methode“. Это сочиненіе является самымъ полнымъ изложеніемъ и защитой историческаго метода въ его приложеніи къ экономической наукѣ и самымъ систематическимъ и опредѣленнымъ провозглашеніемъ, по крайней мѣрѣ, съ логической стороны, идей новой школы. Основная мысль этого труда заключается въ томъ, что какъ хозяйственный строй общества въ данное время, такъ и теоретическое представленіе объ экономической наукѣ являются результатомъ опредѣленнаго процесса историческаго развитія. Какъ то, такъ и другое находятся въ жизненной связи съ существованіемъ всего соціальнаго организма даннаго періода, развиваются вмѣстѣ съ нимъ и при тѣхъ же условіяхъ времени, мѣста, національности; слѣдуетъ признавать поэтому, что экономическая теорія должна проходить рядъ стадій, вполне соответствующихъ стадіямъ развитія общества, и что ни одна изъ этихъ стадій и ни въ какой моментъ не можетъ

представлять собой вполне определенную и неизменную форму; ни существующая, ни всякая из предшествовавших организаций общества не является абсолютно правильной и справедливой, и должна быть признана только как одна из стадий непрерывающейся исторической эволюции; на существующую экономическую теорию точно также нельзя смотреть как на нечто совершенное и конечное; она является лишь известной ступенью развития или прогрессивного обнаружения истины.

Авторъ, быть-можетъ, съ излишней подробностью и обстоятельностью останавливается на тѣхъ вопросахъ, которые составили содержаніе книги, но въ то же время обнаруживаетъ много остроумія, начитанности и мастерски критикуетъ ошибки, противорѣчія и преувеличенія своихъ предшественниковъ; характеризуя и защищая историческій методъ, онъ, однако, ничего не прибавилъ къ тому, что сказалъ О. Контъ. Второе изданіе труда Кнуса появилось въ 1883 г., и онъ дѣлаетъ здѣсь странное признаніе, будто бы, когда онъ писалъ свое изслѣдованіе въ 1852 году, „Позитивная философія“ О. Конта, шесть томовъ которой появились въ промежутокъ времени съ 1830 по 1848 г., „была совершенно неизвѣстна ему“, и, добавляетъ далѣе, „по всей вѣроятности, и всѣмъ германскимъ экономистамъ“. Это признаніе не дѣлаетъ чести внимательности или литературной бдительности германскихъ экономистовъ, въ особенности, если мы припомнимъ, что Милль уже велъ переписку съ Контомъ въ 1841 г. и что въ 1843 году въ своей „Логикѣ“ Милль уже отзывается съ похвалой о Контѣ. „Когда же, говоритъ намъ Кнись, онъ сталъ изучать въ болѣе поздній періодъ трудъ Конта, то онъ былъ пораженъ, найдя здѣсь такъ много мыслей, вполне согласныхъ съ тѣми, которыя онъ высказалъ гораздо позднѣе.“ И дѣйствительно, онъ могъ быть пораженъ, ибо все, что на самомъ дѣлѣ цѣнно въ методологіи Кнуса, можно найти и у Конта, но всѣ мысли послѣдняго по этому предмету принадлежатъ къ болѣе обширной области изслѣдованія и изло-

жены съ той широтой взгляда и съ той увлекающей силой, съ которой пишутъ только *die majores* философіи.

Въ положеніи, которое заняли нѣкоторые германскіе экономисты исторической школы, два пункта заслуживаютъ возраженія:

1) Кнись и нѣкоторые другіе писатели, устанавливая принципъ относительности въ экономической теоріи, повидимому не сохранили должнаго равновѣсія въ одномъ отношеніи. Обѣ формы абсолютизма въ теоріи, космополитизмъ и то, что Кнись называетъ „перпетуализмомъ“ (т.-е. неизмѣнность законовъ), они ставятъ совершенно на одну доску; другими словами, для нихъ имѣетъ одинаковое значеніе, заключается ли ошибка писателя въ томъ, упускаетъ ли онъ изъ виду различіе въ мѣстныхъ и національныхъ обстоятельствахъ, или же — въ отношеніи къ стадіи историческаго развитія. Но это, конечно, ошибочно. Въ каждой отрасли социологіи послѣдняя ошибка имѣетъ гораздо большее значеніе, нежели первая, и когда она встрѣчается, весь трудъ радикально испорченъ. Если мы игнорируемъ наличность социальнаго движенія или заблуждаемся въ оцѣнкѣ его направленія, тогда мы дѣлаемъ ошибку въ основномъ положеніи, и именно въ томъ, которое входитъ какъ часть въ каждый вопросъ изслѣдованія. Наоборотъ, различія, зависящія отъ вліянія расы на физическую и нравственную природу человѣка и отъ особенности внѣшнихъ условій, имѣютъ второстепенное значеніе; они должны стоять на второмъ планѣ при изученіи общей теоріи социальнаго развитія, ихъ слѣдуетъ принять во вниманіе только тогда, когда мы переходимъ къ изученію тѣхъ измѣненій въ характерѣ развитія, которыя зависятъ отъ особыхъ обстоятельствъ. И хотя физическое строеніе территоріи является однимъ изъ тѣхъ условій, которое, по всей вѣроятности, съ особой силой воздѣйствуетъ на экономическія явленія, но оно распространяется и оказываетъ вліяніе гораздо болѣе на техническія формы и на сравнительное развитіе раз-

ныхъ отраслей промышленности, чѣмъ на социальное значеніе (conduct) каждой изъ нихъ или на координацію и относительное дѣйствіе всѣхъ отраслей, а послѣднее и есть главный предметъ изслѣдованій экономиста.

2) Нѣкоторые послѣдователи исторической школы, стараясь прочно установить въ наукѣ „принципъ относительности“, вполне отрицаютъ, — и это, конечно, большая ошибка, — существованіе экономическихъ законовъ; они съ большой неохотой, по крайней мѣрѣ, говорятъ о „естественныхъ законахъ“ въ области экономическихъ отношеній. Исходя изъ представленія „о законѣ“ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ наукахъ, изучающихъ явленія неорганическаго міра, эти писатели находятъ, что употребленіе подобной фразеологии создаетъ взглядъ на экономическія явленія, какъ на нѣчто прочное и неизмѣнное. Но если мы обратимъ наше вниманіе, главнымъ образомъ, на науки, занимающіяся изученіемъ органическаго міра, которыя болѣе близки къ социальнымъ, то мы увидимъ, что терминъ „естественный законъ“ вовсе не имѣетъ подобнаго значенія. Какъ мы уже неоднократно замѣчали, существенной частью представленія о жизни является идея о развитіи, или, другими словами, о правильномъ, „законосообразномъ“ измѣненіи. Что такое законосообразное развитіе имѣетъ мѣсто какъ въ организаціи, такъ и въ дѣятельности общества — это фактъ, не подлежащій сомнѣнію, и сами писатели, о которыхъ мы говоримъ, съ настойчивостью подтверждаютъ то же самое. Столь же очевидно и то, что между социальными явленіями существуетъ такое соотношеніе, благодаря которому измѣненіе одного изъ этихъ явленій предполагаетъ или обуславливаетъ соотвѣтствующую модификацію другого; нелегко поэтому понять, какимъ образомъ и почему не слѣдуетъ называть „естественными законами“ эти столь постоянныя отношенія послѣдовательности и сосуществованія явленій. Такъ какъ законы эти универсальны, мы имѣемъ возможность постро-

ить абстрактную теорію экономическаго развитія. Одна изъ группъ германскихъ писателей исторической школы стремится замѣнить такую теорію простымъ описаніемъ различныхъ экономическихъ національныхъ организацій и вводитъ слишкомъ рано, какъ мы уже указывали, въ изслѣдованіе ученіе о вліяніи специальныхъ территориальныхъ и этнологическихъ условій, а между тѣмъ слѣдовало бы прежде всего изучить основные законы, выведенные на основаніи знанія общей человѣческой эволюціи, и затѣмъ уже ввести поправки, сообразно особымъ территориальнымъ и другимъ условіямъ.

Вышеназваннымъ тремъ писателямъ — Рошеру, Гильдебранду и Кнису принадлежитъ честь основанія германской исторической школы политической экономіи. Но, какъ кажется, самъ Рошеръ въ своихъ послѣдующихъ работахъ не всегда примѣнялъ тотъ методъ, который онъ такъ прекрасно характеризовалъ во многихъ мѣстахъ своихъ трудовъ. Въ его „System der Volkswirtschaft“ (Bd. I: Grundlagen der National-ökonomie, 1854 г.; 19 изданіе 1888 г.; Bd. II: National-ökonomie des Ackerbaues, 1860 г.; 12 изд. 1888 г.; Bd. III: National-ökonomie des Handels und Gewerbflusses, 1881 г.; 5 изд. 1887 г.; Bd. IV: System der Finanzwissenschaft, 1886 г.; 2 изд. 1887 г.) догматическія и историческія изслѣдованія идутъ скорѣе рядомъ, чѣмъ жизненно связаны *). Совершенно справедливо, однако, что съ особымъ успѣхомъ онъ приложилъ свои обширныя знанія къ специальнымъ изслѣдованіямъ въ области исторіи науки политической экономіи. Мы упомянемъ о слѣдующихъ его трудахъ: „Ueber das Verhältniss der National-ökonomie zum klassischen Alterthume“ (1849), „Zur Geschichte der Englischen Volkswirtschaftslehre“ (1851—52) и въ особенности объ этомъ необыкновенномъ памятникѣ

*) По-русски существуютъ въ одномъ изданіи: В. Рошеръ. Начала народнаго хозяйства. Пер. И. Бабста. Т. I, Москва, 1860. В. Рошеръ. Наука о народномъ хозяйствѣ въ отношеніи къ земледѣлію и другимъ отраслямъ. Т. I и II, 1870. Пер. М. И. Щепкинъ. Прим. Ред.

учености и прилежания: „Geschichte der National-ökonomik in Deutschland“ (1874 г.), написание которой онъ потратилъ 15 лѣтъ труда; это послѣднее сочиненіе, однако, вслѣдствіе массы мелочного матеріала врядъ ли можетъ найти значительный кругъ читателей гдѣ-нибудь, кромѣ Германіи. Всѣ перечисленные труды представляютъ собой цѣнный вкладъ въ исторію науки. Интересныя и полезныя монографіи собраны Рошеромъ въ книгѣ, озаглавленной: „Ansichten der Volkswirtschaft vom geschichtlichen Standpunkte“ (1861 г.; 3 изд. 1878 г.). Въ вышеупомянутомъ его систематическомъ трудѣ мы найдемъ также массу историческихъ примѣчаній о происхожденіи и развитіи многихъ ученій въ наукѣ. Но, вообще говоря, Рошеръ не сдѣлалъ много въ смыслѣ преобразования экономической науки, какъ можно было повидимому ожидать по его первымъ трудамъ, и Косса вполне правъ, утверждая, что своимъ догматическимъ трудомъ онъ не внесъ сколько-нибудь существенныхъ измѣненій въ основныя положенія системы науки, какъ ее выработали Германнъ и Рау.

Значеніе историческаго метода обнаружилось гораздо полнѣе въ трудахъ молодого поколѣнія германскихъ экономистовъ, среди которыхъ слѣдуетъ назвать въ особенности слѣдующія имена: *Луио Брентано* (Lujo Brentano), *Адольфъ Гельдъ* (Adolf Held), *Эрвинъ Нассе* (Erwin Nasse), *Густавъ Шмоллеръ* (Gustav Schmoller), *Г. Рёслеръ* (H. Rösler), *Альбертъ Шеффле* (Albert Schäffle), *Гансъ фонъ Шеель* (Hans von Scheel), *Густавъ Шёнбергъ* (Gustav Schönberg) и *Адольфъ Вагнеръ* (Adolf Wagner).

Кромѣ общихъ всѣмъ представителямъ исторической школы принциповъ, эти писатели съ особенной силой настаивали еще на слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Необходимо, утверждаютъ они, придать большее значеніе нравственному элементу при экономическихъ изслѣдованіяхъ. Съ особеннымъ увлеченіемъ настаивалъ на этомъ положеніи *Шмоллеръ* въ его „Ueber einige Grundfragen des

Rechts und der Moral“ (1875) и *Шеффле* въ его „Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft“ (3 изд. 1873 г.). *Крисъ* (G. Kries, ум. въ 1858 г.), разбирая нѣкоторые изъ взглядовъ Д. С. Милля, также защищалъ съ успѣхомъ это положеніе. Въ практической экономіи, по убѣжденію выдающихся изъ этихъ писателей, находится въ дѣйствиіи три органическихъ принципа и соответственно имъ три системы или сферы дѣятельности: частное хозяйство, государственное хозяйство, основанное на принципѣ принудительности, и каритативное хозяйство. Въ хозяйствахъ перваго типа господствуетъ личный интересъ, второго—общественный, въ хозяйствахъ каритативныхъ—интересы благотворенія. Но даже въ хозяйствахъ перваго типа проявленія частнаго интереса не могутъ быть безграничны; крайности и злоупотребленія, къ которымъ можетъ привести послѣдовательное проведеніе этого основнаго принципа частнаго хозяйства, должны устраняться не только вмѣшательствомъ государственной власти, но, кромѣ того, экономической нравственностью, упускать изъ виду которую нельзя ни въ теоріи, ни въ практикѣ жизни. Въ третьей сферѣ дѣятельности моральныя вліянія имѣютъ, конечно, наибольшее значеніе.

2) Между правомъ и экономіей существуетъ, продолжаютъ эти писатели, тѣснѣйшая связь. Это положеніе было высказано впервые Л. Штейномъ и Г. Рёслеромъ, но съ особой систематичностью изложено Адольфомъ Вагнеромъ (который является, безъ сомнѣнія, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ среди нынѣ живущихъ германскихъ экономистовъ)—въ его „Grundlegung“, составляющемъ первый томъ обширнаго учебника политической экономіи (Lehrbuch der Politischen Ökonomie), издаваемого имъ совмѣстно съ профессоромъ Нассе. Ученіе о „jus naturae“, на которомъ физиократы строили свою экономическую теорію, потеряло всякій кредитъ, а вслѣдъ за тѣмъ и всѣ априорныя и абсолютныя взгляды на личную свободу и собственность смѣнились другими воззрѣніями. Было обращено

вниманіе на то, что экономическое положеніе личности не столько зависитъ отъ естественныхъ правъ или способностей, сколько отъ современной юридической организаціи, которая сама является продуктомъ историческаго развитія. Выше упомянутыя наполовину экономическія и наполовину юридическія представленія о личной свободѣ и собственности заслуживаютъ поэтому вновь обсужденія. Главнымъ образомъ стоя на такой точкѣ зрѣнія, Вагнеръ приступилъ къ экономическимъ изслѣдованіямъ. Точка, вокругъ которой все вертится, говоритъ Вагнеръ, есть старый вопросъ объ отношеніи личности къ обществу. Тотъ, кто, подобно представителямъ старой юридической и политической философіи, а также и національной экономіи, положить цѣли личности въ основаніе своей системы, придетъ неизбѣжно къ тѣмъ же непригоднымъ выводамъ, на которыхъ настаивала физиократическая и Смитовская школа свободнаго соперничества. Вагнеръ, поэтому, въ своихъ изслѣдованіяхъ обращаетъ прежде всего вниманіе на необходимыя условія хозяйственной жизни всего общества и въ подчиненіи этимъ послѣднимъ опредѣляетъ сферу экономической свободы личности.

3) Представители исторической школы совершенно иначе, чѣмъ школа Смита, смотрятъ на функцію государства. Школа Смита, вообще, слѣдовала воззрѣніямъ Руссо и Канта, согласно которымъ задача государства сводится къ защитѣ подданныхъ отъ насилія и обмана. Это ученіе, находившееся въ гармоніи съ представленіями о естественномъ правѣ и общественномъ договорѣ, было временно полезно для разрушенія стараго экономическаго порядка съ его сложнымъ механизмомъ всякихъ стѣсненій и ограниченій, но не могло устоять, когда появилась раціональная историческая критика и когда дали себя знать все болѣе развивающіяся практическія потребности новѣйшей цивилизаціи. И дѣйствительно, вслѣдъ за уничтоженіемъ потерявшей кредитъ старой политики европейскихъ правительствъ, обнаружился

весь вредъ системы свободнаго соперничества и стало ясно, что государство должно вмѣшаться въ экономическую жизнь и найти для этого новые и болѣе просвѣщенные способы. Германская историческая школа смотритъ на государство не только какъ на учрежденіе, существующее для поддержанія порядка, но какъ на орудіе достиженія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя не могутъ быть достигнуты свободными усиліями отдѣльныхъ личностей. Если какая бы то ни было общественная цѣль можетъ быть достигнута исключительно посредствомъ дѣятельности государства или даже только лишь съ большей выгодой при его посредствѣ, вмѣшательство власти имѣетъ полное основаніе *). Случаи, когда вмѣшательство наиболѣе умѣстно, опредѣляются какъ по самому свойству ихъ, такъ и въ зависимости отъ степени развитія общества, въ которомъ они имѣютъ мѣсто. Государство должно, конечно, заботиться объ умственномъ и эстетическомъ развитіи общества, о сохраненіи общественнаго здравія, объ успѣшномъ веденіи хозяйства и удобствѣ путей сообщенія и транспортированія кладей. Государство должно покровительствовать слабымъ членамъ общества, въ особенности же женщинамъ, дѣтямъ, старикамъ и покинутымъ, по крайней мѣрѣ, въ случаяхъ отсутствія семейной поддержки и попеченія. Государство обязано обезпечить помощь рабочимъ, потерпѣвшимъ несчастіе не по винѣ собственной небрежности, оно должно способствовать ихъ стараніямъ организовать общую и индивидуальную самопомощь, наблюдая за этой организаціей и вполне признавая ея законмѣрность; государство, далѣе, должно гарантировать рабочимъ цѣлостъ ихъ сбереженій, если они поручаютъ послѣднія его заботамъ.

Особенно сильное вліяніе на эту новую группу писателей, о которыхъ мы говоримъ, оказалъ теоретическій социализмъ;

*) Въ каждомъ данномъ случаѣ, замѣчаетъ Вагнеръ, слѣдуетъ разсмотрѣть, какія дѣйствія слѣдуетъ поручить центральному, и какія—мѣстному управленію.

впослѣдствіи мы увидимъ, что социализмъ, какъ организованная партія, оказалъ вліяніе и на практическую политику этой группы. О такихъ писателяхъ, какъ Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ, Лассаль, Марксъ, Энгельсъ, Марло и Родбертусъ (который съ полной справедливостью считается социалистомъ, хотя это и отрицалось въ недавнее время), мы не будемъ говорить въ настоящемъ изслѣдованіи; но мы должны признать, что они оказали могущественное воздѣйствіе на болѣе молодыхъ германскихъ экономистовъ (въ буквальномъ смыслѣ этого послѣдняго слова). Они даже измѣнили научныя заключенія послѣднихъ, въ особенности своей критикой такъ называемой ортодоксальной школы.

На Шеффле и Вагнера можно въ особенности указать какъ на писателей, которые широко ознакомились и отнеслись съ полнымъ уваженіемъ и вниманіемъ къ аргументаціи социалистовъ. Въ частности, та важная мысль, о которой мы говорили и которая гласитъ, что экономическое положеніе личности зависитъ отъ существующей юридической системы и въ особенности отъ данной организаціи института собственности, была впервые высказана социалистами. Они же раньше другихъ указали на то, что различныя общественныя учрежденія и юридическіе институты—собственность, наследованіе, договорное право и т. п.—представляютъ собой только, выражаясь словами Лассаля, „историческія категоріи, которыя измѣнились въ прошедшемъ и будутъ измѣняться въ будущемъ“; припомнимъ, что ортодоксальная экономія смотрѣла на эти учрежденія какъ на опредѣленный и постоянно существующій порядокъ вещей, на основаніяхъ котораго отдѣльная личность создаетъ свое положеніе. Д. С. Милль, какъ мы уже видѣли, обратилъ вниманіе на то, что распредѣленіе зависитъ не отъ естественныхъ законовъ, какъ производство, а отъ общественной организаціи; но только нѣкоторые изъ молодыхъ представителей германской исторической школы съ особой силой защищали эти воззрѣнія. Для

того, чтобы правильно и полно понимать эту мысль, слѣдуетъ помнить, что учрежденія и уставы общества не мѣняются по произволу, но находятся въ соответствіи съ той степенью социальнаго развитія, котораго достигло данное общество.

Въ вопросахъ экономической политики эти писатели исторической школы заняли среднее положеніе между германской Фритредерской партіей (которую съ сомнительной правильностью иногда называютъ „манчестерской“) съ одной стороны и социаль-демократами—съ другой. Послѣдніе призываютъ государство, которое они считаютъ всемогущимъ, на дѣло радикальной и немедленной реорганизаціи общества въ интересахъ пролетаріата. Фритредеры, напротивъ, стремятся свести вмѣшательство государства до возможнаго минимума, ограничивая его лишь поддерживаніемъ порядка, охраненіемъ безопасности и свободы личности. Представители той школы, наконецъ, о которой мы ведемъ въ этой главѣ рѣчь, при рѣшеніи практическихъ вопросовъ занимаютъ среднее положеніе. Они одинаково вооружаются какъ противъ социальной революціи, такъ и противъ строгаго удержанія системы „laissez faire“. Отвергая социалистическую программу, они, въ согласіи съ вышеуказанными принципами, взываютъ ко вмѣшательству государства, которое, по ихъ мнѣнію, должно смягчить подавляющее дѣйствіе современной промышленной системы на болѣе слабыхъ членовъ общества и обязано дать рабочимъ классамъ болѣе широкой доступъ къ благамъ прогрессирующей цивилизаціи. Шеффле въ своемъ „Kapitalismus und Socialismus“ (1870 г.; вошедшемъ нынѣ, какъ часть, въ болѣе обширный трудъ), Вагнеръ въ своей „Rede über die sociale Frage“ (1871 г.) и Шёнбергъ въ „Arbeitsämter: eine Aufgabe des deutschen Reichs“ (1871 г.)—защищали эту политику по отношенію къ рабочему вопросу. Эти взгляды, нашедшіе сочувствіе среди большинства нѣмецкихъ профессоровъ политической экономіи, подверглись цѣлому ряду нападокъ

со стороны представителей Фритредерской партіи, которая усмотрѣла въ нихъ лишь „новый видъ социализма“. Возникъ живой споръ; потребность въ большемъ единствѣ и политической организаціи стала чувствоваться всѣми партизанами новаго направленія; для осуществленія этой связи и для обсуждения „соціального вопроса“ въ октябрѣ 1872 года и былъ созванъ, поэтому, конгрессъ, на которомъ присутствовали почти все профессора политической экономіи германскихъ университетовъ, представители различныхъ политическихъ партій, вожаки рабочихъ и нѣкоторые изъ крупныхъ капиталистовъ. На этомъ конгрессѣ положенія, о которыхъ мы говорили выше, были сформулированы; принявшіе ихъ получили отъ своихъ оппонентовъ названіе „катедеръ-соціалистовъ“, т. е. социалистовъ на профессорской кафедрѣ; прозвище это было придумано *Оттеймомъ* (H. V. Oppenheim) въ насмѣшку, но тѣ, для которыхъ оно предназначалось, охотно приняли его. Съ 1873 года эта группа соединилась съ „Verein für Socialpolitik“, въ которомъ, когда полемика нѣсколько улеглась, приняли участіе и Фритредеры. Въ предѣлахъ союза обнаружилось раздѣленіе по взглядамъ: партія лѣвой школы благопріятно относится къ постепенному и систематически проводимому измѣненію законовъ о собственности въ духѣ социалистическихъ притязаній, поскольку они закономѣрны, тогда какъ большинство защищаетъ реформаторскую дѣятельность государства на почвѣ уже существующихъ юридическихъ учреждений. Шеффле заходитъ такъ далеко, что даже рѣшается утверждать, будто существующій „капиталистическій“ строй замѣнится социалистической организаціей, но подобно Д. С. Миллю, онъ полагаетъ, что такое измѣненіе совершится въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ и будетъ результатомъ естественнаго развитія или процесса „соціального подбора“; онъ отвергаетъ всякое стремленіе къ немедленной и насильственной революціи и не признаетъ правильности тѣхъ системъ, которыя стараются

„абстрактное равенство“ поставить на мѣсто правъ личности по ея заслугамъ и достоинству *).

Чѣмъ далѣе подвигались изслѣдованія германскихъ экономистовъ по различнымъ намѣченнымъ ими самими путямъ, тѣмъ болѣе очевидно становилась необходимой не только реформа политической экономіи, но и слияніе ея съ наукой объ обществѣ. Этотъ взглядъ былъ высказанъ еще гораздо раньше О. Контомъ и справедливость его съ каждымъ днемъ становится очевиднѣе. Лучшіе германскіе экономисты уже обнаруживаютъ сильное стремленіе къ принятію подобныхъ воззрѣній. Шеффле, находящійся подъ сильнымъ вліяніемъ О. Конта и Г. Спенсера, сдѣлалъ попытку расширить экономическія изслѣдованія до соціальныхъ. Въ своемъ самомъ важномъ трудѣ „*Bau und Leben des socialen Körpers*“ (1875—1878 г.; новое изданіе 1881 г.; трудъ этотъ былъ подготовленъ предшествовавшими работами) Шеффле желаетъ дать широкую картину анатоміи, физиологіи и психологіи человѣческаго общества. Соціальные процессы онъ считаетъ вполне аналогичными процессамъ органическаго тѣла; слѣдуетъ замѣтить, однако, что какъ ни справедлива и какъ ни полезна эта аналогія, которой пользовался уже и Контъ, но Шеффле напрасно старается провести ее до мелочей. Тѣ же воззрѣнія высказываетъ и *П. фонъ Лилиенфельдъ* (P. von Lilienfeld) въ своихъ „*Gedanken über die Socialwissenschaft der Zukunft*“ (1873—1879). Стремленіе соединить экономическія изслѣдованія съ соціологическими замѣчается также въ трудѣ *Адольфа Залтера* „*Sociallehre*“ (1875 г.) (хотя экономическіе вопросы и подвергаются здѣсь отдѣльному изученію) и въ трудѣ *Шмоллера* „*Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaftslehre*“ (1875 г.); необходимость такой реформы энергично защищается также Шеелемъ въ его пред-

* Это должны помнить въ особенности читатели труда Леруа - Болюе о коллективизмѣ (1884 г.), въ которомъ Шеффле изображенъ социалстомъ именно такого типа.

словии къ нѣмецкому переводу моей брошюры „The Present Position and Prospects of Political Economy“ (1878 г.).

Иногда историческую школу именуютъ „реалистической“, но названіе это, кажется, весьма неудачно. Этимъ названіемъ хотѣли противопоставить историческую школу ортодоксальной школѣ съ ея „абстрактнымъ“ характеромъ. Ошибка ортодоксальной школы заключается, однако, вовсе не въ употребленіи, а въ злоупотребленіи абстракціей. Всякая наука нуждается въ абстракціи, такъ какъ она стремится открыть единство въ разнообразіи явленій; вопросъ лишь въ правильномъ приложеніи абстрактной теоріи къ конкретнымъ фактамъ. Не вполне вѣрно именуется также новая школа „индуктивной“. Нѣтъ сомнѣній, что дедукція слишкомъ преобладаетъ въ изслѣдованіяхъ старыхъ экономистовъ, но нужно помнить, что такой методъ мышленія вполне законенъ, если онъ исходитъ не изъ апіорныхъ утвержденій, но изъ хорошо доказанныхъ обобщеній. Самымъ пригоднымъ методомъ экономическихъ изслѣдованій и вообще соціологіи является не столько индукція, сколько одинъ изъ ея видовъ, извѣстный подъ именемъ „сравнительнаго“, методъ „сравнительнаго изученія соціальныхъ серій“, какъ выражался Д. С. Милль, или, лучше сказать, „историческій методъ“. Если наименованія, о которыхъ мы говорили выше, станутъ преобладающими, то слѣдуетъ опасаться, чтобы историческая школа не приобрѣла характера ненаучнаго. Она можетъ въ такомъ случаѣ слишкомъ исключительно сосредоточиться на статистическихъ изслѣдованіяхъ и совершенно позабыть въ деталяхъ наблюденія различныхъ сторонъ экономической жизни о необходимости широкой философской идеи и систематической координаціи принциповъ. До тѣхъ поръ, пока политическая экономія остается отдѣльной отраслью изслѣдованія и не составляетъ отдѣла соціологіи, мыслители, слѣдующіе новому направленію, должны сохранить свое старое названіе „исторической школы“.

Члены этой и другихъ германскихъ школъ создали много цѣнныхъ трудовъ, кромѣ тѣхъ, о которыхъ намъ приходилось упоминать выше. Подробныя указанія о вкладѣ этихъ писателей въ науку по различнымъ ея отраслямъ можно найти въ уже указанномъ нами учебникѣ Нассе-Вагнера и въ обширномъ „Handbuch der Politischen Oekonomie“ Шёнберга (1882 г.; 2 изд. 1886 г. и 3 изд. 1890 г.).

Мы даемъ здѣсь слѣдующее перечисленіе (не претендующее, однако, на полноту) трудовъ этихъ писателей, для того, чтобы доставить возможность всякому приступающему къ изученію политической экономіи узнать кое-что о тѣхъ работахъ, которыя не слѣдовало бы упускать изъ виду при изученіи этого предмета: 1) *Книес* (Knies): „Die Eisenbahnen und ihre Wirkungen“ (1853 г.); „Der Telegraph“ (1857 г.); „Geld und Credit“ (1873—76, 79 г.). 2) *Рёслеръ* (Rösler): „Zur Kritik der Lehre vom Arbeitslohn“ (1861 г.). 3) *Шмоллеръ* (Schmoller): „Zur Geschichte der deutschen Kleingewerbe im 19 Jahrhundert“ (1870 г.); „Zur Litteraturgeschichte der Staats- und Socialwissenschaften“ (1888 г.); „Zur social- und Gewerbepolitik“ (1890 г.). 4) *Шэффле* (Schäffle): „Theorie der ausschliessenden Absatzverhältnisse“ (1867 г.); „Quintessenz des Socialismus“ (6 изд. 1878 г.); „Grundsätze der Steuerpolitik“ (1880 г.); „Gesammelte Aufsätze“ (1885 г.); „Die Bekämpfung der Socialdemocratie ohne Ausnahmegesetz“ (1890 г.). 5) *Нассе* (Nasse): „Mittelalterliche Feldgemeinschaften in England“ (1869 г.). 6) *Брентано* (Brentano): „Ueber Geschichte und Entwicklung der Gilden“ (по-англійски то же является приложеніемъ къ труду *Тулмина Смита* (Toulmin Smith): „English Gilds“ (1870 г.); „Die Arbeitergilden der Gegenwart“ (1871—72); „Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht“ (1877 г.); „Die Arbeitsversicherung gemäss der heutigen Wirthschaftsordnung“ (1879 г.); „Die Arbeitsversicherungszwang“ (1881 г.); „Die klassische National-Oekonomie“ (1888 г.); „Ueber die Ursachen der heutigen Socialen-Noth“; (1889); „Arbeitseinstellungen und Fortbildung des Arbeitsvertrags“

(1890 г.), а также превосходно составленный имъ отдѣлъ по рабочему вопросу въ *первомъ* изданіи „Handbuch“ Шёнберга, пропущенный въ послѣдующихъ изданіяхъ. 7) *Гельдъ* (Held, род. 1844 г., утонулъ въ Тунскомъ озерѣ въ 1880 г.): „Die Einkommensteuer“ (1872 г.); „Die deutsche Arbeiterpresse der Gegenwart“ (1873 г.); „Socialismus, Social-demokratie und Socialpolitik“ (1878 г.); „Grundriss für Vorlesungen über National-Oekonomie“ (2 изд. 1878 г.); „Zwei Bücher zur socialen Geschichte Englands“ (издано послѣ смерти автора Кнаппомъ въ 1881 г.). 8) *Гансъ фонъ Шеель* (Hans von Scheel, род. въ 1839 г.): „Die Theorie der socialen Frage“ (1871 г.); „Unsere social-politischen Parteien“ (1878 г.). 9) *Бёмъ-Бавертъ* (von Böhm-Bawerk): „Kapital und Kapitalzins-Theorien“ (1884—89 г.). 10) *Нейманъ* (F. J. Neumann): „Grundlagen der Volkswirtschaftslehre“, I. (1889 г.); „Die Steuer und das öffentliche Interesse“ (1887 г.). 11) *Г. Шулце-Гавернитцъ* (G. von Schulze-Gaevernitz): „Zum socialen Frieden, eine Darstellung der social-politischen Erziehung des englischen Volkes im 19 Jahrhundert“, 2 тома. 12) *П. Ресль* (Peter Resch): „Die Entwicklungstufen der Volkswirtschaft“ (1886 г.). Къ этимъ сочиненіямъ слѣдуетъ прибавить еще слѣдующія: *Л. фонъ Штейнъ* (L. von Stein): „Die Verwaltungslehre“ (1876—79 г.); „Lehrbuch der Finanzwissenschaft“ (4 изд. 1878 г., 5 изд. 1885—86 г.); *Дюрингъ* (Dühring), авторъ исторіи политической экономіи, самый способный изъ немногихъ германскихъ послѣдователей Кэри, — „Kritische Geschichte der National-ökonomie und Socialismus“ (1871) и „Die Verkleinerer Carey's und die Krisis der National-ökonomie“ 1867 г.).

Кромѣ того, изъ новѣйшихъ трудовъ можно привести: „System der National-ökonomie“ *Кона* (G. Cohn), два тома (1885 и 1889 гг.).

Реакція въ пользу старой школы выразилась въ трудахъ: *Менгера* (C. Menger) „Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften“ (1873 г.); *Дитцеля* (H. Dietzel) „Beiträge zur

Methode der Wirthschaftswissenschaft“ (1884 г.); *Сакса* (E. Sax) „Das Wesen und die Aufgabe der National-ökonomie“ (1884 г.) и „Grundlegung der theoretischen Staatswirthschaft“ (1887 г.) *).

Изъ представителей такъ называемой русско-германской школы слѣдуетъ еще упомянуть *Бернарди* (Bernhardi): „Versuch einer Kritik der Gründe, welche für grosses und kleines Grundeigenthum angeführt werden“ (1848 г.); сочиненіе это написано съ исторической точки зрѣнія.

Фритредерская школа оказала большія услуги Германіи, особенно своей систематической борьбой противъ устарѣлыхъ привилегій и ограниченій. Кобденъ послужилъ для нея образцомъ политической борьбы; въ теоріи фритредеры основывались по преимуществу на Сэ и Бастіа. Членами этой школы, имена представителей которой такъ часто доходили до свѣдѣнія и англійской публики, были *Принсъ Смитъ* (S. Prince Smith, ум. въ 1874 году, глава школы); *Г. фонъ Трейтшкэ* (H. von Treitschke), авторъ сочиненія „Der Socialismus und seine Gönner“ (1875 г.), направленного противъ катедеръ-соціалистовъ; *Викторъ Бёмертъ* (V. Böhmert), защитникъ участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія „Die Gewinnbetheiligung“ (1878 г.); *А. Эммингаузъ* (A. Emminhaus), авторъ „Das Armenwesen in Europäischen Staaten“ (1870) и *Шулце-Дельмицъ* (Schultze-Delitzsch), хорошо извѣстный основатель германскихъ народныхъ банковъ и ревностный защитникъ кооперации—„Die Arbeitenden Klassen und das Associationswesen in Deutschland“ (2 изд. 1863 г.); „Vorschuss und Creditvereine als Volksbanken“ (5 изд. 1876 г.). Въ настоящемъ обзорѣ мы ничего не говоримъ о социалистическихъ писателяхъ, поэтому мы совершенно опускаемъ указанія о тѣхъ трудахъ, которые касаются исторіи возникновенія социализма или борятся съ нимъ.

* То же направленіе выразилось и въ новомъ русскомъ трудѣ *Левинкало*—„Задачи и методы политической экономіи“. Ярославль, 1890 г.
Прим. Ред.

Движеніе, которое создало новую школу въ Германіи вмѣстѣ съ ея развѣтвленіями, дало, безъ сомнѣнія, этой странѣ первенствующее значеніе въ области экономическихъ изслѣдованій. Вліяніе германскихъ писателей отразилось и на другихъ странахъ и выразилось измѣненіемъ воззрѣній, сильнѣе всего, быть-можетъ, въ Италіи и наименѣе всего во Франціи. Въ Англии то же направленіе постепенно прокладываетъ дорогу, хотя движеніе по этому пути и замедляется обычной индифферентностью островитянъ ко всѣмъ теченіямъ иностранной мысли, что особенно характерно для господствующей у насъ школы послѣдователей Смита — Рикардо. Наряду съ вліяніемъ исторической школы въ Англии стало также самопроизвольно возникать общее нерасположеніе къ „ортодоксальной школѣ“, частью вслѣдствіе сомнѣній, что методъ этой школы неправиленъ, частью вслѣдствіе глубокаго недовольства мѣрами, ею внушаемыми, и изобличенной пустотою и бесплодностью односторонней политики „laissez faire“. Благодаря всему этому, вездѣ появился и приобрѣлъ симпатіи новый видъ изслѣдованій, находящійся въ гармоніи съ систематическими представленіями исторической школы. Такимъ образомъ, въ ученой экономической средѣ образовался дуализмъ; молодая школа стремится завоевать преобладающее положеніе, старая школа еще защищается, но сторонники послѣдней стремятся все болѣе и болѣе видоизмѣнить свои взгляды и признать значеніе новыхъ воззрѣній.

И Т А Л І Я.

Весьма жаль, что въ Англии и Америкѣ такъ мало извѣстны труды новыхъ италіанскихъ экономистовъ. Сочиненіе *Луиджи Косса* (Luigi Cossa) „Guido allo studio della economia politica“, переведенное на англійскій языкъ по мысли *Джевонса*, дало нашей публикѣ нѣкоторое представленіе о важности и характерѣ работъ этихъ экономистовъ. На-

стоятельное значеніе финансовыхъ вопросовъ, разрѣшеніемъ которыхъ Италіи пришлось заняться послѣ ея политическаго возрожденія, направило изслѣдованія большинства ея экономистовъ на чисто практическій путь; вотъ почему мы найдемъ въ Италіи множество монографій по статистикѣ и администраціи. Слѣдуетъ, однако, помнить, что нѣкоторые изъ италіанскихъ экономистовъ занимались разрѣшеніемъ и общихъ вопросовъ науки. Косса считаетъ *Анджело Месседаля* (Angelo Messedaglia, род. въ 1820 г.), профессора Падуанскаго университета, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ среди современныхъ италіанскихъ экономистовъ. Месседаля писалъ объ общественныхъ займахъ (1850), о населеніи (1858) и считается знатокомъ въ вопросахъ о монетѣ и кредитѣ. Его ученикъ *Феделе Лампертико* (Fedele Lampertico, род. въ 1833 г.) является авторомъ многихъ трудовъ, между которыми самое систематическое и полное — „Economia dei popoli e degli stati“ (1874—84 г.). Извѣстный министръ *Марко Мингетти* (Marco Minghetti, 1818—1886 г.) былъ также авторомъ „Economia pubblica e le sue attinenze colla morale e col diritto“ (1859 г.) и нѣкоторыхъ другихъ трудовъ. *Луиджи Луццати* (Luigi Luzzati), одинаково извѣстный какъ способный администраторъ, нѣсколькими изъ своихъ трудовъ стремился проложить путь къ реформамъ. Сицилианецъ *Вито Кузумано* (Vito Cusumano) и *Джузеппе Рикка-Салерно* (Giuseppe Ricca-Salerno) написали нѣсколько прекрасныхъ трудовъ: первый — объ исторіи политической экономіи въ средніе вѣка (1876 г.) и объ экономическихъ школахъ въ Германіи въ ихъ отношеніи къ социальному вопросу (1875 г.), второй — далъ нѣсколько трудовъ по теоріи капитала, заработной платы и общественныхъ займовъ (1877—78—79 г.). *Тоньоло*, *Наццани* и *Лорія* (F. Toniolo, E. Nazzani и A. Loria) весьма успѣшно занимались вопросами о рентѣ, прибыли и нѣкоторыми изъ важнѣйшихъ современныхъ практическихъ вопросовъ. Косса, у котораго мы заимствуемъ большую часть этихъ указаній, является самъ

лично авторомъ различныхъ трудовъ, доставившихъ ему высокую репутацію; особенной извѣстностью пользуются его „Scienze delle Finanze“ (1875 г., 4 изд. 1887 г.) и „Primi Elementi di Economia Politica“ (1875 г., 8 изд. 1888 г.); послѣднее изъ этихъ произведеній было переведено на многіе европейскіе языки *).

Несравненно интереснѣе, чѣмъ этотъ несовершенный перечень писателей, тотъ фактъ, что среди экономистовъ Италіи появился характерный для нашего времени дуализмъ, о которомъ мы уже упоминали ранѣе. Въ Италіи существуютъ въ настоящее время также рядомъ двѣ школы: одна старая, или такъ называемая ортодоксальная, и другая—новая, или историческая. Косса рассказываетъ намъ, что представители молодыхъ экономистовъ въ Сѣверной Италіи публично клеймились въ 1874 г. названіемъ германистовъ, социалистовъ и развратителей италіанскаго юношества. Желая оправдаться отъ подобныхъ обвиненій, профессора Луццати, Лампертико и Шіалойя созвали въ Миланѣ первый конгрессъ италіанскихъ экономистовъ въ 1875 г., на которомъ предполагалось протестовать противъ той мысли, „будто экономическая наука родилась и умерла вмѣстѣ съ Адамомъ Смитомъ и его толкователями“. Интересныя письма Эмиля де Лавелэ (Lettres d'Italie, 1878—79 г.) бросили свѣтъ на положеніе экономической науки въ Италіи въ позднѣйшее время. Мингетти, предсѣдательствуя на обѣдѣ, данномъ въ честь Лавелэ его италіанскими сотоварищами по наукѣ, говоритъ, между прочимъ, о „двухъ тенденціяхъ“, которыя обнаружилась въ италіанской наукѣ, и о томъ, что самъ онъ склоняется къ новымъ воззрѣніямъ. *Карль Феррарисъ* (Ferraris), ученикъ Вагнера, слѣдуетъ тому же направленію. Полное изложеніе и защита идей исторической школы имѣется въ трудахъ *Скиатарелла* (Schiatarella) „Del metodo in Economia Sociale“ (1875) и *Коньетти де Мартисъ* (Cognetti de Martiis) „Delle attinenze tra l'Economia

*) Есть русскій переводъ (1886 г.).

sociale e la Storia“ (1865 г.). Методомъ исторической школы также широко воспользовался и *Рикка Салерно* (Ricca-Salerno) въ своихъ ученыхъ и солидныхъ работахъ (см. особенно его опытъ „Del metodo in Economia Politica“, 1878 г.). *Луццати* и *Форти* нѣкоторое время издавали періодическій журналъ „Giornale degli Economisti“, бывший органомъ новой школы, но, къ сожалѣнію, прекратившійся уже къ тому времени, когда Косса писалъ свой трудъ. Самъ Косса не считалъ для себя возможнымъ примкнуть къ этой новой школѣ, высказывая мнѣніе, будто эта послѣдняя сводитъ политическую экономію на простую передачу фактовъ. Косса, очевидно, имѣетъ объ исторической школѣ совершенно невѣрное представленіе. Тѣмъ не менѣе, однако, онъ признаетъ, что школа эта во многихъ отношеніяхъ принесла пользу, ибо дала спасительный, хотя и слишкомъ рѣзкій починъ къ реакціи противъ доктринерскихъ преувеличеній старыхъ теоретиковъ.

Ф Р А Н Ц І Я.

Во Франціи историческая школа не произвела сильнаго впечатлѣнія, отчасти, безъ сомнѣнія, потому, что крайнія ученія школы Рикардо никогда здѣсь не пользовались безусловнымъ сочувствіемъ. Отсутствіе преувеличеній у французскихъ писателей привело Дживонса даже къ мысли, что „истинной владѣетъ французская школа“, а англійскіе экономисты пребываютъ де „въ мірѣ заблужденій“. Національная вражда также могла содѣйствовать тому, что французъ въ настоящее время съ недовѣріемъ относится ко всему, что исходитъ изъ Германіи, хотя, какъ мы уже указывали, философскія положенія, послужившія основаніемъ для исторической школы, впервые были провозглашены собственно французскимъ мыслителемъ (Огюстомъ Контомъ), блестяція заслуги котораго до сихъ поръ не оцѣнены должнымъ образомъ его же соотечественниками. Другая вѣроятная причина неуспѣха исторической

школы во Франціи заключается, быть-можетъ, также въ официальныхъ вліяніяхъ, задерживающихъ тамъ чрезъ воздѣйствіе на высшее образованіе свободное развитіе независимыхъ убѣжденій; вліяніе это сказалось, между прочимъ, на обще философской почвѣ, во временной популярности пустого эклектизма Кузена. Стремленіе, однако, къ исторической точкѣ зрѣнія обнаружилось во Франціи такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ странахъ, но выразилось не столько въ смыслѣ измѣненія общаго ученія, сколько въ болѣе старательномъ изученіи экономическихъ воззрѣній и учреждений прошлаго.

Много полезныхъ трудовъ было написано французами (включая въ ихъ число и бельгійцевъ) по исторіи политической экономіи, на которую они смотрѣли или какъ на теоретическое цѣлое, или какъ на политическую систему (или рядъ такихъ системъ). „Histoire de l'économie politique“ (1837—38 гг.) *А. Бланки*, правда, не принадлежитъ къ книгамъ особаго достоинства, но полезна для перваго общаго ознакомленія съ наукой. „Histoire de l'économie politique“ (1839 и 1841 гг.) *Вильневъ де Баржессона* была интересна и полезна, какъ выраженіе воззрѣній католицизма на развитіе и задачи науки. „Les doctrines économiques depuis un siècle (1880 г.) *Ш. Перена* (С. Perin) написано съ той же точки зрѣнія. Много ученыхъ монографій написали французы объ отдѣльныхъ государственныхъ людяхъ; мы отмѣтимъ сочиненія *Батби* (Bathie) „Turgot, philosophe, économiste et administrateur“ (1861 года), *Неймарка* (A. Neumarck) „Turgot et ses doctrines“ (1885 г.), *П. Клемана* (Pierre Clement) „Histoire de Colbert et de son administration“ (2 изд. 1875 г.), *Бодрильяра* (H. Baudrillart) „J. Bodin et son temps“, „Tableau des théories politiques et des idées économiques au 16-ème siècle“ (1853 г.), *Леонса де Лаверня* (Leonce de Lavergne) „Les économistes français du 18-ème siècle“ (1870 г.).

По разнымъ вопросамъ исторіи экономического развитія написано также не мало трудовъ, имѣющихъ важное значеніе; укажемъ на работы Леонса де Лаверня о земледѣліи во Фран-

ціи (1857), Англіи, Шотландіи и Ирландіи (1854). Особеннаго вниманія заслуживаетъ трудъ Э. Лавелэ „De la propriété et de ses formes primitives“ (1874, 2-е изд. 1877), не только по массѣ сообщаемыхъ въ немъ фактовъ относительно первоначальныхъ видовъ собственности, но и потому, что въ книгѣ этой строго проведено стремленіе новой школы смотрѣть на каждую стадію экономического развитія съ относительной точки зрѣнія, какъ на результатъ историческаго прошедшаго, гармонирующій въ цѣломъ съ современными социальными условіями и скрывающій въ себѣ зачатки будущаго, предопределеннаго уже въ своихъ существенныхъ чертахъ, но могущаго испытать измѣненія во второстепенныхъ частностяхъ. Лавелэ много сдѣлалъ, стараясь привлечь вниманіе къ общимъ принципамъ исторической школы, и былъ, такимъ образомъ, полезнымъ посредникомъ между Франціей и Германіей. Въ недавно появившейся своей брошюрѣ „Les lois naturelles et l'objet de l'économie politique“ (1883 г.) онъ, однако, повидимому расходится съ лучшими представителями исторической школы и дѣлаетъ положительныя ошибки, отрицая, что политическая экономія отличается отъ искусства и обладаетъ характеромъ истинной науки (или даже одного отдѣла науки); онъ отвергаетъ мнѣніе, что существуютъ экономическіе законы или тенденціи, независимые отъ индивидуальной воли. Последняя точка зрѣнія приводитъ также и къ отрицанію существованія социальныхъ законовъ вообще, т.-е. къ одному изъ тѣхъ ретроградныхъ положеній, которое непонятно въ устахъ современнаго мыслителя и которое положительно непростительно для всякаго послѣ появленія „Позитивной философіи“ О. Конта. Употребленіе метафизическаго термина „необходимые законы“ затемняетъ вопросъ; достаточно говорить просто о существованіи законовъ, которые фактически преобладаютъ. Лавелэ ссылается на мораль, какъ удобный для сравненія примѣръ; по его мнѣнію, въ этой послѣдней мы имѣемъ дѣло не съ „естественными законами“, но съ

„императивными предписаніями“, какъ-будто эти предписанія не предполагаютъ, какъ свое основаніе, наблюденнаго порядка сосуществованія и послѣдовательности и какъ бы не существуетъ моральной эволюціи. Лавелэ такъ же далекъ отъ правильной точки зрѣнія, какъ и послѣдователи старой школы, онъ уклоняется отъ истины въ одну сторону, они—въ другую. Всѣ его аргументы, въ дѣйствительности, лишь доказываютъ безспорное положеніе, что экономическихъ явленій не можетъ объяснить теорія, не принимающая во вниманіе другихъ сторонъ соціальной жизни, кромѣ хозяйственной, и что, поэтому, наши изслѣдованія въ области политической экономіи должны быть приведены въ тѣсную связь съ выводами болѣе обширной науки—соціологіи.

Мы можемъ только вкратцѣ упомянуть о нѣкоторыхъ систематическихъ трудахъ по политической экономіи, непрерывный рядъ которыхъ сталъ появляться послѣ Сэ, или, вѣрнѣе, начиная съ появленія книги *Жермена Гарнье* (Germain Garnier) „Abrégé des Principes de l'Économie Politique“ (1796 г.); „Traité de l'Économie Politique“ *Дестюта де Траси* (Destutt de Tracy) составляетъ часть его труда „Éléments d'idéologie“ (1823 г.). *Дрозъ* (Droz) обращалъ особенное вниманіе въ своемъ изслѣдованіи на отношеніе экономіи къ морали и богатства къ человѣческому счастью (Économie Politique, 1829 г.). *Пеллегрини Росси* (Pellegrino Rossi), италіанецъ родомъ, получившій экономическое образованіе въ Швейцаріи, профессорствовавшій въ Парижѣ и писавшій по-французски (Cours d'Économie Politique, 1838—1854 гг.), классически изложилъ теоріи Сэ, Мальтуса и Рикардо. *Мишель Шевалье* (Michel Chevalier, 1806—1879 г.), особенно извѣстный въ Англіи своимъ изслѣдованіемъ о паденіи цѣнности золота (La Baisse d'or, 1858 г., переведено на англійскій языкъ Кобденомъ), въ своемъ „Cours d'Économie Politique“ (1845—1850 гг.) далъ много цѣннаго матеріала по вопросамъ о новѣйшихъ промышленныхъ явленіяхъ, о монетѣ и о производствѣ драгоценныхъ

металловъ. *Бодрильяръ* (Henri Baudrillart), авторъ труда „Les Rapports de la Morale et de l'Économie Politique“ (1860 г., 2 изд. 1883 г.) и „Histoire du luxe“ (1878 г.), издалъ въ 1857 г. „Manuel d'Économie Politique“ (3 изд. 1872 г.), которое Косса называетъ „превосходнымъ руководствомъ“. *Жозефъ Гарнье* (Joseph Garnier—Traité de l'Économie Politique, 1860 г.; 8 изд. 1880 г.) въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ послѣдователемъ Дюнойэ. *Курсель-Сенейль* (J. G. Courcelle-Seneuil), переводчикъ Милля, о которомъ профессоръ *Уокеръ* (F. A. Walker) отзывался какъ „о самомъ способномъ, быть-можетъ, изъ экономистовъ, писавшихъ послѣ Ж. Б. Сэ на французскомъ языкѣ“, напечаталъ, кромѣ своего „Traité théorique et pratique des opérations de banque“ и „Théorie des entreprises industrielles“ (1856 г.), еще „Traité d'Économie Politique“ (1858—59 гг.; 2 изд. 1867 г.), которое считается самымъ цѣннымъ изъ его трудовъ. Наконецъ упомянемъ еще о женевацѣ *Антуанѣ Шербюлье* (Antoine-Elise Cherbulier, ум. въ 1869 г.), который былъ авторомъ „Précis de la Science Économique“ (1862 г.). Косса считаетъ этотъ трудъ „лучшимъ изъ написанныхъ на французскомъ языкѣ изслѣдованій по предмету политической экономіи“. *Вальрасъ* (L. Walras) въ своемъ „Éléments d'Économie Politique pure“ (1874—73 г. и въ своей „Théorie mathématique de la richesse sociale“ (1883 г.) слѣдовалъ примѣру Курно и пытался примѣнять математическій методъ къ изслѣдованіямъ въ области политической экономіи.

Другія и болѣе глубокія соображенія побудили насъ, прервавъ строгій хронологическій порядокъ изложенія, котораго мы вообще придерживались, говорить о Кернсѣ. О немъ мы отозвались какъ о послѣднемъ оригинальномъ англійскомъ авторѣ, вполне и безъ всякихъ ограниченій принадлежавшемъ къ старой школѣ въ ея чистомъ видѣ. Его методъ и всѣ

ученія были по существу совершенно аналогичны съ ученіями Рикардо; хотя Кернсъ обнаруживалъ и дѣйствительно чувствовалъ глубокое уваженіе къ Д. С. Миллю, но онъ былъ всегда склоненъ держаться вдали отъ всѣхъ новшествъ этого писателя и гораздо болѣе былъ сторонникомъ взглядовъ общаго ихъ учителя Рикардо. Сиджвикъ, конечно, правъ, утверждая, что появленіе „Руководящихъ принциповъ“ Кернса много содѣйствовало тому, что, наконецъ, поколебался безпримѣрный авторитетъ, которымъ пользовался трудъ Милля почти въ теченіе половины жизни одного поколѣнія. Какъ въ этомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ Кернсъ поддѣйствовалъ какъ разрушительная (dissolving) сила и далъ починъ къ радикальной реформѣ; но если онъ имѣлъ такое вліяніе, то безъ всякаго съ своей стороны желанія, невольно и не сознательно. Много вліяній молчаливо подтачивало въ это время основанія старой школы. Изучавшіе Конта убѣдились, что методъ этой школы ошибоченъ. Возвышенная мораль въ ученіяхъ Карлейля отвратила лучшіе умы отъ низменныхъ положеній манчестерской школы. Рёскинъ (Ruskin) возсталъ не только противъ эгоистическаго направленія господствующихъ ученій, но и указалъ на ихъ реальную слабость, какъ научной теоріи *). Стало ясно чувствоваться—и это было признано даже самыми горячими партизанами старой школы,—что она дала все, что могла, и что трудъ ея имѣлъ, главнымъ образомъ, отрицательный характеръ. Самъ Кернсъ объявилъ, что хотя большинство образованныхъ людей и вѣритъ, что въ будущемъ эта система осуждена на бесплодность, многіе энергическіе умы, однако, болѣе склонны полагать, будто она является положительнымъ препятствіемъ для проведенія полезныхъ реформъ.

Миссъ Мартино, ревностная партизанка возрѣній Рикардо

*) Замѣчательная книга Джона Лелора (John Lelor) „Money and Morals“ (1852) была написана отчасти подъ вліяніемъ Карлейля. Появилась также хорошая монографія о Рёскинѣ (John Ruskin Economist, by P. Geddes, 1884).

въ началѣ своей дѣятельности, пришла, наконецъ, къ мысли, что политическая экономія въ томъ ея видѣ, какъ она разрабатывалась современниками, строго говоря, совсѣмъ не наука, и что ей, поэтому, предстоитъ въ будущемъ претерпѣть существенныя измѣненія. Послѣдующія поколѣнія мало чѣмъ будутъ обязаны старой политической экономіи, за которой останется только заслуга установленія идеи о существованіи общихъ законовъ въ одной изъ областей человѣческой дѣятельности *).

Инстинктивное отвращеніе рабочихъ классовъ къ ортодоксальной школѣ продолжалось, несмотря на всѣ усилія ея главарей отрекомендовать свои ученія съ лучшей стороны; усилія эти, правда, были гораздо болѣе вызваны классовымъ интересомъ, чѣмъ общественными стремленіями. Всѣ эти симптомы служили признакомъ долженствующаго совершиться измѣненія, но проявились они гораздо скорѣе въ общей литературѣ и въ атмосферѣ соціальныхъ взглядовъ, чѣмъ среди ученаго экономическаго міра **). Но когда сдѣлалось извѣстно, что въ другихъ странахъ, и по преимуществу въ Германіи, уже обнаружилось великое движеніе мысли и притомъ на новыхъ и болѣе общающихъ основаніяхъ, тогда и сами англійскіе экономисты стали высказываться за необходимость реформы и желать болѣе быстрого ея наступленія. Вальтеръ Беджготъ, Лесли и Девонсъ ***)—вотъ тѣ дѣятели, которые главнымъ образомъ и прежде другихъ потрудились въ Англии для обновленія политической экономіи; первый изъ нихъ ограничилъ сферу при-

*) См. Autobiography by M. Martineau, 2 изд. Vol. II, p. 224.

***) Сильное нападеніе на существующую систему сдѣлалъ Давидъ Саймъ (David Syme) въ своемъ „Outlines of an Industrial Science“, 1876 г.

****) Желаніе получить болѣе подробныя указанія о жизни и трудахъ Беджгота, Девонса, Клиффа-Лесли, Фосетта и Тойбни могутъ обратиться ко вновь вышедшей книгѣ Прайса (L. L. Price): A Short History of Political Economy in England from Adam Smith to Arnold Toynbee, 1881 г.

ложенія принциповъ господствующей системы, хотя и считалъ нужнымъ сохранить ее въ болѣе узкихъ предѣлахъ; второй—открыто напалъ на старую систему и высказался за примѣненіе новаго метода, который былъ въ прямомъ антагонизмѣ съ прежнимъ и являлся его естественнымъ преемникомъ; третій призналъ полный упадокъ прежде славной династіи экономистовъ, провозгласилъ необходимость измѣненія режима и предсказалъ, что молодымъ реформаторамъ принадлежитъ будущее. Такимъ образомъ дуализмъ, существовавшій уже на континентѣ, обнаружился и въ Англіи; въ настоящее время есть основаніе предполагать, что историческая школа гораздо скорѣе и рѣшительнѣе побѣдитъ своихъ противниковъ въ Англіи, чѣмъ во Франціи или въ Италіи. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣ Германіи проповѣдь новыхъ идей проявилась съ наибольшимъ успѣхомъ и силой именно въ Англіи.

Вальтеръ Бэджотъ (W. Bagehot, 1826—1877 г.) былъ авторомъ прекраснаго сочиненія объ англійскомъ денежномъ рынкѣ и о тѣхъ обстоятельствахъ, отъ которыхъ зависитъ его своеобразный характеръ *). Кромѣ того онъ написалъ много монографій по другимъ денежнымъ вопросамъ, занимаясь которыми онъ, вообще, могъ съ особымъ успѣхомъ вследствие рѣдко встрѣчающагося соединенія въ немъ привычки къ научному мышленію съ практической опытностью. По общимъ вопросамъ экономіи онъ также напечаталъ нѣсколько весьма важныхъ этюдовъ. Они собраны въ одномъ томѣ подъ заглавіемъ „Economic Studies“ (изд. R. H. Hutton 1880 г.), и задача ихъ заключалась въ томъ, чтобы доказать, что традиціонная система политической экономіи—система Рикардо и Милля—покойтся на нѣкоторыхъ такихъ положеніяхъ, которые отнюдь не могутъ быть признаны универсально правильными и осуществлялись въ дѣйствительности

*) „Lombard-Street“, 1873 г., 7 изд. 1878 г.

въ весьма узкихъ предѣлахъ мѣста и времени. Эта система, по его мнѣнію, неприложима ко всѣмъ стадіямъ общественнаго развитія и имѣетъ значеніе только въ тѣхъ случаяхъ, „когда торговля получила широкое развитіе и приняла совершенно такой же, или сходный съ англійской торговлей видъ“. „Она является наукой о промышленной дѣятельности обширной и торгующей страны, другими словами—она даетъ анализъ той великой торговли, посредствомъ которой обогатилась Англія.“ Но этимъ и исчерпывается все ея содержаніе; она не объясняетъ намъ ни хозяйственнаго строя прежняго времени, ни даже экономической жизни другихъ современныхъ намъ обществъ; поэтому-то она и осталась теоріей Великобританіи и нигдѣ не получила такого господства, какъ на своей родинѣ. Она представляетъ собой какъ бы книгу готовыхъ вычисленій, при посредствѣ которой мы можемъ примѣрно опредѣлить, что при данныхъ обстоятельствахъ произойдетъ въ „Lombard-Street“, на фондовой биржѣ и на великомъ міровомъ рынкѣ. Она является „подходящимъ рядомъ дедукцій изъ принятыхъ аксіомъ, которыя никогда не были вполне истинны, для многихъ странъ и временъ совершенно невѣрны, но которыя настолько соответствуютъ главнымъ условіямъ современной англійской жизни, что ихъ полезно разсматривать такъ, какъ онѣ есть“.

Милль и Кернсъ старались доказать, что наука, разработкой которой они занимались, гипотетична, т.-е. что она имѣетъ дѣло не съ реальнымъ, но съ воображаемымъ „экономическимъ человѣкомъ“—съ существомъ, цѣль жизни котораго заключается единственно въ томъ, чтобы „добывать деньги“. Бэджотъ идетъ далѣе и доказываетъ тотъ фактъ (намѣченный впрочемъ раньше Миллемъ и Кернсомъ, хотя и недостаточно ясно ими выраженный), что міръ, гдѣ, по ихъ предположенію, дѣйствуетъ этотъ человѣкъ, „есть міръ весьма ограниченный по размѣрамъ и совершенно своеобразный по своему

характеру“ *). Что особенно характерно для этого міра, говоритъ Бэджготъ, это быстрота, съ которою совершается переходъ капитала и труда отъ одного занятія къ другому въ зависимости отъ размѣра выгодности ихъ. Бэджготъ колеблется признать, чтобы въ современномъ англійскомъ торговомъ мірѣ быстрота эта имѣла надлежащее развитіе, хотя въ общемъ и по существу дѣла онъ не отвергаетъ ея какъ реальный фактъ.

Бэджготъ считаетъ себя „последнимъ представителемъ предшествовавшего Миллю періода“, непосредственнымъ ученикомъ Рикардо, которому онъ до конца своей жизни придавалъ слишкомъ большое значеніе. Но Бэджготъ жилъ достаточно долго и имѣлъ поэтому возможность ознакомиться съ историческимъ методомъ и относился къ нему не только не враждебно, но скорѣе даже „съ симпатіей“.

„Если правильно понимать этотъ методъ,“ говорилъ Бэджготъ, „то онъ не можетъ находиться во враждѣ съ разумно употребляемымъ абстрактнымъ методомъ.“ Мы не будемъ останавливаться здѣсь на критикѣ термина „абстрактный методъ“, которымъ обозначается методъ старой школы, не станемъ также повторять ту истину, что всякая наука неизбежно абстрактна; единственный вопросъ, какъ намъ кажется, могущій представиться при разрѣшеніи этой задачи, заключается въ томъ, гдѣ предѣлы для разумнаго употребленія абстракціи или, говоря вообще, каково должно быть отношеніе абстрактнаго къ конкретному. Слѣдуетъ замѣтить, что воззрѣнія Бэджгота по этому предмету совершенно разнятся со взглядами большинства „ортодоксальныхъ экономистовъ“. Эти послѣдніе относятся къ историческому методу съ снисходительнымъ покровительствомъ и смотрятъ на него только какъ

на методъ, который можетъ дать полезныя иллюстраціи и объясненія для ихъ теоремъ. Согласно Бэджготу, напротивъ, каждый изъ этихъ методовъ приложимъ въ различныхъ областяхъ изслѣдованія. Для того метода, который онъ называетъ „абстрактнымъ“, Бэджготъ отводитъ узкую, но въ то же время болѣе интересную область современной промышленной жизни. Посредствомъ историческаго метода, полагаетъ онъ, мы должны подвергать изслѣдованію явленія всей прошлой человеческой жизни и все, чего нельзя изучать въ современной жизни посредствомъ абстрактнаго метода. Самъ Бэджготъ обнаружилъ большое искусство при примѣненіи историческаго метода и въ частности бросилъ, благодаря этому, много свѣта въ область малоизслѣдованныхъ вопросовъ объ экономическомъ и социальномъ значеніи монеты и объ образованіи капиталовъ въ наиболѣе отдаленные періоды общественнаго развитія. Но главная его заслуга заключается въ томъ, что онъ по соображеніямъ, указаннымъ нами выше, пришелъ къ убѣжденію, что апріорный методъ можетъ дать намъ гораздо менѣе, чѣмъ полагали представители „ортодоксальной школы“. Бэджготъ доказалъ несправедливость той мысли, „что посредствомъ этого метода мы можемъ вполне разработать ту отрасль науки общественнаго бытія, которая занимается изученіемъ явленій „богатства“. Что касается отношенія экономической теоріи къ другимъ отраслямъ социологіи, то Бэджготъ полагаетъ, что „абстрактная наука“ вполне справедливо ихъ игнорируетъ. Эта наука не должна обращать вниманіе на разнообразіе человѣческихъ потребностей или на социальныя послѣдствія различій въ удовлетвореніи потребностей, она можетъ разсматривать эти явленія лишь настолько, насколько они оказываютъ вліяніе на производство богатства. Съ точки зрѣнія абстрактной экономической науки „кружка пива и картина, религіозная книга и колода картъ“—одинаково заслуживаютъ вниманія. Но она вполне допускаетъ возможность существованія другой науки, которая изучала бы бо-

*) Джонсъ, труды котораго, очевидно, неизвѣстны Бэджготу, высказывался, какъ мы уже видѣли, приблизительно въ подобномъ же духѣ.

гатство какъ социальное явленіе въ его послѣдовательныхъ формахъ и стадіяхъ развитія и рассматривала бы его какъ орудіе для нравственного и матеріальнаго преуспѣянія человѣческихъ обществъ.

Хотя для этого намъ придется сдѣлать небольшое отступленіе, но мы все же считаемъ нужнымъ указать здѣсь на воззрѣнія Сиджвика (Sidgwick) по вопросу о необходимости суженія области примѣненія дедуктивнаго метода, которыя прекрасно изложены въ его замѣчательномъ новѣйшемъ трудѣ по политической экономіи. Сиджвикъ замѣчаетъ (*Principles of Political Economy*, 2 изд. 1887 г.), что хотя по мнѣнію Д. С. Милля апріорный методъ является истиннымъ научнымъ методомъ и будто бы „такъ смотрѣли на этотъ вопросъ и такъ учили наиболѣе знаменитые мыслители“, но самъ онъ однако пользовался при изслѣдованіи вопроса о производствѣ—индуктивнымъ методомъ (или, по крайней мѣрѣ, методомъ, совершенно отличающимся отъ дедуктивнаго), получая выводы, главнымъ образомъ, „посредствомъ анализа и систематизированія нашихъ общихъ эмпирическихъ знаній о явленіяхъ промышленности“. Желая объяснить это характерное для Милля противорѣчіе, Сиджвикъ утверждаетъ, что, высказывая свои общія положенія о методѣ, Милль имѣлъ въ виду только статистику распредѣленія и обмѣна. Онъ полагаетъ также, что въ этой послѣдней области апріорный методъ при изслѣдованіи развитаго промышленнаго общества, „если только имъ пользуются осторожно, если упрощенныя посылки построены правильно и если заключенія видоизмѣнены „допущеніемъ нѣкоторыхъ исключеній“ для элементовъ, не принятыхъ во вниманіе въ посылкахъ, то этотъ методъ не можетъ быть ошибоченъ и не введетъ въ заблужденіе. Выводы, получаемые при посредствѣ этого метода, имѣютъ цѣну гипотезы, хотя ихъ польза, какъ средство объяснять конкретные факты, зависитъ отъ того, употребляется ли апріорный методъ при достаточно полномъ знаніи результатовъ наблюденія и опыта.

или нѣтъ.“ Противъ подобныхъ взглядовъ мы не считаемъ возможнымъ возражать, но мы болѣе склонны смотрѣть на дедукцію, исходящую изъ гипотезъ, скорѣе какъ на временно полезное логическое орудіе (какъ таковое, оно вполне правомѣрно употребляется и въ экономической, и во всѣхъ другихъ наукахъ), чѣмъ какъ на главную форму метода для какого-нибудь спеціальнаго отдѣла экономической теоріи. Сиджвикъ, ограничивая приложеніе дедукціи въ вопросахъ распредѣленія лишь „тѣмъ положеніемъ вещей, которое взято какъ типъ, и къ которому вообще приближаются цивилизованныя общества“, какъ бы солидаренъ съ Бэджготомъ, что при изученіи временъ и мѣстъ не соответствующихъ этому типу, должно пользоваться историческимъ методомъ; но этотъ послѣдній методъ, надо замѣтить, „не только не исключаетъ, но положительно предполагаетъ „отвлеченный (reflective) анализъ“ фактовъ и ихъ толкованіе изъ „мотивовъ человѣческихъ дѣйствій“ и, вообще, всѣхъ опредѣляющихъ эти дѣйствія условій“. Проф. Сиджвикъ находитъ далѣе, что при динамическомъ изученіи богатства—при изслѣдованіи измѣненій не только въ производствѣ, но и въ распредѣленіи—апріорный методъ можетъ имѣть значеніе лишь очень подчиненное. Мы же сказали бы, что и здѣсь, хотя въ меньшей степени, методъ этотъ могъ бы быть иногда полезенъ какъ логическое орудіе; само собой разумѣется, что взятыя въ данномъ случаѣ гипотезы должны различаться съ тѣми, которыя пригодны для болѣе зрѣлаго промышленнаго періода. Но главнымъ методомъ долженъ оставаться историческій, изучающій при посредствѣ сравненія различныя стадіи социальной эволюціи.

Въ связи съ теоріей современной промышленности Бэджготъ, хотя и случайно, но весьма удовлетворительно сравнительно со своими предшественниками рассмотрѣлъ вопросъ о функціяхъ предпринимателя, въ которомъ Милль и Кернсъ едва ли видѣли что-либо иное, какъ владѣльца капитала. Весьма примѣчательно, что въ „Руководящихъ началахъ“ Кернса крайне

мало принята во внимание дѣятельная кооперація въ производствѣ предпринимателя. Беджготъ возражаетъ противъ обыкновенно употребляемаго термина для выраженія „вознагражденія“ капиталиста— „плата за надзоръ и управление“ (Wages of superintendence). Онъ находитъ, что терминъ этотъ даетъ совершенно превратное представление о природѣ труда предпринимателя; Беджготъ указываетъ, затѣмъ, какъ обширна, многосторонняя и полезна дѣятельность предпринимателя и какъ необходимо соединеніе въ лицѣ послѣдняго дарованій и познаній. Едва ли возможно сомнѣваться, что предвзятая симпатія экономистовъ къ системѣ такъ называемой коопераціи иногда служили поводомъ къ тому, что важныя соображенія о дѣятельности предпринимателя отходили на задній планъ. Должную оцѣнку эти соображенія получили, наконецъ, въ изслѣдованіи профессора *Маршалля* (Marshall) и *Уокера* (F. A. Walker); эти ученые, однако, едва ли выяснили и, конечно, не защитили тѣхъ основаній, въ зависимости отъ которыхъ опредѣляется вознагражденіе капиталиста.

Мы уже видѣли, что Джонсъ въ своихъ догматическихъ ученіяхъ до извѣстной степени былъ предвозвѣстникомъ воззрѣній новой школы. Важные труды, кромѣ того, были написаны по исторіи экономической жизни слѣдующими лицами: *Томасомъ Тукомъ* (Thomas Tooke). *Вильямомъ Ньюмарчемъ* (William Newmarch—„History of Prices“, 1838—1857 гг.) и *Джемсомъ Е. Торольдомъ Роджерсомъ* (James E. Thorold Rogers—„History of Agriculture and Prices in England“, 1866—1882 гг.)*. Но первое систематическое изложеніе философскихъ основаній историческаго метода, какъ наиболѣе подходящаго для экономическихъ изслѣдованій, появившееся въ Англии, далъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ *Клиффъ-Лесли* (T. Cliffe-Leslie).

* Роджерсъ въ послѣднее время продолжалъ этотъ трудъ и напечаталъ кромѣ того новое изслѣдованіе по исторіи англійскаго банка, изд. 1887 г. Онъ умеръ въ концѣ прошлаго года.

Этотъ очеркъ впервые былъ напечатанъ въ Дублинскомъ университетскомъ журналѣ „*Hermathena*“ въ 1876 г. и впоследствии вошелъ въ собраніе его опытовъ (*Essays Moral and Political*, 1879 г.).

Работа Клиффъ-Лесли является самымъ важнымъ сочиненіемъ по вопросу о логической сторонѣ экономической науки, послѣ опыта Милля по тому же предмету (5-й опытъ въ его „*Unsettled Questions*“), ибо, хотя Кернсъ и расширилъ и разъяснилъ воззрѣнія Милля, но по существу прибавилъ къ нимъ мало. Лесли становится на точку зрѣнія, которая прямо противоположна точкѣ зрѣнія Милля и Кернса, и съ большой силой и страстностью критикуетъ принципы и дѣянія „ортодоксальной школы“. Тѣ, кто знакомъ съ трудами Кнуса и другихъ германскихъ писателей, прочитавъ сочиненіе Лесли по тѣмъ же вопросамъ, увидятъ, съ какой свѣжестью и оригинальностью писалъ этотъ послѣдній авторъ. Лесли старается представить намъ неопредѣленность и неточность того принципа, къ которому классическая школа сводитъ всѣ экономическія явленія; мы говоримъ о такъ называемомъ „стремленіи къ богатству“. Этимъ выраженіемъ „стремленіе къ богатству“ въ дѣйствительности стараются обозначить все широкое разнообразіе потребностей, желаній, чувствъ, очевидно различающихся между собою какъ по природѣ своей, такъ и по экономическому вліянію и измѣняющихся (это измѣненіе происходитъ, впрочемъ, и въ самыхъ составныхъ частяхъ богатства) на различныхъ стадіяхъ общественнаго развитія. Истина, по мнѣнію Лесли, заключается въ томъ, что существуетъ множество двигателей, опредѣляющихъ экономическую дѣятельность, какъ эгоистическаго, такъ и альтруистическаго характера, и что, поэтому, нельзя сваливать всѣ эти двигатели въ одну кучу, сводя ихъ къ такому грубому обобщенію, какъ единственное „стремленіе къ богатству“. Априорный и чисто дедуктивный методъ не можетъ дать объясненія ни тѣмъ при-

чинамъ, которыя, съ одной стороны, опредѣляютъ природу и общую сумму богатства, ни тѣмъ, отъ которыхъ, съ другой стороны, зависитъ разнообразіе въ распредѣленіи въ предѣлахъ различныхъ общественныхъ системъ, напр. во Франціи и въ Англіи. „Хозяйство всякой націи составляетъ результатъ долгой эволюціи, въ которой были и постоянство, и измѣненіе, и въ которой экономическая сторона является лишь одной изъ дѣйствующихъ силъ.“ Законы народнаго хозяйства слѣдуетъ поэтому искать въ исторіи, въ общихъ законахъ общественнаго и социальнаго развитія. Интеллектуальныя, нравственныя, юридическія, политическія и экономическія стороны социальнаго развитія неразрывно связаны между собою. Такъ, напр., юридическія положенія, относящіяся до собственности, завладѣнія и промышленности въ широкомъ смыслѣ, вызванныя социальнымъ развитіемъ, въ то же время являются и экономическими фактами. Или, говоря общѣе, „экономическое положеніе англійскаго или другого какого-либо общества въ наши дни есть результатъ того же общаго поступательнаго движенія, которое создало политическія учрежденія, организацію семьи, формы религіи, ученія профессіи, искусство и науки, извѣстное состояніе земледѣлія, промысловъ и торговли“. Чтобы постигнуть существующія экономическія отношенія, мы должны прослѣдить ихъ историческое развитіе, и только „философскій методъ въ политической экономіи можетъ намъ разъяснить теченіе этой эволюціи“. Этотъ опытъ былъ открытымъ вызовомъ для старой школы, и хотя его заключенія и вызвали протестъ, но аргументація Лесли не была опровергнута.

Что касается догматическихъ обобщеній „ортодоксальныхъ экономистовъ“, то, по мнѣнію Лесли, нѣкоторые изъ нихъ ложны и всѣ подлежатъ старательнымъ исправленіямъ и ограниченіямъ. Въ самомъ началѣ своей ученой дѣятельности Лесли доказалъ безсодержательность теоріи „заработнаго фонда“, хотя, впрочемъ, онъ и не былъ первымъ изъ

опровергнувшихъ ее *). Ученіе о среднемъ размѣрѣ заработной платы и прибыли онъ вообще отвергалъ, признавая его только подъ условіемъ ограниченія, сдѣланнаго Смитомъ, а именно „при наиболѣе простомъ и неподвижномъ состояніи промышленнаго міра“. Лесли думаетъ, что ходячее представленіе о среднемъ размѣрѣ заработной платы, а равно и заработнаго фонда принесло много вреда: „оно замаскировало собою истинныя размѣры заработной платы, истинныя причины, которыя ею управляютъ, и истинныя источники, изъ которыхъ плата проистекаетъ.“ Факты, которые онъ старательно собиралъ постоянно, какъ оказывалось, находились повсюду въ противорѣчій съ ходячей теоріей. „Въ каждой странѣ, въ дѣйствительности, имѣется множество, по размѣру, видовъ заработной платы, и постоянная задача науки заключается въ томъ, чтобы опредѣлить, отъ какихъ причинъ зависитъ такое различіе въ заработной платѣ.“ Что касается размѣра прибыли, то Лесли находитъ, что нѣтъ никакой возможности опредѣлить и предвидѣть выгоды и шансы для всѣхъ родовъ помѣщенія капитала, и считаетъ совершенной фикціей, будто капиталистъ въ состояніи обзрѣвать все поле для этого помѣщенія. Бѣдготъ, какъ мы видѣли, отвергая вообще ученіе объ опредѣленномъ національномъ уровнѣ заработной платы и прибыли, признавалъ его только въ исключительномъ случаѣ, а именно въ промышленномъ обществѣ современнаго англійскаго типа. Лесли отвергъ это ученіе даже и для такого вида общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ вѣру во всякое значеніе теоріи издержекъ производства, которыми, по его мнѣнію, не можетъ опредѣляться цѣнность продуктовъ.

*) Заслуга опроверженія этой теоріи принадлежитъ Лондону (P. D. Longe, „Refutation of the Wage-Fund Theory of Modern Political Economy“, 1866). Исслѣдованіе Лесли по тому же предмету появилось въ „Fraser's Magazine“ (іюль 1868 г.) и впоследствии было перепечатано, какъ приложение, въ его „Land-Systems and Industrial Economy of Ireland, England and Continental Countries“ (1870 г.).

Лесли старается создать по этому вопросу новое учение и утверждает, будто цѣнность, какъ на мировомъ, такъ и на внутреннемъ рынкѣ, зависитъ не отъ издержекъ производства, а отъ спроса и предложенія. Теорія эта требуетъ, однако, слишкомъ многихъ поправокъ, чтобы ее можно было употребить съ пользою и въ нее вѣрить. Лесли, такимъ образомъ, распространяетъ на всю національную промышленность то частичное отрицаніе старой догмы, которое у Кернса установлено его идеей о „несоперничающихъ группахъ“. Само собою разумѣется, что Лесли не оспариваетъ истиннаго вліянія стоимости производства на цѣны въ предѣлахъ той ограниченной области, гдѣ размѣры заработной платы и прибыли опредѣленны и извѣстны; онъ утверждаетъ только, что значеніе этого вліянія въ широкихъ предѣлахъ такъ отдаленно и невѣрно, что мы не имѣемъ никакой возможности смотрѣть на издержки производства какъ на регуляторъ цѣны. Если это такъ, то все зданіе, воздвигнутое Рикардо именно на почвѣ отождествленія цѣны съ издержками производства, рухнетъ вмѣстѣ со всей своей кажущейся простотой, симметрией и полнотой, и очищается мѣсто для новаго зданія, которое должно замѣнить собой старое. Лесли предсказываетъ, что, если политическая экономія, подъ ея настоящимъ названіемъ, не возьмется за трудъ постройки такого зданія, то эту обязанность вскорѣ вырветъ изъ ея рукъ социологія.

Лесли былъ удачнымъ изслѣдователемъ различныхъ спеціальныхъ вопросовъ — земледѣльческой экономіи, обложения, распредѣленія драгоцѣнныхъ металловъ, исторіи цѣны и, какъ мы уже видѣли, движенія заработной платы. Самымъ вѣрнымъ и, вслѣдствіе своего своевременнаго появленія, самымъ полезнымъ трудомъ Лесли является его работа по методологіи и основнымъ ученіямъ науки. И хотя жизнь его прервалась слишкомъ рано для науки, хотя все, что онъ написалъ, имѣетъ случайный характеръ и представляетъ скорѣе наброски, все-таки заслуги его гораздо серьезнѣе, чѣмъ за-

слуги многихъ изъ тѣхъ, которые составили систематическіе, обработанные и претендующіе на ученость труды.

Однимъ изъ оригинальнѣйшихъ экономистовъ современной Англій былъ *Станлей Джевонсъ* (W. Stanley Jevons, 1835—1882 г.). Рѣдкое соединеніе склонности и способности къ точному статистическому изслѣдованію съ остроуміемъ и искусствомъ толкованія добытыхъ результатовъ напоминаетъ въ Джевонсъ Вильяма Петти. Джевонсъ стремился привести политическую экономію въ тѣсную связь съ физическими науками. Онъ произвелъ замѣтное впечатлѣніе на общественное мнѣніе своей попыткой исчислить природный запасъ каменнаго угля. Его мысль объ отношеніи между періодическимъ возвращеніемъ промышленныхъ кризисовъ и солнечными пятнами обнаруживаетъ въ немъ богатую и смѣлую фантазію, хотя нельзя сказать, чтобы Джевонсъ успѣшно доказалъ существованіе этого соотношенія. Онъ же былъ авторомъ превосходнаго трактата „Money and the Mechanism of Exchange“ (1875 г.) и разныхъ очерковъ о денежномъ обращеніи и финансахъ, собранныхъ послѣ его смерти. Эти сочиненія заключаютъ въ себѣ основательное обсужденіе подобныхъ вопросовъ, какъ напр. биметаллизма (съ рѣшительной наклонностью въ пользу признанія единого золотого мѣрилы); онъ даетъ также много цѣнныхъ указаній о наиболѣе совершенной системѣ обращенія внутренней и международной, а въ особенности о расширеніи бумажно-денежнаго обращенія въ Англій на болѣе мелкія суммы. Въ другихъ своихъ трудахъ, изданныхъ въ 1883 году подъ заглавіемъ „Methods of Social Reform“, онъ создаетъ проектъ цѣлаго ряда реформъ, которыя только отчасти имѣютъ экономическій характеръ и направлены, главнымъ образомъ, къ возвышенію благосостоянія рабочихъ классовъ; наиболѣе важный изъ его проектовъ касался улучшенія условій труда замужнихъ женщинъ на фабрикахъ. Этотъ проектъ былъ однимъ изъ множества тѣхъ случаевъ, гдѣ онъ являлся противникомъ теоріи „laissez faire“, которую собственно онъ весьма ясно

и убедительно опровергъ въ своемъ трудѣ „The State in Relation to Labour“ (1882 г.), нисколько при этомъ не измѣнивши положенію, котораго онъ всегда твердо держался, какъ защитникъ свободной торговли. Подъ конецъ своей слишкомъ рано прервавшейся ученой дѣятельности Джевонсъ сталъ все болѣе впадать въ метафизику, имъ овладѣлъ „кошмаръ метафизическихъ идей и выраженій“, сильно мѣшавшій ему правильно понимать и оцѣнивать социальныя явленія. Онъ сталъ, по собственнымъ его словамъ, все болѣе и болѣе приходить къ убѣжденію, что единственная надежда добиться истинной системы политической экономіи заключается въ рѣшимости отбросить разъ навсегда запутывающія насъ и превратныя утвержденія Рикардовой школы. Что касается взглядовъ Джевонса на методъ, то хотя онъ и самъ говоритъ намъ, что „стремленіе его заключается въ томъ, чтобы индуктивно изслѣдовать запутанныя явленія торговли и промышленности“, но все-таки воззрѣнія его на этотъ предметъ никогда окончательно не опредѣлились.

Издатель посмертныхъ сочиненій Джевонса отказывается также опредѣлить съ точностью его отношенія къ исторической школѣ. Наиболѣе полныя указанія, однако, по этому вопросу мы можемъ найти въ лекціи (1876 г.) „On the Future of Political Economy“. Джевонсъ признавалъ важность и необходимость историческихъ изысканій въ политической экономіи и самъ даже чувствовалъ природную склонность къ изслѣдованіямъ такого рода. Но онъ едва ли постигалъ все значеніе историческаго метода, который онъ ошибочно противопоставлялъ „теоретическому“ и, повидимому, считалъ, что задача историческаго метода заключается въ повѣркѣ и иллюстраціи нѣкоторыхъ абстрактныхъ доктринъ, покоящихся на независимыхъ основаніяхъ. Отсюда вытекало то, что хотя онъ и высказывался за „полную реформу и пересозданіе экономіи“, но старался въ то же время сохранить апріорный методъ рядомъ и параллельно съ историческимъ. Поли-

тическая экономія, по его мнѣнію, распадается на различныя и, вѣроятно, многообразныя виды изслѣдованія; главнымъ изъ этихъ видовъ должна быть „теорія“, какъ она дошла къ намъ отъ лучшихъ нашихъ предшественниковъ, особенно отъ писателей французской школы; другой видъ заключается „въ историческомъ изслѣдованіи“ такого типа, каковой данъ трудами Джонса, Роджерса и другихъ и общіе принципы котораго опредѣлены въ трудахъ его современника Клиффъ-Лесли. Эти взгляды представляются той эклектикой, которая не имѣетъ прочности, но полезна, ибо облегчаетъ переходъ къ другимъ воззрѣніямъ. Оба метода будутъ, несомнѣнно, нѣкоторое время существовать рядомъ, но будущее принадлежитъ историческому методу.

Въ томъ отдѣлѣ политической экономіи, который Джевонсъ называлъ „теоріей“, слѣдуетъ, по его мнѣнію, пользоваться математическимъ методомъ (см. „Theory of Political Economy“, 1871 г., 2 издан. 1879 г.). Какъ мы уже видѣли, весьма многіе придерживались такихъ взглядовъ и частію даже приводили ихъ въ исполненіе; Джевонсъ, однако, преувеличиваетъ число подобныхъ попытокъ примѣнять математическій методъ, утверждая, будто Рикардо и Милль, пользовавшіеся иногда для уясненія своихъ положеній содѣйствіемъ ариѳметическихъ количествъ, были сторонниками того же метода. Математическіе примѣры въ родѣ тѣхъ, при посредствѣ которыхъ Д. С. Милль, напр., старался уяснить ходъ международной торговли, не имѣютъ ничего общаго съ употребленіемъ математики, какъ орудія экономическаго изслѣдованія или даже какъ средства для координаціи экономическихъ истинъ. Мы старались показать, говоря о Курно, почему, по нашему мнѣнію, приложеніе высшей математики къ экономическимъ изслѣдованіямъ необходимо должно потерпѣть неудачу; мы не можемъ думать, поэтому, чтобы въ рукахъ Джевонса этотъ методъ могъ получить успѣхъ. Его представленіе о конечной полезности (final utility) весьма остроумно. Но это не болѣе,

какъ одинъ изъ способовъ представить понятіе о цѣнѣ въ томъ случаѣ, когда предметы однородны (homogeneous) по качеству и допускаютъ увеличеніе чрезъ безконечно малое прибавленіе; но было бы совершенной иллюзіей полагать, что при посредствѣ такого представленія можно примѣнить математическій методъ къ изслѣдованію экономическихъ истинъ. Какъ результатъ сотни страницъ математическихъ разсужденій *), Джевонсъ преподноситъ намъ то, что онъ называетъ „любопытнымъ выводомъ“ **), „въ которомъ заключается основа всей теоріи обмѣна и главныхъ проблемъ политической экономіи“. Это основное положеніе гласитъ, что „отношеніе двухъ предметовъ въ обмѣнѣ обратно пропорціонально отношенію конечныхъ степеней полезности количествъ предметовъ, годныхъ для потребленія послѣ того, какъ обмѣнъ оконченъ“. Пока мы будемъ пребывать въ области метафизическихъ сущностей, называемыхъ „полезностями“, до тѣхъ поръ и формула эта останется непонятной и невозможной для провѣрки, ибо нельзя оцѣнить количественно духовное представленіе о конечной или всякой другой полезности. Но если мы переведемъ эту формулу на языкъ реальной жизни и станемъ измѣрять „полезность предмета“ для даннаго лица тѣмъ количествомъ предметовъ, которое онъ согласенъ дать за полученіе полезности, тогда мы сейчасъ увидимъ, что положеніе это—простой тавтологизмъ. То, что Джевонсъ называетъ „конечной полезностью“, есть не что иное, какъ цѣна въ единицахъ количества (per unit of quantity), и вся формула говоритъ, что при всякомъ актѣ обмѣна произведеніе количества отчуждаемыхъ товаровъ на цѣну, исчисленную въ единицахъ количества (цѣна берется при посредствѣ какого-нибудь третьяго предмета), равно соотвѣтствующему произведенію за количество получаемыхъ

*) „Theory of Political Economy“, p. 103 (2 изд.).

**) „Fortnightly Review for November 1876“, p. 617.

предметовъ, другими словами — получена такая простая и очевидная истина, что для открытія ея не было никакихъ основаній прибѣгать къ высшей математикѣ. Если при посредствѣ математическаго метода мы не можемъ получить истинъ посерьезнѣе этой, то, очевидно, нѣтъ смысла заниматься подобными изслѣдованіями, которыя ничего не даютъ, кромѣ возвращенія къ давно покинутымъ „метафизическимъ понятіямъ и выраженіямъ“, и являются попросту академической забавой, игрой ученой мысли. Репутація Джевонса, какъ писателя съ благородными народническими симпатіями, какъ остроумнаго и сильнаго мыслителя, достаточно упрочилась; но попытки представить Джевонса, вопреки его собственнымъ признаніямъ, какъ послѣдователя и продолжателя Рикардо и какъ одного изъ мыслителей, содѣйствовавшихъ дальнѣйшему развитію „экономической теоріи“ (понимая подъ этой послѣдней старую апріорную доктрину), могутъ только понизить уваженіе къ этому писателю и поставить заслуги его на такія основанія, которыя не выдержатъ критики. Имя Джевонса будетъ вспоминаться не тогда, когда будутъ говорить о теоретическихъ построеніяхъ новаго времени, но тогда, когда на мысль придетъ его умѣлое изслѣдованіе всякихъ практическихъ вопросовъ, его живой энергической стиль и, какъ мы уже говорили, его дѣятельное стремленіе къ обновленію экономического метода.

Арнольдъ Тойнби (Arnold Toynbee, 1852—1883 г.), оставившій послѣ себя такую прекрасную память и дѣйствительно чело­вѣкъ, исполненный любви къ истинѣ и дѣятельнаго и горячаго рвенія къ общественному благу, былъ авторомъ нѣсколькихъ неоконченныхъ и необработанныхъ трудовъ, которые обратили на себя общее вниманіе, благодаря своему внутреннему достоинству, а также и благодаря тому, что въ нихъ обнаружились современные стремленія всѣхъ высокоодаренныхъ натуръ (особенно среди нашихъ молодыхъ людей) при изслѣдованіи экономическихъ вопросовъ (см. соч. Тойнби „Lectures

on the Industrial Revolution in England, with Memoir by the Master of Balliol," 1884 г., 2 изд. 1887 г.). Онъ вѣрилъ (это вѣрованіе не легко раздѣлять) въ творческую, организующую силу демократіи и имѣлъ странныя, объясняемые развѣ только его молодымъ энтузіазмомъ, идеи; такъ, напр., онъ былъ убѣжденъ, что Мадзини есть „истинный учитель нашего времени“; Тойнби не имѣлъ установившихся воззрѣній на Рикардову школу политической экономіи; въ одномъ мѣстѣ онъ объявлялъ, что она не что иное, какъ „доказанный умственный обманъ“ (intellectual imposture), между тѣмъ какъ въ другое время, очевидно подъ вліяніемъ Бэджгота, онъ толкуетъ, что она „должна быть только исправлена, пересмотрѣна и приведена въ связь съ наукой о жизни“; онъ понималъ, конечно, подъ этой послѣдней общую социологію. Онъ сознавалъ, однако, что главная помощь, во многихъ отношеніяхъ уже и оказанная, въ будущемъ придетъ отъ историческаго метода, которому въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ придавалъ преобладающее значеніе. Истинный характеръ этого метода Тойнби понималъ лучше многихъ изъ работавшихъ надъ этимъ вопросомъ; методъ этотъ, по мнѣнію Тойнби, не только объясняетъ намъ вліянія мѣстныхъ или временныхъ условій экономическихъ явленій, но еще стремится изъ сравненія стадій социальнаго развитія въ разныхъ странахъ и въ разное время „открыть законы, универсально приложимые“. Если, какъ мы слышали, въ Оксфордскомъ университетѣ уже существуетъ растущая группа людей, которые держатся такихъ же воззрѣній, какъ и Тойнби, то это служитъ хорошимъ предзнаменованіемъ для будущаго науки *).

*) См. по этому поводу въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1890 г., февраль, статью „Практическая филантропія въ Англіи“.

А М Е Р И К А.

Какъ мы видѣли, Америка долгое время давала весьма мало трудовъ по политической экономіи. Объясненіе этого явленія, замѣчаемаго тамъ во всѣхъ отрасляхъ философскаго изслѣдованія, состоитъ въ томъ, что энергія этой націи всецѣло поглощена преслѣдованіемъ практическихъ интересовъ. Дальнѣйшія причины того же явленія хорошо указаны въ двухъ поучительныхъ опытахъ: одинъ изъ нихъ принадлежитъ профессору *Денбару* (Charles F. Dunbar, статья въ North American Review 1876 года), другой—*Клиффъ - Лесли* (Fortnightly Review 1880 г., октябрь).

Мы уже говорили о докладѣ Александра Гамильтона о промышленности; слѣдуетъ еще упомянуть о представленномъ въ „Филадельфійскій союзъ тарифной реформы“ мемуарѣ *Альберта Галлатина* (Albert Gallatin), на который можно смотрѣть какъ на удачно составленный этюдъ противъ протекціонизма (1831 года). Въ Америкѣ „Богатство Народовъ“ выдержало три изданія—въ 1789, 1811 и 1818 годахъ; главный трудъ Рикардо также былъ перепечатанъ въ 1819 году. Изслѣдованія *Даніэля Рэймонда* (Daniel Raymond, 1820 года), *Томаса Кутера* (Thomas Cooper, 1826 г.), *Уилларда Филлипса* (Willard Phillips, 1828 г.), *Фрэнсиса Уэйланда* (Francis Wayland, 1837 г.) и *Генри Ветсекъ* (Henry Vethake, 1838 года) ознакомили американскую публику съ воззрѣніями Смита и нѣкоторыхъ изъ его преемниковъ. *Дж. Рэ* (Rae), шотландецъ, поселившійся въ Канадѣ, написалъ трудъ, удостоившійся лестныхъ похвалъ Д. С. Милля, особенно за изслѣдованіе причинъ, опредѣляющихъ накопленіе капитала (см. „Principles“ Милля, кн. I, гл. II). Этотъ трудъ Рэ называется „New Principles of Political Economy“ (1834). Главными изъ появившихся до гражданской войны трудовъ слѣдуетъ признать слѣдующіе: „Principles of Political Economy by Francis Bowen“ (*Фр. Боуэнъ*), переизданное впоследствии подъ загла-

віемъ „American Political Economy“ (1870 года); „Political Economy by John Bascom“ (*Д. Бэскомъ*), 1859 г., и „Ways and Means of Payment by Stephen Colwell“ (*Кольуэлл*), 1859 г. Во время и послѣ этой войны появились слѣдующіе труды: „Science of Wealth by Amasa Walker“ (*Амаза Уокеръ*), 1866 г., 18-ое изд. 1883 г., и „Elements of Political Economy by A. S. Perry“ (*Перри*), 1866 г.

Уокеръ и Перри были фритредерами; послѣдній, кромѣ того, былъ ученикомъ Бастіа. О Кэри мы говорили уже достаточно много; изъ его американскихъ приверженцевъ назовемъ: *Пешинъ Смитъ* (E. Peshine Smith—„Manual of Political Economy“, 1853 г.), *Вилліамъ Элдеръ* (William Elder—„Questions of the Day“, 1871 г.) и *Робертъ Е. Томсонъ* (Robert E. Thompson—„Social Science“, 1875 г.). Ни одинъ изъ американскихъ экономистовъ не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ генералъ *Фрэнсисъ А. Уокеръ* (Francis A. Walker—сынъ Амазы Уокера), авторъ специальныхъ трудовъ о рабочей платѣ („Wages Question“, 1876 г.), о монетѣ („Money“, 1878 г.), а также прекраснаго общаго изслѣдованія („Political Economy“, 1883, 2 изд., 1887 г.). Главными трудами по исторіи экономической жизни Америки слѣдуетъ признать сочиненія *Болльса* (A. S. Bolles): „Industrial History of the United States“ (1878) и „Financial History of the United States“ съ 1774 по 1885 г., вышедшія съ 1879 г. и въ слѣдующіе года.

Болѣе глубокое и широкое изслѣдованіе вопросовъ политической экономіи, обнаружившееся въ послѣдніе года въ Америкѣ, повело къ тому, что въ ней, отчасти благодаря вышнимъ влияніямъ, образовалось двѣ школы, старая и новая, совершенно сходныя по идеямъ съ тѣми, о существованіи которыхъ во всей Западной Европѣ мы уже говорили. Въ сентябрѣ 1885 года въ Америкѣ собрался въ Саратогѣ съѣздъ экономистовъ, на которомъ было положено начало такъ называемой „Американской экономической ассоціаціи“

(American Economic Association). Эта послѣдняя поставила своей задачей бороться съ той мыслью, будто время для экономическихъ изслѣдованій уже вполне закончилось, и кромѣ того имѣеть цѣлью подать починъ къ болѣе многостороннему и плодотворному изученію экономическихъ вопросовъ. Подъ влияніемъ тѣхъ же стремленій былъ основанъ „Quarterly Journal of Economics“, журналъ, издающійся въ въ Бостонѣ на средства Гарвардскаго университета и обѣщающій давать прекрасные труды. Первая изъ напечатанныхъ въ этомъ журналѣ работъ принадлежитъ перу Ф. Денбара и имѣеть предметомъ, какъ мы уже указывали, обозрѣть исторію экономической мысли въ Америкѣ за 100 лѣтъ; въ этомъ же трудѣ Денбаръ въ интересахъ взаимнаго соглашенія излагаетъ стремленія обѣихъ школъ.

Раздѣленіе мнѣній сказалось въ Америкѣ особенно рѣзко при обсужденіи метода и основныхъ принциповъ политической экономіи на страницахъ періодическаго журнала „Science“; въ послѣдствіи статьи, вызванныя этимъ споромъ, были перепечатаны и изданы въ одной книгѣ подъ заглавіемъ: „Science Economic Discussion“ (New-York, 1886 г.). Возрѣнія новой школы въ этомъ спорѣ излагались и защищались съ необыкновеннымъ искусствомъ*). Истинная природа экономического метода, относительное значеніе экономическихъ учреждений и экономической мысли вслѣдствіе зависимости этихъ послѣднихъ отъ разныхъ социальныхъ условій, тѣсная связь современной экономіи съ юриспруденціей, необходимость приведенія политической экономіи въ гармонію съ этикой, важное значеніе ученія о потребленіи (нѣкогда отрицавшееся Д. С. Миллемъ и др.)—вотъ тѣ идеи, на которыхъ съ

*) Представителями новой школы въ спорѣ были: *Эдвинъ Р. А. Селигманъ* (Dr. Edwin R. A. Seligman), проф. *Джеймсъ* (E. J. James), проф. *Р. Эли* (Richard T. Ely), *Г. Адамсъ* (Henry C. Adams), *Ричмондъ Мейо Смитъ* (Richmond Mayo Smith) и *С. Паттенъ* (Simon N. Patten), а старой школы слѣдующіе: проф. *С. Ньюкомбъ* (Simon Newcomb), *Тоссигъ* (F. W. Taussig) и *А. Гэдди* (Arthur T. Hadley).

необыкновенной силой и ясностью настаивали молодые американские экономисты в возгоревшемся спорѣ. Мы имѣемъ, повидимому, полное основаніе вѣрить вмѣстѣ съ Клифф-Лесли, что Америка приметъ дѣятельное участіе какъ въ теоретическомъ рѣшеніи экономическихъ проблемъ будущаго, такъ и въ ихъ практическомъ приложеніи къ жизни *).

Современные англійскіе экономисты.

Мы не имѣемъ намѣренія въ настоящемъ сочиненіи высказывать свои сужденія о трудахъ современныхъ англійскихъ экономистовъ, съ одной стороны, потому, что сужденіе это не можетъ быть окончательно, съ другой — потому, что, го-

*) Проф. Е. Селигманъ въ Educational Review (за февраль 1891 г.) по поводу четвертаго годичнаго съѣзда Американской экономической ассоціаціи, происходившей лишь въ концѣ декабря 1890 года, даетъ слѣдующую оцѣнку прогресса экономической науки въ своей странѣ:

Долгое время, говоритъ онъ, американская мысль въ области экономической науки находилась подъ вліяніемъ англійской классической школы; затѣмъ молодые экономисты, учившіеся въ нѣмецкихъ университетахъ, стали вывозить оттуда германскіе методы изслѣдованія науки. Нѣсколько позднее въ экономической наукѣ началась реакція въ лицѣ нѣкоторыхъ австрійскихъ ученыхъ (Менгеръ, Саксъ и др.), а позднее итальянскихъ. Въ дѣйствительности можно уже сказать, что лучшія работы въ экономической наукѣ въ настоящее время приходятся на долю — не швейцаръ, уже утрачивающихъ свою прежнюю репутацію широкаго знанія иностранной литературы и свободомыслия, а итальянцевъ. Въ послѣднее же время наконецъ, какъ всего ярче показала вышеупомянутый съѣздъ, утверждаетъ далѣе Селигманъ, американскіе экономисты въ цѣломъ, будучи одинаково педовольны какъ ортодоксальными доктринами англійской школы, такъ и преобладаніемъ германскихъ методовъ, начинаютъ создавать совершенно независимое, національное отношеніе къ экономической наукѣ. „Они берутъ для изученія американскіе вопросы и стараются разрѣшить ихъ на особый, американскій ладъ. Они не имѣютъ исключительной склонности ни къ индукціи, ни къ дедукціи, ни къ исторіи, ни къ теоріи. Они привѣтствуютъ всякую хорошую работу, какою бы методомъ она ни получалась и изъ какого бы источника ни происходила. Притомъ они понемногу воздвигаютъ рядъ ученій, которыя являютъ созданіемъ sui generis и которыя даютъ во многихъ отношеніяхъ своеобразное объясненіе чисто американскимъ вопросамъ и задачамъ экономической жизни.“

Прим. Ред.

воря о писателяхъ своей родины, мы гораздо болѣе рискуемъ вызвать на себя упрекъ въ пристрастіи, чѣмъ разсуждая о современныхъ писателяхъ въ другихъ странахъ. Лишь желая дать нѣкоторое руководство для приступающихъ къ занятіямъ по политической экономіи, мы выскажемъ нѣсколько мнѣній, которыя врядъ ли вызовутъ возраженія компетентныхъ лицъ. Лучшее изъ краткихъ руководствъ (составленное, главнымъ образомъ, по Миллю) принадлежитъ Фосетту („Manual“, 6 изд. 1884 г.) *); тѣ, однако, кто признаетъ, отчасти, право на существованіе новой школы, должны лучше прочесть трудъ Маршалль (Mr. and Mrs. Marshall) „Economics of Industry“, 2 изд. 1881 г.). Лучшее въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ руководство, чѣмъ оба выше указанныя, принадлежитъ, какъ мы уже говорили, перу Фрэнсиса А. Уокера. Изъ другихъ цѣнныхъ трудовъ назовемъ: „Manual of Political Economy“ Ж. Е. Т. Роджерса (J. E. T. Rogers, 1870); „Survey of Political Economy“ Джона Макдонелля (John Macdonell, 1871 г.); „System of Political Economy“ Джона Шадвелля (John L. Shadwell, 1877 г.); „Plutology“ (1864 г.) профессора Гирна (W. E. Hearn) содержитъ въ себѣ одно изъ лучшихъ изслѣдованій вопроса о производствѣ. Гошени (Goschen) принадлежитъ лучшее сочиненіе о международныхъ обмѣнахъ (10 изд. 1879 г.) **. Хотя ученіе Маклеода по общимъ вопросамъ экономической теоріи вообще не получило признанія, но онъ много сдѣлалъ по вопросу о банкахъ. „Six Centuries of Work and Wages“ профессора Роджерса есть наиболѣе цѣнное и заслуживающее довѣрія изслѣдованіе по экономической исторіи разсматриваемаго въ этомъ трудѣ періода. Сочиненіе Кеннингэма (W. Cunningham) „Growth of English

*) См. о Фосеттѣ, Тойнби и другихъ новѣйшихъ экономистовъ болѣе подробную оцѣнку въ только-что вышедшей книгѣ Прайса: *University Extension Series. A short History of Political Economy in England from Adam Smith to Arnold Toynbee.* By L. L. Price. London. 1891. Стр. 179 и слѣд., 188 и слѣд.

**) Существуетъ въ русскомъ переводѣ.

Прим. Ред.

Industry and Commerce“ (1882 г., 2 изд., значительно дополненное и переделанное, 1890 г.) весьма интересно по своему изслѣдованію о меркантильной системѣ. *Д-ръ Нейльсонъ Гэнкокъ* (W. Neilson Hancock) далъ намъ множество трудовъ, по которымъ мы подробно и точно можемъ ознакомиться съ соціальной экономіей Ирландіи.

Мы не можемъ здѣсь не упомянуть также о трудѣ *Сиджуика* (Sidgwick, 1883 г.), о которомъ мы уже говорили въ предшествовавшемъ изложеніи. Невозможно относиться безъ уваженія и удивленія къ той добросовѣстной и глубокой критикѣ, которой онъ подвергаетъ апріорную систему политической экономіи въ ея наиболѣе зрѣломъ видѣ. Однако остается открытымъ вопросъ, стоило ли принимать на себя такую задачу? Нашимъ постояннымъ занятіемъ не можетъ же быть улучшеніе и исправленіе доктринъ Рикардо; нѣтъ никакого смысла постоянно ставить себѣ вопросы, при какомъ спеціальному толкованіи фразъ или при какихъ добавленіяхъ эти доктрины будутъ имѣть нѣкоторую цѣну. Настало время приняться за новую и творческую работу; этой творческой работѣ или, по крайней мѣрѣ, изученію основаній для новаго зданія—должны посвящать себя въ настоящее время всѣ люди способные и съ достаточной научной подготовкой. Можно опасаться, что изслѣдованіе Сиджуика, вмѣсто того, чтобы „устранить, какъ онъ надѣется, ненужныя противорѣчія, послужить лишь поводомъ къ оживленію тѣхъ „Steriles contestations et oiseuses disputes de mots“, за которые Контъ такъ упрекалъ прежнихъ экономистовъ. Любопытно замѣтить, что обыкновенно признается самой цѣнной частью изслѣдованія Сиджуика тотъ отдѣлъ, гдѣ этотъ писатель, отбросивши въ сторону всѣ фикці старой школы, старается самостоятельно разрѣшить при свѣтѣ наблюденія и при посредствѣ анализа вопросъ о промышленной дѣятельности правительствъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Воспользовавшись всѣми данными предшествовавшего изложенія, постараемся въ заключеніе вкратцѣ показать, что возможно и настоятельно необходимо сдѣлать для обновленія экономической науки.

I. Экономическія изслѣдованія находились до настоящаго времени преимущественно въ рукахъ юристовъ и публицистовъ, а не въ рукахъ, какъ бы слѣдовало, истинно ученаго класса. Занимавшіеся политической экономіей не имѣли, по общему правилу, достаточной подготовки въ наукахъ, изучающихъ явленія органическаго и неорганическаго міра; а между тѣмъ такая подготовка необходима, ибо она даетъ нужные теоретическіе принципы и правильное представленіе о методѣ. Воспитаніе прежнихъ экономистовъ имѣло метафизическій характеръ. Благодаря этому, политическая экономія, и по внѣшней формѣ, и по духу, сохранила многое такое, что напоминаетъ собой идеи XVII и XVIII вѣковъ; она съ теченіемъ времени мало подвинулась впередъ и не приобрѣла позитивнаго характера. По своимъ идеямъ политическая экономія стараго типа вполне походитъ на школьную логику, на абстрактную, не историческую юриспруденцію, на апріорное государственное и нравственное ученіе и на другіе, столь же устарѣлыя типы мышленія; люди, настойчиво желающіе, чтобы политическая экономія удержала свой традиціонный характеръ, по всей вѣроятности, получили свое образованіе

именно на этихъ областяхъ устарѣлаго мышления. Соображая все вышесказанное, мы легко поймемъ, почему истинные люди науки смотрятъ на политическую экономію съ нескрываемымъ презрѣніемъ и или совсѣмъ отказываются, или лишь съ небольшою охотой допускаютъ представителей этой науки въ свое ученое братство.

Самый радикальный порокъ политической экономіи стараго типа, придавшій ей ненаучный характеръ, заключается въ томъ, что экономическія явленія изучаются ею съ слишкомъ индивидуалистической и субъективной точки зрѣнія. Экономисты стараго закала смотрѣли на богатство только какъ на средство для удовлетворенія желаній и совершенно упускали изъ виду, что нѣкоторые предметы помимо того обладаютъ опредѣленнымъ свойствомъ создавать физическую силу и улучшать физиологическую организацію человека. Все измѣрилось съ точки зрѣнія субъективныхъ воззрѣній и потребностей. Всякія наши желанія почитались за равно законныя и все, что ихъ удовлетворяло, называлось богатствомъ. Цѣнность разсматривалась какъ результатъ чисто умственной оцѣнки, а поэтому социальная цѣнность предметовъ, т. е. цѣнность въ смыслѣ ея объективной полезности, которая часто научнымъ образомъ можетъ быть опредѣлена, была оставлена безъ изученія, и наука занялась исключительно изслѣдованіемъ взаимныхъ отношеній обмѣна. Истина, однако, заключается въ томъ, что въ основѣ всѣхъ экономическихъ изслѣдованій должна лежать мысль о предназначеніи богатства для поддержанія и развитія человеческого общества. Если не принять во вниманіе этой идеи, то вся наука политической экономіи обращается въ логическую игру, или руководство для рынка, а не представляетъ собой вклада въ социальную науку; кажущаяся полнота въ дѣйствительности окажется односторонностью и поверхностностью. Надо помнить, что экономическая наука есть нѣчто болѣе широкое, чѣмъ Каталактика (наука объ обмѣнѣ), къ которой ее часто

хотѣли свести. Физиократы, хотя и не ясно, но понимали, что экономическія изслѣдованія находятся въ тѣсной связи съ наукой о вѣншемъ мірѣ, и въ этомъ ихъ особенно важная заслуга; мы должны, поэтому, возвратиться, до нѣкоторой степени, къ ихъ точкѣ зрѣнія и постараться обосновать нашу экономію на изученіи природы и на біологіи въ той мѣрѣ, въ какой эти науки развились въ наше время *). Далѣе, наука должна быть освобождена отъ всѣхъ теолого-метафизическихъ элементовъ и тенденцій, только загромождающихъ и обезображивающихъ ее. Телеология и оптимизмъ съ одной стороны и живое представленіе о „естественной свободѣ“, „неотъемлемыхъ правахъ“ съ другой—должны быть позабыты разъ и навсегда.

Мы не имѣемъ права ставить какія-то универсальныя положенія и изъ нихъ дедуктивно выводить экономическія истины, мы не можемъ уже вѣрить въ ранѣе употреблявшіяся формулы, напр., въ ту, что всякій человекъ желаетъ достигнуть богатства и избѣгаетъ труда. Всѣ эти туманныя положенія, посредствомъ которыхъ стараются устранить и сдѣлать излишнимъ социальный опытъ, надо отбросить, ибо они неизбежно вводятъ абсолютное въ тѣ области, гдѣ безраздѣльно должно царить относительное. Законы богатства (если употребить въ обратномъ смыслѣ одно выраженіе Бокля) должны получаться изъ наблюденія фактовъ богатства, а не изъ предполагаемой основной посылки о человеческомъ эгоизмѣ. Намъ слѣдуетъ обратиться къ серьезному и непосредственному изученію того, какимъ образомъ въ дѣйствительности само общество относилось и относится къ обезпеченію своего собственнаго существованія и развитія путемъ удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ. Какіе органы развились для

*) Эта сторона вопроса была отлично разсмотрѣна извѣстнымъ біологомъ *Геддсомъ* (P. Geddes) въ докладахъ, представленныхъ „Королевскому Обществу“ (Royal Society) въ Эдинбургѣ по различнымъ поводамъ въ теченіе 1881 и слѣдующихъ годовъ.

вышеуказанной цѣли, какъ они дѣйствуютъ, какое вліяніе на нихъ оказываетъ среда, гдѣ они дѣйствуютъ, существуя рядомъ съ органами, преслѣдующими совсѣмъ иныя цѣли; въ свою очередь, какое вліяніе оказываютъ первые органы на эти послѣдніе и какъ, наконецъ, сами эти органы и ихъ функціи измѣнялись съ теченіемъ времени, — вотъ проблемы, которыя, каковы бы онѣ ни были, — статическія или динамическія, но являются вопросами факта и потому могутъ быть изслѣдованы исторически и при посредствѣ наблюденія, точно такимъ же образомъ, какъ мы изучаемъ исторію развитія языка, религіи или какой-нибудь другой группы социальныхъ явленій. Для такой научной работы потребуется, конечно, упорный „умственный анализъ“ всего того, что получено при посредствѣ наблюденія, но зато, устранивъ такимъ образомъ всякія преждевременныя утвержденія, мы будемъ имѣть доказанныя истины о человѣческой природѣ и въ нихъ найдемъ вѣрнаго руководителя въ изслѣдованіяхъ и вспомогательное средство при объясненіи фактовъ. Точно также и употребленіе хорошо обдуманной гипотезы будетъ законнымъ (раціональнымъ), но лишь временнымъ логическимъ орудіемъ.

II. На политическую экономію должно всегда смотрѣть только какъ на одинъ изъ отдѣловъ великой науки социологіи, стоящей, притомъ, въ тѣсной связи со всѣми другими отраслями знанія и съ нравственнымъ синтезомъ, который составляетъ завершеніе (вѣнецъ) интеллектуальной системы. Мы уже съ достаточной полнотой и ясностью изложили тѣ философскія основанія, которыя приводятъ насъ къ заключенію, что экономическія явленія даннаго общества лишь временно развѣ могутъ быть выдѣлены изъ всѣхъ другихъ явленій; мы уже доказали, что по общему правилу слѣдуетъ разсматривать всѣ первичные социальные элементы въ ихъ обоюдной зависимости и взаимодействіи. Необходимо, въ особенности, имѣть въ виду тѣ высшія цѣли,

ради которыхъ совершается все экономическое движеніе и безъ которыхъ экономическая наука никогда не привлечетъ интереса и вниманія выдающихся мыслителей и вообще здравомыслящихъ людей. Индивидуальная точка зрѣнія должна подчиниться общественной; всякій дѣятель, всякая личность должна разсматриваться какъ органъ того общества, къ которому она принадлежитъ, и какъ органъ дальнѣйшаго общественнаго союза — человѣчества. Соображенія объ интересахъ личностей, какъ справедливо замѣчаетъ Джорджъ Эліотъ (George Eliot), должны уступить мѣсто соображеніямъ объ ихъ функціяхъ. Старое ученіе о правахъ, составляющее основаніе для всей системы „естественной свободы“, уже сдѣлало свое временное дѣло; на смѣну должно придти ученіе о долгахъ, которое опредѣлитъ на позитивныхъ началахъ характеръ участія въ социальной коопераціи каждаго класса и каждаго члена общества и создастъ правила, которыя справедливо и благотѣтельно будутъ регулировать дѣятельность всѣхъ и каждаго въ этой коопераціи.

Обращаясь, затѣмъ, отъ вопроса о теоретическомъ построеніи политической экономіи къ вопросу о вліяніи этой науки на общественную политику, мы не должны будемъ тратить въ настоящее время много словъ для того, чтобы доказать, что идея о „правительственномъ невмѣшательствѣ“ не создаетъ нормальнаго положенія вещей въ экономической сферѣ. Доктрина „laissez faire“, доставшаяся намъ отъ системы „естественной свободы“, была долго лозунгомъ ортодоксальной экономіи, пользовалась особымъ сочувствіемъ и держалась особенно твердо въ Англіи; это явленіе зависѣло отъ того, что подъ вліяніемъ борьбы за отмену хлѣбныхъ законовъ всѣ экономическіе споры вращались около вопроса о свободѣ торговли; такое положеніе вещей поддерживалось также постояннымъ стремленіемъ произвести измѣненіе въ охранительной политикѣ другихъ государствъ. Но въ послѣднее время ученіе потеряло уже свой прежній неприкосновен-

ный характеръ, и это явилось результатомъ не столько развитія экономическаго мышленія, сколько давленія практическихъ потребностей, которыя измѣнили послѣдовательно всѣ формы мышленія гораздо болѣе, чѣмъ теоретики обыкновенно склонны признавать. Какую бы привязанность ни чувствовали государственные люди къ абстрактнымъ формуламъ, но социальныя потребности будутъ связывать имъ руки, и политики уже въ дѣйствительности оборотились спиной къ теоріи „laissez faire“. Государство съ необыкновеннымъ успѣхомъ вступило уже на путь контроля проявленій дѣятельности частнаго интереса, въ видахъ социальнѣйшей справедливости и общественной пользы. Даже большинство экономистовъ склонилось къ такому взгляду на вопросъ и среди нихъ Гербертъ Спенсеръ играетъ роль проповѣдника въ пустынь, когда онъ начинаетъ разсуждать о „новомъ рабствѣ“, создаваемомъ государственнымъ вмѣшательствомъ. Тщетны всѣ его протесты и ему никогда не удастся возстановить старое абсолютное ученіе о пассивности государства *). Весьма возможно, однако, что въ силу реакціи противъ этого ученія обнаружится въ свою очередь чрезмѣрное и опрометчивое стремленіе въ противоположную сторону. Врядъ ли въ Англіи впрочемъ государство начнетъ вмѣшиваться въ производство и обмѣнъ. Но опасности и неудобства, возникающія вслѣдствіе неразрѣшенности многихъ вопросовъ въ мірѣ труда, время отъ времени и то тамъ, то сямъ неизбежно будутъ давать поводъ къ преждевременнымъ попыткамъ произвести регулированіе. Кромѣ устранения опасностей, угрожающихъ общественному порядку, и помимо временныхъ палліативовъ, облегчающихъ давленіе социальныхъ несправедливостей, го-

*) Крайнимъ выраженіемъ этихъ тщетныхъ усилій того же ученаго (Г. Спенсера) задержать историческій ходъ событій является его повѣстическое произведеніе, написанное вмѣстѣ съ кружкомъ единомышленниковъ и только что вышедшее въ свѣтъ. См. A. Plea for Liberty. Edited by Thomas Mackay London, 1891. Прим. Ред.

сударство въ этомъ вопросѣ объ упорядоченіи труда должно лучше всего держаться пока политики выжиданія (abstention). Само собой разумѣется, что промышленное общество не можетъ навсегда остаться безъ систематической организаціи. Простая борьба частныхъ интересовъ никогда не создастъ хорошо организованнаго государства труда, „Freiheit ist keine Lösung“ (одна свобода не рѣшаетъ вопроса). Свобода какъ для общества, такъ и для отдѣльной личности есть необходимое условіе, которое предшествуетъ рѣшенію практическихъ проблемъ; она даетъ природнымъ силамъ возможность развиться и обнаружить свои характерныя (spontaneous) тенденціи, но сама по себѣ она не въ состояніи рѣшить вопроса. Хотя и можно съ увѣренностью ожидать, что съ теченіемъ времени промышленное общество такъ или иначе организуется, но было бы большою ошибкой стараться измыслить такую организацію. Мы переживаемъ въ настоящее время переходное положеніе. Наши руководящія силы имѣютъ какой-то двусмысленный характеръ, не находятся въ гармоніи со всей нашей промышленной жизнью и во всѣхъ отношеніяхъ весьма не соответвуютъ современнымъ воззрѣніямъ. Но условія новаго порядка вещей еще не достаточно поняты. Учрежденія будущаго должны покоиться на сложившихся чувствахъ и привычкахъ, а эти послѣднія, въ свою очередь, должны быть результатомъ постепеннаго развитія мысли и опыта. Рѣшеніе вопроса, само собой разумѣется, всегда должно имѣть въ высшей степени нравственный характеръ: скорѣе всего духовная, а не свѣтская власть должна явиться естественнымъ учителемъ для устраненія или ослабленія социальныхъ бѣдствій, связанныхъ съ промышленной жизнью *).

*) Германская школа экономистовъ совершенно пренебрегаетъ этимъ соображеніемъ, и это одинъ изъ ея серьезнѣйшихъ недостатковъ, результатомъ котораго является экзальтированное отношеніе къ дѣятельности государства. Дѣятельность эта вполне законна, но ея одной недостаточно.

Если въ настоящее время замѣчается стремленіе (оно или уже въ дѣйствительности существуетъ, или готово обнаружиться) ненормально расширить сферу дѣятельности государства въ видахъ облегченія социальныхъ несправедливостей, то это явленіе въ значительной степени зависитъ отъ того, что растущее различіе по религіознымъ вопросамъ ослабило въ большинствѣ европейскихъ странъ авторитетъ церкви и лишило ее того вліянія, которымъ она ранѣе пользовалась повсемѣстно*). Теперь особенно необходимо не государственное вмѣшательство въ промышленную жизнь, но образованіе какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ слояхъ промышленнаго міра глубокихъ убѣжденій социальнаго долга и созданіе болѣе дѣйствительныхъ средствъ, нежели нынѣ существующія, для распространенія, поддержанія и практическаго приложенія этихъ

Когда Шмоллеръ говоритъ, что государство „есть величайшее изъ существующихъ этическихъ учрежденій для воспитанія человѣчества“, онъ переноситъ на государство обязанности церкви. Воспитательная дѣятельность государства должна быть, главнымъ образомъ, лишь косвенной.

*) Важная роль духовенства въ борьбѣ съ социальнымъ зломъ, которую приписываетъ ему позитивистъ Ингрэмъ, объясняется, конечно, высокимъ его образованіемъ въ Великобританіи и тѣмъ уваженіемъ и вліяніемъ, которымъ вообще пользуется въ своей странѣ англійское духовенство. Нѣтъ, кажется, науки, представителей которой нельзя было бы встрѣтить въ ея рамкахъ, періодическая же печать и общаѣ литература насчитываютъ въ Англіи между своимъ важнѣйшими дѣятелями—лицъ духовнаго званія—цѣлыми сотнями. Въ нынѣшнемъ году, напр., началъ выходить въ свѣтъ первый англійскій экономическій журналъ „The Economic Review“ для теоретической разработки преимущественно этической стороны политической экономіи; между его 65 сотрудниками, поименованными въ объявленіи этого ученаго журнала, насчитывается не менѣе 24 особы, имѣющихъ санъ священника или епископа. Такимъ образомъ, англійское духовенство въ занятіи новой отраслью экономической науки идетъ уже впереди своего общества и какъ бы указывалъ ему путь. Въ числѣ сотрудниковъ новаго органа встрѣчаются такіе громкіе въ наукѣ имена, какъ священники Кауфманъ, Квиннингемъ, Литлтонъ, Стѣббсъ, Саймсъ, епископъ дѣргемскій Весткотъ и мн. другіе. Наконецъ изъ старшихъ англійскихъ экономистовъ достаточно напомнить такіе имена, какъ знаменитый Мальтусъ и Таунсендъ—также священники—и Дублинскій архіепископъ Уэтли.

Прим. Ред.

убѣжденій. Однако, это вопросъ, въ обсужденіе котораго здѣсь не мѣсто входить. Но мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что только тѣ изъ современныхъ партій понимаютъ и правильно оцѣниваютъ потребности настоящаго положенія, стремленія которыхъ клонятся къ возстановленію старой или къ установленію новой духовной власти. А это ведетъ къ тому заключенію, что существуетъ также одинъ нежелательный видъ государственнаго вмѣшательства, который иногда одобряли даже сами сторонники доктрины „laissez faire“; это вмѣшательство болѣе, чѣмъ всякое иное, можетъ воспрепятствовать постепенному и мирному образованію новой промышленной и социальной системы. Мы разумѣемъ здѣсь вмѣшательство въ духовную свободу, когда создаются официально освященные образцы философскихъ теорій и налагаются ограниченія на самое обнаруженіе и распространеніе разныхъ мнѣній.

Читатель видитъ, что наше главное заключеніе относительно экономической дѣятельности гармонируетъ съ тѣмъ, которое мы сдѣлали по вопросу теоретическаго изученія хозяйственныхъ явленій. Ибо, подобно тому, какъ мы утверждали, что нельзя успѣшно заниматься изученіемъ экономическихъ явленій, если наука, имѣющая своимъ предметомъ таковое, не будетъ подчинена болѣе широкой наукѣ—соціологіи, такъ и въ настоящемъ случаѣ мы убѣждены, что при разрѣшеніи практическихъ вопросовъ человѣчества частичный синтезъ невозможенъ, но что для экономической реорганизации общества необходимо универсальное, не только матеріальное, но и умственное и нравственное обновленіе. Промышленный переворотъ, котораго Западная Европа такъ жадно желаетъ, для осуществленія котораго работаетъ и скорое наступленіе котораго замѣтно по многимъ признакамъ (хотя этотъ переворотъ и явится лишь какъ результатъ искреннихъ и выдержанныхъ усилій), не будетъ изолирован-

нымъ фактомъ, но составить часть особаго искусства жизни, долженствующаго измѣнить все насъ окружающее, подѣйствовать на всю нашу культуру, опредѣлить наше поведеніе, — однимъ словомъ, направить всѣ наши средства на достиженіе единой и великой цѣли — сохраненіе и развитіе чело-вѣчества.

Конецъ.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЬ.

А.		Баджотъ, Вальтеръ	173, 290—296
Андерсонъ	161	Бэконъ	61
Антоновичъ, А. И.	XI	Бэнь	191, 195
Аристотель	21, 22, 23, 24, 25	Бьюкенанъ, Давидъ	139, 165
Афанасьевъ	4	В.	
Б.		Вагнеръ, Ад.	268, 269—273, 277
Бабстъ, И. К.	X, 267	Вальрасъ	287
Баденскій герцогъ, Карлъ Фридрихъ	102	Варронъ	27
Балудинскій	140	Васко, Джамбатисто	96
Бандини, Салюстіо	90	Вернадскій, И.	3, 140
Баржемонъ	1	Верри	93
Бастіа	215, 219 и 227—232	Вобанъ	76, 77
Бастэбль	132, 207	Воловскій	47
Батби	284	Вольтеръ	73, 76, 89, 93
Бауэръ, Стефанъ	85	Вреденъ, Э.	XI
Беккариа	91, 93, 94, 95	Г.	
Беллони	91	Галілли	60, 88, 92—93, 96
Бѣмертъ, Викторъ	279	Галлуа	2
Бѣмъ-Баверкъ	278	Гампльтонъ	220, 221
Бентамъ	141, 142	Гарве, Христіанъ	238
Бѣркъ, Эдмундъ	245	Гарнье, Жерменъ	209, 286
Берклеи	104	Гарнье, Жозефъ	287
Бернгарди	279	Геддсъ, П.	288, 315
Біанчини, Людовико	237	Гезіодъ	15
Віолковъ	1, 140, 147	Гейсманнъ, А.	4
Визли	206, 207, прим.	Гельдъ, А.	173, 268, 278
Вланки	1, 109, 284	Генрихъ VIII	52
Вордильяръ	284, 287	Гентцъ	238
Водянь, Жанъ	56—58	Георгіевскій, П. И.	XI
Воккардо	237	Германнъ	240, 241
Вокль	79, 114, 315	Германъ	140
Вольсъ	308	Гѣте	103
Вопаръ, Джемсъ	157	Гѣтчесонъ	79
Боуенъ, Фр.	307	Гильдебрандъ	137, 262, 263
Брассей, лордъ	205	Гильоменъ	2
Брентано	277	Гирнъ	311
Брикнеръ	243	Гладстонъ	187
Броджіа, Антоніо	91	Гоббсъ	66, 70, 79
Буагильберъ, П.	74—76	Годвинъ	144, 145
Бунге, Н. X.	X	Горловъ, Ив.	XI
Бэбэдъ, Чарльсъ	180	Госсенъ	232

II

Гошенъ	311	Катонъ	27, 29
Гриммъ	89, 92	Кауцъ	1
Гуго	260	Кельпенеръ	62, 85
Гускиссонъ	187	Кемсъ	116
Гурпэ, Жанъ Клодъ, 77, 78, 85, 86		Кёнинггэмъ	311
Гуфеландъ, Готлибъ	239	Кёркёпъ	X
Гюе	98	Кернсъ	135, 158, 171, 197—209
Гэнкокъ, Нейльсонъ	312		229, 291

Д.

Даванцати, Бернардо	56	Клеманъ	53, 284
Давенантъ, Чарльсъ	63, 64	Клиффъ, см. Лесли.	
Дальримплъ	116	Книсъ	129, 263—265, 277
Дарвинъ	156	Кокъ	67
Дёйбаръ	307, 309	Кокленъ и Гильоменъ	2
Джевонсъ 78, 205, 232, 233, 301—305		Кольмейро	3
Дженовези, Антоній	91, 97, 103	Кольберъ	53, 54, 74, 82
Джи	85	Колумелла	27, 28
Джонсъ, Ричардъ	181—186, 292	Компанелла	60
Джонсъ, Джереми	140	Копъ	278
Джойя, Мельхиоръ	236	Кондоресъ	144, 145, 146
Диггсъ, Дёдлей	62	Кондыревъ, Петръ	4, 140
Дидро	73, 84, 136	Контъ, Огюстъ	255—259
Дицель	278, 279		и passim.
Дрозъ	286	Контъ, Шарль	229
Дэръ, Евгений	2, 68	Коньетти де Мартинсъ	282
Дюпонъ де Немуръ 78, 84, 87, 109, 134, 210, 211		Коперникъ	59, 60
Дюрингъ	1, 30, 278	Косса, Л.	2, 280, 281
Дюто	77	Крауъ	238

Е.

Елизавета, королева	53	Ксенюфонть	20—21

Ж.

Журденъ	38	Кузенъ	284
Жуковский	3	Кузумано, Вито	281

З.

Замтеръ	275	Куинси, де	174
Зиберъ, Н. И.	4, 159	Курно, Августинъ	232—236
Зонненфельсъ	103	Курсель-Сенейль	287

И и I.

Иванюковъ, И. И.	XI, 4	Кустоди	2, 99
Интъери	91, 92	Кэнэ	77, 78, 83—85, 89, 111, 134
Иовелланосъ, Гаспаръ	237	Кэри	220—226

К.

Кампоманесъ, Педро	100	Лавелэ, Эмиль-де	282, 285, 286
Каннингъ	187	Лавернь, Леонсъ-де	284
Кангильонъ	78	Лампертико, Феделе	281, 282
Карль V-й	53	Лангенъ, Яковъ	142
Карлейль	86, 103	Лассаль	272
Карли, Дж.	28, 95	Левитскій	279
Капустинъ	XI	Лейбницъ	69

Л.

Лавелэ, Эмиль-де	282, 285, 286	Леруа-Болье	230, 275
Лавернь, Леонсъ-де	284	Лесли, Клиффъ . 79, 115, 116, 142, 190	
Лампертико, Феделе	281, 282		207, 226, 297—301
Лангенъ, Яковъ	142	Ливий	19
Лассаль	272	Листъ, Фридрихъ	221, 226, 227
Левитскій	279		245, 248—253
Лейбницъ	69	Лодердэля, лордъ	141, 142, 193
Леруа-Болье	230, 275	Локкъ	69, 70, 104, 127
Лесли, Клиффъ . 79, 115, 116, 142, 190		Лонгфильдъ, М.	181
	207, 226, 297—301	Лонджъ	205, 299
Ливий	19	Лориа	281, 282
Листъ, Фридрихъ	221, 226, 227	Лотцъ, Иоганнъ	239
	245, 248—253		
Лодердэля, лордъ	141, 142, 193		
Локкъ	69, 70, 104, 127		
Лонгфильдъ, М.	181		
Лонджъ	205, 299		
Лориа	281, 282		
Лотцъ, Иоганнъ	239		

III

Лоу, Джонъ	77	О.	
Лоу, Робертъ	V, VI	Оппенгеймъ	176
Лоусонъ, Джемсъ	181	Орезмъ	47
Лёфлинъ	190	Оргесъ	98, 99
Луццати	291		
Лалоръ, Джонъ	288		
Людеръ	239		
Ли-Бройеръ	84		

М.

Малейнсъ	62	Маколей	191
Мальтруа	56	Макъ-Коллохъ	2, 134, 139, 161, 176, 177, 186
Мальтусъ, Даніэль	144	Маклеодъ	311
Мальтусъ, Томасъ Р.	97, 99, 143—157, 161, 175, 182	Мартино, Гарриетъ	180, 289
Маршалль, Альфредъ . 143, 296, 311		Маршалль, Мари	311
Маршалль, Мари	311	Мёзеръ	103, 104
Мёзеръ	103, 104	Мейеръ	3
Мелонъ	77	Мелонъ	77
Мёнъ	59, 61, 62	Менготти	53, 98
Менготти	53, 98	Менгеръ	278
Менгеръ	278	Меривэль, Германъ	180
Меривэль, Германъ	180	Мерсье-Ларивьеръ	87, 89
Мерсье-Ларивьеръ	87, 89	Месседаля, Анджело	281
Месседаля, Анджело	281	Миклашевскій, А. Н.	XI, 202
Миклашевскій, А. Н.	XI, 202	Милларъ	116
Милларъ	116	Милль, Джемсъ	150, 176, 191
Милль, Джемсъ	150, 176, 191	Милль, Джонъ Стюартъ	187—197
Милль, Джонъ Стюартъ	187—197		и passim.
	и passim.	Мингетти, Марко	281
Мингетти, Марко	281	Мирабо, Викторъ	86—87, 98
Мирабо, Викторъ	86—87, 98	Миссельденъ	62
Миссельденъ	62	Монкрэтенъ	61
Монкрэтенъ	61	Монтескьё	77, 114, 115, 116, 117, 127, 148.
Монтескьё	77, 114, 115, 116, 117, 127, 148.	Монтэнъ	57
		Моръ, Томасъ	57
Монтэнъ	57	Морелье	88, 89
Моръ, Томасъ	57	Морлей, Джонъ	192
Морелье	88, 89	Муравьевъ	4
Морлей, Джонъ	192	Мекдонелль, Джонъ	311
Муравьевъ	4	Мюллеръ, Адамъ	245—247
Мекдонелль, Джонъ	311		
Мюллеръ, Адамъ	245—247		

Н.

Нассе, Эрвинъ	268, 269	Наццани	281
Наццани	281	Небеніусъ, Фридрихъ	239
Небеніусъ, Фридрихъ	239	Неймаркъ	284
Неймаркъ	284	Нери	28, 96
Нери	28, 96	Никольсонъ	135, 140, 170
Никольсонъ	135, 140, 170	Норъ, Дёдлей	67, 68
Норъ, Дёдлей	67, 68	Ньюмарчъ, Вильямъ	296
Ньюмарчъ, Вильямъ	296		

О.

Оппенгеймъ	176
Орезмъ	47
Оргесъ	98, 99

П.

Паолетти, Ф.	97
Пальоте	228
Пальпини	28
Пёттней	140
Пеккио	2, 90, 91
Перенъ, III.	284
Петти, В.	66, 67, 69, 85
Пиль, Р.	179
Питтъ	140
Пихно, Д. И.	XI
Платонъ	18, 19, 20, 30, 57
Шлейферъ, В.	139
Плиний	26, 29
Поллексенъ, Дж.	62
Политковский, П.	140
Посонковъ	243
Прайсъ Л.	IX, 289
Прайсъ	148
Припсъ, Смитъ	279

Р.

Райналь	97
Ралей	53
Рау, К. Г.	239—240
Рёскинъ, Дж.	288
Рёслеръ, Г.	269, 277
Решъ	278
Рикка-Салерно	281, 283
Рикардо, Д.	135, 157—176, 182, 186
	и passim.
Ринучини	92
Риччи, Л.	97
Робертсонъ	100
Роджерсъ, Т.	140, 296, 311
Романьози	236, 237
Росси, П.	286
Рошеръ, В.	3, 260—262, 267,
	268 и passim.
Руссо, Ж. Ж.	27, 73, 79
Рэ, Дж.	307

С.

Савиньи	260
Саймъ, Д.	289
Саксъ	279
Сарториусъ	4, 140, 239
Селгманъ, Э.	309, 310
Сенека	26, 27
Сеніоръ, Н. 147, 149, 158, 166, 177, 178	
Серра	60
Сиджвикъ	187, 288, 294, 312

Сисмонди	20, 173, 213—216
Скаруффи	56
Скиатарелла	232
Смитъ, Ад.	110—141 и passim.
Соденъ, Ю.	239
Спенсеръ, Гер.	150, 275, 318
Стаффордъ, В.	58
Стёрлингъ, П.	228
Сэ, Ж. Б.	6, 209, 213, 244
Стьюартъ, Дж.	103, 109—110, 148
Стьюартъ, Дугальдъ	133

Т.

Тацитъ	26
Таунсендъ	149, 150
Текеръ	68, 108—109
Темплъ, В.	53, 63
Террэ	89
Тойнби, А.	305—306
Торптошъ, В.	108, 204
Торренсъ, Р.	179, 187
Траси, Дестютъ-де	286
Трейшникъ, Г.	279
Туссъ, Тр.	1
Тукъ	186, 296
Турболо	56
Тэйлоръ, С.	243
Тюненъ	239, 241—243
Тюрго, А. Р.	61, 83, 86, 88, 89, 111, 141, 231

У.

Уокеръ, Амаза	308
Уокеръ, Фр. А.	135, 197, 207, 225, 296, 311
Уоллэсъ, Роб.	145, 148
Устаридъ, Дж.	99, 100
Уэкфильдъ, Эд.	139, 180
Уэстъ, Эд.	151, 167
Уэтлн	180, 222

Ф.

Фенелонъ	77
Фергюсонъ	117, 139
Феррара, Фр.	237
Феррарисъ, К.	289
Филанджіери	96, 97
Фонтенэ	228, 229
Форбоннэ	99
Форти	283
Фортрей	62, 67
Фосеттъ	188, 311
Фостеръ, Дж.	207
Франклинъ, В.	97, 103, 148, 220

Ц.

Цицеронъ	26—28
Цинке	102
Цѣхановецкій	4

Ч.

Чайльдъ	53
Чальмерсъ	155, 180
Чибрарио, Л.	275
Чупровъ, А. И.	XI

Ш.

Шевалье, М.	286
Шеель, Г.	2, 268, 275, 278
Шёнбергъ	2, 268, 273, 277
Шербюлье	201, 287
Шеффле	268, 272, 273 275, 277
Шіалойи	232, 237
Шлёцеръ, Хр.	243—244
Шмальцъ	102
Шмоллеръ	268, 277, 320
Штейнъ, Л.	268, 278
Шторхъ	243—245
Шульце-Гэверницъ	278
Шульце-Деллчъ	278
Шедуэлъ, Дж.	311

Э.

Эйзенгартъ	2
Элиотъ, Д.	317
Эмергонъ	140
Эмингаузъ, А.	279

Ю.

Юмъ, Д.	68, 104—108, 127, 129, 134, 136, 137, 148, 157, 164
Юнгъ, А.	148
Юстинианъ	29
Юсти	102
Юэль	184

Я.

Янжуль, V—XI, 3, 4, 58, 59, 140, 310 и passim.	99
Янсонъ, Ю. Э.	4

О.

Ома Аквинскій	38

Кавелина. Сочиненія въ 4 томахъ. Ц. 5 р.

Каррьера. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III
и IV. Пер. *Е. Кориа*. М. 1874 г. Ц. 16 р.

Кольцова, А. В. Стихотворенія, изд. 10-е. М. 1889 г. Ц. 20 к.

Корсана. Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.

Куглера. Руководство къ исторіи искусства. Перев. *Е. Кориа*. 2 ч. М.
1870 г. Ц. 10 р.

— Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г.
Цѣна 7 р.

Куно-Фишера. Лессингъ какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер.
И. П. Рассадина. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.

Нурціуса. Исторія Греціи, 3 части. Пер. *А. Весселовскаго* и *М. Корсакъ*.
М. 1880 г. Цѣна 12 р.

Лавелз. Балканскій полуостровъ. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева*. Ц. 6 р.
Левитова. Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравированнымъ въ
Лейпцигѣ и статью о жизни его. *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М.
1884 г. Ц. 2 р. 50 к.

Лессинга, Г. Э. Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Рассадина*. М.
1883 г. Ц. 3 р.

Лотце. Микрокосмъ. 3 части. Пер. *Е. Кориа*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.
Любке. Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева*.
М. 1873 г. Цѣна 6 руб.

Магаффи. Исторія классич. періода греческой литературы. 2 тома. Перев.
А. Весселовской. М. 1883 г. Ц. 6 р.

Марта. Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер.
М. Корсакъ. М. 1879 г. Ц. 2 р.

Моммсена. Римская исторія. Перев. *В. Н. Невдомскаго* и *А. Н. Весселов-*
скаго. Т. I, Ц. 6 р., т. II и III Ц. 7 р., т. V Ц. 3 р. 50 к. М. 1887 г.

Морлея, Дж. Руссо. Пер. съ англійскаго *В. Н. Невдомскаго*. М. 1882 г.
Цѣна 2 р. 50 к.

— Дидро и энциклопедисты. Перев. *В. Н. Невдомскаго*. М. 1882 г.
Цѣна 2 р. 50 к.

Маурера. Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и го-
родскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Кориа*. М.
1880 г. Цѣна 2 р. 75 к.

Ольденберга, Г. Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. *И. Николаева*.
М. 1891 г. Цѣна 2 р.

Пешель, Оск. Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1885 г. Ц. 3 р.
Полонскаго, Я. П. На закатѣ. Стихотворенія. М. 1881 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Рибо. Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборикина*. М.
1882 г. Цѣна 2 р.

Риля А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго крити-
цизма. Пер. *Е. Кориа*. М. 1888 г. Ц. 2 руб.

Саади-Ширази. Гулнстанъ. Съ персидскаго подлинника пер. *И. Холмогорова*.
М. 1881 г. Ц. 1 р.

- Столповской, А.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. М. 1891 г. Ц. 3 р.
- Страбона.** Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Пер. съ греческаго *Θ. Γ. Мишенка*. М. 1879 г. Цѣна 10 р.
- Суринова, И. З.** Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей. Изд. 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.
— Стихотв., изданіе 3-е, полное. М. 1877 г. Ц. 1 р.
- Тиннора.** Исторія испанской литературы. Т. I и II. Пер. *И. И. Сторожженко*. М. 1886 г. Ц. 6 р.
- Тренделенбурга.** Логическія изслѣдованія. I и II части. М. 1868 г. Ц. 4 р.
- Тьюна.** Духъ и тѣло. Перев. *И. Викторова*. М. 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тэна.** Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. М. 1885 г. Цѣна 1 р. 50 к.
- Файфа.** Исторія Европы XIX вѣка. М. 1890. Т. I, II и III. Пер. подъ редакц. проф. *Лушицаго*. Ц. 6 р. 50 к.
- Финлея.** Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. *С. Никитенко*. Москва. 1876 г. Цѣна 4 р.
- Фойгта, Г.** Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Пер. *И. И. Рассадина*. М. 1884 г. Т. I и II. Ц. 6 р. 50 к.
- Фринена.** Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства, съ рисунками. Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.
— Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Ч. I. М. 1891 г. Ц. 2 р.
- Шекспира.** Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Пер. *И. Кетчера*. 9 частей. Ц. 10 р.
- Шмидта, Карла.** Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге*, пер. *Э. Циммермана*. Томъ I, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1890 г. Цѣна за все томы 17 р. 50 к.

Печатаются слѣдующія сочиненія:

- Вебера.** Всеобщая исторія, т. XIII и XIV.
- Тиннора.** Исторія испанской литературы, т. III (послѣдній).
- Викторова.** Ученіе о личности, в. II.
- Фримана.** Историческая географія Европы.